

ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского
государственного
педагогического
университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (62)
2019

ВЕСТНИК

Сургутского государственного педагогического университета

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.

№ 5 (62) 2019 г.

Выходит 6 раз в год.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-29393 от 24 августа 2007 г.

Учредитель журнала:
бюджетное учреждение высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет».

Адрес редакции:

ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, каб. 413,
г. Сургут, Тюменская обл.,
ХМАО – Югра, 628417

Телефон: 8 (3462) 22-31-87 (доб. 4-493)

E-mail: vestnik@surgpu.ru

Сдано в печать 12.12.2019 г.

Формат 70x100/16

Авт. л. 25,4

Печать цифровая

Гарнитура DejaVu Serif

Тираж 1000

Заказ № 51

Техническая редакция, вёрстка – РИО СурГПУ

Отпечатано в РИО СурГПУ

ISSN 2078-7626

Surgut
State
Pedagogical
University

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

**№ 5 (62)
2019**

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 5 (62) 2019.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007
in the form of 6 issues annually.

“Surgut State Pedagogical University Bulletin”
is in “The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctor and Ph.D. theses”.

The Journal is in the list of Science Citation Index and international bibliographic database:
RSCI, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio- communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС 77-29393, August 24, 2007.

Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The editorial office address is:

50 let VLKSM st., 10/2, room № 413,
Surgut, Tyumen region,
Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra,
Russia, 628417

Telephone number: 8 (3462) 22-31-87 (4-493)

E-mail: vestnik@surgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зайцева Н.В.	Значение первого кадетского корпуса в личностном формировании С.Н. и Ф.Н. Глинок	9
Павлюкевич Р.В., Севостьянова Д.В.	Развитие макаронно-кондитерской промышленности Красноярского края 1953-1965 гг.	17
Сорока С.Н.	Социокультурный облик предпринимателей Западной Сибири в конце XX – начале XXI вв.: историографический аспект	24
Черноухов Д.Э.	Проблемы найма и адаптации врачей в уездных земствах Пермской губернии	31

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Березина Т.Ю., Пузеп Л.Г.	Дискуссия как метод формирования ценности семьи у будущих педагогов	39
Гаврилов В.В.	Становление методики развития коммуникативной компетенции учащихся средней школы	44
Горохов А.С., Шаймарданов Р.Х.	Формирование готовности учителей начальной военной подготовки к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы	55
Жуковский В.П., Кутузов М.М., Шанин С.В., Коповая О.В., Мальшева А.В.	Технология активного обучения лексике: психолого-педагогические аспекты реализации в образовательном процессе	62
Зиамбетов В.Ю.	Упражнения из тяжелой атлетики как средство укрепления вегетативной нервной системы студентов	68
Мальшева А.В., Шрамкова О.В.	К вопросу о проведении итоговой аттестации в форме демонстрационного экзамена в среднем профессиональном образовании: региональный аспект	74

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аксюткина З.А., Озерова О.А.	Представления молодежи сельского социума о семейных ценностях	79
Антипина Н.Л., Кретьева А.Ю.	Социальное самочувствие студенческой молодежи в контексте трансформаций общества	89
Апахова В.М., Ваторопин А.С.	Персонал уголовно-исполнительной системы: этапы и особенности адаптации	96
Берзин А.Б.	Проблемы современного образования в оценках учителей и родителей учащихся	103
Власова О.В., Казакова Е.Ф.	Академическая мобильность образовательных общностей в макрорегионе (на примере Уральского федерального округа)	113
Власова О.В., Лисицына А.О.	Социологический анализ ценностных ориентаций студенческой молодежи северного региона	124
Засыпкин В.П., Спиридонов В.О.	Региональное потребительское поведение жителей ХМАО – Югры: социологический анализ	132

СОДЕРЖАНИЕ

Каташинских В.С.	Зарубежный опыт формирования доверия в высшем образовании: возможности его применения в российских вузах	146
Костина Н.Б., Гараева Э.И.	Добровольная бездетность: сущность, факторы детерминации	159
Кульминская А.В.	Добровольчество в сети Интернет: проблемы идентификации	169
Лесина Л.А.	Ключевые проблемы образования людей «третьего возраста» в зеркале социологических исследований	178
Немировский М.В.	Теоретические подходы к изучению сетевого взаимодействия в образовании	191
Соловьев Е.В., Шабыхов В.И.	Этнические мигранты в социальном пространстве города (на материале Республики Марий Эл)	197
Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Скаво К., Усова О.В.	Трансформация употребления наркотиков в России и США: инновационные формы профилактической работы среди молодежи	210
Шаброва Н.В.	Доверие и бюрократия в вузах	224
Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Коровкина Н.В., Садретдинова Э.В.	Социальный характер: вопросы методологии и методов исследования.....	233
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		245
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ		251

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Зайцева Н.В.	The Importance of the First Cadet Corps in Personal Formation of the S.N. and F.N. Glinka's	9
Pavlukevich R.V., Sevostyanova D.V.	The Development of the Pasta and Confectionery Industry of the Krasnoyarsk Kray 1953-1965	17
Soroka S.N.	Sociocultural Appearance of Entrepreneurs of Western Siberia at the End of the XX-th – the Beginning of the XXI Century: a Historiographic Aspect	24
Chernoukhov D.E.	Doctors Hiring and Adaptation Problems of the District Zemstvo in the Perm Province	31

PEDAGOGICAL SCIENCES

Berezina T.Yu., Puzep L.G.	Discussion as a Method of Forming Family Values among Future Teachers	39
Gavrilov V.V.	Development of a Methodology for the Development of Communicative Competence of Students of Secondary School	44
Gorokhov A.S., Shaymardanov R.Kh.	Formation of Readiness of Teachers of Initial Military Preparation for Implementation of Patriotic Education in the Conditions of Kazakhstan School	55
Zhukovsky V.P., Kutusov M.M., Shanin S.V., Kopovaya O.V., Malysheva A.V.	Technology of Active Training Vocabulary: Psychological and Pedagogical Aspects of Implementation in the Educational Process	62
Ziambetov V.Yu.	Exercises From Heavy Athletics as a Means of Strengthening the Vegetative Nervous System of Students	68
Malysheva A.V., Shramkova O.V.	To the Question of Conducting Final Certification in the Form of Demonstration Exam in Secondary Vocational Education: Regional Aspect	74

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Aksyutina Z.A., Ozerova O.A.	Representations of Young People of Rural Society on Family Values	79
Antipina N.L., Kretova A.Y.	Social Well-Being of Student Youth in the Context of Society Transformations	89
Apakhova V.M., Vatoropin A.S.	Personnel of the Penal Correction System: Stages and Peculiarities of Adaptation	96
Berzin A.B.	Problems of Modern Education in the Assessments of Teachers and Parents of Students	103
Vlasova O.V., Kazakova E.F.	Academic Mobility of Educational Communities in the Macro-Region (on the Example of the Ural Federal District)	113
Vlasova O.V., Lisitsyna A.O.	Sociological Analysis of Value Orientations of Students of the Northern Region	124
Zasyupkin V.P., Spiridonov V.O.	Regional Consumer Behavior of Residents of the KhMAO-Ugra: Sociological Analysis	132

CONTENTS

Katashinskikh V.S.	Foreign Experience of Formation of Trust in Higher Education: Possibilities of its Implementation in Russian Universities	146
Kostina N.B., Garaeva E.I.	Voluntary Childlessness: Essence, Factors of Determination	159
Kulminskaya A.V.	Volunteering in the Internet: Identification Problems	169
Lesina L.A.	Key Problems of the Education of the «Third Age» People in the Mirror of Sociological Research	178
Nemirovsky M.V.	Theoretical Approaches to the Study of Networking in Education	191
Solovjev E.V., Shabykov V.I.	The Ethnic Migrants in the Social of the City (on the Material of the Republic of Mari El)	197
Chevtayeva N.G., Nikitina A.S., Carmin S., Usova O.V.	Transformation of Drug Use in Russia and the Usa: Innovative Forms of Preventive Work Among Youth	210
Shabrova N.V.	Trust and Bureaucracy in Universities	224
Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Korovkina N.V., Sadretdinova E.V.	Social Character: Issues of Methodology and Research Methods	233
INFORMATION ABOUT AUTHORS		245

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.023

УДК 94(470)"18"

ББК 63.3(2)52

Н.В. ЗАЙЦЕВА

N.V. ZAYTSEVA

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА
В ЛИЧНОСТНОМ ФОРМИРОВАНИИ
С.Н. и Ф.Н. ГЛИНОВTHE IMPORTANCE OF THE FIRST CADET CORPS
IN PERSONAL FORMATION
OF THE S.N. AND F.N. GLINKA'S

В статье рассматривается роль Первого кадетского корпуса в формировании личностных характеристик выдающихся общественных и литературных деятелей русской культуры первой половины XIX века Сергея и Фёдора Глинов, оказавших существенное влияние на атмосферу русской общественной жизни этого периода. Особое внимание в статье отводится эпохе директорства в корпусе графа Ф.Е. Ангальта, вошедшей в историю корпуса под названием его «золотого века» и совпавшей с пребыванием там Сергея Глинки, старшего брата Фёдора. В контексте обучения в корпусе Фёдора Глинки особый акцент ставится на фигуре отца Михаила (М. Десницкого), под влиянием поучений которого он навсегда проникся христианской этикой гражданского направления.

The article considers the role of the First cadet corps in the formation of personality characteristics of prominent public and literary figures of the Russian culture of the first half of the nineteenth century, Sergei and Fyodor Glinka, who had a significant influence on the atmosphere of the Russian public life of that period. Special attention in the article is given to the era of directorship in the corps of count F.E. Anghalt, which entered the history of the corps under the name of its "Golden age" and coincided with Sergei Glinka's stay there, Fyodor's elder brother. In the context of training Fyodor Glinka in the corps special emphasis is placed on the figure of father Michael (M. Desnitsky), who influenced on his mind and contributed to his getting into the Christian ethics of the civil direction.

Ключевые слова: Ангальт, Бецкий, воспитание, Екатерина II, Первый Кадетский корпус, педагогические новации, Просвещение, Сухопутный шляхетный корпус, образование, отец Михаил.

Key words: Anghalt, Betsky, fostering, Catherine II, First Cadet corps, pedagogical innovations, Enlightenment, land gentry corps, education, father Michael.

Введение. Братья Сергей Николаевич и Фёдор Николаевич Глинки являются выдающимися представителями русской общественной, культурной и литературной жизни первой половины XIX века. Их общественно-политическая, просветительская и литературная деятельность последние десятилетия является объектом пристального внимания со стороны литературоведов и историков. Но если кадетским годам Сергея Глинки в реконструкции его биографии исследователи уделили достаточное внимание [8, 10], то пребывание в стенах Сухопутного шляхетного корпуса (Первого ка-

детского корпуса) Фёдора Глинка, куда он попал, судя по всему, при прямом содействии своего старшего брата, освещено в исследовательской литературе весьма поверхностно. А ведь именно этому учебному заведению братья Глинка во многом обязаны социальным и морально-этическим становлением.

Цель статьи. В основе жизненной и общественной позиции Сергея и Фёдора Глинка лежит национальный консерватизм, сочетающий высокую гражданственность, православную религиозность, глубокий патриотизм и интеллектуальные схемы просветительских идей развития человека и общества. Такое несколько парадоксальное и вместе с тем органичное сочетание в сознании братьев Глинок идеологических конструктов европейского Просвещения и консервативной привязанности к русской старине во многом обусловлено педагогическими экспериментами и воспитательно-образовательными процессами, проходившими в течение ряда лет в стенах Сухопутного шляхетного корпуса, в котором учились оба брата. В связи с этим, *целью статьи* является детекция феномена Первого кадетского корпуса в формировании личностных качеств братьев Глинок в их морально-этических и деятельностных основаниях.

До начала XIX века в России именно кадетские корпуса в силу неразвитости гимназического и университетского образования были средоточием образования и воспитания юношества дворянского происхождения. Но даже с развитием в первой половине XIX гражданского образования дворяне по-прежнему предпочитали отдавать своих детей в корпус. Это была дань традиции, сложившейся ещё при Петре I и вылившейся в словесную формулу «Долг дворянина – служить Царю и Отечеству». Не случайно кадетские корпуса стали объектом попыток практического воплощения грандиозной педагогической утопии Екатерины II, целью которой должно было стать воспитание среди дворян людей «новой породы». Теоретическое обоснование новой системы воспитательно-образовательных учреждений было дано И.И. Бецким в его докладе «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1764). И если в Смольном институте под патронажем И.И. Бецкого реализовывалась образовательная программа «разумного женского воспитания», то образовательные и воспитательные усилия педагогов в кадетских корпусах должны были быть направлены на воспитание идеального дворянина.

Среди кадетских корпусов привилегированное место занимал Сухопутный шляхетный корпус (он же Первый кадетский корпус). Созданный в 1731 году согласно указу императрицы Анны Иоанновны под названием «Рыцарская Академия»¹, кадетский корпус поначалу был ориентирован не только на подготовку военных, но и гражданских чиновников, так как на то время катастрофически не хватало общеобразовательных учреждений гражданского типа. Это обусловило присутствие в его образовательной программе мощной гуманитарной составляющей: наряду с военными науками здесь преподавались языки, декламация («оратория»), словесность. Об этом несколько иронично писал исследователь русской культуры и литературы XVIII века Г.А. Гуковский: «Нужно было добиться превращения российского помещика в «рыцаря» на западный лад. Кроме наук, кадет обучали не только танцам, но и декламации (в корпусе преподавалось множество наук, и студент мог специализироваться в той или иной области; вообще прохождение курса не было унифицировано). В особенности отчётливо этот салонно-аристократический стиль корпусное воспитание приобрело при Елизавете, когда и в личном составе служащих корпуса произошли последовательные перемены: германское делячески-бюргерское влияние заменилось влиянием французским, которому суждено было сыграть столь большую роль в образовании, психике русского дворянского интеллигента. Идеал голландской верфи уступил идеалу Версаля» [5, с. 351].

¹ К началу правления Екатерины II в России было уже восемнадцать корпусов, включая корпуса для малолетних воспитанников [7, с. 208].

В Сухопутном шляхетном корпусе выпускался собственный еженедельный журнал «Праздное время, в пользу употреблённое», была своя собственная типография, а также обширная, постоянно пополняющаяся библиотека – на вторую половину XVIII века одна из крупнейших в России. Среди кадетов поощрялись стихотворство и занятие театральным искусством. Примечательно, что именно в стенах «Рыцарской академии», по сути, появился первый русский театр новоевропейского типа. Выпускник Сухопутного шляхетного корпуса А.П. Сумароков, теоретик русского классицизма, создатель русской классицистической трагедии, будучи какое-то время преподавателем корпуса, поставил здесь в 1749 году вместе с кадетами свою первую трагедию «Хорев», написанную в новом, классицистическом духе.

Между тем, несмотря на активную гуманизацию образования, нравственно-этический компонент воспитания подлинного «сына Отечества» отчётливо обозначился лишь в эпоху Екатерины II, под большим влиянием И.И. Бецкого, возглавившего в 1766 году руководство корпусом.

Обучение в Сухопутном шляхетном корпусе было рассчитано на пятнадцать лет. Мальчики поступали в него в возрасте 5 или 6 лет, а выпускались из него уже вполне сложившимися людьми – в 20-21 год. Это было закрытое учебное заведение, во времена генерал-директорства И.И. Шувалова (1762-1763) и И.И. Бецкого (1766-1773) почти герметичное в отношении кадетов, которые не имели права посетить свой родной дом даже на праздники. Свидания же с родственниками им дозволялись только в присутствии «корпусного начальства», для этого назначались «по воскресным дням особые часы» [11, с. 369].

Дени Дидро, находившийся в переписке с Екатериной II, а потом посетивший Петербургский императорский двор и пробывший там пять месяцев (1773-1774), внимательно следил за реформами императрицы. В своих «Записках для Екатерины II», в которых он отражал ход и направление ежедневных бесед с царицей, Дидро сформулировал пожелания, касающиеся образования и воспитания кадетов («Листок о кадетских корпусах»). Е.Е. Приказчиков считает, что эти рекомендации французского философа-просветителя получили свое определённое воплощение в образовательном и воспитательном процессе кадетских корпусов следующего десятилетия – в 1780 – начале 1790-х гг. И выразилось это во внедрении в воспитательную и образовательную практику «культурного мифа античности» и «идеалов республиканской доблести» [13, с. 34]. В этом отношении наиболее показательной оказалась деятельность графа Ф.Е. Ангальта на поприще генерал-директора Сухопутного шляхетного корпуса, продолжавшаяся с 1786 по 1794 гг.

Время директорства Ангальта совпало с пребыванием в стенах корпуса Сергея Глинки, старшего брата Фёдора Глинки. Учёба обоих братьев в самом престижном на то время учебном заведении была связана с личным вмешательством самой императрицы в судьбу мальчиков. Об этом событии, вошедшем в анналы семейной памяти Глинок, подробно рассказал С.Н. Глинка в своих пространных «Записках», охватывающих двадцатилетний период – с 1776 по 1796 гг. [1]. В июне 1781 года, возвращаясь через Смоленскую губернию из путешествия по Белоруссии, Екатерина посетила Чижевское имение своего фаворита князя Потёмкина. Из села Чижева императорский кортеж повернул на столбовую дорогу на Порхов, где к нему в качестве сопровождения присоединился земский начальник капитан-исправник Н. Глинка. В своей деревне Холм, где проходила перемена лошадей для кортежа, он устроил радушный праздничный прием императрице, чем её очень растрогал. В знак признательности Екатерина «собственноручною рукою» записала маленьких детей капитана-исправника Сергея и Николая в кадетский корпус, а старшего брата Василия – в Пажеский корпус (Фёдора на тот момент ещё не было на свете). Уже на следующий год С.Н. Глинка поступил в Сухопутный шляхетный корпус, где пробыл с 6 до 19 лет. Значимость кадетского корпуса для С.Н. Глинки ярко отразилась в его «Записках», где почти треть

повествования посвящена воспоминаниям об этом учебном заведении. С особым пиететом Глинка пишет о графе Ф.Е. Ангальте, чьё директорство стало, по признанию современников, «золотым веком» в истории Сухопутного шляхетного корпуса [10, с. 36].

Обладавший природными педагогическими способностями и всю жизнь развивавший их в себе, Ангальт оказался идеальным продолжателем педагогически-образовательных штудий И.И. Бецкого, о которых Глинка также писал в своих мемуарах с большим уважением. С.Н. Глинка в «Записках» дал, пожалуй, наиболее развернутый психологический портрет и деятельностьную характеристику Ангальта, которые он также представил в свёрнутом виде в своей почтительной надписи к портрету графа: «Как нежный он отец Кадет всегда любя, Был Титом для других, Катоном для себя». Сам Глинка видел в Ангальте «и начальника, и отца, и наставника» [1].

В «Записках» Сергей Глинка постоянно пишет об удивительной нежной заботливости графа Ангальта по отношению к кадетам, в коих он видел «любезных детей своих». Свои речи к воспитанникам, по словам мемуариста, он начинал и заканчивал словами, являющимися педагогическим основанием его воспитательной методы: «Достоинство, а не порода, не богатство, не степени блистательные составляют человека; прах, поднимаемый ветром, всё прах, а алмаз и в пыли не теряет цены своей. Истинная слава – подруга истинного достоинства. Товарищи, любезные товарищи! Воспитание – нежная мать. Оно усеивает цветами путь учения. Идите за мной этим путем. Мне приятно, мне сладко делиться с вами мыслью, душой, сердцем. Вы в мысли, вы в душе, вы в сердце моем» [1].

Ангальт стремился использовать с педагогическими целями всё пространство, относящееся к корпусу. Стену, огораживающую корпусный сад, где любили прогуливаться кадеты, он велел всю исписать «нравственными изречениями французскими, немецкими и русскими». «Изречения краткие, умные, – пишет Глинка, – выбранные из сочинений превосходнейших писателей, врезывались в памяти и вели к отысканию других мыслей и понятий». Здесь же, на стене, были размещены чертежи различных систем строения мира от Птолемея до Коперника. Эту стену скоро стали все называть «говорящей стеной», так как «говорила» она, по признанию Сергея Глинки, «и глазам и уму и сердцу». В библиотечной зале корпуса (Глинка называет её также «увеселительной», то есть рекреационной комнатой) по требованию Ангальта были представлены в свободном доступе различного рода чертежи, таблицы, книги и словари, содержащие сведения по самым разным наукам, а также знаменитая Энциклопедия. У стен увеселительной залы были расставлены бюсты «знаменитых мужей римских и греческих», над которыми возвышался «мраморный истукан Марса, верховного божества Римлян» [1].

Сергей Глинка отметил, что граф Ангальт «очаровал» его и всех кадетов Римом и Грецией, из-за чего в Древнем Риме воспитанники отныне стали видеть «кумира», чей «исполинский призрак» даже загородил на какое-то время в их глазах «обширное наше Отечество». Он пишет: «Трагедия Вольтера познакомила нас с Древним Римом, а «Жизни великих мужей» Плутарха воскресили в глазах наших дивную Спарту. По приказанию гр. Ангальта иногда по вечерам устраивали скамейки амфитеатром или уступами в три яруса, сообразно хорам спартанским. На первом садились отроки, на втором юноши, на третьем старики, разумеется, мнимые. Хоры возглашали мы по-французски, переведённые из Плутарха Амиотом» [1].

Фёдор Глинка поступил в Сухопутный шляхетный корпус, судя по всему, при участии Сергея Глинки. В 1796 году умер их отец, и для десятилетнего мальчика главной поддержкой и опорой стал старший брат. Видимо, благодаря его хлопотам Фёдор Николаевич вскоре становится кадетом того самого учебного заведения, выпускником которого к тому времени был Сергей Николаевич [12, с. 165].

В кадетский корпус Ф.Н. Глинка был зачислен, очевидно, в 1798 году. В своей автобиографии он писал, что выпустился из корпуса в 1802 году, где «в три с половиной года прошел все ... 14 классов» [4, с. 6]. А.К. Жизневский, автор одной из первых обстоятельных биографий Фёдора Николаевича Глинки, знавший его лично, писал, что тот «прекрасно успевал по всем предметам, т.к. обладал редкой памятью» и не по годам развитой сообразительностью. Он также отметил, что в процессе учебы Ф.Н. Глинка сложностей не испытывал и «по наукам» продвигался «очень быстро» [6, с. 4]. Правда, такая быстрота освоения учебного материала обернулась для Фёдора Глинки серьёзными проблемами для здоровья. По признанию Федора Николаевича, из корпуса он вышел «с воспалёнными глазами, с нервами натомлёнными, больным и слабым ребёнком...» [2, с. 373].

Фёдор Глинка попал в Сухопутный шляхетный корпус, когда в нём по распоряжению Павла I была проведена реорганизация, которую начал назначенный после смерти Ф.Е. Ангальта генерал-директором корпуса М.И. Кутузов. Он «ввёл строгую дисциплину и придал учебному курсу сугубо военное направление» [9, с. 434]. Возрастная стратификация учащихся была заменена воинской – по принципу родов войск были сформированы роты, на которые разделили кадетов. Гражданских учителей сменили офицеры, а учебная программа была существенно усилена военными дисциплинами. Впрочем, это не мешало Глинке увлекаться гуманитарными предметами. По его признанию, хотя он и получал по всем дисциплинам («частям») «полные баллы» («кроме рисования и ситуации»), но все же он предпочитал литературу и поэзию. Между тем, глубоких знаний по литературе и версификации в корпусе Фёдор Глинка получить не мог. Как он пишет в своей автобиографии, в корпусе «не преподавали ещё пиитики», то есть теории словесности, а потому ему после выпуска пришлось уже «собственными средствами» добывать нужные знания, самостоятельно развивая свой собственный литературный талант, который он называл «небольшим», и собственными силами доходить «до составления правильных стихов» [4, с. 6].

Дух Ангальта и его педагогических новаций тогда ещё не окончательно выветрился из стен кадетского корпуса, хотя и активно изгонялся. Спустя почти полвека Фёдор Николаевич в своих воспоминаниях о Милорадовиче бросил взгляд «на прошедшее», где нашлось место и кадетскому корпусу, свое отношение и пребывание в котором он осветил как с позиции «поэзии», так и с позиции «прозы». «Поэтический» взгляд на кадетский корпус связан у Ф.Н. Глинки с эпохой Ангальта, с которой он был хорошо знаком хотя бы по рассказам брата. В его поэтическом пересказе – это прекрасная утопия в духе мифологии золотого века. Это было время, когда «книги сами собою росли и разгибались на столах», а «воспитанники учились гуляючи». Это была эпоха «дружбы и верности», «героических добродетелей в сердцах молодых питомцев, которые привычно и плавно объяснялись с кафедр; славно бились на рапирах; красивыми ездоками рисовались на манежах; брали призы в гимнастических играх...; искусно плавали в пространных купальнях, были дивные борцы, бойцы, волтижеры и мастерски танцевали на домашних балах...» [3, с. 34].

Далее Фёдор Николаевич пишет о «говорящей» стене, заключавшей «в волшебном кольце своём целый мир с его историей», разворачивающийся перед гуляющими по кадетскому саду. Характеристика этого «волшебного кольца», образующего вокруг здания и сада кадетского корпуса круговое пространство в пятьсот сажень, у Федора Глинки необыкновенно поэтична. Она также более развёрнута и дробна в деталях, нежели рассказ о «говорящей» стене Сергея Глинки. Так Ф.Н. Глинка пишет, что в одном месте гуляющий встречал изображённые на стене «пирамиды египетские», в другом он становился свидетелем беседы «Греческих мудрецов», лицезрел Фридриха Великого, читающего «из своей науки побеждать» [3, с. 34].

Глинка смотрит в эпоху Ангальта через магический кристалл поэзии, апеллируя к творческому воображению читателя: «По какому-то тайному зазыву, все мудрецы, все философы собрались в этот уголок Петербурга, и юноша с чутким, настроенным воображением, в поздних сумерках летнего вечера легко мог подумать, что видит наяву жрецов в их символических одеждах, выходящих из отверстий пирамид, и крылатых сфинксов, стерегущих эти отверстия, и философов, погружённых в чтение огромных развёрнутых книг или далеко рассученных свитков, и Курция, бросающегося в бездну, и крокодилов Нила, и тёплое небо Индии с её пагодами и светлопёрыми павлинами, и Восток с его пальмами и священными развалинами. И всё это не было лишено дара слова...» [3, с. 34].

Складывается впечатление, что Фёдор Глинка в своей поэтической реконструкции ангальтовской эпохи в кадетском корпусе опирался не только на рассказы брата и очевидцев, но и складывающуюся в период его учёбы активную мифологизацию этой эпохи и самого Ангальта¹. Не случайно он называет графа «каким-то существом, как будто нарочно созданным для воспитания юношества», а науку – «некой стихией», со всех сторон окружающей воспитанника, который «плавал в учении и сам того не замечая» [3, с. 35].

Но вот Ф.Н. Глинка убирает магический кристалл поэзии, сквозь который он бросает взгляд на прошлое, и на смену ангальтовскому мифу приходят печальные подробности «другого времени» и «других обычаев», соответствующих уже его пребыванию в стенах корпуса. Глинка, по его свидетельству, застал здесь уже только «обломки прежнего быта корпуса». «Болтливую стену» старательно забелили мелом, рекреационные залы освободили от столов и пульпетов с разложенными на них книгами и чертежами. Фёдор Глинка еще застал в этих залах несколько мраморных бюстов, но «эти Сократы, Платоны и Кесари жалко взглядывали с отломленными носами, без ушей». И люди, населявшие корпус, уже тоже были совсем другими. Ещё тогда рассказывали «о силе и росте прежних кадетов», которые воспринимались уже «какими-то допотопными исполинами». Нынешнее же племя кадетов «было всё мелкое». Правда, в этом мемуарист не видит ничего удивительного – время пребывания воспитанников в кадетском корпусе сократилось с пятнадцати-двадцати лет до пятилетия [3, с. 36].

Между тем, пребывание Фёдора Глинки в стенах Первого кадетского корпуса, как и в случае с Сергеем Глинкой, сыграло важную роль в становлении его личности. Уже один из первых прижизненных анонимных биографов Фёдора Глинки связал его глубокую религиозность, отразившуюся в страсти писателя к сочинительству произведений духовного содержания, с его учебой в корпусе: «Тогдашний преподаватель Закона Божия в корпусе, отец Михаил, впоследствии митрополит С.-Петербургский, имел такое сильное и могучее влияние на своих слушателей, что кадеты того выпуска, к которому принадлежал Ф. Н. Глинка, при выходе из корпуса дали друг другу клятву быть людьми честными и служить Царю верой и правдой. – Это влияние знаменитого иерарха, в высшей степени, развило в Ф.Н. Глинке религиозное чувство, проявлявшееся впоследствии стихотворениями духовного содержания» [14, с. 2].

¹ Это не мешает ему в «прозаической» части своего рассказа о кадетском корпусе критически оценивать «Ангальтову систему воспитания», превратившую корпус в «какую-то нравственную оранжерею» с «искусственным климатом», обрекавшую воспитанников в течение почти двух десятилетий на жизнь анахоретов «вне всякого сообщения с деятельностью, страстями и нравами нынешнего мира». Подобный подход, по глубокому убеждению Фёдора Глинки, делал выпускников кадетского корпуса неподготовленными к «огромной рабочей камере общественного быта». Он пишет, что хотя корпус «подарил отечеству много полезных людей», многие из них, «неблагоприятствуемые случаями и обстоятельствами, затерялись на путях жизни и погасли в уединённых притюках сельских...» [3, с. 37, 38].

Сам Фёдор Николаевич в своих воспоминаниях с особым благоговением пишет о том незабываемом впечатлении и последующем влиянии, которое оказал на его ещё не окрепшую душу отец Михаил. Эта памятная встреча состоялась у Глинки в последнем, выпускном классе, когда наука, по его признанию, уже «мало шла на ум», так как все учебные курсы к тому времени были завершены. Степень воздействия уже первого поучения отца Михаила была столь велика, что Глинка запомнил и день появления в его жизни этого «высокопросвещённого мужа» (утро субботы), и суть его речи («он черпал свои доводы из природы, опыта и наук, чтоб говорить об *одной* – и, может быть, важнейшей – *о науке жизни...*»), и его внешность (спустя сорок пять лет Глинка подробно воссоздает портретную характеристику отца Михаила, словно видит его перед глазами), и тот эффект, который возымела его речь на его слушателей. «Его слушали, слушали и заслушались. – Давно прозвонил колокольчик; в галереи пронёсся рокот барабана, возвещавшего окончание класса. Никто не вставал с места. Вошёл офицер, чтоб вызвать кадет, остановился и слушал...» [3, с. 41, 42].

Степень нравственного и педагогического воздействия отца Михаила на кадетов была столь высока, что в течение нескольких месяцев их поведение коренным образом изменилось. Поучения отца Михаила, придавшие высокий интерес к традиционным лекциям катехизатора, развили в воспитанниках склонность к беседам о назначении человека и его обязанностях. «Между многими добрыми предложениями насчет будущего своего поведения в свете, – пишет Глинка, – сделано обещание: “не кривить никогда душою: говорить всегда правду”» [3, с. 42]. Этому обету Фёдор Николаевич Глинка следовал всегда.

Выводы. Итак, Первый кадетский корпус сыграл огромную роль в формировании личностных качеств братьев Сергея и Фёдора Глинок. Их «отчизнолюбие» вкупе с личной честностью и искренностью во многом закладывалось и укреплялось в стенах этого учебного заведения. Богатейшая библиотека, педагогические идеи Бецкого, нашедшие свою практическую реализацию в воспитательно-образовательной деятельности Ф.Е. Ангальта, лекции-поучения отца Михаила, имевшего, кроме духовного, ещё и филологическое образование, – все это наполняло молодых людей, вступающих во взрослую жизнь, стремлением к «деятельному благотворению», которому они всегда оставались верными.

Литература

1. Глинка С.Н. Записки (с 1776 по 1796). Режим доступа: http://az.lib.ru/g/glinka_s_n/text_1895_zapiski-1776-1796.shtml (дата обращения: 30.09.2019).
2. Глинка Ф.Н. Мои воспоминания о графе Михаиле Андреевиче Милорадовиче // Московитянин. 1841. Ч. 2. № 4. С. 372-384.
3. Глинка Ф.Н. Взгляд на прошедшее. Первый кадетский корпус. Милорадович // Московитянин. 1846. № 2. С. 33-45.
4. Глинка Ф. Избранное / подг. текстов, примеч. и послеслов. В.Г. Базанова. Петрозаводск: Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1949. 489 с.
5. Гуковский Г.А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941-1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 349-420.
6. Жизневский А.К. Фёдор Николаевич Глинка 1880 г. 11 февр. Тверь: Типография Губернского правления, 1890. 31 с.
7. Кадетские корпуса (военные гимназии) // Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель: в 4 т. М. РОССПЭН, 2008. Т. 3. С. 208-213.
8. Киселева Л.Н. С.Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России) // Там же. 1982. Вып. 604. С. 48-64.

9. Крылов И.О. Кадетские корпуса // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 5 т. М.: БРЭ, 1996. Т. 2. С. 434-436.
10. Лупарева Н.Н. «Отечестволубец»: Общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж: Новый взгляд, 2012. 215 с.
11. Майков П.М. Иван Иванович Бецкой: опыт его биографии. Типография Т-ва Общественная Польза, 1904. 478 с.
12. Максимов Е. «Вот мчится тройка удалая...». Исторический портрет офицера и поэта Фёдора Глинки // Русь. № 3. С. 163-173.
13. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского Просвещения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 50 с.
14. Ф.Н. Глинка (без автора) // Русский художественный листок / изд. В. Тимм. 1858. 1 марта (№ 7). С. 2-3.

References

1. Glinka S.N. Notes (from 1776 to 1796). Mode of access: http://az.lib.ru/g/glinka_s_n/text_1895_zapiski-1776-1796.shtml (date accessed: 30.09.2019).
2. Glinka F.N. My memories of count Mikhail Andreyevich Miloradovich // *Moskovityanin*. 1841. Part 2. No. 4, p. 372-384 (in Russian).
3. Glinka F.N. View of the Past. The First cadet corps. Miloradovich // *Moskovityanin*. 1846. No. 2, p. 33-45 (in Russian).
4. Glinka F. Selected / preparation of texts, notes and afterword by V.G. Bazanov. Petrozavodsk: state publishing house of the Karelo-Finnish SSR, 1949. 489 p.
5. Gukovsky G.A. Sumarokov and his literary and social environment // History of Russian literature: in 10 vols. / USSR Academy of Sciences. M.; L.: Publishing house of the USSR, 1941-1956. Vol. III: Literature of the XVIII century. Part 1. 1941, p. 349-420.
6. Zhiznevsky A.K. Fedor Nikolaevich Glinka 1880. 11 Feb.: Tver: Printing house of the Provincial board, 1890. 31 p.
7. Cadet corps (military gymnasiums) // Russian state military-historical archive. Guide: in 4 t. M.: ROSSPEN, 2008, Vol. 3, p. 208-213.
8. Kiseleva L.N. S.N. Glinka and the cadet corps (from the history of "sentimental education" in Russia) // *Ibid*. 1982, Vol. 604, p. 48-64.
9. Krylov I.O. The Cadet corps // National history. History of Russia from ancient times to 1917: encyclopedia: in 5 t. M.: GRE, 1996, Vol. 2, pp. 434-436.
10. Lupareva N.N. "Otechestvennye": Public-political activity and views of Sergei Nikolaevich Glinka. Voronezh: Novy Vzglyad, 2012. 215 p.
11. Maikov P.M. Ivan Ivanovich Betskoy: the experience of his biography. Partnership «Public Benefit» printing house, 1904. 478 p.
12. Maksimov E. "That's racing triple daring...". Historical portrait of officer and poet Fedor Glinka // *Russia*. No. 3, p. 163-173.
13. Prikazchikova E.E. Cultural myths and utopias in the memoir-epistolary literature of the Russian Enlightenment: abstract of dissertation Dr. of Philology. Ekaterinburg, 2010. 50 p.
14. F.N. Glinka (without the author) // Russian Art Leaf / Ed. V. Timm. 1858. March 1 (No. 7). P. 2-3.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.024

УДК 94(571.51)"1953/1965"

ББК 63.3(2)632-2

Р.В. ПАВЛЮКЕВИЧ,
А.В. СЕВОСТЬЯНОВАR.V. PAVLUKEVICH,
D.V. SEVOSTYANOVAРАЗВИТИЕ
МАКАРОННО-кондитерской
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ 1953-1965 гг.THE DEVELOPMENT OF THE PASTA
AND CONFECTIONERY INDUSTRY
OF THE KRASNOYARSK KRAY 1953-1965*«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
Правительства Красноярского края и Краевым фондом науки
в рамках научного проекта № 19-49-240002»*

Статья посвящена развитию макаронно-кондитерской промышленности Красноярского экономического района в 1953-1965 гг. Целью статьи выступает определение основных этапов развития данной отрасли промышленности Красноярского края в рассматриваемый период. Оценка качественных и количественных изменений в состоянии промышленности на начало и на конец рассматриваемого периода. Статья выполнена на принципах историзма в рамках модернизационного подхода. В основе исследования лежат ранее не опубликованные и впервые введенные в научный оборот материалы государственного архива Красноярского края. В статье отмечается, что в рассматриваемый период данные отрасли совершили качественный рывок в развитии. Если накануне отрасль находилась на раннеиндустриальном уровне, то итогом преобразований стала полная модернизация отрасли и выход на новый этап развития.

The article is devoted to the development of the pasta and confectionary industry of the Krasnoyarsk economic region in 1953-1965. The purpose of the article is to determine the main stages of development of this industry of the Krasnoyarsk region in the stated period. The assessment of qualitative and quantitative changes in the state of industry at the beginning and at the end of the stated period is given. The article is based on the principles of historicism in the framework of the modernization approach. The research is based on previously unpublished and first introduced into scientific circulation materials of the state archive of the Krasnoyarsk region. The article notes that in the stated period these industries made a qualitative leap in development. If before the industry was at the early industrial level, so the result of the transformation was a complete modernization of the industry and entering onto a new stage of development.

Ключевые слова: Красноярский край, кондитерская промышленность, макаронная промышленность, модернизация, реформа управления промышленностью и строительством 1957 г., «Оттепель».

Key words: Krasnoyarsk region, confectionary industry, pasta industry, modernization, reform of industrial and construction management in 1957, "Ottepel".

Введение. Макаронно-кондитерскую промышленность сложно назвать традиционной отраслью для Восточной Сибири, впрочем, как и для России. Если производство кондитерских изделий имело здесь долгие корни, то производство макаронных изделий пришло в нашу страну только в XIX столетие и долгое время данный продукт не пользовался популярностью среди населения. Если 1913 г. в стране насчитывалось только 39 предприятий, изготавливавших данную продукцию, то к началу семидесятых годов их число возросло в десятки раз. Наибольший скачок в производстве и потреблении макаронных изделий пришелся на окончание Великой Отечественной войны. Так, одно из монументальнейших блюд советской кухни – «макароны по-флотски» – впервые упоминается в кулинарных книгах в 1955 г. Именно с 1950 по 1960 гг. производство макаронных изделий выросло с 440 тыс. т. до 1007 тыс. т. По выработке макаронных изделий СССР занимал 2-е место в мире, после Италии [1].

Подобный рост объяснялся не только развитием отношений с Италией, но в первую очередь с тем, что макаронные изделия были дешевым, быстрым и простым в приготовлении продуктом. Советское руководство стремилось сократить затраты времени, которое граждане тратили на приготовление пищи, и макароны стали великолепным ответом на это стремление.

В любом случае, развитие макаронной промышленности, впрочем, как и сопутствующей ей кондитерской, становилось в послевоенные годы стратегической задачей. Смерть И.В. Сталина и последующая политическая борьба лишь укрепили линию на развитие пищевой промышленности. О чем заявляли в своих речах как Н.С. Хрущев, так и Г.М. Маленков.

Цель работы состоит в определении основных этапов развития данной отрасли промышленности Красноярского края в 1953-1965 гг. Оценка качественных и количественных изменений в состоянии промышленности на начало и на конец рассматриваемого периода.

Материалы и методы. В основе исследования лежат материалы государственного архива Красноярского края. Несколько десятков дел фонда 1944 Краевого управления пищевой промышленности исполкома край совета народных депутатов. Большинство из этих дел ранее не использовались в научных исследованиях. Материал рассматривался через призму модернизационного подхода. СССР в период сталинской индустриализации начал совершать очередной модернизационный рывок, который в прочем осуществлялся неравномерно. Отдельные территории и тем более отрасли пережили его в более поздние периоды. Полный переход СССР в индустриальное общество затянулся на несколько десятилетий.

Результаты, и обсуждение результатов исследования. Красноярская макаронно-кондитерская промышленность в рассматриваемый период была относительно молодой. По большому счету, первые промышленные предприятия данной отрасли появились здесь уже в советскую эпоху. Так, крупнейшая в крае Красноярская кондитерская фабрика была создана в 1942 г., на базе артели «Энергия». Помимо этой фабрики, отрасль была представлена Абаканской кондитерской фабрикой, Красноярской макаронной фабрикой и отдельными цехами на пищевых комбинатах городов и районов Красноярского края и Хакасии. При этом механизация производства была на низком уровне. Предприятия с трудом справлялись с производством продукции даже для своего региона. Еще одной проблемой было то, что если макаронное производство базировалось преимущественно на местном сырье, то кондитерское зависело от поставок из-за пределов Красноярского края. В первую очередь это был сахар, перебои с которым были нормальным явлением в работе [1, л. 1].

По большому счету, слабее данной отрасли в крае была только табачная промышленность. Другой особенностью макаронно-кондитерской промышленности в крае было то, что управление ею было разделено между двумя организациями. Четыре крупнейших предприятия отрасли Красноярская кондитерская, макаронная, Ачинская и Абаканская кондитерские фабрики находились в подчинении управления краевой пищевой промышленности, а отдельные цеха, разбросанные по всему краю, находились в подчинении управления местной промышленности. Разница была в том, что продукция предприятий краевой промышленности могла по необходимости свободно перемещаться по краю и стране, в зависимости от планов руководства. В то время как изделия, созданные на предприятиях местной промышленности, были предназначены только для тех районов, где их произвели. Выработка продукции обоих управлений была скорее равной.

Кроме того, они находились одновременно в подчинении министерства легкой и пищевой промышленности и крайисполкома Красноярского края. Данная система была нормальным явлением в СССР. С одной стороны, отрасль производила продукцию непосредственно для местного населения, но с другой стороны, жесткая сверхцентрализованность была неотъемлемой

частью сталинской модели управления. Подобная сложная система тормозила развитие отрасли.

Состояние предприятий макаронно-кондитерской отрасли, как уже говорилось выше, оставляло желать лучшего, впрочем, это было характерно для всех предприятий пищевой промышленности в Красноярском крае. Уровень механизации работ был низок, ощущалась острая нехватка образованных кадров. Предприятия имели проблемы с канализацией. Большинство из них ее, по сути, и не имели. В 1953 г. предприятия хоть сумели в целом справиться с плановыми заданиями, но при этом было отмечено низкое качество продукции [1, л. 1].

В 1954 г. руководство отраслью приняло решение перевести Ачинскую кондитерскую фабрику из управления краевой пищевой промышленности в управление местной пищевой промышленности [1, л. 3]. Это было обусловлено тем фактом, что предприятия местной пищевой промышленности не справлялись с плановыми заданиями по производству кондитерской продукции, а при этом мощности самой Ачинской фабрики, по сравнению с Красноярской или Абаканской, были значительно скромнее. Предполагалось, что это усилит гибкость снабжения продукцией население Красноярского края.

Реально же кондитерское производство в Красноярском крае было представлено Красноярской кондитерской фабрикой мощностью в 4900 т. изделий в год, Абаканской кондитерской фабрикой, способной производить до 2200 т. продукции ежегодно, а единственная Красноярская макаронная фабрика производила 6800 т. макарон в год [1, л. 3]. Чего, конечно же, было недостаточно для снабжения местного населения в полной мере.

В течение всего 1954 г. отрасль испытывала постоянные перебои с поставками сахара. В условиях сложной экономической системы СССР Красноярский край находился достаточно далеко от основных сахаропроизводящих районов страны. В условиях сложной логистики СССР избежать перебоев в поставках было практически невозможно. Сахар требовала не только кондитерская отрасль, но и множество других производств. В сахаре нуждалось население края, алкогольная, хлебопекарная и другие отрасли пищевой промышленности. В летне-осенние месяцы происходил резкий всплеск потребления сахара в связи с производством варенья, компотов и прохладительных напитков. Все это делало подобные ситуации нормой. В результате провала поставок в 1954 г., на кондитерских фабриках Красноярского края случился простой в 28 дней [1, л. 6].

Если в 1955 г. план производства кондитерских изделий был практически выполнен, то план производства макаронных изделий был провален предприятиями местной промышленности, они сумели выдать лишь 59% от запланированного объема производства [2, л. 3].

В последующий 1956 г. вновь проявились проблемы с поставками сахара предприятиям, в этот раз под удар попали предприятия местной промышленности, не справившиеся с поставленными заданиями. Помимо этого, проблемой оставался низкий уровень механизации в отрасли [3, л. 3].

В 1957 г. началась реализация в жизнь реформы управления промышленностью и строительством 1957 г., данная реформа предполагала отказ от централизованного отраслевого управления народнохозяйственным комплексом в пользу территориального принципа управления. В рамках реформы отраслевые министерства были распущены, а управление всем промышленным комплексом было спущено на места, под контроль специально созданных советов народного хозяйства. Красноярский край, Хакасия и Тува оказались в рамках единого совнархоза.

Несмотря на наличие в составе Красноярского СНХ управления пищевой промышленности, местная макаронно-кондитерская промышленность не вошла в него, а осталась подчинена прежним управлениям, но уже под контролем только крайисполкома.

Причиной, по которой пищевая промышленность не была полностью введена в состав СНХ, была в том, что эти отрасли обслуживали местное население. Руководство края считало, что поспешный перевод отрасли может негативно отразиться на поставках продукции местному населению. Поэтому под контроль СНХ изначально были переведены только отдельные отрасли пищевой промышленности: мясное, молочное производство и т.д. Но прочие оставались в подчинение советских органов власти, пока не будет принято решение о вводе их в состав СНХ.

При этом макаронно-кондитерская отрасль могла рассчитывать на помощь СНХ в своем развитии. Практически все руководство красноярского совнархоза вошло в состав крайкома Красноярского края. Тем более, что они понимали временность данного положения рассматриваемых предприятий, знали, что рано или поздно они должны попасть под их ответственность. Конечно же, они были не в приоритете, но могли рассчитывать на мощности управления машиностроения, энергетики и строительные организации Красноярского СНХ. Все это давало отрасли совершенно новые возможности для их развития.

Главой управления пищевой промышленности СНХ стал бывший глава управления краевой пищевой промышленности М.И. Вальд, а его прежний заместитель занял освободившуюся должность при исполкоме [4, л. 61-64]. Результаты работы в 1957 г. были умеренными, крупных провалов не было отмечено, но и успехов тоже. Впрочем, учитывая недавние реорганизации, проведенные в середине отчетного года, иной результат был бы удивителен.

В 1958 г. основные трудности отрасли вновь дали о себе знать. Помимо ставшей уже действительно хронической нехватки сахара [6, л. 3], на макаронном производстве возникли проблемы с нехваткой тары под продукцию [6, л. 4]. А в Норильске и Минусинске был отмечен крайне низкий спрос на макаронные изделия [7, л. 2]. Население еще не привыкло к новому продукту.

Но, несмотря на существующие проблемы, отрасли удалось осуществить модернизацию Абаканской кондитерской фабрики: был отремонтирован карамельный цех с увеличением мощностей до 300 т. карамели в год, построен конфетный цех и новая отливочная машина [8, л. 7].

В 1959 г. снова был отмечен низкий спрос на макаронные изделия, он был вызван, с одной стороны тем, что в Сибири макаронные изделия еще не успели завоевать популярность, а во-вторых, – завозом продукции из других регионов. При этом отрасли удалось освоить в крае производство вафель, драже заварных пряников, желей мармелада и т.д. [9, л. 10].

Был осуществлен ремонт Красноярской макаронной фабрики, введены в эксплуатацию 13 новых машин и аппаратов [9, л. 4].

В последующий 1960 г. работа красноярской пищевой лаборатории показала основные недостатки местной продукции. Так выездные комиссии забраковали 221 т. кондитерских и 3,5 т. макаронных изделий [10, л. 1]. Это был плачевный результат. Высокий брак был порожден в первую очередь низкой квалификацией кадров. Значительная часть мест ИТР замещалась практиками, что и приводило к подобным результатам. Решить кадровый дефицит в тех условиях было тяжело. Местный профильный техникум не справлялся с подготовкой кадров для всех отраслей пищевой промышленности, а профильной вузовской подготовки в крае не было. Привлечение кадров из других регионов шло с трудом. Отрасль не могла похвастаться отлаженной системой культбыт-строения, какая была, например, в машиностроении или цветной металлургии. Не хватало жилья, а то, что было, часто не имело централизованного отопления, в связи с чем затраты сотрудников отрасли были выше, чем в других.

В итоге в 1960 г. был сорван план производства макаронных изделий из-за возникших на предприятиях перебоев с водой и электроснабжением. Водопровод и электрическая система на фабриках требовали кардинальной модернизации, за чем последовало прямое обращение в СНХ. Также последовал ремонт красноярской макаронной фабрики, были обновлены прессы, вибросеялки и т.д. [11, л. 31].

Всего за год в отрасль было поставлено 9 единиц новой техники на макаронное производство и 22 единицы на кондитерское [11, л. 10].

В 1962 г. руководство красноярского экономического района пришло к решению о прекращении переходного периода в функционировании пищевой промышленности и полной передаче всех мощностей краевого управления под контроль Красноярского СНХ [12, л. 1].

Работа кондитерских предприятий за 1962 г. была успешной, им удалось овладеть производством множества новых сортов конфет и изделий [13, л. 31]. При этом работа Красноярской макаронной фабрики была названа неудовлетворительной, предприятия не сумели выполнить большинства из поставленных показателей [13, л. 8].

На Красноярскую кондитерскую фабрику был завезен автомат расфасовки конфет, новые дражевые барабаны, на макаронную фабрику было поставлено три новых аппарата [13, л. 47].

В 1963 г. произошел очередной виток реорганизации системы управления. Для большей гибкости в вопросах снабжения населения продуктами питания было решено выделить из состава управления пищевой промышленности управление мясной промышленности, а оставшиеся предприятия включить в организованные производственные объединения (фирмы). Они представляли собой совокупность всех пищевых производств в рамках одного города или района, управленческий аппарат же размещался на крупнейшем предприятии профиля. Это должно было облегчить обеспечение населения отдельных районов продуктами питания.

Произошло объединение красноярских макаронной, кондитерской и картонной фабрик в единое предприятие, мощностью в 7166 т. макаронных и 8500 т. изделий в год [14, л. 30].

Помимо этого, производство макаронно-кондитерских изделий должно было осуществляться на Ачинском (2800 т. кондитерских изделий в год), Минусинском (1250 т. кондитерских и 2200 т. макаронных ежегодно), Канском (2986 т. и 1600 т. соответственно), Хакасском объединениях (4653 т. кондитерских изделия в год) и Игарском ГПК (150 т. изделий в год) [14, л. 40].

Тем не менее, основные проблемы, стоявшие перед отраслью, остались все те же. В связи с низким уровнем квалификации кадров на предприятиях был крайне высокий уровень травматизма [14, л. 34].

Так, на Красноярской макаронно-кондитерской фабрике, несмотря на выполнение плана, было зафиксировано 52 несчастных случая. При этом за год на предприятие устроилось 177 человек, а уволилось 144 [15, л. 44]. Эти цифры красноречиво показывали всю серьезность кадрового дефицита на предприятиях пищевой промышленности Красноярского экономического района.

В целом за пять лет, с 1959 по 1963 г., отрасль сумела добиться роста производства кондитерских изделий на 15%, а макаронных на 23% [15, л. 51]. Это было обусловлено преимущественно технической модернизацией предприятий отрасли.

В последующий 1964 г. была намечена полная реконструкция Красноярской и Абаканской кондитерских фабрик, последнюю было решено специализировать на производстве карамели и мучных изделий. Ожидалась реконструкция макаронной фабрики до 15 т.т. в год и перевод в старый корпус завода Сибизолятор [16, л. 4].

В целом работа отрасли за последующие 1964-1965 гг. была успешной. Из недостатков работы называли проблемы с ассортиментом товара и качеством оформления конфетных изделий [16, л. 8, 21, 23, 31].

Результаты исследования. В рассматриваемый период макаронно-кондитерская отрасль сумела пройти значительный путь в Красноярском крае. В представленной ниже таблице отражены показатели производства товаров на предприятиях краевого управления пищевой промышленности с 1953 по 1962 гг.

Таблица 1

**Показатели производства товаров районного управления
пищевой промышленности в т.т. в 1953-1962 гг.**

Год	1953	1954	1955	1957	1958	1959	1960	1961	1962
Кондитерские изделия	2777	8668	7105	8037	9194	9775	9392	9972	10086
Макаронные изделия			1480		2796	3038	2695	3814	3708

Как видно из таблицы, производство кондитерских изделий стабильно росло год от года, за исключением небольшого спада в 1960 гг. вызванного проблемами с сырьем. В то же время показатели производства макаронных изделий несколько более фрагментарны, тем не менее 1960 г. здесь также отмечен спадом производства.

Таблица 2

**Показатели производства товаров краевого управления
пищевой промышленности в т.т. в 1954-1962 гг.**

Год	1954	1956	1957	1959	1960	1961	1962
Кондитерские изделия	7115,2	8067,7	8813	6663	8741	10155	9360
Макаронные изделия	7220,7	7662	8803	8324	7592	7638	8357

В случае с предприятиями краевой пищевой промышленности цифры производства кондитерских изделий в целом соотносимы по объемам с показателями районной промышленности. Хотя крупнейшие предприятия и были в подчинении управления краевой, но общая численность всех предприятий подконтрольных районной могла давать соизмеримое количество продукции. Но вот по производству макаронных изделий краевая промышленность значительно опережала районную. Как уже отмечалось выше, 1960 г. был годом небольшого спада производства и здесь.

Таблица 3

**Производство макаронно-кондитерских изделий управлением
пищевой промышленности Красноярского СНХ в т.т. в 1962-1965 гг.**

Год	1962	1963	1964	1965
Кондитерские изделия	19445	22360	22396	20235
Макаронные изделия	12065	13609	13602	13754

Сразу следует отметить, что совокупное производство и окончательный переход произошел в 1963 г., но таблица дается с 1962 г. для возможности лучшего сравнения показателей. Здесь мы также наблюдаем стабильный рост, за исключением 1965 г. в производстве кондитерских изделий.

Выводы. В целом производство кондитерских изделий в крае с 1954 по 1965 гг. выросло с 15783 т.т. до 20235 т.т., то есть приблизительно на треть. А производство макаронных изделий с 7220,7 до 13754 т.т., то есть практически в два раза. Росту производства способствовал не только небольшой поворот руководства страны к производству продуктов питания, но новые возможности, связанные с территориальной системой управления. По большому счету, это было достигнуто благодаря модернизации предприятий отрасли и их реконструкции, при этом большим местом оставался кадровый дефи-

цит, с которым в тех условиях руководство предприятий справиться не могло. В тоже время эта ситуация отражала постепенное завоевание макаронами советского общества. Не всегда вся производимая продукция находила своего покупателя, но постепенно потребление макаронных изделий росло. Проводником этого в первую очередь был общепит. Проявлением же, помимо роста производства, стало и то, что первое упоминание «макарон по-флотски» в кулинарных изданиях встречается в книге «Кулинария» издания 1955 года. Позднее рецепт вошёл в книгу «Самобытная кухня» издания 1965 года [17]. В том же 1955 г. макароны «по-флотски» вскользь были упомянуты С.П. Королевым в монографии Б.Е. Чертока [18, с. 368]. А уже в 1968 г. в СССР родился главный советский «макаронный хит» в исполнении Эмиля Горовца «Люблю я макароны».

Литература

1. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 22.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 42.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 49.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 71.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 80.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 187.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 108.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 107.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 129.
10. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 147.
11. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 160.
12. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 173.
13. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 175.
14. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 184.
15. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 186.
16. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р. 1944. Оп. 3. Д. 187.
17. Назаров Н.И. Технология макаронного производства. М., 1969. <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/072/752.htm>.
18. Черток Б.Е. Ракеты и люди. М.: Машиностроение, 1999. 416 с.

References

1. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 22.
2. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 42.
3. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 49.
4. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 71.
5. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 80.
6. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 187.
7. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 108.
8. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 107.
9. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 129.
10. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 147.
11. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 160.
12. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 173.
13. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 175.
14. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 184.
15. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 186.
16. State archive of Krasnoyarsk region. F.R. 1944. Op. 3 D. 187.
17. Nazarov N.I. Technology of pasta production. M., 1969. <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/072/752.htm>.
18. Chertok B.E. Rockets and people. M.: Mechanical Engineering, 1999. 416 s.

С.Н. СОРОКА

S.N. SOROKA

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI вв.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**SOCIOCULTURAL APPEARANCE
OF ENTREPRENEURS OF WESTERN SIBERIA
AT THE END OF THE XXth – THE BEGINNING
OF THE XXI CENTURY: A HISTORIOGRAPHIC ASPECT**

В статье, с опорой на опубликованные исследования выявляются подходы в современной отечественной историографии к оценке сложных процессов генезиса, становления и развития российского частного бизнеса на рубеже XX-XXI вв., факторов формирования социокультурного облика предпринимателей Западной Сибири. В процессе исследования установлено, что учёными была проделана большая работа по реконструкции феноменологии частного предпринимательства: исторических, социально-экономических, общественно-политических условий становления предпринимательства в России и регионах. Однако, вне поля зрения специалистов остались проблемы функционирования социокультурной среды обитания предпринимателей, стратегий и практик их повседневной жизни, вопросы региональной, профессиональной и социальной идентичности членов бизнес-сообщества.

Based on published studies, the article identifies approaches in modern Russian historiography to assessing the complex processes of genesis, formation and development of Russian private business at the turn of the twentieth and twenty-first centuries, factors in the formation of the sociocultural image of entrepreneurs in Western Siberia. In the course of the study, it was established that scientists had done a lot of work to reconstruct the phenomenology of private entrepreneurship: historical, socio-economic, socio-political conditions for the formation of entrepreneurship in Russia and the regions. However, outside the field of view of specialists there were problems of the functioning of the socio-cultural environment of entrepreneurs, strategies and practices of their daily lives, issues of regional, professional and social identity of members of the business community.

Ключевые слова: Западная Сибирь, историографическая традиция, частное предпринимательство, социокультурный облик.

Key words: Western Siberia, historiographic tradition, private enterprise, sociocultural look.

Введение. Обращение исследователей к проблеме реконструкции социокультурного облика отечественных предпринимателей в последние десятилетия становится знаковым сюжетом в общей характеристике феномена частного предпринимательства в России на рубеже XX-XXI столетий.

Цель настоящей работы, носящей историографический характер, заключается в реконструкции историографической традиции исследования российского и регионального частного предпринимательства, выявлении подходов к осмыслению социокультурного облика предпринимателей Западной Сибири в конце XX – начале XXI столетий.

Материалы исследования. В порядке предуведомления отметим, что заявленная проблема в отечественной историографии изначально осваивалась в междисциплинарном контексте, с учётом подходов, наработок и выводов широкого спектра научных дисциплин: истории, социологии, политологии, экономики, социальной психологии. Во многом это объясняется уже сложившейся на Западе историографической практикой, во главу угла которой была положена социологическая традиция, заложенная трудами класси-

ков мировой социологии – М. Вебера, В. Зомбарта, и др., подробно охарактеризовавших корреляцию между спецификой религиозных ценностей и предпринимательской активностью общества [3], образ жизни буржуазии и типологические модели капиталистического поведения, с характерным для таковых стремлением к новаторству, энергичностью и силой воли [8].

Характеризуя фазис становления отечественной историографии российского предпринимательства, нельзя не обратить внимания на общий либеральный фон, сопровождавший начало экономических реформ в России, что придавало историческим оценкам отчётливый публицистический характер. В трудах историков начала 1990-х, жёстко и бескомпромиссно подвергался критике советский режим, купировавший предпринимательскую активность населения и частную инициативу граждан. Основная идея исследований в этот период сводилась к необходимости реанимировать практики предпринимательской деятельности эпохи НЭПа, а также организовать развитие частного предпринимательства за счёт государственного сектора экономики, что в известной мере поставило вопрос о взаимодействии бизнеса и политического истеблишмента в России [4]. В целом, можно говорить о том, что в сообществе историков в начале 1990-х гг. шёл процесс подготовки массового сознания к восприятию будущих рыночных перспектив и системного внедрения частнособственнических отношений.

Однако период «шоковой терапии» 1992-1993 гг. внёс коррективы в систему оценок первого этапа формирования частнопредпринимательского сектора в России, прошедшего под знаком монетаристских моделей рыночных преобразований. Либеральная эйфория и непоколебимая вера историков-публицистов в возможности свободного рынка оказалась во многом опровергнута текущими событиями, шквал публицистической активности стал заметно тише, а на смену оценочным суждениям постепенно приходил взвешенный анализ экономической ситуации в стране и таких её важнейших составляющих, как частный бизнес.

Новой тенденцией в работах историков во второй половине 1990-х гг. стало обращение к духовно-нравственной атмосфере общественной жизни СССР / России постперестроечного периода в контексте ее обусловленности реформационными процессами. В этот период значительный сегмент публикаций, посвящённых общественным отношениям, педалировал идею рефлексии социальных связей в реформируемой России. В центре внимания исследователей чаще всего оказывались такие маркеры социальной жизни, как уровень доходов, образ жизни, стратегии и стандарты социального поведения. Впервые объектом исследовательского интереса становится проблема духовно-нравственного состояния лиц и сообществ, относящихся к категории «человек второго плана в истории», к которой принадлежали представители малого и среднего бизнеса «новой» России, что способствовало накоплению материалов о моральном состоянии российского общества в годы форсированной модернизации.

Учитывая то обстоятельство, что становление российского предпринимательства естественным образом совпадало по времени с процессами демократизации, «открытием» границ, аккомодацией западных образцов общественной жизни и бытовой организации, формирующаяся историография отечественного предпринимательства, не могла не обращаться в своих теоретических построениях к научным штудиям классической европейской политэкономии, всегда рассматривавшей предпринимательство в качестве феномена рыночной экономики.

К числу первых исследователей, обратившихся к проблеме культуры предпринимательства, относится российский социолог А.И. Агеев. В своей монографии, адресованной широкому кругу экономистов, социологов и собственно предпринимателей, автор дал детальное описание теоретических и практически проблем современного предпринимательства в западных странах, акцентируя внимание на процессах преобразования отношений соб-

ственности, а также условиях формирования массовой хозяйственной инициативы, подчеркнув определяющую в бизнесе роль предпринимательской мотивации [1].

Социокультурная традиция в исследовании условий и факторов институционализации частного предпринимательства в России наиболее рельефно оказалась представлена в 1990-х гг. в работах российских социологов, что явилось первым опытом серьёзной научной рефлексии отечественного опыта становления капиталистических отношений в новой России. Так, в качестве фундаментальной была заявлена проблема внутренней и внешней коммуникации нового класса российских предпринимателей. В частности, С.Д. Резник в своих работах отмечает, что поскольку для российского общества исторически наиболее адекватны коллективные формы мышления и хозяйствования, то для понимания природы частной инициативы в России необходимо сосредоточить внимание на изучении системы социальных отношений, а также более точном определении понятия «предприниматель». Автор, во многом продублировал сложившиеся в западной экономической мысли трактовки предпринимательства, в которых предпринимательство понималось как сложная модель взаимоотношений эксплуататоров с эксплуатируемыми [14].

Одним из важных умозаключений стал вывод авторов, по которому предпринимательство постепенно трансформируется из исключительно экономического понятия в категорию социально-психологического и социокультурного свойства.

В этой связи в научных монографиях и статьях социологического характера обнаружилась устойчивая тенденция к осмыслению социальной и социокультурной природы предпринимательства в России переходного периода.

В трудах Т.И. Заславской, Г.Г. Дилигенского и др. интенсивно разрабатывалась проблематика, связанная с процессами становления среднего класса в России, осмыслялась культурная роль сообщества предпринимателей в российском обществе [7, 5]. Указанным авторам было присуще смещение акцентов от изучения формальных аспектов институционализации предпринимательства, к выявлению социальных характеристик сообщества, мотивации бизнес-деятельности, анализу ценностей, стиля жизни, психологии и этики отношений предпринимательства, а также социокультурных ориентиров предпринимателей частного бизнеса в продолжительной временной перспективе.

Тенденции расстановки социокультурных акцентов в изучении российского предпринимательства, наметившиеся во второй половине 1990-х гг., обрели благодатную почву в 2000-х гг. Системный социально-экономический кризис конца 1990-х – начала 2000-х гг., с одной стороны, поставил пределы анархическому периоду развития российского предпринимательства, что материализовалось в мобилизации государственно-административных ресурсов контроля и управления экономической сферой, с другой стороны, в новых условиях существования представители частно-предпринимательского сектора оказались в условиях формирования не стратегий обогащения, а, зачастую, элементарных стратегий выживания. Постепенный выход бизнес-структур из «теневого» состояния, легитимизация предпринимательства, актуализировали интерес учёных к таким вопросам, как образ российского предпринимателя и предпринимательства в исторической ретроспективе, социальный облик и культура деловых отношений российских бизнесменов [9, 10] и т.д.

Наиболее востребованным, с точки зрения реконструкции социокультурного облика предпринимателей Западной Сибири в настоящем диссертационном исследовании, нами рассматривается исследовательский опыт, запечатлённый в трёх последних группах работ, авторы которых сосредоточили своё внимание на проблемах институционализации сообщества предпринимателей как социокультурного явления, с характерной системой

специфических ценностей, региональной специфике становления частного бизнеса, адаптационных факторах, обеспечивающих самореализацию, саморазвитие и построение карьеры «среднего класса» в России и регионах.

Так, М.В. Манова, размышляя о влиянии ценностей предпринимательства на культуру трансформирующегося общества, констатирует вклад историков и социологов в исследование вопроса о соотношении традиционного и либерального компонентов формирования ценностных ориентаций предпринимателей постсоветского периода (А.С. Ахиезер), моделей осмысления ценностей бизнес-сообществ в контексте оппозиции «социализм-капитализм» (О.И. Шкаратан), особой роли коррупционной составляющей в конструировании хозяйственных стратегий российских предпринимателей в годы радикальных реформ (В.В. Радаев) [11, с. 3]. Автор приходит к выводу, что предпринимательская культура как широкая социальная программа не получила достаточного внимания в исследовательской литературе. В своей работе М.В. Манова определила основные векторы изучения российского предпринимательства в социокультурном аспекте. Исследователь сделала вывод о важности определения факторов и механизмов формирования ценностей российского предпринимательства в контексте рыночных отношений; автором были охарактеризованы традиционные и инновационные формы отечественного предпринимательства в социокультурных обстоятельствах; даны объяснения условиям, в которых складываются социокультурные шаблоны мировоззрения российского предпринимательства на современном этапе; выявлены основные модели трансляции предпринимательских ценностей в обществе, установлены региональные характеристики менталитета и предпринимательской культуры. Автором было убедительно доказано, что предпринимательство включает в себя рельефно выраженное социально-преобразовательное начало. Повышенное стремление людей, составляющих эту группу, к успеху посредством получения выгоды, способствует распространению в обществе предпринимательской культуры и таких её инструментальных ценностей, как осознание преимуществ свободы и сотрудничества [11, с. 5].

М.В. Мановой удалось выделить три модели ценностного сознания, сложившихся в российском обществе: постиндустриальную, участники которой принимают индивидуалистическую стратегию западного типа, традиционалистскую, основанную на патриархально-коллективистском принципе существования, и модель смешанную, с противоречивым типом ценностного сознания [11, с. 23].

М.С. Васянин, избрав в качестве предмета своего диссертационного исследования ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе, отметил, что в России рубежа XX-XXI столетия активно формируется бизнес-сообщество со специфической ценностной системой. В частности, учёному удалось классифицировать основные профессиональные ценности предпринимателей. Исследователь высказал предположение, согласно которому основной чертой предпринимательства в западных государствах является отсутствие конфликта между ценностями предпринимателей и ценностями населения в целом, в то время как в России подавляющая часть общества разделяет иные, чем представители предпринимательского сообщества ценности: коллективизм и патернализм, что является результатом доминирующей роли государства, в том числе и в сферах занятости населения в продолжительной исторической ретроспективе. Всё это, в конечном итоге, определило отстранённость значительной массы россиян от предпринимательской деятельности. М.В. Васянин, опираясь на теории М. Вебера и Р. Мертона, в заключительной части своей диссертации приходит к выводу, что предпринимателям России свойственен особый рациональный тип адаптации, в рамках которого ценностные установки и ориентации формируются как средства достижения цели и чаще всего противоречат интересам общества [2, с. 8].

Вопрос о ценностных ориентациях российских предпринимателей, поднятый в научном сообществе, обратил исследователей к проблеме детальной реконструкции социального облика данной группы. В середине 2000-х гг. происходит окончательное осознание того факта, что степень развития бизнеса в стране является индикатором успешности модернизационных процессов, а малое предпринимательство выступает составной частью высокоразвитой экономики. Для учёных становится очевидным, что социальный портрет предпринимателя не исчерпывается лишь карикатурно-гротескными чертами, которыми наделяли бизнесменов 1990-х гг. Так, социолог Е.М. Осипов внёс значительный вклад в реактуализацию негативного образа бизнес-сообщества России, подчеркнув, что представители частного бизнеса, являясь носителями больших амбиций в профессиональной области, ориентированы не только на преодоление ситуаций, связанных с риском, но и готовы нести ответственность за принятые ими решения [12].

Л.А. Жигун в работе, посвящённой проблеме модификации образа российского предпринимателя, опираясь на результаты исследования негосударственной организации Левада-Центр, пришёл к выводу, что профиль образа российского предпринимателя за период с 1991 по 2010 гг. значительно улучшился, что произошло под воздействием усиления образа положительных качеств, требующих длительного периода времени [6].

К важному элементу историографической традиции исследования российского предпринимательства следует отнести работы, посвящённые формированию и эволюции стратегий адаптивного поведения представителей отечественного бизнеса в конце XX – начале XXI вв., поскольку адаптация представляет собой сложный процесс, отличающийся перманентностью и созданием, в конечном счёте, новой системы иного уровня организации. Центральной идеей таких исследований является тезис, в соответствии с которым предприниматели, приспосабливаясь к социально-экономическим колебаниям, выбирают такие варианты деятельности своего предприятия, которые повышению их эффективности, обеспечивая, таким образом, стабильность общественной системы в целом. Историками, социологами, психологами, однозначно признаётся, что в обстоятельствах социальной неустойчивости, системных признаков социальной нестабильности, а также социально-экономического кризиса, для сообщества предпринимателей актуальным становится способность к реагированию и приспособлению к негативным условиям внешней социокультурной среды. Таким образом, адаптационный потенциал и умение реализовывать адаптивные стратегии в современном формате рыночной экономики, выступают в качестве решающего фактора эффективной деятельности субъектов бизнеса, обеспечивают стабильность и продуктивное функционирование индивидуумов и групп инкорпорированных в бизнес-отношения.

Так, тема адаптационных стратегий как составляющей части социокультурного облика российских предпринимателей в различных ракурсах обсуждалась такими исследователями, как Н.А. Плавюк, Т.Ю. Сазонова и др., которые пришли к выводу, что в адаптивном поведении представителей малого российского бизнеса в качестве основной выступает стратегия выживания. Данная стратегия основывается на опыте хозяйствующих субъектов по сохранению целостности своего предприятия, коммуникативных связей в профессиональной среде, финансовой независимости. Названными авторами были предложены различные модели классификации адаптационных стратегий организации малого бизнеса в 1990-2000-е гг. как реакции сообщества частных предпринимателей на кризисную ситуацию в экономике и обществе [13, 15].

Изучение адаптационного потенциала бизнес-сообщества на федеральном и региональном уровне привело исследователей к заключению, в соответствии с которым эффективное развитие предпринимательства зависит не только от текущего состояния экономики, но и психологической готовности самих предпринимателей к принятию решений, часто непопулярных и нега-

тивно воспринимаемых в обществе, что, так или иначе, имеет отношение к личностным характеристикам субъектов бизнес-деятельности.

Подводя итоги осмыслению историографии заявленной в статье проблемы, необходимо отметить, что в рамках более чем 20-летней ретроспективы исследования российского предпринимательства учёными была проделана большая работа по реконструкции феноменологии данного явления: охарактеризованы исторические, социально-экономические, общественно-политические условия и факторы генезиса частного бизнеса в России и регионах; произведены попытки рефлексии социального и социокультурного опыта предпринимательской деятельности; поставлен вопрос о ценностных ориентациях отечественных бизнесменов и их последующей эволюции.

В то же время тема различных аспектов формирования социокультурного облика предпринимателей, особенно в регионах, где организация деятельности частного бизнеса обладала рядом специфических характеристик, чаще всего оказывалась за «кадром» исследовательского интереса учёных. Вне поля зрения специалистов находились такие насущные проблемы, как социокультурная и социопсихологическая среда обитания субъектов предпринимательства, стратегии и практики повседневной жизни представителей сообщества, их семей и окружения, факторы их региональной, профессиональной и социальной идентичности.

Литература

1. Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М.: Наука, 1991. 112 с.
2. Васянин М.С. Ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2013. 21 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
4. Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ. Отечественная история. 1993. № 5. С. 29-43.
5. Дилигенский Г.Г. Российский горожанин конца девятых: генезис постсоветского сознания: (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО, 1998. 134 с.
6. Жигун Л.А. Модификация образа российского предпринимателя // Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций / под общ. ред. А.В. Шарковой. М.: Издательство «Спутник+», 2016. С. 38-41.
7. Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. М.: ВЦИОМ: Моск. высш. шк. социал. и экон. наук, 1997. 298 с.
8. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994. 442 с.
9. Комаров В.Д. Образ российского предпринимателя: прошлое и настоящее Обозреватель [Электронный ресурс]. 2009. № 10 (105). Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N10_98/index.htm (дата обращения: 19.08.2019).
10. Логунов А.Н. Российское предпринимательство в 1991-2003 гг.: социальный облик и культура деловых отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 16 с.
11. Манова М.В. Влияние ценностей предпринимателей на культуру трансформирующегося общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 24 с.
12. Осипов Е.М. Социальный портрет предпринимателя и отношение к нему населения. Труд и социальные отношения. 2012. № 5. С. 115-121.
13. Плавюк Н.А. Адаптация как функция менеджмента коммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. 22 с.
14. Резник С.Д. Предприниматель. Экономика строительства. 1994. № 1. С. 10-17.
15. Сазонова Т.Ю. Направления и стратегии адаптационной активности предпринимательских структур // Вестник Новгородского государственного университета. Экономические науки. 2014. № 82. С. 59-65.

References

1. Ageev A.I. Predprinimatel'stvo: problemy sobstvennosti i kul'tury [Entrepreneurship: property and culture issues]. M.: Nauka, 1991. 112 p.
2. Vasyanin M.S. Cennosti i cennostnye orientacii predprinimatelej v sovremen-nom rossijskom obshchestve. Extended abstract of Kandidat's thesis. Penza, 2013. 21 p.
3. Veber M. Protestantskaya etika i duh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. M.: Ist-V'yu, 2002. 352 p.
4. Gimpel'son E.G. Political System and NEP: inadequate reforms. *Otechestven-naya istoriya* [National history], 1993, N 5, pp. 29-43 (in Russian).
5. Diligenskij G.G. Rossijskij gorozhanin konca devyanostyh: genezis postsovet-skogo soznaniya: (social.-psiholog. issled.) [Russian citizen of the late nineties: the genesis of post-Soviet consciousness: (socio-psychological study)]. M.: IMEMO. 1998. 134 p.
6. Zhigun L.A. Modification of the image of a Russian businessman // *Sbornik ma-terialov vserossijskikh nauchno-prakticheskikh konferencij. Pod obshchej redak-ciej A.V. Sharkovoj* [Collection of materials of all-Russian scientific and practi-cal conferences. Edited by A.V. Sharkova]. M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2016, pp. 38-41 (in Russian).
7. Zaslavskaya T.I. Rossijskoe obshchestvo na social'nom izlome: vzglyad iznutri [Russian society at a social break: an inside look]. M.: VCIOM: Mosk. vyssh. shk. social. i ekon. nauk, 1997. 298 p.
8. Zombart V. Burzhua: Etyudy po istorii duhovnogo razvitiya sovremennogo eko-nomicheskogo cheloveka [Bourgeois: Studies on the history of the spiritual de-velopment of modern economic man]. M.: Nauka, 1994. 442 p.
9. Komarov V.D. The image of a Russian entrepreneur: past and present. *Oboz-revatel'* [Reviewer], 2009, Vol. 10 (105). Available at: http://www.observer.ma-terik.ru/observer/N10_98/index.htm / 2009, 10 (105) (Accessed 19 august 2019) (in Russian).
10. Logunov A.N. Rossijskoe predprinimatel'stvo v 1991-2003 gg.: social'nyj oblik i kul'tura delovyh otnoshenij. Extended abstract of Kandidat's thesis. M., 2007. 16 p.
11. Manova M.V. Vliyanie cennostej predprinimatelej na kul'turu transformiruyush-chegosya obshchestva. Extended abstract of Kandidat's thesis. M., 2010. 24 p. (in Russian).
12. Osipov E.M. Social portrait of an entrepreneur and the attitude of the popula-tion towards him. *Trud i social'nye otnosheniya* [Labor and social relations], 2012, N 5, pp. 115-121 (in Russian).
13. Plavyuk H.A. Adaptaciya kak funkciya menedzhmenta kommercheskih orga-nizacij. Extended abstract of Kandidat's thesis. M., 2004. 22 p. (in Russian).
14. Reznik S.D. Entrepreneur. *Ekonomika stroitel'stva* [Construction Economics], 1994, N 1, pp. 10-17 (in Russian).
15. Sazonova T.Y. Directions and strategies of adaptive activity of entrepreneurial structures // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomi-cheskie nauki* [Bulletin of Novgorod State University. Economics], 2014, N 82, pp. 59-65 (in Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.026

УДК 94(470.53)“1870/1914”:614(09)

ББК 63.3(28-8Пер)53-334+51.1(2)г

А.Э. ЧЕРНОУХОВ

ПРОБЛЕМЫ НАЙМА И АДАПТАЦИИ ВРАЧЕЙ
В УЕЗДНЫХ ЗЕМСТВАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

D.E. CHERNOUKHOV

DOCTORS HIRING AND ADAPTATION PROBLEMS
OF THE DISTRICT ZEMSTVO IN THE PERM PROVINCE

В статье проанализированы проблемы привлечения врачей на земскую службу в уездах Пермской губернии, их постепенной адаптации в 1870-1914 гг. Автор создал базу данных по этим специалистам. В нее внесены сведения о более чем 400 врачах, служивших в 12 уездных земствах Пермской губернии. Вторым уровнем генерализации этой информации стало создание сводных списков о времени их службы во всех врачебных участках. Проведенный анализ позволил скорректировать некоторые традиционные представления отечественной историографии и литературы об особой идейности и даже альтруизме земских врачей. В первые полтора десятилетия своей деятельности все уездные земства Пермской губернии испытывали серьезные трудности с наймом и частой сменяемостью врачей. Им пришлось скорректировать свое отношение к этим специалистам: повысить оклады, широко практиковать совместительство, назначать собственные стипендии. С середины 1880-х гг. положение принципиально изменилось. Этому способствовали определенное насыщение рынка врачей в России и значительное улучшение условий их службы. Вопросы найма врачей в уездных земствах Пермской губернии отошли на второй план в условиях актуализации проблемы неуклонного роста их нагрузки.

The article analyzes the problems of attracting doctors to the council service in the districts of the Perm province, their gradual adaptation in 1870-1914. The author has created a database of these specialists. It contains information about more than 400 doctors who served in 12 district councils of the Perm province. Generalization of this information on the second level was the creation of consolidated lists about the time of their job in all medical stations. The analysis made it possible to correct some traditional ideas of Russian historiography and literature about particular ideology and even the altruism of council doctors. In the first one and a half decades of their activity all district councils of the Perm province experienced serious difficulties with the hiring and frequent change of doctors. They had to adjust their attitude towards these specialists: increase salaries, widely practice part-time jobs, appoint their own scholarships. Since the mid 1880s the situation had fundamentally changed. This was facilitated by a certain saturation of the market for doctors in Russia and a significant improvement in the conditions of their service. The issues of hiring doctors in district councils of the Perm province faded into the background in the context of the actualization of the problem of a steady increase in their workload.

Ключевые слова: земские врачи, Пермская губерния, уездные земства.

Key words: council doctors, Perm province, district councils.

Введение. Образ земского врача стал одним из самых привлекательных в русской литературе второй половины XIX – начала XX в. Американская исследовательница Н. Фриден отметила, что этот идеализированный образ, щедро наделенный положительными качествами, превратился под пером русских литераторов в некий мистический крестный путь служения народу [15, р. 123]. Подобные оценки нашли широкое распространение и в отечественной историографии, развивавшей представления об аскетизме и альтруизме земских врачей. В частности, Л.А. Булгакова обосновывала прямо-таки мистическую «идейность» этих специалистов, правда, признав их постепенную эволюцию в «деловую» сторону [1].

В то же время уже первые исследователи земской медицины в России, обобщившие 25-летний опыт ее деятельности, отмечали появление «чрезвычайно подвижной мигрирующей корпорации земских врачей» [7, с. 176].

Такую оценку разделяет и ряд современных авторов. По мнению Л.А. Жуковой, основная масса врачей просто искала в земствах место работы, а эта деятельность для многих из них (как горожан по рождению или проводивших свою молодость в университетских центрах) не была особо привлекательной. Они зачастую воспринимали российские села, да и провинциальные города, как «медвежьи углы» и «царства тьмы». Поэтому на земскую службу в сельские участки обычно поступали молодые полные сил, но неопытные врачи (в том числе и по идейным соображениям). Но обычно через несколько лет, работая «на износ», они старались найти более спокойную работу [5, кн. 1. с. 409; кн. 2, с. 215-218].

Специфика службы земских врачей в Пермской губернии остаются малоисследованной проблемой. В монографиях по дореволюционной истории медицины Урала (В.Т. Селезневой, Т.Ю. Шестовой) и краеведческих изданиях содержатся только краткие биографические справки о самых известных медиках. Только Э.А. Черноухов рассмотрел основные причины частной смены врачей в период становления земского самоуправления в Пермской губернии [12].

Целью статьи стала историческая реконструкция проблем привлечения врачей в уездные земства Пермской губернии и их адаптации в 1870-1914 гг. Специфика службы врачей в губернском земстве, а также изменение их положения в действительно чрезвычайных условиях Первой мировой войны заслуживают отдельного исследования.

Материалы и методы. Основу источниковой базы исследования составляет обширный массив разнообразной делопроизводственной документации по организации и деятельности земских учреждений. Автор создал базу данных по земским врачам Пермской губернии, в которую внесены сведения о более чем 400 специалистах, служивших во всех ее 12 уездах. В ней содержатся сведения о датах жизни, месте получения образования, ученой степени (при наличии), времени службы, причинах ее оставления, предшествующей и последующей профессиональной деятельности [11]. Одним из уровней генерализации этой информации стало создание сводных списков «движения» врачей во врачебных участках уездных земств Пермской губернии.

Результаты и их обсуждение. В Пермской губернии проблема привлечения врачей на земскую службу и их адаптации особенно остро стояла первые полтора десятилетия после создания новых органов местного самоуправления в 1870 г. Причем она стала во многом неожиданной для их руководства.

На первых очередных уездных земских собраниях в Пермской губернии господствовали представления о возможности сравнительно легкого найма врачей на службу через размещение объявлений в периодической печати. Они основывались на том, что установленные этим специалистам годовые оклады (1,2-1,5 тыс. руб.) существенно превышали жалование городских и уездных врачей, а в горнозаводской медицине региона происходило сокращение ставок медицинского персонала. Но в реальной практике все уездные земские управы Пермской губернии сразу же столкнулись с проблемой найма врачей, а затем и их адаптации. Привлечь квалифицированных медиков в этот регион оказалось непростой задачей.

Пермская губерния обладала своей спецификой. Она выделялась размерами территории (второе место среди всех земских) и численностью населения (входила в пятерку крупнейших в Российской империи). Серьезные проблемы для развития местного самоуправления создавала крайне незначительная плотность населения: 12 чел. на кв. версту. Среди земских губерний она была меньше только в Вологодской и Олонецкой. Другими негативными факторами для привлечения врачей были отдаленность от университетских центров, неразвита транспортная инфраструктура, суровый климат и незначительный процент дворян (объекта для наиболее выгодной в материальном плане частной практики).

В результате к 1873 г. (концу завершения срока полномочий первого состава новых органов местного самоуправления) в 12 уездных земствах Пермской губернии было всего 19 собственных врачей. Также на службу пришлось принять 15 совместителей (заводских, уездных и городских врачей). Во всех уездах констатировали необходимость иметь большее количество собственных медиков с высшим образованием.

Дополнительные сложности создавала высокая «текучесть» врачей первого земского «призыва». Весьма показательно в этом отношении компетентное мнение старшего врача Александровской губернской земской больницы В.И. Дунаева. Он отметил: «Признаться, мне еще не приходилось видеть ни одного земского врача, который находил бы свое место прочным до такой степени, что смотрел бы на себя как на человека оседлого в известной местности. Напротив, земский врач производит впечатление человека, который уложил свои вещи в чемодан и собирается завтра в дорогу» [9, с. 8].

Действительно, абсолютное большинство первых земских врачей Пермской губернии быстро оставили службу. Так, по нашим подсчетам в Екатеринбургском уездном земстве 20 из 28 первых земских врачей проработали менее двух лет и только двое – больше четырех. В Ирбитском уезде в первые полтора десятилетия средний срок их службы не превышал трех лет. Причем его существенно «подняли» только поступившие на службу на рубеже 1870-1880-х гг. земские стипендиаты, которые отрабатывали выделенные на учебу средства [6, с. 90].

В результате ряд уездов Пермской губернии даже не удалось разделить на участки, так как фактически вся их территория обслуживалась одним врачом (а второй заведовал городской больницей). В Оханском уезде такое положение сохранялось до 1873 г., Шадринском – 1874 г., Ирбитском – 1876 г., Чердынском – 1877 г.

Это потребовало корректировки ряда неоправдавшихся представлений гласных первых земских собраний. К концу 1870-х гг. оклады земских врачей во всех уездах Пермской губернии были повышены до 1,5-1,8 тыс. руб., что превышало среднероссийские показатели (1,2 тыс. руб.). Управы продолжали привлекать на службу врачей из других ведомств (по совместительству), не препятствовали совмещению должностей у собственных специалистов. На губернском и уездном уровнях с начала 1870-х гг. определялись земские стипендии для лиц, обучавшихся в высших медицинских заведениях. Они преимущественно назначались местным уроженцам.

Эти изменения, в совокупности с постепенным улучшением условий службы, постепенно смягчили проблемы найма и адаптации на службе земских врачей в уездах Пермской губернии. Но они, пусть и не такие острые, как в первые годы, сохранялись на всем протяжении 1870-х и первой половины 1880-х гг.

В начале 1880-х гг. старший врач Екатеринбургских горных заводов В.А. Туржанский справедливо отмечал перманентную «текучесть» медиков в уездных земствах Пермской губернии. Кроме объективных причин (отдаленность региона, суровость климата), были также сложные отношения с земскими гласными и руководством управ [12, с. 159].

Последние зачастую необоснованно вмешивались в профессиональную деятельность врачей. Материалы о таких конфликтах отложились на страницах земских изданий. Так, в сентябре 1881 г. на очередном Екатеринбургском земском собрании возникли серьезные разногласия при обсуждении вопроса по организации лечения сифилиса между приглашенными врачами и рядом гласных. Первые систематизировали обширные материалы, а вторые, во многом голословно настаивали на своей позиции. В ходе обсуждения все земские врачи сначала покинули зал заседаний, а затем подали заявления об отставке. Конфликт, правда, удалось завершить компромиссом [4, с. 174-178].

На очередном Осинском уездном земском собрании 1884 г. возникло противостояние по заявлению врачей о необходимости скорейшего заключения контрактов. В ходе него гласные цинично заявили, что они не возражают против их увольнения [10, с. 200-201]. Неудивительно, что все эти четыре участковых врача в течение полутора лет оставили службу в Осинском уездном земстве.

Э.А. Черноухов указал на еще две причины частой сменяемости земских врачей в Пермской губернии в период становления новых органов местного самоуправления. Первоначально врачебные участки во всех 12 уездах Пермской губернии были действительно огромными по территории. При скверном состоянии большинства дорог регулярные длительные объезды своего, а в случае эпидемий и в соседних участках, отнимали массу времени, негативно сказывались на здоровье самих медиков.

Колоритные жалобы врачей на подобные условия службы также отложились в земских изданиях. Так, врач Верхотурского земства М.А. Токарев сравнил себя с «ямщиком, постоянно гоняющим по уезду» [2, с. 584]. Э. Владычко отмечал, что в 1874 г. он преодолевал в разъездах по Ирбитскому уезду до 800 верст в месяц. Его преемник К.В. Сердобов обоснованно назвал такую деятельность «кочевой медициной» [13, с. 15-16].

Еще одной причиной постоянных жалоб первых земских врачей Пермской губернии было отсутствие элементарных условий для оказания медицинской помощи во многих земских врачебных участках, особенно периферийных. В их распоряжении в лучшем случае имелись только небольшие приемные покои в арендованных помещениях, не имевшие соответствующего оборудования, инструментов, а иногда и необходимых медикаментов.

По нашему мнению, к вышеназванным причинам следует добавить еще две. Во-первых, земских медиков принудительно привлекали к неоплачиваемой работе, с которой зачастую не справлялись уездные врачи. Особенно тяжелой обязанностью являлось вскрытие трупов по требованиям полицейских исправников. Обоснованные возражения земских врачей на отсутствие у них соответствующих инструментов и необходимость длительных отъездов из своих резиденций просто не принимались во внимание. Во-вторых, у земских медиков практически отсутствовали служебные перспективы. Врачи в уездах реально могли рассчитывать только на переход в более привлекательный участок или губернскую больницу. Увеличение окладов по выслуге лет оставалось редкой практикой.

В результате в 1870-х – середине 1880-х гг. происходила перманентная смена врачей в абсолютном большинстве земских врачебных участков Пермской губернии. Согласно подсчетам автора к 1884 г. на службе в них осталось всего четыре специалиста (7,5%) из лиц, поступивших в 1871-1876 гг.

Особенно высокая «текучесть» земских врачей была в участках с центрами в небольших селах Пермской губернии. Здесь зачастую отсутствовали приемлемые условия для жизни и работы квалифицированных медиков. Так, в Бруснянском участке Екатеринбургского земства (его первоначальным центром было соседнее село Логиново) за 1871-1898 гг. сменилось 13 врачей. Как отмечалось в отчете уездной управы за управы 1879 г., «все врачи, назначенные на этот участок, при первой же возможности спешат его оставить, так как жизнь в селе Логиновском... представляет громадные неудобства и лишения» [3, с. 328].

Первым врачом, прослужившим здесь длительный срок (1887-1896), стал Н.А. Зеленцов. Этому способствовали веские причины: он был уроженцем соседнего села, стипендиатом Екатеринбургского земства и сразу построил собственный дом. Управа согласилась выкупить его в рассрочку за пять лет, выплатив врачу практически полную стоимость (1,5 тыс. руб.). Поэтому Н.А. Зеленцов первым «задержался» в селе Больше-Бруснянское, отрабатывая стипендию и возвращая вложенные в дом средства.

Подобные сложности с адаптацией врачей, особенно в сельских участках, были типичными и для других уездов Пермской губернии. Так, согласно составленному нами базе, в Соликамском уезде в 1871-1886 гг. сменилось по пять земских врачей в городском (Попов, Осипович, Комарницкий, Пьянков, Старцев) и Кудымкарском (Садыков, Швейковский, Торопова, Шibaев, Колольников) участках.

Положение с наймом и адаптацией врачей в Пермской губернии стало принципиально улучшаться со второй половины 1880-х гг. Ключевой причиной для появления этой тенденции стало существенное увеличение их количества в стране, при длительном стабильном «наплыве» студентов на медицинские факультеты. В специализированных журналах стала обсуждаться уже не проблема дефицита врачей, а их «определенного излишества» в России, резкое увеличение конкуренции за места службы и состоятельных пациентов. В большинстве регионов России медики стремились получить должности с фиксированным окладом [12, с. 158-159].

Другой веской причиной для стабильного увеличения срока службы земских врачей в Пермской губернии стало существенное улучшение ее условий. Во всех уездах размеры врачебных участков постепенно сокращались, разъездная система оказания медицинской помощи менялась на стационарную с лучшим обустройством больниц и приемных покоев. Кроме того, в составе земских врачей Пермской губернии становилось все больше местных уроженцев. Они зачастую получили высшее образование с помощью земских стипендий и были более привычными к условиям жизни в регионе.

В результате с середины 1880-х гг. у большинства земских управ Пермской губернии уже не было серьезных проблем с наймом врачей. Последние, в свою очередь, стали реже оставлять службу. В ряде уездов избрание врачей даже стало проводиться на конкурсной основе, на основе обсуждения рекомендаций.

В новых условиях определенного «насыщения» рынка квалифицированного медицинского персонала земства Пермской губернии даже стали экономить на содержании врачей. Им отказывали в повышении жалования, резко сократилась практика назначения стипендий для обучения в высших медицинских заведениях, в большинстве случаев было запрещено совместительство.

Некоторые земства Пермской губернии попытались сэкономить и за счет появления в России женщин, получивших высшее медицинское образование. Последние зачастую соглашались на меньшее жалование, как в силу существовавшей дискриминации по гендерному признаку, так и своей ограниченности в правах по действовавшей нормативной базе (в частности, они не могли заведовать больницей). Женщин-врачей стали приглашать на земскую службу в уезды Пермской губернии с окладом в 1,0-1,2 тыс. руб.

Но такая практика экономии в большинстве своем себя не оправдала. Женщины-врачи быстро покидали службу в новых участках с центрами в отдаленных селах, не обеспеченных приемлемыми условиями для жизни и работы. Их численность в земствах Пермской губернии оставалась стабильно невысокой. В начале 1890-х гг. в ее уездах в среднем служили всего четыре женщины-врача [8, прил., табл. 9].

Только с начала XX в., в условиях неуклонного роста нагрузки на медицинский персонал и инфляционных процессов, уездные земства Пермской губернии вновь стали повышать оклады своим врачам, в основном по выслуге лет. При этом размеры надбавок отличались. Так, в Екатеринбургском, Кунгурском, Пермском уездном и Соликамском земствах с 1905 г. были установлены доплаты участковым врачам в 300 руб. за каждый их трех пятилетних сроков службы. В итоге их максимальный оклад составлял 2,4 тыс. руб. В других уездах они были несколько ниже.

Социальная защищенность земского медицинского персонала постепенно улучшалась. По новому земскому «Положению» 1890 г. врачи получи-

ли права государственной службы. К концу XIX в. во всех уездах Пермской губернии они имели ежегодный месячный оплачиваемый отпуск. После выслуги четырех-пяти лет врачи получали право на научную стажировку) в университетских центрах. на несколько месяцев. Для этих целей уездные земства Пермской губернии назначали безвозмездные субсидии.

Министерство внутренних дел приняло участие в разработке общих правил страхования медицинского персонала, которые были введены в 1910 г. Наследники врачей, умерших в ходе борьбы с эпидемиями, стали получать от губернского земства единовременную выплату по пять тыс. руб. [14, с. 37].

В результате в новых исторических реалиях срок службы земских врачей в Пермской губернии стал стабильно расти. В тоже время составленная автором сводная база по всем врачам, служившим в Екатеринбургском уездном земстве (83 чел. в 1870-1914 гг.), показывает существенные различия по отдельным участкам (табл.).

Таблица

**Средний срок службы земских врачей
в Екатеринбургском уезде Пермской губернии в 1871-1914 гг.**

<i>Врачебный участок</i>	<i>Срок деятельности участка, лет</i>	<i>Служило врачей, чел.</i>	<i>Средний срок службы, лет</i>
Брусянский	43	14	3,1
Невьянский	42	11	3,8
Каслинский	42	7	6,0
Билимбаевский	42	8	5,2
Режевской	41	13	3,2
Полевской	40	12	3,1
Пригородный	38	5	7,5
Багарякский	32	3	9,7
Уфалейский	29	6	4,8
Никольский	11	4	2,7
Итого	-	-	4,9

В большинстве сельских участков средний срок службы земского врача в оставался существенно меньшим, чем в горнозаводских. Исключением стал только Багарякский, где земский стипендиат И.А. Смородинцев прослужил более 30 лет.

Во многом похожим было положение и в других уездах Пермской губернии. По нашим подсчетам, в сельских участках средний срок службы земского врача и в начале XX в. обычно не превышал двух-трех лет. В тоже время в земских больницах в уездных центрах и крупных заводских поселках они нередко работали по несколько десятилетий. В ряде уездных земств утвердилась практика предложения перейти в более привлекательный участок (при появлении вакансии) врачу с самым большим сроком службы. Земские собрания и управы обычно шли навстречу желанию медиков иметь резиденции в крупных заводских поселках. Их инфраструктура в большинстве своем была существенно лучше, чем в соседних селах.

Выводы. В первые полтора десятилетия деятельности уездные земства Пермской губернии испытывали серьезные проблемы с наймом и адаптацией врачей. Ситуация стала принципиально меняться только с середины 1880-х гг. Этому способствовали две тенденции: ликвидация острого дефицита врачей в стране и улучшение условий их службы в уездных земствах Пермской губернии. Кроме того, постепенно принесла свои плоды практика назначения земских стипендий. Она позволила получить высшее медицинское образование большому числу местных уроженцев, лучше приспособленным к условиям жизни в регионе. В результате текучесть врачей на земской служ-

бе в Пермской губернии существенно сократилась, хотя и создавала определенные проблемы вплоть до 1914 г. Подавляющее большинство земских врачей предпочитали служить в уездных центрах или крупных заводских поселках, имевших лучшую инфраструктуру. Распространенные представления об особой идейности и даже альтруизме земских врачей представляются нам существенно преувеличенными.

Литература

1. Булгакова Л.А. Мистика земского врача // Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 275-292.
2. Журналы XVI очередного Верхотурского уездного земского собрания 1885 г. с докладами управы и другими приложениями. Пермь: тип. губерн. земской управы, 1886. 858 с.
3. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X очередной сессии (1879 г.) и доклады уездной земской управы, раскладочной и ревизионной комиссий. Екатеринбург: Тип. Мерной и Краевой, 1880. 521 с.
4. Журналы двенадцатого очередного Екатеринбургского уездного земского собрания 1881 г. и доклады уездной земской управы. Екатеринбург: Тип. губерн. земской управы, 1882. 603 с.
5. Земское самоуправление в России, 1864-1918: в 2 кн. / под ред. Н.Г. Королёвой. М.: Наука, 2005. Кн. 1. 1864-1904. 428 с.; кн. 2. 1905-1918. 384 с.
6. Земско-медицинский сборник. Материалы по развитию земской медицины в России за первое 25-летие (1865-1890 гг.) / обработал Д.Н. Жбанков. М.: тип. Иноземцева, 1893. Вып. 7. С. 1-103.
7. Осипов Е.А. Земская медицина в России // Русская земская медицина / сост. Е.А. Осипов, И.В. Попов, П.И. Куркин. М.: Печ. Яковлева, 1899. С. 43-211.
8. Очерк состояния санитарного и медицинского дела в Пермской губернии. Земская медицина. Пермь: Тип. губ. земской управы, 1899. 232 с.
9. Первый съезд земских врачей в г. Перми в августе 1872 г. Пермь: Тип. Поповой, 1872. 104 с.
10. Систематический сборник постановлений Осинских уездных земских собраний за время 1870-1890 г. / сост. И.С. Сигов. Оса: Тип. Кузнецова, 1891. 549 с.
11. Черноухов Д.Э. База данных по земским врачам Пермской губернии: проблемы составления и перспективы рефлексии // Документ. Архив. История. Современность: материалы VII всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 351-354.
12. Черноухов Э.А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158-160.
13. Хламов В.И. Очерк развития земской медицины в Ирбитском уезде. Ирбит: Тип. насл. Хитровой, 1892. 130 с.
14. Шестова Т.Ю. Развитие здравоохранения в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX – начале XX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2017. № 1. С. 24-39.
15. Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. 398 p.

References

1. Bulgakova L.A. *Mistika zemskogo vracha* [Mistic of zemstvo doctor]. *Medicina Rossii v gody vojny i mira. Novye dokumenty i issledovaniya*. Russian medicine in the years of war and peace. New documents and studies. SPb.: Publ. Nestor-Istoriya, 2011, pp. 275-292.
2. *Zhurnaly XVI ocherednogo Verhoturskogo uezdnogo zemskogo sobranija 1885 g. s dokladami upravly i drugimi prilozhenijami* [Journals of the XVI regular Verhoturie district zemstvo assembly with reports from the administration and commissions and other annexes for 1885]. Perm: Publ. gubern. zemskoj upravly, 1886. 858 p.

3. *Zhurnaly Ekaterinburgskogo uezdnogo zemskogo sobranija X ocherednoj sessii (1879 g.) i doklady uezdnoj zemskoj upravy, raskladochnoj i revizionnoj komisij* [Journals of the Yekaterinburg district zemstvo assembly of the X regular session (1879) and reports of the district zemstvo council, folding and revision commissions]. Ekaterinburg: Publ. Mernoj i Kraevoj, 1880. 521 p.
4. *Zhurnaly dvenadcatogo ocherednogo Ekaterinburgskogo uezdnogo zemskogo sobranija 1881 g. i doklady uezdnoj zemskoj upravy* [Journals of the twelfth regular Yekaterinburg district zemstvo assembly of 1881 and reports of the district zemstvo council]. Ekaterinburg: Publ. gubern. zemskoj upravy, 1882. 603 p.
5. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864-1918: v 2 kn. / pod red. N.G. Korolyovoj*. [Zemstvo self-government in Russia, 1864-1918: in 2 books. / Ed. N.G. Koroleva]. M.: Publ. Nauka, 2005, No. 1. 1864-1904. 428 p.; No. 2. 1905-1918. 384 p.
6. *Zemsko-meditsinskiy sbornik. Materialy po razvitiyu zemskoy meditsiny v Rossii za pervoe 25-letie (1865-1890 gg.)* [Zemstvo medicine collection: Materials of zemstvo medicine development in Russia for first 25 years (1865-1890)]. M.: Inozemtseva Publ., 1893, Vol. 7, pp. 1-103.
7. *Osipov E.A. Zemskaya medicina v Rossii. Russkaya zemskaya meditsina* [Russian zemstvo medicine]. E.A. Osipov, I.V. Popov, P.I. Kurkin. M.: Yakovleva Publ., 1899. 340 p.
8. *Ocherk sostojanija sanitarnogo i medicinskogo dela v Permskoj gubernii* [An outline of the state of sanitary and medical affairs in the Perm province]. *Zemskaja medicina*. Zemstvo medicine. Perm: Publ. tip. gub. zemskoj upravy, 1899. 232 p.
9. *Pervyj sezd zemskih vrachej v g. Permi v avguste 1872 g* [The first congress of zemstvo doctors in Perm in August 1872]. Perm: Publ. Popovoj, 1872. 104 p.
10. *Sistematicheskij sbornik postanovlenij Osinskih uezdnyh zemskih sobranij za vremja 1870-1890 g* [A systematic collection of resolutions of Osinsky district zemstvo assemblies during the period 1870-1890] / sost. I.S. Sigov. Osa: Publ. Kuznecova, 1891. 549 p.
11. *Chernouhov D.E. Baza dannyh po zemskim vracham Permskoj gubernii: problemy sostavlenija i perspektivy refleksii* [Zemstvo doctors database of the Perm province: compilation problems and perspectives of reflection]. Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': materialy VII vseros. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg: Publ. Ural. un-ta, 2018, pp. 351-354.
12. *Chernouhov E.A. Ni chinov, ni ordenov, ni pensii na starost' ne daetsja. Polozhenie vrachej Permskoj gubernii v konce XIX veka* [No ranks, no orders, no pensions for old age are given. The position of the doctors of the Perm province in the end of XIX century]. Publ. Rodina, 2012, № 11, pp. 158-160 (in Russian).
13. *Hlamov V.I. Ocherk razvitija zemskoj mediciny v Irbitskom uezde* [An Essay on the Development of Zemstvo Medicine in Irbit district]. Irbit: tip. nasl. Hitrovoj, 1892. 130 p.
14. *Shestova T.Ju. Razvitie zdavoohranenija v Permskoj i Vjatskoj gubernijah v konce XIX - nachale XX v* [The development of health care in the Perm and Vyatka provinces in the late nineteenth and early twentieth centuries.] *Historia provinciae - zhurnal regional'noj istorii*, 2017, № 1, pp. 24-39 (in Russian).
15. *Frieden N.M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856-1905*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981. 398 p.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.001

УДК 378.018.2

ББК 74.489.00

Т.Ю. БЕРЕЗИНА,
А.Г. ПУЗЕПT.YU. BEREZINA,
L.G. PUZEPДИСКУССИЯ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТИ СЕМЬИ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВDISCUSSION
AS A METHOD OF FORMING FAMILY VALUES
AMONG FUTURE TEACHERS

Статья посвящена опыту формирования у студентов педагогического вуза ценностных представлений о семье в процессе их включения в дискуссию. Авторами рассмотрены два основных вида дискуссии, применяемые на начальном этапе вовлечения студентов в данную форму взаимодействия. В работе представлены этапы проведения дискуссий и их содержание. В исследовании раскрыты формы работы со студентами педагогического вуза, способствующие обсуждению в молодежной среде вопросов создания семьи, традиционного представления о ней. Авторами сделан акцент на осмыслении в процессе дискуссии функции и традиций семьи, значимости сформированности представлений о ней у современной молодежи.

The article is devoted to the experience of formation of value ideas about the family in the process of their inclusion in the discussion among students of pedagogical University. The authors consider two main types of discussion used at the initial stage of involving students in this form of interaction. The paper presents the stages of discussions and their content. The study reveals the forms of the work with students of pedagogical University contributing to the discussion among young people of the issues of creating a family and the traditional idea of it. The authors emphasize the understanding of the function and traditions of the family in the process of discussion, the importance of the formation of ideas about it among modern youth.

Ключевые слова: ценность, семья, дискуссия, панельная дискуссия, будущие педагоги.

Key words: value, family, discussion, panel discussion, future teachers.

Достижению социально-значимого результата в педагогической деятельности способствуют взгляды будущего педагога и сформированные в процессе обучения в педагогическом вузе ценности. Именно они являются основными ориентирами в педагогической деятельности, поскольку данное понятие многомерно и включает явления и их свойства, существенные для общества и личности. Сформированные ценности у педагога характеризуют его готовность осуществлять педагогическую деятельность с гуманистических позиций [8]. Ценности педагога отражаются в различных формах направленности личности – убеждениях, идеалах, интересах. Они осмысливаются в процессе освоения личностью социального опыта. С этих позиций они будут сформированы у студентов в образовательном процессе.

Ориентировке в профессиональной деятельности помогают интерактивные формы работы со студентами, а также включение обучающихся в реализацию конкретных видов взаимодействия с целью раскрытия содержания отдельных ценностей и их осмысления. Опыт взаимодействия, полученный в вузе, способствует готовности будущего педагога к осуществлению профессиональной деятельности [7].

В современном обществе, как показывают исследования, существует неоднозначное представление о ценности семьи у молодежи [2, с. 31-35]. Это выражается, с одной стороны, в распространении «гражданских» браков, а с другой – в выборе приоритета карьеры и материального обеспечения. С этой точки зрения мы посчитали необходимым акцентировать внимание молодежи на осознанном выборе спутника жизни, осмыслении значения семьи для жизни и счастья человека [1, с. 235-239].

Актуальными формами работы с молодежной аудиторией являются различные виды групповых дискуссий. Дискуссия сегодня одна из активных форм взаимодействия, которая позволяет стимулировать инициативность студентов, способствует развитию рефлексивного мышления. Она предполагает обмен мнениями, равноправное обсуждение ключевых понятий представителями разных поколений и социальных институтов. Ее проведение уместно, когда участники оказываются в ситуации выбора и не могут дать однозначного ответа на поставленный вопрос. Ошибочно полагать, что во время дискуссии позиция ее участников должна быть неизменной. Форма дискуссии как раз и предполагает возможность выслушать разные точки зрения участников и определиться с собственным ответом на поставленный ранее вопрос. Это и делает ее привлекательной для молодежной аудитории.

Для дискуссии характерны целенаправленность и упорядоченный обмен идеями, суждениями, мнениями, четкая организация места и времени проведения. Характерным признаком дискуссии является диалогическая позиция ведущего (преподавателя), реализующаяся в соблюдении правил и поддержании активности аудитории. Дискуссия позволяет участникам не только высказывать свою точку зрения и аргументировать ее, но и получать опыт ее организации и проведения. Этот опыт будет востребованным в будущей педагогической деятельности студентов, так как позволит решать возникающие педагогические задачи и учитывать разные точки зрения. При получении такого опыта взаимодействия у будущего учителя формируются навыки общения с оживленной аудиторией, совершенствуются приемы ведения дискуссии для решения поставленного вопроса [4, с. 323].

М.В. Кларин в своем исследовании «Инновации в мировой педагогике» говорит об эффективности дискуссии как формы работы с обучающимися [5]. Опыт проведения дискуссий позволил сделать выводы о возможности ее использования при формировании ценностных ориентиров студентов. Виды дискуссий многообразны, что определено их разными целевыми установками. При работе с многочисленной аудиторией наиболее востребованными видами дискуссий являются дебаты, форумы, симпозиумы [6]. Начальным этапом подготовки студентов к участию в мероприятиях такого формата могут стать, по нашему мнению, направленная дискуссия в форме игры «Три стенки» и «панельная дискуссия».

Форма игры «Три стенки» не является привычной для студентов, ведь она предполагает не классическое противостояние двух точек зрения, а дает возможность привести аудиторию к осмысленному выбору позиции по поводу обсуждаемого вопроса. Первоначально ведущий приглашает к участию всех желающих. Как показывает опыт, на этом этапе игры такая группа малочисленна, но ведущий не делает целью вовлечь всю аудиторию в игру. Оставшаяся часть выступает в качестве зрителей, которые могут включиться в игру при обсуждении следующего тезиса. Заинтересованность зрителей вопросами тезисов может привести к вовлечению всей аудитории в процесс игры.

Данная игра требует значительной предварительной подготовки со стороны преподавателя, который заранее готовит тезисы для включения аудитории в обсуждаемую тему. Формулировка тезисов должна содержать спорное утверждение, предполагать выбор трех вариантов ответа («да», «нет», «сомневаюсь»). Выбрав вариант ответа, участники объединяются в группы и размещаются в аудитории в соответствии с выбором. Те, кто не определился, занимают центр аудитории – «третью стенку» сомневающихся. Ведущий выборочно обращается к представителям каждой группы и предлагает им обосновать свой выбор. Рекомендуются предлагать публике достаточно сложные вопросы, помогающие осмыслить свое поведение, задуматься о поступках, понять себя и других.

Организации игроков в пространстве способствует использование в процессе игры мультимедийной презентации, демонстрирующей тезисы и направление движения игроков при выборе ответа. Преподавателю предварительно необходимо выбрать пространство для игры, позволяющее игрокам свободно перемещаться по аудитории в зависимости от выбора ответа. Выслушивая аргументы участников игры, каждый игрок может в течение ее пересмотреть свое мнение и примкнуть к другой стенке, свободно перемещаясь по аудитории. В результате этого количество игроков в каждой группе (стенке) неожиданно меняется, что нужно учитывать при выборе аудитории для игры. Участник, изменивший первоначальное решение, должен объяснить причины этого. Иногда изменение выбора является неожиданностью для самих участников и бывает связано с переосмыслением изначальной позиции на основе аргументации других игроков.

С целью обсуждения ценности семьи в социуме для будущих педагогов была проведена игра «Три стенки» на тему «Ценность семьи в современном обществе». Преподавателями заранее для обсуждения были подготовлены следующие тезисы:

- Семья – это ценность современного общества.
- Семья предполагает законный брак.
- Счастье в браке предопределяется выбором супруга.
- Главное условие вступления в брак – это любовь.
- Нельзя вступать в брак с человеком с незрелой любовью.
- Счастливый брак – это дар от Бога.
- С милым рай и в шалаше.
- Непохожесть супругов – необходимое условие счастливого брака.
- Женский взгляд на семейное счастье более жертвенный.
- В условиях неразрешающегося разногласия в семье (пусть меняется он (она) / нужно меняться мне / найду другого (другую).
- Провести всю жизнь вдвоем на необитаемом острове – это рай или ад?
- Предположим, женихи бывают трёх видов: плохие, нормальные и хорошие. Допустим, все три вида встречаются в равных пропорциях. Встречаясь впервые, невозможно понять, что за жених, так как не с кем сравнить. Как повысить вероятность выбора хорошего жениха? Сравните следующие стратегии:

Стратегия А (нетерпеливая). Выйти замуж за первого встречного.

Стратегия В (терпеливо-неразборчивая). За первого встречного замуж не выходить ни в коем случае. Если второй жених не хуже первого, то выходить за него. Иначе выходить за третьего, каким бы он ни был.

Стратегия С (терпеливо разборчивая). Первый – нет. Если второй жених лучше первого, то выходить за него. Иначе выходить за третьего, каким бы он ни был.

Стратегия D (долготерпеливо-неразборчивая). Если второй или третий женихи попадутся не хуже первого, то выходить за них. Иначе выходить за четвертого, каким бы он ни был.

Стратегия Е (долготерпеливо-разборчивая). Если второй или третий женихи попадутся лучше первого, то выходить за них. Иначе выходить за четвертого, каким бы он ни был.

- Семья – это представители разных поколений.
- Ценностью семьи являются дети.
- Детей в семье должно быть (один / два / сколько будет).
- Воспитанием детей должны заниматься (родители / бабушки, дедушки / школа).

Игра очень динамична, эмоциональна, предполагает возможность включения в нее новых членов. Немаловажным будет и выбор участников игры, который определяется темой игры и должен быть неоднородным. Это люди, состоящие в браке продолжительное время и вступившие в него недавно, а также представители разных профессий и социальных институтов; студенты разных курсов и профилей подготовки педагогического вуза.

Игра завершилась принятием группового решения. На заключительном этапе игры участники должны выбрать наиболее значимые варианты предложенных тезисов, раскрывающие содержание ценности семьи. С этой целью проходило обсуждение, в ходе которого участники использовали не голосование как выбор в пользу тезиса, а выход в центр аудитории для подтверждения согласия с тезисом, представленным на экране. В качестве тезисов оказались те, которые характеризуют категорию семьи (законный брак, дети, межпоколенные связи, любовь).

Следующим этапом в процессе освоения дискуссии как формы работы можно выделить такой вид дискуссии, как «панельная дискуссия», которая способствует обсуждению проблемы в группе численностью более сорока человек. Тема проведенной нами панельной дискуссии – «Общение и взаимопонимание». Ведущий (преподаватель) формулирует проблему дискуссии, а участники делятся на группы. Деление на группы может происходить различными способами, например, по результатам проведенного ранее анкетирования. Аудитории заранее предлагается анкета, включающая список качеств, необходимых для общения и взаимопонимания (от трех до пяти). Результаты анкетирования позволяют разбить аудиторию на группы в зависимости от выбранного качества. На следующем этапе каждая группа выбирает представителя (председателя) для участия в дискуссии и аргументации ее мнения. Представитель группы должен максимально точно выразить общую позицию группы, при этом сама группа не вступает в дискуссию. В конце дискуссии представители групп осуществляют критический анализ процесса обсуждения и приходят к единому решению совместно со всеми участниками. Особенностью этой дискуссии является подача информации по одному вопросу с разных позиций. При проведении такого вида дискуссии в педагогическом вузе интересным будет выделение трех направлений в понимании общения и взаимодействия: педагогическом, психологическом и культурологическом. Итогом панельной дискуссии по выбранной теме может стать вывод о необходимости сохранения в нашем обществе традиционного представления о семье, ее ценностях, функциях и традициях, поскольку основа общения и взаимопонимания закладывается в данном социальном институте. В рамках такой дискуссии целесообразно обсуждать вопросы межличностных отношений и общения молодежи как основы подготовки к семейной жизни, а также вопросы нарушения семейных отношений и их последствия, влияния конфликтных отношений на развитие личности в семье.

Такая форма организации работы с будущими педагогами способствует обсуждению вопросов создания семьи, сохранению бесконфликтных отношений, уважению и взаимопониманию между членами семьи, рассмотрению «секретов» счастья на примерах конкретных семей [3]. Данная работа позволяет формировать представление о ценности семьи у студентов и отметить в качестве продуктивных методов такие виды групповой дискуссии, как игра «Три стенки» и «панельная дискуссия».

Общение в формате дискуссии позволило современной молодежи расширить и переосмыслить представления о роли мужчины и женщины в семье, о значении счастья не только для себя, но и для близких людей, познако-

милу с различными примерами проявления рассматриваемой ценности. Работа была направлена на освоение будущими педагогами разных видов дискуссии и их профессиональный рост, а также на осмысление ценности семьи в современном обществе.

Литература

1. Березина Т.Ю., Пузеп Л.Г. Осмысление содержания понятия «семья» современной молодежью // «VI Капеновские чтения»: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию ученого-педагога Г.С. Капенова. Павлодар: ПМПУ, 2018. С. 235-239.
2. Березина Т.Ю., Пузеп Л.Г. Формирование представлений о традиционных семейных духовно-нравственных ценностях у студентов педагогического вуза // Высшее образование сегодня. 2018. № 10. С. 31-35.
3. Бурмистрова Е.А., Бурмистров М.Ю. Современная семья. Психология отношений / ред.: И.В. Бакулина. М.: Изд-во "Дарь", 2016. 544 с.
4. Гулевич О.А., Сарнева И.Р. Социальная психология. М.: Изд-во Юрайт, 2015. С. 323-328.
5. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии. (Анализ зарубежного опыта). Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. 176 с.
6. Педагогика: теории, системы, технологии: учебник для студ. высш. и средн. учеб. заведений / С.А. Смирнов, И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов и др.; под ред. С.А. Смирнова. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 512 с.
7. Психолого-педагогическое взаимодействие участников образовательного процесса: в 2 ч. Ч. 1: учебник для академического бакалавриата / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Д.В. Лубовский. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 271 с.
8. Сергеев И.С. Основы педагогической деятельности: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2004. 316 с.

References

1. Berezina T.Yu., Puzep L.G. Comprehension of the concept "family" by modern youth // "VI Kapenov readings" materials of the international scientific and practical conference devoted to the 90th anniversary of the scientist-teacher G.S. Kapenov. Pavlodar: RUSSIA, 2018, p. 235-239.
2. Berezina T.Yu., Puzep L.G. Formation of ideas about traditional family spiritual and moral values among students of pedagogical University // Higher education today, 2018, No. 10, p. 31-35 (in Russian).
3. Burmistrova E.A., Burmistrov M.Yu. Modern family. Psychology of relations / Editor: I.V. Bakulina. M.: Publishing house "Dar", 2016. 544 p.
4. Gulevich O.A., Sarnia I.R. Social psychology. M.: Yurayt Publishing House, 2015, p. 323-328.
5. Klarin M.V. Innovations in world pedagogy: learning based on research, games and discussions. (Analysis of foreign experience). Riga: SPC «Experiment», 1995. 176 p.
6. Pedagogy: theories, systems, technologies: textbook for students. no. and average. studies. institutions / S.A. Smirnov, I.B. Kotova, E.N. Shiyanov et al.; Under the editorship of S.A. Smirnova. M.: Publishing center «Academy», 2006. 512 p.
7. Psychological and pedagogical interaction of participants of educational process: in 2 h. P. 1: textbook for academic baccalaureate / A.M. Parishioners, N.N. Tolstykh, D.V. Lubovsky / ed. M.: Yurayt Publishing House, 2016. 271 p.
8. Sergeev I.S. Fundamentals of pedagogical activity: Textbook. SPb.: Peter, 2004. 316 p.

В.В. ГАВРИЛОВ

V.V. GAVRILOV

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS OF SECONDARY SCHOOL

Приходя в школу, учащиеся уже владеют в достаточной степени родным языком, способны выражать свои мысли и чувства. Однако в школе существенно увеличивается объем учебной информации, учащийся должен уметь быстро и эффективно перерабатывать ее. Речь (как и мышление) обучающихся должны совершенствоваться, иначе школьники не смогут впоследствии решать те воспитательные и учебные задачи, которые перед ними ставят педагоги.

В данной статье автор рассматривает историю вопроса: теоретические предпосылки методики развития речи у школьников, без которой практическая работа может оказаться несистемной, дает ряд рекомендаций по совершенствованию работы в данном направлении. Намечены основные направления развития методики развития коммуникативной компетенции в рамках коммуниктивно-деятельностного подхода.

Coming to school, students already know enough of their native language and they are able to express their thoughts and feelings. However, the school significantly increases the amount of educational information; student must be able to quickly and efficiently process it. Speech (as well as thinking) of students must be improved, otherwise students will not be able to subsequently solve the educational and training tasks that teachers put before them.

In this article the author considers the history of the issue, namely, the theoretical background of the methodology for the development of speech in schoolchildren, without which practical work may turn out to be unsystematic. The author gives a number of recommendations for improving work in this field. The main directions of the development of the methodology for the development of communicative competence in the framework of the communicative-activity approach are outlined.

Ключевые слова: развитие речи, средняя школа, методика, коммуникация, учебная информация, речеведение.

Key words: speech development, secondary school, methodology, communication, educational information, speech studies.

Введение. В средней школе увеличиваются требования к освоению учебной информации, происходит более активное включение личности в социум, ее адаптация должна быть более эффективной и осознанной, чему во многом способствуют навыки эффективного речепорождения. По сути, хорошее владение устной речью – залог успешной социализации выпускника школы, будущего студента, а затем и специалиста. Развитие коммуникативной компетенции обучающихся должно активно осуществляться в средней школе на уроках русского языка.

В соответствии с ФГОС Российской Федерации [12] в рабочих программах средней школы по русскому языку выделяются следующие предметные результаты изучения русского языка: учащийся способен осуществлять выбор и организацию языковых средств в соответствии с темой, целями, сферой и ситуацией общения; владеть различными видами монолога и диалога (побуждение к действию, обмен мнениями, установление и регулирование межличностных отношений); свободно, правильно излагать свои мысли в устной и письменной форме, соблюдать нормы построения текста; адекватно выра-

жать свое отношение к фактам и явлениям окружающей действительности, к прочитанному, услышанному, увиденному; соблюдать в практике речевого общения основные произносительные, лексические, грамматические нормы современного русского литературного языка. Как видим, все это имеет непосредственное к развитию коммуникативной компетенции обучающихся. И роль учителя-словесника в данном случае трудно переоценить.

Современная нацеленность образовательных программ на речевое развитие учащихся ставит перед педагогом задачу дальнейших методических поисков, связанных с определением места и роли уроков развития речи в системе обучения русскому языку. Это чрезвычайно актуально для всех звеньев школы, поскольку развитие речи как цель обучения, как средство формирования языковой личности является сквозной линией, пронизывающей программы русского языка с 1 по 11 класс.

Хованская Е.А., проанализировав различные модели начального образования в средней школе, отмечает, что «учитель нередко испытывает трудности в выборе и применении наиболее конструктивных методов и подходов, позволяющих не только соблюсти концепцию того или иного учебника и программы, но и сделать процесс обучения интересным, понятным, эффективным, способствующим формированию языковой личности школьника, развитию его языковой и речевой способностей [13, с. 319].

Выстраивая методику развития коммуникативной компетенции, педагог прежде всего должен обеспечить комплекс условий для формирования коммуникативных универсальных учебных действий. Как справедливо отмечает Е.Е. Дудковская, «при определении комплекса условий для обеспечения успешного формирования коммуникативной компетенции ребенка важно учитывать, насколько эти условия будут способствовать: обогащению, осознанию и систематизации речевого опыта ребенка; усилению речевой активности ребенка; развитию его «чувства языка». Это возможно при создании развивающей речевой среды, использовании моделирования ситуаций живого общения, стимулирующих и активизирующих речевую деятельность, что достигается при реализации деятельностно-коммуникативного подхода в обучении» [5, с. 100]. Комплекс указанных условий формируется, во-первых, с учетом индивидуальных особенностей обучающихся (не у всех одинаково развита устная речь, не все готовы включиться в коммуникацию, не все понимают значимость упражнений по развитию речи для будущей жизни), во-вторых, связан с выбором наиболее оптимальных для конкретной аудитории, эффективных и современных методов, приемов формирования коммуникативной компетенции.

В любом случае, выбор этих методов на современном этапе должен формироваться в рамках наиболее актуальной сейчас деятельностной парадигмы в обучении. Кроме того, на занятиях должна создаваться ситуация успеха, в которой каждый субъект образовательной деятельности чувствовал бы себя комфортно, мог работать продуктивно, с наибольшей отдачей (в зависимости от стартового уровня).

Саркисян Т.А. выделяет ряд аспектов овладения речью, которые входят в ведение школы. Безусловно, в основе учебных занятий по развитию коммуникативной компетенции лежит освоение речевых норм (орфоэпической, морфологической, лексической, словообразовательной, синтаксической). Изучая лексические нормы, школьник учится использовать слова современного русского литературного языка, понимая, что в определенных ситуациях нельзя использовать просторечные слова и выражения, диалектизмы и жаргонизмы. Кроме того, он учится осуществлять осознанный выбор слов и выражений при создании научной работы, а также начинает видеть разницу между выразительными средствами художественного и разговорного стилей. Также на занятиях (или их фрагментах), посвященных развитию речи, обучающиеся приобретают навыки осознанного чтения и письма (то есть рефлексии по поводу написанного или прочитанного). Это умение так-

же крайне важно для будущей социализации, поскольку учащийся не только получает новую информацию, объем которой постоянно увеличивается, но и должен формировать свое собственное мнение о прочитанном, уметь грамотно излагать свои суждения на письме, в виде эссе или аналитического материала. Вместе с этим обучающийся учится отличать письменную речь от устной и устно-разговорной, видеть жанровые и стилистические различия текстов, предложенных для анализа. Еще одна задача, которую ставит перед собой школа – это развитие навыков речевого общения, доведение их до такого минимального уровня, ниже которого не должен остаться ни один школьник [9]. Все это заставляет педагогов и методистов пересмотреть подходы к развитию речи, формированию коммуникативной компетенции у обучающихся средней школы. А для этого педагог должен владеть определенной теоретической базой, с опорой на которую сможет двигаться по пути совершенствования собственной методики преподавания.

Цель данной статьи – определение теоретических предпосылок развития коммуникативной компетенции в рамках коммуникативно-деятельностного подхода, без которых невозможно выстраивание методологической системы по развитию речи учащихся средней школы.

Материалы и методы исследования. В работе осуществлен критический анализ существующих подходов к развитию культуры речи обучающихся, к овладению ими коммуникативной компетенцией, рассмотрены различные точки зрения на указанную проблему, изучен и проанализирован российский педагогический опыт, накопленный в течение двух столетий, как приоритетный выделяется коммуникативно-деятельностный подход в обучении.

Нельзя не согласиться Е.И. Литневской и В.А. Багрянцевой, которые считают, что «работа по развитию речи – важнейший компонент формирования коммуникативной компетенции учащихся, приобретение которой является главной практической целью обучения русскому языку» [6, с. 505].

Такие известные методисты, как М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Н.А. Ипполитова, М.Р. Львов отводят занятиям по развитию речи в школе главенствующую роль: «Именно уроки русского языка создают ту базу, на которую должны опираться учителя-предметники, чтобы успешно (экономно и эффективно) решать задачи развития речи школьников на межпредметном уровне» [8, с. 227].

Методика развития речи прошла в своем становлении долгий путь. Ее истоки, на наш взгляд, необходимо искать в трудах древнегреческих философов – Платона (диалоги «Кратил» и «Софист»), Аристотеля (работы «Категории», «Об истолковании»), Сократа, а также римского педагога Квинтилиана, которые считали развитие речевых навыков у подрастающего поколения одной из важнейших задач не только обучения, но и воспитания.

В России М.В. Ломоносов первым стал рассматривать языковые явления с позиций их стилистического разграничения. Им была осуществлена попытка представить языковые явления в системе, при этом особое внимание уделялось использованию языковых правил в речи применительно к определенной ситуации.

Основоположниками методики развития речи стали такие видные филологи и педагоги, как Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский, Н.Ф. Бунаков, В.П. Шереметьевский и др.

В XIX веке в российском языкознании наметилось три направления, так или иначе систематизирующих представления о развитии определенных элементов речи у обучающихся: лексико-грамматическое, психологическое и формально-грамматическое.

Характеризуя первое направление, Ж.В. Чуйкова отмечает следующее: «Представители логико-грамматического направления, влияние которых на школу было особенно сильным, ставили целью в своих учебных пособиях развитие смысловой стороны языка и речи, считая особенно важным развитие

логического мышления учащихся. Особенностью этих учебников было то, что изучение грамматики начиналось с предложения; а морфология так тесно увязывалась синтаксисом, что происходило смешение логических категорий с грамматическими [14, с. 52].

Основателем данного направления стал Ф.И. Буслаев. Он настаивал на том, чтобы в основе обучения русскому языку было обучение речи, то есть указывал на практикоориентированный характер школьных занятий. Живое слово должно стать образцом и основой для проведения занятий. Теория предполагала анализ классических текстов, затем знакомство с различными формами речи переходит в практическое русло. В работе «О преподавании отечественного языка» (1844 г.) он пишет: «Учитель отечественного языка должен выучить детей правильно писать чужое и потом сочинять свое. К первому относится правописание, ко второму, кроме собственно сочинений, переводы, извлечения и т.п. И то и другое не должно выходить из пределов предмета преподавания, т.е. как правописание исключительно основывается на грамматике, так сочинения, извлечения, переводы на чтении образцовых писателей, на истории литературы, на сравнительном языковедении» [2, с. 121-122].

В рамках лексико-грамматического направления ключевой задачей считалось развитие мышления, для чего необходимо не просто изучать те или иные языковые явления, но и выполнять учебные задания, включающие элементы логических операций (анализа, синтеза, сравнения), то есть учащиеся должны осознавать связь, существующую между мыслью и способом ее выражения. Это, безусловно, позволяло избегать формального изучения правил, делало обучение практикоориентированным, осознанным.

Известный российский педагог, основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский основой развития устной и письменной речи считал формирование мышления, осознанное понимание смысла слова и высказывания в целом. Об этом свидетельствует следующее высказывание автора: «Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова..., не получило навыка распоряжаться им свободно в устной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета» [11, с. 245]. Ученый отмечает одну из наиболее важных функций речи – познавательную: речь выступает как средство овладения общественно-историческим опытом, знаниями, накопленными предшествующими поколениями [11].

Психологическое направление активно развивали А.А. Дмитриевский, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Е.Ф. Будде, пытавшиеся создать стройную методическую систему обучения родному языку старшеклассников и гимназистов, в которой бы синтаксис изучался в тесной взаимосвязи с историей русского языка.

Представителями формально-грамматического направления были А.М. Пешковский, С.И. Абакумов и Д.Н. Ушаков. Их взгляды легли в основу школьных учебников первой половины XX века. Основной акцент делался в данном случае на изучении грамматики, включавшей различные элементы, в том числе и культуру речи.

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Текучева, который считал, что «в конце XIX в. намечается отход от одностороннего подхода к проблеме развития речи как развития только или по преимуществу письменной речи» [10, с. 298]. Действительно, такие исследователи, как В.П. Шереметьевский и В.И. Чернышев стали серьезной движущей силой развития методической мысли на рубеже веков. Опираясь на их взгляды и научные выводы, Е.Е. Соловьева, Е.И. Тихеева и др. разработали и выпустили в свет сборники упражнений и методических рекомендаций («Развитие речи», «Родная речь и пути ее развития»), заговорили о дифференцированном методическом подходе к работе над словарным запасом учащихся, формированием их стилистических навыков.

Необходимо констатировать, что методика развития речи как самостоятельная наука сложилась лишь в 20-30-е годы прошлого века. Она опирается на теорию речевой деятельности, психологию речи, на теорию текста, на литературоведение, стилистику, логику, тесно связана с методикой литературы, грамматики. Речевое мастерство включает навыки коммуникации, умение точно логично и ясно передавать словом мысли и чувства, создавать литературные произведения. Исследователи уже тогда осознают, что работу по развитию речи необходимо проводить с учетом многогранности человеческой личности, а также разнообразных факторов, формирующих социум.

После революции наиболее яркими учеными-методистами, говорившими о проблеме развития речи, были А.В. Миртов, К.Б. Бархин, М.А. Рыбникова, В.В. Голубков. Указанные авторы создали методическую базу, с опорой на которую методика развития речи совершенствуется до сих пор. В частности, были в той или иной степени рассмотрены вопросы, связанные с развитием устной речи, грамматической стилистики, освещена специфика работы по обогащению словарного запаса учащихся, методика написания творческих работ (изложений и сочинений).

В сороковые-пятидесятые годы XX века активизировались поиски более эффективных методов развития речи учащихся, поскольку хорошее владение русским языком являлось не только средством социализации школьника, но и фактором объединения людей, средством укрепления национального единства.

Видным лингвистом и методистом, пик научного творчества которого пришелся на 60-е годы XX века, был А.В. Текучев. Автор много пишет о развитии связной речи учащихся: «Связная речь не может быть нистройной, ни содержательной, ни выразительной, если она не основывается на достаточно богатом словаре и фразеологии учащихся, на навыках пользования разнообразными синтаксическими конструкциями, на умении различать стилистические особенности и оттенки значений разных по построению словосочетаний и предложений, лексических пластов и словообразовательных элементов» [10, с. 299]. Иначе говоря, занятия по развитию речи предполагают комплексное, системное освоение единиц всех уровней языка, их осмысленное использование на практике. По мнению А.В. Текучева, «связная речь является такой формой высказывания, которая предполагает мобилизацию и использование... в концентрированном виде самых разнообразных речевых умений и навыков, ранее приобретенных учащимися» [10, с. 299].

Работу по развитию речи исследователь предлагает строить по трем направлениям:

1. Обогащение словарного запаса учащихся, которое обеспечивается словарной работой (в связи с различными упражнениями, изложениями, сочинениями).
2. Овладение нормами русского литературного языка (произношения, образования форм слов, построения словосочетаний и предложений; ознакомление со стилистическими возможностями частей речи и синтаксических конструкций, лексической синонимией и синонимией суффиксов и приставок).
3. Формирование умений и навыков связного изложения мыслей [10, с. 300].

Первый и второй пункты затрагивают по большей части теоретический пласт работы по развитию речи, освоение ярусов языка, его законов, норм, третий же, по нашему мнению, более прагматичен, так как способствует развитию коммуникативных навыков с учетом конкретной речевой ситуации. Автор подробно описывает методику работы по развитию письменной речи, также уделяет внимание формированию у школьников навыков связной устной речи, которая наиболее социально ориентирована. Из множества приемов, развивающих указанный навык, А.В. Текучев в первую очередь выделяет следующие:

1) при проведении синтаксического разбора особое внимание уделять интонации предложения как единого целого и всех его частей;

2) систематически организовывать коллективное слушание радиопостановок, выступлений мастеров слова с последующим обсуждением;

3) анализировать цельный художественный текст с установлением средств выразительности;

4) использовать наглядные пособия с иллюстрациями отдельных элементов выразительной речи и упражнениями над интонацией [10, с. 349].

Ученый настаивает на том, чтобы учащийся ярко представлял все то, что излагает или обсуждает (развитие образного мышления, творческих способностей), умел использовать свои голосовые данные, овладевал навыками выразительного чтения (взаимодействие с аудиторией, воздействие на нее). Текст, как известно, является вершиной пирамиды языковых уровней, вбирая в себя и органично соединяя все единицы языка, которые использует адресант в процессе коммуникации. И А.В. Текучев совершенно справедливо указывает на необходимость обучать школьников работе с цельным текстом, который является смысловым целым, обладающим в том числе и прагматическими характеристиками. В данном случае непосредственная связь личности обучающегося с социумом становится очевидной.

Заметную роль в деле становления методики развития речи в средней школе сыграл М.Т. Баранов, автор многих учебников и методических работ. В исследовании «Основы методики русского языка в 4-8 классах», редактором которого выступил А.В. Текучев, автор систематизирует накопленный методический опыт, в том числе и в плане развития речи, акцентируя внимание на работе с лексическим составом русского языка, использовании словаря.

Как видим, лексическому и стилистическому аспекту развития речи в конце 40-х – начале 50-х годов уделялось серьезное внимание, в начале 70-х гг. стилистика как раздел была включена в программу по русскому языку в качестве обязательного для изучения. Кроме того, в конце 60-х годов прошлого века педагоги и методисты стали обращать более пристальное внимание на грамматику, синтаксический ярус русского языка в плане развития речи учащихся. Этот подход (во многом интегральный) был вполне оправдан, поскольку учащиеся должны создавать оригинальные, правильно выстроенные с точки зрения родного языка тексты (как устные, так и письменные), оформлять их стилистически, с учетом речевой ситуации и собственных целей коммуникации.

В этой связи добавим, что такие известные исследователи, как В.И. Капинос, Т.А. Ладыженская, А.Н. Гвоздев, М.Р. Львов, Л.П. Федоренко, Г.А. Фомичева указывали на необходимость освоения учащимися грамматического строя языка, считая именно его основой, на которой строится коммуникативный акт и происходит развитие мыслительных способностей школьников.

В последние годы вплоть до настоящего времени ведущим в методике развития речи школьников является *коммуникативное направление*. Оно предполагает потенциальное коммуникативное взаимодействие с другими членами общества, которое, в свою очередь, призвано не только доносить информацию, но и воздействовать на окружающих, убедительно доказывать собственную точку зрения. Коммуникативный подход опирается на изучение языковых единиц в качестве текстообразующих, участвующих в формировании и формулировании речи. В рамках данного направления рассматривается строение синтаксической конструкции в качестве функциональной единицы, имеющей определенную сферу употребления. Коммуникативный подход в плане развития речи связан с освоением школьниками языковых норм во всех видах речевой деятельности: рецептивной, продуктивной, устной и письменной – с учетом ситуации общения. По мнению Т.М. Воителевой, «такое обучение способствует сознательному отношению к системе языка, его нормам и категориям, правилам выбора нужной языковой единицы,

позволяет наиболее эффективно проводить работу над всеми видами речевой деятельности в соответствии с возрастными этапами речевого развития и ведущей деятельностью учащихся – это путь от речевой деятельности к осмыслению и анализу языковых единиц, необходимых для решения коммуникативных, познавательных и воспитательных задач, в единстве их значения, формы и функции» [3, с. 202].

Изучением этапов и условий формирования речевой деятельности учащихся в рамках коммуникативного направления занимались такие исследователи, как Е.В. Архипова, А.П. Еремеева, Г.Г. Городилова, В.И. Капинос, Л.П. Федоренко, Т.А. Ладыженская, М.Р. Львов. Указанные авторы предлагают рассматривать развитие речи комплексно и в системе, связывать изучение учащимися лингвистической теории с практикой, коммуникативными задачами в конкретных условиях общения.

Общепринятой в настоящее время является точка зрения М.Р. Львова, который определяет методику развития речи учащихся как раздел методики русского языка, который изучает «методы и приемы обогащения и активизации словаря учащихся, формирования грамматического строя речи учащихся (морфологических средств, словосочетания, предложения), связной речи – монолога и диалога, повествования, описания и рассуждения, стилей речи. М. р. р. изучает уровни владения речью на разных ступенях обучения и типичные речевые ошибки, их частоту, причины и пути устранения [7, с. 114]. Подобный взгляд находится в русле коммуникативного направления, поскольку в рамках методики развития речи учитываются все ярусы языка и стили речи, рассматриваются как письменная, так и устная форма речевого акта. Речь идет о подготовке обучающихся к эффективному речевому общению. Основной акцент делается на установлении причин речевых ошибок и поисках эффективных путей их устранения (через учебные задания, тренировочные упражнения).

В настоящее время в методике русского языка выделяются следующие отделы: методика словарной работы, методика работы над словосочетанием и предложением, методика сочинения, методика совершенствования культуры речи учащихся [7, с. 114]. Под развитием коммуникативной компетенции школьников мы понимаем «процесс овладения речью: средствами языка (фонетикой, лексикой, грамматикой, культурой речи, стилями) и механизмами речи – ее восприятия и выражения своих мыслей» [7, 1997, с. 179]. М.Р. Львов основными условиями успешного развития речи видит развитие физиологических механизмов речи, потребность общения, выражения мысли, наличие речевой среды, питающей развивающуюся речь ребенка языковыми средствами, наличие значимого материала, составляющего содержание речи, овладение культурой речи» [7, с. 179]. Здесь стоит отметить, что влияние окружающей среды может быть не только позитивным, но и негативным, то есть содержать речевые ошибки, некорректные формулировки и т.д. Таким образом, признавая влияние социума, педагог должен брать на себя роль транслятора культуросообразной нормы, демонстрировать образцовую речь на учебных занятиях.

Итак, работа по развитию речи учащихся является одним из четырех ключевых разделов общей методики изучения русского языка. Учащиеся должны уметь высказывать свои мысли в устной и письменной форме в соответствии с ситуацией общения и целью высказывания, а также понимать и перерабатывать чужой текст, вести диалог [6, с. 505].

Вслед за Л.П. Федоренко, Т.М. Воителева основными принципами методики развития речи считает следующие: *коммуникативный принцип* (способствует полноценному общению как в устной, так и в письменной форме); *принцип единства развития речи и мышления* (развитие речи ребенка тесно связано освоением им определенных мыслительных операций: синтеза, анализа, абстрагирования, обобщения, индукции и дедукции); *принцип изучения языка и обучения речи* (единицы языка усваиваются в единстве их зна-

чения, формы и функции); *принцип опоры на синтаксическую модель* (создание текста как микросистемы, имеющей коммуникативную и смысловую законченность); *контекстный принцип* (анализ языковых единиц в их связях, в контексте); *принцип непрерывности работы по развитию речи* (работа по развитию речи осуществляется на уроках регулярно как аспект изучения русского языка) [3, с. 206].

Как видим, интегративные процессы в области развития речи школьников активно продолжают. В основе данных принципов лежит понимание речи как деятельности, субъектом которой является школьник. Условиями эффективной коммуникации, таким образом, являются развитое мышление (необходима работа по развитию внутренней речи школьников) и воображение (креативность), знание законов языка (литературная норма) и учет условий, в которых происходит коммуникация. При этом текст в процессе речепорождения должен восприниматься самим автором не как нечто разрозненное, фрагментарное, ситуативное (что часто порождается «клиповым мышлением» молодых людей), но как единое целое, с четкой композицией (введение, основная часть, включающая тезис и аргументы, и выводы), с пониманием целей и задач, которые должны быть реализованы. Речевое высказывание, таким образом, становится социально ориентированным, призванным донести интенции, точку зрения говорящего до собеседника.

Также нельзя не сказать и об этической стороне вопроса. Убеждение собеседника в своей правоте вербальными, а не насильственными средствами, уважение оппонента и его точки зрения, рефлексия по поводу сказанного другими, умение соглашаться или аргументировано возражать – все это также должно входить в сферу деятельности педагога, работающего над формированием коммуникативной компетенции учащихся.

Перечисленные принципы коррелируют с выводами М.Р. Львова, который основными условиями успешного развития речи учащихся в школе считает развитие физиологических механизмов речи, потребность общения, выражения мысли, наличие речевой среды, питающей развивающуюся речь обучающегося, наличие значимого материала, составляющего содержание речи, овладение теоретическими знаниями о языке, его закономерностях, постоянное корректирование речи, подчинение ее изучаемым правилам, овладение культурой речи [7, с. 114].

Результаты и научная новизна. Как видим, указанные принципы обучения направлены прежде всего на то, чтобы работа по развитию коммуникативной компетенции обучающихся средней школы проходила системно и последовательно, чтобы формирование и совершенствование речевых умений осуществлялось в процессе развития речемыслительных действий. При этом работу с текстом (понимание, трансформация, продуцирование) мы считаем итоговой, поскольку данный вид речевой деятельности предполагает применение учащимися на практике всех полученных в этой области знаний, а также творческий подход к выполнению заданий, культуросообразность, ориентацию на социум.

Речь в данном случае исследователи и педагоги должны понимать как деятельность. По мнению М.Р. Львова, речь – это «деятельность человека, использующего язык в целях общения, выражения эмоций, оформления мысли, познания окружающего мира, для планирования своих действий» [7, с. 184]. По сути, речь – это практическое воплощение языка. Речь имеет цели, единицы членения (речевые акты). Речь всегда прагматична, развивается во времени и пространстве. Как любая деятельность, речь имеет результат. И если речь – это деятельность, следовательно, речевыми навыками, приемами необходимо овладевать, также нужно поддерживать уровень владения речью на достаточном уровне. Все это может быть реализовано только на практике, в процессе общения с другими людьми. Следовательно, основная задача педагога – создать такие условия, при которых все указанные направления развития коммуникативной компетенции могли быть реализованы.

Совершенно очевидно, что в настоящее время коммуникативно-деятельностный подход к развитию речи в средней школе становится наиболее актуальным. Подобные выводы можно сделать в связи с тем, что особое место при изучении русского языка (и литературы) в целом должно отводиться работе с художественным текстом: анализ текста (в различных аспектах), выражение отношения к прочитанному, продуцирование собственных текстов с учетом ситуации общения. В связи с этими установками доля работы по развитию речи в средней школе должна возрасти.

Однако приходится констатировать, что в настоящее время работа в школе по развитию связной речи проводится в недостаточном объеме (на нее затрачивается в среднем 15% учебного времени). Как правило, «формирование правильной и хорошей речи связано с изучением основных языковых единиц – таких, как звук, слово, словоформа, словосочетание, предложение. Вместе с тем, безусловно, работа по формированию правильной и хорошей речи проводится с обучением определенным коммуникативным умениям. Итак, исследователи-методисты говорят о необходимости изучения, освоения школьниками не только языковых норм (орфоэпических, морфологических, синтаксических и др.), но и овладения ими умением выражать свои мысли в устной и письменной форме, пользуясь нужными языковыми средствами в соответствии с целью, содержанием речи и условиями общения.

Выводы. Современный учитель-словесник должен уделять особое внимание речевому развитию школьников, поскольку таким образом закладывается база для дальнейшего развития и социализации личности. А для того, чтобы работа по развитию речи школьников проходила эффективно, педагогам (если речь мы понимаем как деятельность, как процесс) необходимо осваивать новые методики и приемы работы в рамках когнитивно-деятельностного подхода, повышать мотивацию школьников к обучению, применяя игровые и информационные технологии, способствуя всестороннему развитию личности, затрагивая не только внешнюю сторону речи, но и развивая в процессе обучения мышление учащихся.

Мы отстаиваем коммуникативно-деятельностный подход в обучении. Особенно он актуален в процессе развития коммуникативной компетенции учащихся. Как правило, выделяется три базовых принципа данного подхода – это *интерактивность, диалогичность и рефлексивность* [5].

Все три компонента непосредственно связаны с теми условиями, которые создаются педагогом для развития коммуникативной компетенции учащихся. В основе обучения в данном случае лежит *мотивация*, без которой невозможна организация интерактивного процесса получения и освоения знаний обучающимися. Итак, работа в диалоге, взаимодействие с другими людьми, оценка сказанного с точки зрения правильности/неправильности, уместности/неуместности, этичности/неэтичности, эффективности/неэффективности должно определяться прежде всего мотивацией участников коммуникации. А для этого необходимо показать значимость коммуникативной компетенции в жизни каждого человека, что, по нашему мнению, может быть достигнуто через активные формы и методы обучения. Педагог на занятиях должен создавать ситуации, приближенные к реальности, ставить проблемные задачи, всякий раз демонстрировать обучающимся культурно-образную нормы.

Коммуникативно-деятельностный подход предполагает смену отношений между педагогом и учащимся, когда последний становится субъектом, а не объектом образовательной деятельности. В рамках данного подхода учитываются индивидуальные особенности обучающегося, его интенции, возможно формирование гармоничной индивидуальной картины мира рамках общего культурного кода.

Педагог может использовать групповые формы работы и групповое обсуждение результатов учебной деятельности. В рамках коммуникативно-деятельностного подхода обучающиеся учатся рефлексировать относительно

но результатов собственной или чужой деятельности, учатся оценивать результаты деятельности (как групповой, так и индивидуальной). При этом педагогу важно не только указывать на ошибки и предлагать культуросообразную норму, но вместе с обучающимися стремиться выявить причины допущенных ошибок (незнание нормы, игнорирование условий общения, размытые цели коммуникации и т.д.) и прийти к правильному решению, предам мыслительную работу еще раз.

Необходим отход от традиционных форм и методов обучения, пора «переводить развитие речи из области формальной отработки навыков говорения в сферу внутренней речи, когда у ребенка формируется внутренний план действий (от схематичной характеристики объекта до алгоритма описания в плане внешней речи)» [4, с. 159].

Уроки (или их фрагменты) по формированию коммуникативной компетенции – благодатная почва для использования активных методов обучения (групповые дискуссии, ролевые, деловые или имитационные игры (когда проигрываются те или иные жизненные ситуации, решаются кейсы и проблемные задачи). В этой связи должна всякий раз ставиться проблемная задача, решений которой может быть несколько. Однако необходимо аргументировать выбранное решение.

Педагог может использовать упражнения для групп с небольшим числом участников, упражнения на развитие навыков саморегуляции. В рамках данного подхода прекрасно «работают» проектный метод, различного рода тренинги (включая психологические), моделирование, консультирование, взаимодействие с родителями, коллективные дела, культурно-массовые мероприятия и др. Все перечисленные виды упражнений способствуют социализации обучающихся. В процесс работы, решения проблемной ситуации включаются все члены коллектива. Эти виды учебной деятельности, с одной стороны, требуют от педагога серьезной подготовительной работы, но, с другой стороны, позволяют мотивировать обучающихся к самостоятельной работе по развитию коммуникативной компетенции.

Через диалог педагога и обучающихся осуществляется развитие интеллектуальных особенностей последних, повышается их стрессоустойчивость, способность адаптироваться в меняющихся социальных условиях (успешная социализация). Обучающиеся выстраивают стратегию поведения в обществе, направленную на достижение положительного результата (эффективная коммуникация). Кроме того, на занятиях они реализуют фундаментальную потребность любой личности в общении, взаимодействии, сотворчестве.

Все вышеназванные методы и формы работы способствуют созданию на занятиях ситуации успеха, вовлечению в деятельность всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Белянин В.П. Психоллингвистика. М.: Флинта, 2009. С. 59.
2. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. С. 121-122.
3. Воителева Т.М. Теория и методика обучения русскому языку. М.: Дрофа, 2006. 319 с.
4. Гаврилов В.В. Специфика развития речи дошкольников: теоретическое обоснование // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (60). С. 159.
5. Дудковская Е.Е. Развитие коммуникативной компетенции учащихся в условиях реализации ФГОС // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 98-102.
6. Литневская Е.И., Багрянцева В.А. Методика преподавания русского языка в средней школе. М.: Академический проспект, 2006. 590 с.
7. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: РОСТ: СКРИН, 1997. 256 с.

8. Методика преподавания русского языка в школе / под ред. М.Т. Баранова. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 368 с.
9. Саркисян Т.А. Развитие речи учащихся – средство успешного обучения в школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3561-3565. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54976.htm>.
10. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. М.: Просвещение, 1980. 414 с.
11. Ушинский К.Д. Родное слово (Книга для учащихся) // Избранные труды: в 4 кн. М.: Просвещение, 2005. Кн. 2. С. 245.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 № 1897.
13. Хованская Е.А. Речевое развитие учащихся в различных моделях начального образования // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 313-320.
14. Чуйкова Ж.В. Историко-педагогический анализ проблемы обучения дошкольников родному языку. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. 216 с.

References

1. Belyanin V.P. Psycholinguistics. M.: Flint, 2009, p. 59.
2. Buslaev F.I. Teaching the Russian language. M.: Enlightenment, 1992, p. 121-122.
3. Voiteleva T.M. Theory and methodology of teaching the Russian language. M.: Bustard, 2006, p. 319 .
4. Gavrillov V.V. The specifics of the development of speech of preschoolers: theoretical justification // *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2019, No 3 (60), p. 159.
5. Dudkovskaya E.E. The development of communicative competence of students in the conditions of implementation of GEF // *Chelovek i obrazovaniye* [Man and education], 2014, No. 3 (40), p. 98-102 (in Russian).
6. Litewska E.I., Bagryantseva, V.A. Methodology of teaching Russian language in secondary school. M.: Akademicheskiiy Prospekt, 2006. 590 p.
7. Lvov M.R. Dictionary-reference book on the methodology of the Russian language. M.: ROST: SKRIN, 1997. 256 p.
8. Methods of teaching Russian language in schools / Under the editorship of M.T. Baranov. M.: Publishing center «Academy», 2000. 368 p.
9. Sarkisian T.A. Development of speech of pupils – a tool for successful learning in school // Scientific-methodical electronic journal «Concept». 2014. T. 20, pp. 3561-3565. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54976.htm>.
10. Tekuchev A.V. Methodology of the Russian language in secondary school. M.: Enlightenment, 1980. 414 p.
11. Ushinsky K.D. Native word (Book for students) // Selected works: in 4 books. M.: Enlightenment, 2005. B. 2, p. 245.
12. The Federal State Educational Standard for Basic General Education, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated December 17, 2010, No. 1897.
13. Khovanskaya E.A. Speech development of pupils in different models of primary education // *Nauchnyye vedomosti. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Scientific Bulletin. Series «Humanities»], 2014, No. 13 (184). Issue 22, p. 313-320 (in Russian).
14. Chuikova, J.V. The Historical and pedagogical analysis of the problem of teaching preschool children their native language. Elec: YSU them. I.A. Bunina, 2007. 216 p.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.003

УДК 378.14:37.035.6

ББК 74.489.0

А.С. ГОРОХОВ,
Р.Х. ШАЙМАРДАНОВA.S. GOROKHOV,
R.KH. SHAYMARDANOV**ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ
НАЧАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ
К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В УСЛОВИЯХ КАЗАХСТАНСКОЙ ШКОЛЫ****FORMATION OF READINESS OF TEACHERS
OF INITIAL MILITARY PREPARATION
FOR IMPLEMENTATION OF PATRIOTIC EDUCATION
IN THE CONDITIONS OF KAZAKHSTAN SCHOOL**

Обеспечение эффективности патриотического воспитания школьников как стратегического ресурса для развития государства и общества возложено на систему образования, что в условиях образовательного процесса зависит от уровня готовности учителя к осуществлению процесса воспитания, что актуализировало исследование проблемы формирования готовности учителей начальной военной подготовки (далее учителей НВП) к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы. Авторы осуществляют поиск путей и средств эффективного решения поставленной проблемы. Предметом исследования явилась организация обучения студентов на основе внедрения инновационных методов в процесс формирования готовности будущих учителей НВП к патриотическому воспитанию учащихся. Использованы положения теории деятельностного, личностно-ориентированного подходов, концепции субъект-субъектного взаимодействия. В статье сформулированы выводы и предложения по организации процесса подготовки студентов к патриотическому воспитанию учащихся.

Supplying the effectiveness of Patriotic education of students as a strategic resource for the development of the state and society is imposed on the education system, that in terms of the educational process depends on the level of readiness of a teacher to implement the process of education that stimulated the study of the problem of formation of readiness of teachers of initial military training (more teachers IMT) to the implementation of Patriotic education in terms of Kazakhstan schools. The authors search for ways and means of effective solution of the problem. The subject of the study was the organization of training of students on the basis of the introduction of innovative methods in the process of formation of readiness of future teachers of IMT for Patriotic education of students. The points of the theory of activity, personality-oriented approaches and the concept of subject-subject interaction are used. The article formulates conclusions and proposals on the organization of the process of preparing students for Patriotic education of students.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, профессиональная подготовка, готовность к патриотическому воспитанию.

Key words: patriotic education, vocational training, readiness for patriotic education.

Введение. Модернизация современного казахстанского общества актуализировала роль социальных и политических институтов в достижении национальных интересов. Этот процесс сопровождается осознанием на всех уровнях государства и общества роли и значения вовлечения граждан в процесс формирования гражданского общества, вовлечения граждан в осознанную, направленную на благо казахстанского государства и общества деятельность. Это возможно, если у подрастающего поколения будут сформированы такие высшие духовно-нравственные категории, как гражданственность, ответственность за свое отечество, чувство долга перед страной, патриотизм. Таким образом, патриотическое воспитание школьников составляет фундаментальную основу для формирования гражданского общества в Республике

Казахстан, поскольку направлено на развитие гражданского сознания молодого человека.

Цель работы: теоретически обосновать пути решения проблемы формирования готовности учителей начальной военной подготовки к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы.

Роль патриотического воспитания как основы гражданственности и развития нравственности молодого поколения определена программными документами и концепциями развития Республики Казахстан. Реализация патриотического воспитания возложена на систему образования. Так, в законах «Об образовании» Республики Казахстан и Российской Федерации основными характеристиками воспитания в системе образования является специально организованная деятельность, имеющая направленность на развитие духовности обучающихся, содействующая становлению их нравственных и гражданских чувств, деятельность, организационные условия которой способствуют самореализации и самоопределению личности.

Понятие «патриотическое воспитание» в школе характеризуется направленностью организованного социально-педагогического процесса и представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность по формированию у школьников высокого патриотического сознания.

На сегодняшний день существует множество определений и концепций патриотического воспитания, наблюдается тенденция политизированности, отсутствие четкого понимания патриотизма на уровне общественной психологии. Отсюда в сознании молодого поколения наблюдается отмеченная исследователями тенденция к антагонизму ценности патриотизма как нравствен-нодуховному качеству, необходимому современному человеку [17].

Материалы и методы. Мы, основываясь на анализе современной теории организации образовательного и воспитательного процесса [2, 9], понимаем патриотическое воспитание как сложную управляемую систему, включающую многообразие взаимосвязанных между собой элементов, внутренних устойчивых связей и отношений объективного и субъективного характеров, а также подсистемы содержательного, организационного и методического плана. Внутри системы патриотического воспитания проявляются и функционируют закономерности различного уровня и порядка, учет которых позволяет эффективно и качественно управлять данной системой [3].

Анализ научных исследований казахстанских авторов в области патриотического воспитания показал, что среди разрабатываемых проблем большая часть принадлежит анализу взаимосвязи различных факторов, влияющих на уровень патриотического воспитания учащихся. Исследователями рассмотрены факторы среды, организационно-педагогические и психолого-педагогические факторы (Бахтияров Ф.Г., Ахмерова С.Г., Барабанов Л.Г. и соавт., Ажмухамбетова А.Ж., Тулебаев К.А. и др.).

Выявленные исследования посвящены изучению отдельных аспектов патриотического воспитания, тогда как их системный анализ отсутствует, что позволяет говорить об отсутствии теоретического обоснования проблемы.

Кроме того, выявленные направления исследований напрямую не используют в научной терминологии понятие патриотического воспитания, что не отменяет наличия её смысла в цели и содержании проведенного исследования, в котором теоретически разрабатывались и внедрялись в практику новые методики, технологии, позволяющие улучшить качество и повысить эффективность педагогического воздействия. Таким образом, основная часть анализируемых исследований ориентирована преимущественно на процесс обучения в продолжение традиционной концепции патриотического воспитания, основывающейся на «мероприятийном (меры принимаем)» организационном факторе, без научного обоснования организации управления процессом патриотического воспитания в рамках начального военного обучения в школе.

Современное управление системой образования, основанное на международных стандартах качества, позволяет рассматривать патриотическое воспитание как процесс, совокупность операций и методов воздействия управляющей подсистемы на управляемую. Таким образом, актуализируется задача подготовить в системе высшего образования будущих преподавателей НВП по организации патриотического воспитания в школе, с учетом требований современности, на основе инновационных педагогических технологий.

Результаты и обсуждение результатов. Понятие «профессиональной готовности» в педагогике имеет как практическое, так и теоретическое содержание. Теоретическая готовность, по мнению большинства авторов, составляет способность «наблюдать происходящие процессы, анализировать их ход, выделять их составные компоненты и устанавливать между ними взаимные связи, осмысливать каждую часть любого процесса и находить присущие ему закономерности» [5]. Элементами теоретической готовности являющиеся умения прогнозировать результат педагогического воздействия, а также умения проектировать образовательный процесс, включающие способность к целеполаганию, определению содержания образовательного процесса в соответствии с целями образовательного процесса, а также способность подбирать средства для обеспечения решения конкретных педагогических задач [6, 15]. Таким образом, готовность преподавателей НВП к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы представляет собой совокупность сформированных умений к самостоятельному определению необходимых средств и содержания процесса патриотического воспитания, а также использования наиболее результативных с педагогической точки зрения методов работы.

Анализ исследований по проблеме определения профессиональной готовности позволил выявить взаимосвязь профессиональной готовности и подготовки.

В словаре педагогических терминов (Коджаспирова Г.М.) подготовка определена как «совокупность специальных знаний, умений и навыков, позволяющих выполнять работу в определённой области деятельности» [11].

В новом словаре методических терминов и понятий (2009 г.) понятие «профессиональная подготовка» рассматривается как «система организационных и педагогических мероприятий, обеспечивающая формирование личности профессиональной направленности знаний, навыков, умений и профессиональной готовности к такой деятельности» [9].

В современных научных исследованиях понятия «подготовка» и «готовность» не рассматриваются как синонимы, однако взаимосвязь готовности и подготовки очевидна. На основе проведенного выше определения можно сделать предположение, что качество готовности к деятельности определяется профессиональной подготовкой.

Современными исследователями понятие «подготовка» рассматривается как динамичный процесс, направленный на формирование готовности как профессионального качества личности [15]. В словаре (под редакцией А.Н. Лейбовича), рассматривается «профессиональная подготовка» как организация обучения, различные формы получения профессионального образования [13].

В толковом словаре русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова) подготовленность определяется как наличие запаса необходимых знаний, навыков, опыта в какой-либо определенной области, который приобретает в процессе систематического обучения или изучения [17].

Следовательно, профессиональная подготовка является именно процессом, предшествующим подготовленности или готовности. Кроме того, понятие «профессиональной готовности» современными исследователями соотносится с понятием «профессиональной компетентности». Исследователи (Э.Ф. Зеер [9], И.А. Зимняя [10], А.В. Хуторский, Г.П. Щедровицкий [19] и др.) рассматривают это соотношение с разных позиций, однако сходятся

во мнении, что готовность является качеством личности и необходимым условием успешной профессиональной деятельности. Подготовленность же является результатом образовательного процесса, который отражает способность личности к оперированию знаниями, умение решать теоретические и практические задачи, умение достигнуть намеченных результатов деятельности [15].

Рассмотрев определения понятия «профессиональная подготовка», мы можем, основываясь на своих выводах, определить, что профессиональная подготовка является педагогическим процессом, направленным на формирование у студента личностного качества – готовности осуществлять профессиональную деятельность.

Качество готовности к осуществлению педагогической деятельности в условиях модернизации образования определяется качеством профессиональной педагогической подготовки.

Среди российских ученых сформировалась устоявшаяся точка зрения, основанная на идее Л.С. Выготского о том, что подлинным знанием является такое индивидуальное знание, которое создается в опыте собственной деятельности [6]. Таким образом, готовность основывается именно на опыте деятельности, что лежит в основе разработок деятельностного подхода. Так, в работах А.Н. Леонтьева [16], в исследованиях К.А. Абульхановой-Славской [1] и др., выявлена взаимосвязь активности и деятельности.

Развивая идеи теории деятельностного подхода, В.В. Давыдовым, исследованы причины, обуславливающие направленность деятельности. Так, в работе исследователя выявлено, что на направленность деятельности определяющее влияние оказывает предмет деятельности, её объективные цели и задачи, а также условия, в которых протекает деятельность [8]. В работах современных психологов признается определяющее влияние мотивации на формирование направленности личности. Отсюда важными выводами являются влияние совокупности доминирующих мотивов на формирование направленности мотивации, а предметного содержания, цели и задач деятельности на направленность деятельности.

Можно утверждать, что совокупность профессиональных мотивов определяет направленность профессиональной деятельности. Следовательно, в процессе формирования профессиональной направленности личности педагога необходимо учитывать объектно-предметное содержание профессиональной деятельности, её главные цели и задачи, которые в процессе реализации педагогической деятельности становятся личностно значимыми.

Анализ работ исследователей, а также собственная педагогическая практика и опыт позволяют утверждать, что цели, поставленные перед системой образования, могут быть решены путем обновления содержания образования, а также внедрения инновационных технологий в образовательный процесс.

Выводы. Анализ современных исследований в области технологии профессионального развития личности учителя позволяет утверждать, что условиями эффективной подготовки современного педагога к воспитанию школьников становится обеспечение самореализации будущего учителя [18]. Таким образом, обеспечение активно-деятельностного участия в собственном образовании и личностном становлении педагога является определяющим условием в формировании готовности.

Опираясь на концептуальные основы теории деятельностного, ориентированного на личности, компетентностного подходов, а также концепцию субъект-субъектного взаимодействия, в исследовании проведено научно-теоретическое обоснование системы методов и приемов обучения на основе инновационных методов (ориентированного на личности подхода), способствующих формированию готовности студентов специальности 5В010400 «Начальная военная подготовка» к патриотическому воспитанию учащихся в условиях казахстанской школы; разработана и внедрена модель фор-

мирования готовности будущего бакалавра начальной военной подготовки с учетом опыта реализации инновационных методов (на основе личностно-ориентированного и деятельностного подходов).

В практике профессиональной подготовки студентов – будущих учителей НВП к патриотическому воспитанию школьников хорошо зарекомендовали себя интерактивные методы преподавания, обеспечивающие повышение уровня овладения профессиональными знаниями и умениями. Таким образом, интерактивные методы преподавания способствуют формированию профессиональной готовности, а также накоплению опыта практического использования профессиональных знаний и умений.

В сфере воспитания применение активных методов способствует развитию самостоятельности, активности и воли. Способствует формированию умений работы в коллективе, развитию коммуникативной компетенции, формированию мировоззрения, развитию нравственных установок.

Основной формой реализации интерактивного метода является организация коммуникативно-диалоговой деятельности, базирующаяся на принципе интеракции в педагогическом взаимодействии. Особенность применения интерактивных методов обучения в глубине субъект-субъектного взаимодействия, затрагивающего, помимо интеллектуальной, сознающей стороны личности, также её эмоциональную, аффективную сферы, вызывая положительный настрой всех участников деятельности, мотивирует к обучению, а также способствует активизации саморазвития личности.

Возможности инновационных методов ориентированного на личность подхода, по нашему мнению, являются благоприятными для решения проблемы формирования готовности у студентов специальности 5В010400 «Начальная военная подготовка» к патриотическому воспитанию учащихся в условиях казахстанской школы.

Внедряемые инновационные технологии должны быть ориентированы, прежде всего, на развитие личности, повышение её активности и творческих способностей, расширение использования методов самостоятельной работы обучающихся, самоконтроля, использование активных и интерактивных форм и методов обучения. Следует подчеркнуть, что интерактивные методы обучения являются перспективными в процессе профессиональной подготовки студентов, будущих учителей НВП к патриотическому воспитанию школьников.

Таким образом, рассмотрев теоретические положения и выводы по проблеме формирования готовности учителей НВП к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы, в работе выявлены особенности и предпосылки эффективности организации патриотического воспитания в условиях казахстанской школы; определены противоречия в теории и практике готовности учителей НВП к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы, что позволило наметить пути решения проблемы формирования готовности учителей начальной военной подготовки к осуществлению патриотического воспитания в условиях казахстанской школы.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1991. 335 с.
2. Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
3. Беликов В.А. Образование. Деятельность. Личность: монография. М.: Академия Естествознания, 2010. 310 с.
4. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 2010. 352 с.

5. Бубнова Л.М. Готовность к профессиональной деятельности в педагогике. Режим доступа: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-psikhologii-pedagogiki-i-obrazovaniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunar/> (дата обращения: 2.11.2019).
6. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
7. Гуртовенко И.Ю. Теоретический анализ понятия «профессиональная готовность» // Социосфера. 2011. № 4. С. 73-77.
8. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения (методологический анализ). М., 1986. 240 с.
9. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Компетентностный подход как фактор реализации инновационного образования // Образование и наука. 2011. Вып. 8.
10. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2013. № 5. С. 34-42.
11. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. Режим доступа: <http://erusds.ru/pedagogicheskij-slovar-2/> (дата обращения: 2.11.2019).
12. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий. Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/152/785/1219/Sotsis_08_06_p67-76.pdf. с. 67-77 (дата обращения: 2.11.2019).
13. Лейбович А.Н. Разработка и применение профессиональных стандартов. Словарно-справочное пособие / авт.-сост.: А.Н. Лейбович, И.А. Волошина, П.Н. Новиков, В.М. Зуев, О.Д. Прянишникова, Е.И. Косаковская, В.И. Блинов, О.Ф. Батрова, Е.Ю. Есенина, А.А. Факторович. М.: Перо, 2014. 33 с.
14. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
15. Лутовинов В.И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию. М.: Армпресс, 2013. 69 с.
16. Мещерякова Е.В. Теория и практика профессиональной подготовки учителя к педагогическому взаимодействию в современном образовательном пространстве: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 395 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 2.11.2019).
18. Шаймарданов Р.Х. Интенсивная педагогическая технология и требования к подготовке будущего учителя: методические разработки для слушателей педклассов, факультета будущего учителя, школы юного педагога, абитуриентов и студентов педагогических учебных заведений. Елабуга, 1991. 62 с.
19. Щедровицкий Г.П. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности / В кн.: Щедровицкий Г.П. Избр. труды. М.: Школа культурной политики, 2015. С. 197-227.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Activity and personality psychology. M.: Nauka, 1991. 335 s.
2. Azimov E.G., Schukin A.N. A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). M.: Ikar, 2009. 448 s.
3. Belikov V.A. Education. Activity. Personality: monograph. M.: Academy of Natural Sciences, 2010. 310 s.
4. Bondarevskaya E.V. Theory and practice of personality-oriented education. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov Pedagogical University, 2010. 352 p.
5. Bubnova L.M. Readiness for professional activity in pedagogy. Access mode: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-psikhologii-pedagogiki-i-obrazovaniya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunar/> (accessed: 2.11.2019).
6. Vygotsky L.S. Educational Psychology / ed. V.V. Davydova. M.: Pedagogy-Press, 1996. 536 s.
7. Gurtovenko I.Yu. Theoretical analysis of the concept of “professional readiness” // Sociosphere. 2011, № 4, s. 73-77.
8. Davydov V.V. Problems of developing education (methodological analysis). M., 1986. 240 s.
9. Zeer E.F., Symanyuk E.E. Competency-based approach as a factor in the implementation of innovative education // Education and Science. 2011. Issue 8.

10. Winter I.A. Key competencies – a new paradigm of the result of education // Higher education today. 2013, № 5, s. 34-42.
11. Kojaspirova G.M., Kodzaspirov A.Yu. Pedagogical Dictionary. Access mode: <http://erusds.ru/pedagogicheskij-slovar-2/> (accessed: 2.11.2019).
12. Levashov V.K. Patriotism in the context of modern socio-political realities. Access mode: http://ecsocman.hse.ru/data/152/785/1219/Sotsis_08_06_p67-76.pdf. from. 67-77. (Date of treatment: November 2, 2019).
13. Leibovich A.N. Development and application of professional standards. Vocabulary / autostate: A.N. Leibovich, I.A. Voloshina, P.N. Novikov, V.M. Zuev, O.D. Pryanishnikova, E.I. Kosakovskaya, V.I. Blinov, O.F. Batrova, E.Yu. Yesenina, A.A. Factorovich. M.: Pero, 2014. 33 s.
14. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. M.: Sense, Academy, 2005. 352 s.
15. Lutovinov V.I. Criteria and foundations of the methodology for evaluating the results of work on patriotic education. M.: Armpress, 2013. 69 p.
16. Meshcheryakova E.V. Theory and practice of teacher training for pedagogical interaction in the modern educational space: dis. ... dr. ped. sciences. M., 2012. 395 s.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Access mode: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (date of access: 2.11.2019).
18. Shaimardanov R.Kh. Intensive pedagogical technology and requirements for the preparation of the future teacher: methodological developments for students of pedagogical classes, the faculty of the future teacher, the school of young teachers, applicants and students of pedagogical educational institutions. Elabuga, 1991. 62 s.
19. Shchedrovitsky G.P. About the initial principles of the analysis of the problems of training and development in the framework of the theory of activity / In the book: Shchedrovitsky GP Selected Works. M.: School of Cultural Policy, 2015, s. 197-227.

В.П. ЖУКОВСКИЙ,
М.М. КУТУЗОВ,
С.В. ШАНИН,
О.В. КОПОВАЯ,
А.В. МАЛЫШЕВА

V.P. ZHUKOVSKY,
M.M. KUTUSOV,
S.V. SHANIN,
O.V. KOPOVAYA,
A.V. MALYSHEVA

ТЕХНОЛОГИЯ
АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕАЛИЗАЦИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

TECHNOLOGY
OF ACTIVE TRAINING VOCABULARY:
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS
OF IMPLEMENTATION
IN THE EDUCATIONAL PROCESS

В статье рассматриваются особенности использования технологии активного обучения лексике в процессе изучения иностранного языка, приводится алгоритм ее реализации в процессе обучения. Описываются беспереводной и переводной способы введения лексики.

In the article the peculiarities of using the technology of active vocabulary training in the process of studying a foreign language are considered, the algorithm for its implementation in the learning process is given. Untranslatable and transferable ways of introducing vocabulary are described.

Ключевые слова: технология активного обучения лексике, совместное обучение, коллективная форма обучения.

Key words: technology of active vocabulary training, coeducation, collective form of training.

Введение. Одной из основных функций обучения иностранному языку в школе является коммуникативная функция. Центральным моментом при этом выступает процесс трансляции и восприятия информации, являющейся руководством к действию по переоценке некоторых взглядов на свою и чужую культуру. Термин «универсальные учебные действия» предельно точно характеризует особенности учебной деятельности на уроке, выстроенной в рамках заданных коммуникативных ситуаций, которые соответствуют реальным повседневным потребностям личности в процессе общения. Данное свойство рабочих учебных ситуаций представляет собой аутентичность, поскольку основной их чертой является максимально возможная естественность. Наряду с этим большое значение приобретает аутентичность языкового материала, представленного в форме различных типов реальных текстов, с которыми носители изучаемого языка с разной частотностью сталкиваются в повседневной жизни.

Учитывая вышесказанное, отметим, что коммуникативная ситуация оказывается точно заданной как в формальном, так и в содержательном планах. Целями обучения при таком подходе выступают конкретные речевые действия.

Методы исследования. Отметим, что данную проблему в разных аспектах рассматривали и рассматривают многие ученые и методисты. Так аксиологическую значимость проблемы развития речевого взаимодействия субъектов обучения при обучении иностранному языку в условиях общеобразовательной организации анализировали В.Л. Абушенко, В.Ф. Берков, В.В. Мацкевич, М.А. Холодная М.А. и др.; параметры и функции речевой иноязычной коммуникации изучали А.Ю. Бабайцев, И.Л. Бим, Л.Л. Гурова, Р.П. Мильруд и др.; особенности профессионально-ориентированного обуче-

ния иноязычной речи в условиях обучения в школе выделяли О.А. Артемьева, И.М. Берман, Л.Ф. Егорова и др.; психолингвистические и социокультурные характеристики контекста иноязычной коммуникативной ситуации исследовали Н.Д. Арутюнова, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя и др.; исследования в области коммуникативного подхода в обучении вели И.Л. Бим, Е.И. Пассов, Г.А. Китайгородская.

Вместе с тем изучение психолого-педагогической, методической, философской, лингвистической литературы свидетельствует о том, что в массовой практике остаются недостаточно разработанными методологические и технологические аспекты развития речевого взаимодействия субъектов обучения в условиях иноязычной подготовки в школе.

Для реализации названных принципов в достижении учебных целей все большую роль играют технологии обучения, направленные на формирование активной и осознанной позиции ученика в освоении иностранного языка. При этом неизбежно возрастает доля упражнений, соответствующих следующим критериям:

1) упражнение направлено на решение конкретной задачи, и при его выполнении вероятность совершения ошибки, которая осложнила бы коммуникацию, сведена к минимуму;

2) интенсивность воспроизведения отрабатываемой структуры очень высока, что достигается, например, за счет использования ее в различных комбинациях;

3) содержание текста упражнения играет решающую роль, то есть ученик знает, что и зачем он говорит, и у него есть мотивация для участия в коммуникации, которая, в свою очередь, ведет к конкретному результату. Например, ученик сообщает информацию или побуждает собеседника к действию, достигая при этом желаемой реакции;

4) деятельность ученика в процессе выполнения упражнения соответствует деятельности в какой-либо реальной ситуации [5].

Необходимо отметить, что теоретико-методологической основой нашего исследования является: общая теория деятельности (Ананьев Б.Г., Брушлинский А.В., Выготский Л.С., Леонтьев и др.); теория учебной деятельности (Богоявленский Д.Н., Давыдов В.В., Гальперин П.Я. и др.); концептуальные идеи личностно ориентированного образования (Бондаревская Е.В., Кларин М.В., Колесникова И.А. и др.); концептуальные положения о сущности образовательных технологий (Беспалько В.П., Бухвалов В.А., Дмитрик И.С., и др.); теория речевой деятельности как компонент социальной и психической деятельности (Выготский Л.С., Канн-Калик В.А., Крысин Л.П. и др.).

Методология нашего исследования определяется использованием совокупности традиционных и авторских методов научно-педагогического познания применяемых в общей практике обучения и частных методиках. В частности, использовались такие методы как: терминологический анализ, обобщение, опросные методы, методы монографических исследований и другие. Общая методология вполне согласуется с взглядами авторами концепций профессионального образования (В.А. Сластенин, А.В. Баранников, В.М. Минияров и др.), теории и методики преподавания иностранного языка в общем образовании (Т.И. Скрипникова, Н.Д. Гальскова и пр.) и концепций современного инновационного образования (А.Г. Асмолов, С.В. Матвеева и др.).

Одна из основных трудностей обучения иностранному языку состоит в довольно быстрой утрате учениками информации о лексических единицах, что в дальнейшем ограничивает возможности полноценной коммуникации. Учащиеся затрудняются самостоятельно говорить на изучаемом языке, используя активный словарь, что препятствует непрерывному формированию языковых навыков, в первую очередь произносительных и лексических. Важным оказывается процесс «извлечения» нужного термина из долговременной памяти. Именно этим объясняется необходимость регулярных языковых

действий. Согласно современным данным исследований в области педагогики и психологии, для формирования навыка необходимо повторить слово около двухсот раз в разных контекстах и с различной интонацией [3, 4].

Известны традиционные приемы работы с обучающимися, обеспечивающими произвольное запоминание слов:

- Размещение табличек со словами по учебному кабинету, по квартире (активизация зрительной памяти).
- Составление карточек (на одной стороне пишутся слова на иностранном языке, на другой – перевод).

Существует также практика индивидуального повторения лексики перед уроком. Что касается целей обучения лексике, то они изложены в программах по иностранным языкам. Требования предъявляются к употреблению изученной лексики, а также к ее зрительному и слуховому восприятию. Например, к концу 11-ого класса учащиеся должны усвоить 1000 лексических единиц для употребления их в устной речи. При этом пассивный или рецептивный словарь должен составлять в 1,5 раза больше единиц. Практическое значение в этом ключе приобретает разделение словарного запаса на активный, рецептивный лексические минимумы и так называемый потенциальный лексический словарь. В активный словарь входят слова, которые используются в устной и письменной речи, т.е. продуктивное владение лексикой. В рецептивный словарь входят слова, которыми учащиеся владеют на уровне восприятия при чтении. При восприятии текстов на слух важную роль играет так называемый потенциальный словарь учащегося. Однако эти лексические единицы могут быть усвоены, если сформировать навык раскрытия значения таких слов. Расширение потенциального словаря происходит, в том числе за счет работы над словообразованием.

Педагоги выделяют два традиционных способа введения лексики: беспереводной и переводной. К беспереводным приемам относятся: обеспечение наглядности, состоящее в демонстрации самого предмета или его изображения. Избежать перевода при семантизации лексических единиц позволяет также определение или дефиниция, то есть описание значения слова уже известными словами иностранного языка. Данный способ широко используется в лингвострановедческих справочниках, в комментариях к текстам используемых в школах УМК. Перечисление также является эффективным способом предъявления и новых слов. В этом случае слово, которое подлежит усвоению, являются обобщающим для определенной группы лексических единиц. Объяснение может осуществляться с помощью синонимов и антонимов. Важную роль играет определение значения слова на основе его внутренней формы, т.е. языковой догадки.

Переводной способ состоит в предъявлении эквивалента на родном языке. Сюда же относится самостоятельное ознакомление, т.е. поиск с помощью словаря. Такой вариант уместен при семантизации абстрактной лексики, которую часто трудно объяснить беспереводным способом. При этом, важное значение приобретает работа со словарем, с алфавитом. Разновидностью переводного способа является и толкование. Под этим подразумевается предъявление сведений, комментариев, раскрывающих значение слова, либо сведений о совпадении и несовпадении значений. Данный прием используется также широко в лингвострановедческих источниках и комментариях.

Результаты исследования. В настоящее время особое внимание уделяется введению слов в контексте. Контекст помогает однозначно раскрыть значение слов и обеспечить их восприятие в сочетании с другими словами. На следующем этапе педагог организует первичное закрепление лексики, которое может заключаться, например, в многократном совместном повторении, фонетической обработке, ответах на вопросы. Следующим за семантизацией является этап тренировки и автоматизации лексики. Необходимо продуцировать возникновение у обучающихся ассоциативных связей между словами. Таким образом, слово, возникнув в сознании, влечет за собой актуализацию

других терминов. Для этого целесообразна работа со словосочетаниями и ассоциограммами. В использовании лексических упражнений важно соблюдать последовательность этапов усвоения лексики и повторяемость.

По целеполаганию упражнения на лексику принято делить на три группы: тренировочные (подготовительные) лексические упражнения; условно-речевые и собственно коммуникативные упражнения. В свою очередь данные упражнения можно разделить на рецептивные и продуктивные. Таким образом, основные цели обучения лексике в практическом аспекте можно свести к формированию рецептивного, активного и потенциального словарей учащихся.

Обращаясь к практике преподавания иностранных языков, следует отметить, что одним из продуктивных способов преодоления трудностей в запоминании и употреблении лексики является применение коллективной формы обучения, т.е. работы в динамических парах (или в парах сменного состава). Целью работы в динамических парах может быть совместное обучение, изучение, обсуждение, тренировка и контроль.

Коллективная форма обучения – одна из ведущих в технологии КСО, она включает в себя различные приемы и методики (взаимные диктанты, взаимные передачи содержания воспринятой информации, обмен заданиями, взаимное обучение чтению и пересказу, взаимный тренинг).

В случае совместного обучения акцент делается на индивидуальную работу в сотрудничестве, как на основной элемент совместного обучения. Компоненты этой методики используются в обучении в сотрудничестве, проблемном обучении и т.д. Огромная роль отводится способам включения в процесс освоения материала всех обучающихся, независимо от их индивидуальных особенностей [1, 2]. Для успешной реализации принципов совместного обучения необходимо соблюдение следующих условий:

- темы, предметы, собственная деятельность воспринимается как нужная и необходимая;
- новые знания основываются на уже имеющихся, и тесно взаимосвязаны;
- в процессе коммуникации существует возможность обмена опытом.

Выделим последовательность деятельности в процессе реализации технологии активного обучения:

- 1) обучение начинается с индивидуального размышления и направлено на устранение блокады мышления;
- 2) учащимся предоставляется возможность обмена мнениями или информацией, перед оглашением результатов;
- 3) заранее не обговаривается, кто будет представлять результат, поэтому готовятся все;
- 4) формирование заданий направлено на повышение потенциальной активности обучающихся;
- 5) при совместном обучении учащиеся имеют четкое представление о времени на подготовку;
- 6) в процессе подготовки учащиеся осуществляют взаимную поддержку друг друга;
- 7) следующий этап – работа в группе. Формирование групп может происходить различными способами – по принципу желания, способностям, случайности. Последний считается наиболее продуктивным для совместного обучения;

8) закрепление/предъявление результата почти всегда происходит в форме презентации, являющейся заключительной фазой. Педагоги и психологи, работающие по данной методике, отмечают много недостатков и трудностей. Главная проблема состоит в том, что учащиеся в итоге владеют знаниями происходящего только в своей группе. Поэтому авторами данной методики предлагаются несколько форм презентаций: **сообщение/реферат**, при котором ученики готовят сообщения по ключевым тезисам

презентаций других групп; **галерея**: результаты работы в группах размещаются в свободном доступе в классе для ознакомления, сопровождающимся вопросами; **«один в поле воин»**: представители разных групп индивидуально отвечают на вопросы всего класса, выступая в роли экспертов;

9) процесс обучения заканчивается фазой рефлексии. Для этого часто предлагается два варианта: рефлексия в группе или фронтальный анализ. Роль учителя на этом этапе состоит в пояснении, участии в совместном обсуждении, ответах на вопросы.

Исходя из сделанного анализа, сформулируем пять основных условий успешного совместного обучения.

1. Социальные компетенции являются целью обучения, т.к. они представляют собой предпосылки для продуктивного общения, избегания конфликтных ситуаций.

2. Работа осуществляется в малых группах, не более 4-х человек.

3. Создание условий для ощущения взаимозависимости – все ответственные за общий результат.

4. Личная ответственность.

5. Рефлексия.

Необходимо отметить, что при совместном активном обучении важную роль играет процесс размышления, обмена информацией, а также личная ответственность как учителя, так и каждого учащегося.

Данная технология апробировалась в общеобразовательных организациях г. Саратова и г. Балашова Саратовской области. Количество участников эксперимента составило 337 человек. Применение данной технологии, а также отдельных ее элементов способствовало повышению уровня речевой культуры в целом. В ходе апробации не было выявлено сколь-либо значимых отличий в освоении учебного материала обучающимися не зависимо от гендерного состава учебных коллективов, однако есть взаимосвязь успешности освоения учебного материала и численности обучающихся в коллективе. В небольших по численности коллективах эффективность реализации технологии выше. Также, на изменение уровня речевой культуры оказывает мотивация обучающихся, что вполне закономерно; в профильных классах эффективность технологии выше, но это не означает, что она предназначена именно для гуманитарного профиля.

Выводы. Преподавание технологии активного обучения лексике на протяжении трех лет входит в число тем программ повышения квалификации педагогов (учителей иностранного языка) кафедры филологического образования Саратовского областного института развития образования. Слушатели курсов повышения квалификации явились одними из участников вышеуказанного педагогического эксперимента.

Подытоживая сказанное, отметим, что данное исследование адресовано широкому кругу педагогических работников образовательных организаций различных типов и уровней.

Литература

1. Коповая О.В. Психолого-педагогический анализ проблемы формирования профессиональной культуры учителя // Пензенский психологический вестник. 2016. № 2 (7). С. 101-113.
2. Смирнов В.М., Коповой А.С. Основные подходы к проблеме нейтрализации деструктивного влияния виртуальных социальных сетей // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 381-383.
3. Bohn R. Probleme der Wortschatzarbeit. Fernstudieneinheit 22. Kassel/München/Tübingen: Langenscheidt, 2000. P. 244.
4. Brüning L., Saum T. Erfolgreich unterrichten durch Kooperatives Lernen. Strategien zur Schüleraktivierung. Neue Deutsche Schule Verlagsgesellschaft. Essen, 2005.
5. Schatz H. Fertigkeit Sprechen: Fernstudieneinheit 20. München: Goethe-Institut, 2006. P. 208.

References

1. Kopovaya O.V. Psychological and pedagogical analysis of the problem of forming a professional culture of a teacher // *Penza psychological bulletin*, 2016, № 2 (7), p. 101-113 (in Russian).
2. Smirnov V.M., Kopovoi A.S. The main approaches to the problem of neutralizing the destructive influence of virtual social networks // *World of science, culture, education*, 2018, No. 5 (72), p. 381-383 (in Russian).
3. Bohn R. Probleme der Wortschatzarbeit. Fernstudieneinheit 22. Kassel/München/Tübingen: Langenscheidt, 2000, p. 244.
4. Brüning L., Saum T. Erfolgreich unterrichten durch Kooperatives Lernen. Strategien zur Schüleraktivierung. Neue Deutsche Schule Verlagsgesellschaft. Essen, 2005.
5. Schatz H. Fertigkeit Sprechen: Fernstudieneinheit 20. München: Goethe-Institut, 2006, p. 208.

В.Ю. ЗИАМБЕТОВ

V.YU. ZIAMBETOV

УПРАЖНЕНИЯ ИЗ ТЯЖЕЛОЙ АТЛЕТИКИ
КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ ВЕГЕТАТИВНОЙ
НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ СТУДЕНТОВEXERCISES FROM HEAVY ATHLETICS
AS A MEANS OF STRENGTHENING
THE VEGETATIVE NERVOUS SYSTEM OF STUDENTS

В статье раскрываются вопросы повышения эффективности оздоровительной направленности занятий по физической культуре со студентами вуза с помощью применения основ тяжелой атлетики. Авторы предлагают работу по совершенствованию процесса укрепления здоровья и, в частности, вегетативной нервной системы организма, используя упражнения из тяжелой атлетики в содержании процесса физкультурного образования студентов вуза. Авторами описана простая методика развития и диагностики состояния вегетативной нервной системы. Результаты работы могут широко применяться при организации физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы со студентами во всех вузах.

Автор раскрывает не только оздоровительную ценность применения основ тяжелой атлетики на занятиях по физической культуре, но и образовательную. Освоение двигательных умений и навыков из тяжелой атлетики обогатит багаж знаний студентов в сфере физкультурно-спортивной деятельности и будет совершенствовать педагогическую работу по формированию всех компонентов физической культуры личности. Описывая значимость работы по укреплению здоровья студентов вузов средством физических упражнений из тяжелой атлетики, автор показал важность для их профессионального становления и прежде всего как здорового работника, показывается эффективность тяжелой атлетики как хорошего средства профессионально-прикладной физической культуры.

The article reveals the issues of improving the efficiency of the health orientation of classes in physical culture with students of the university through the use of the foundations of weightlifting. The authors propose the work to improve the process of health promotion and, in particular, the vegetative nervous system of the body, using physical weightlifting exercises in the content of the process of physical education of university students. The authors described a simple method for the development and diagnostics of the state of the vegetative nervous system. The results of the work can be widely applied in the organization of physical culture and sports and mass work with students in all universities.

The author reveals not only the health value of applying the fundamentals of weightlifting in physical education classes, but also the educational one. The development of weightlifting motor skills will enrich the students' knowledge base in the field of physical culture and sports activities and will improve the pedagogical work on the formation of all components of person's physical culture. Describing the importance of work to improve the health of university students by means of weightlifting physical exercises, the author showed its importance for their professional development and, above all, as a healthy worker. The author shows the effectiveness of weightlifting as good means of professional-applied physical culture.

Ключевые слова: физическая культура, тяжелая атлетика, вегетативная нервная система, физические упражнения, студенты, здоровье, ортостатическая проба.

Key words: physical culture, weightlifting, vegetative nervous system, physical exercises, students, health, orthostatic test.

Введение. Бурные процессы глобализации и все более ускоряющийся научно-технический прогресс предъявляют соответствующие требования к человеку не только как к биологическому существу, но и как к члену социума. Одним из них является требование к успешности личности, выраженной в востребованности человека (специалиста) на рынке труда. В соответствии

с этим усложняются требования к учреждениям, которые готовят молодых специалистов, обладающих конкурентными преимуществами. В первую очередь, это касается повышения эффективности процесса формирования компетенций студентов в вузах, что выражается в увеличении учебной, а, следовательно, и физической, нагрузки на молодой развивающийся организм. При этом мы все помним, что здоровый специалист – это одно из главных условий и требований работодателей.

Поддержание полноценной двигательной активности является одним из важных условий гигиены учебного труда, профилактики заболеваний, укрепления здоровья и полноценного развития студенческой молодежи. Данное условие на этапе подготовки специалиста в вузе достаточно успешно обеспечивают занятия по физической культуре вместе с медицинскими профилактическими мероприятиями. Но постоянные стрессы, сопровождающие современное общество, диктуют необходимость поиска новых форм, методов и средств противодействия негативным факторам. Стрессы снижают иммунитет студентов и могут стать причиной расстройств, заболеваний нервной, сердечно-сосудистой, пищеварительной, гормональной систем и существенно повлиять на качество образования студентов. Таким образом, проблема снижения негативных факторов увеличения учебной нагрузки, усугубляемая необходимостью длительной работы студентов за компьютером, их малой двигательной активностью, особенностями окружающей среды становится актуальной в сфере высшего профессионального образования.

Проблема научно-методического обеспечения системы поддержания и укрепления здоровья обучающихся в образовательном процессе рассматривается в работах методистов, медиков, физиологов и дидактов. Так, С.Е. Воложанин пишет о важности сохранения здоровья студентов и комплексного подхода к укреплению их организма посредством физических упражнений на занятиях в университете [1]; коллектив исследователей под руководством А.В. Токарева в своих работах систематизируют различные функциональные пробы, где важное значение отводят тестированию нервно-мышечного аппарата при самоконтроле и педагогическом контроле состояния студентов в рамках физического воспитания [10]; Г.А. Гилев, Н.Е. Максимов и М.А. Комлев говорят о развивающем воздействии познавательного процесса на занятии физической культурой на нервную систему и расширение ее потенциальных возможностей [2]; И.Е. Корельская и Н.Ю. Флотская проводят экспресс-оценку центральной нервной системы студентов-первокурсников по параметрам простой зрительно-моторной реакции [8]; Н.А. Корбукова обосновывает необходимость учета данных тестов различных систем организма студента (и в том числе оценивающих характеристики нервной системы) при составлении комплексов физических упражнений, программ, самостоятельных заданий [7]; А.Н. Коваленко с коллегами пишут о необходимости реализации индивидуального подхода в физкультурном образовании студентов на основе изучения особенностей развития ведущих функциональных систем организма для сохранения здоровья [4]; А.И. Кондулинский ищет пути формирования стрессоустойчивости студентов вуза на основе активных форм обучения [6]; И.В. Никишин с группой ученых получают показатели, объективно характеризующие состояние нервной системы, выносливость нервных процессов во время физических нагрузок с помощью комплекса приборов «ПФК-01» [9]; И.А. Черкашин и группа ученых изучают закономерности влияния индивидуально-типологических свойств высшей нервной деятельности на сенсомоторные функции студентов, занимающихся тайским боксом [11].

Уже из этого краткого перечня видно, что ученые активно работают над методикой обучения студентов двигательным умениям и навыкам из тяжелой атлетики, развитием нервной системы средством физических упражнений. Вместе с тем, можно заметить, что совершенно не изучено воздействие именно упражнений из тяжелой атлетики на вегетативную нервную систему, а точнее, на ее симпатический отдел. Мы предполагаем, что при-

менение основ тяжелой атлетики на занятиях по физической культуре со студентами позволит повысить показатели здоровья, связанные с хорошим функционированием вегетативной нервной системой, потому что особенность физических упражнений со штангой заключается не только в воздействии на опорно-двигательный аппарат, сердечно-сосудистую и дыхательную систему, но и на нервную систему.

Цель. С целью изучения воздействия физических нагрузок из тяжелой атлетики на нервную систему студентов в рамках вузовских занятий по физической культуре, мы решили провести небольшое исследование.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- разработать и применить на занятиях по физической культуре со студентами комплекс физических упражнений из тяжелой атлетики;

- измерить и проанализировать характерные изменения симпатического отдела вегетативной нервной системы студентов в процессе внедрения основ тяжелой атлетики в физкультурное образование в вузе.

Авторы проанализировали учебно-методическую и физкультурно-спортивную литературу по проблеме, изучили и обобщили опыт работы преподавателей физической культуры и тренеров по тяжелой атлетике. Были систематизированы и обобщены научные факты и концепции с использованием метод экспертных оценок. Непосредственно на занятиях использовались методы наблюдения, опроса, тестирования.

Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе были определены необходимые тяжелоатлетические упражнения, созданы условия для соответствующей работы, сформированы группы студентов, с которыми проводились исследования, проведен исходный контрольный срез состояния вегетативной нервной системы. На втором этапе осуществлялся обучающий эксперимент. Данная работа проводилась в течение учебного года со студентами-юношами первого курса обучения в количестве 50 человек в каждой группе. В группе «А» находились студенты, с которыми в рамках занятий по физической культуре применялись основные физические упражнения из тяжелой атлетики, а группа «Б» занималась по обычной программе и была контрольной. Применение основ тяжелой атлетики на занятиях по физической культуре было гармоничным, хорошо вписывалось в систему занятий с применением других средств физической воспитания, не мешая полноценно решать основные образовательные задачи, реализуя программу по физической культуре.

В комплекс физических упражнений из тяжелой атлетики были отобраны основные классические двигательные действия: толчок штанги, рывок штанги, а также жим штанги, присед и протяжка со штангой. Данные упражнения составляют основу тяжелой атлетики и в то же время являются не сложными для изучения и полного освоения в короткие сроки [5]. Данные упражнения применялись в группе «А» на каждом занятии в течение всего эксперимента и занимали примерно 30-50% всего времени, отведенного на занятие по физической культуре. По каждому упражнению выполнялось по 3 подхода минимум и не менее 10 повторений в подходе, период отдыха произвольный, но не более 6 минут.

Также необходимо отметить, что нами учитывались индивидуальные особенности студентов с помощью нестандартных штанг разного веса и результаты учебно-воспитательного процесса тоже достигались дифференцированно. Особенности методики обучения студентов основам тяжелой атлетики на занятиях по физической культуре широко описываются в литературе, и автор не стал подробно останавливаться на этом [5]. Также необходимо помнить о соблюдении требований безопасности на занятиях по физической культуре с применением средств из тяжелой атлетики [3].

Кроме формирования соответствующих умений и навыков, воспитания физических качеств, для авторов важным являлось то, как данная учебная работа отражается на показателях вегетативной нервной системы.

Для диагностики состояния нервной системы была выбрана ортостатическая проба. Ортостатическая проба помогает определить, как функционирует симпатический отдел вегетативной нервной системы, определить дисфункцию нервной и сердечно-сосудистой системы. Данная проба широко распространена в спортивной физиологии, гигиене и непосредственно в сфере физической культуры, спорта. Она находится в широком доступе, в литературе, интернет-ресурсах, и авторы подробно не описывают в работе методические особенности ее использования.

Хотелось только отметить, что в ортостатической пробе осуществляются подсчеты частоты сердечных сокращений (ЧСС) после определенного пробой задания, и чем меньше показатель динамики пульса (изменения), тем лучше. Результат от 0 до 10 единиц является лучшим показателем и свидетельствует об отличной работе вегетативной нервной системы; 11-16 – хорошие показатели; 17-22 – удовлетворительные показатели; 23 и более – неудовлетворительный показатели, которые, возможно, свидетельствует о сердечной недостаточности и дисфункции нервной и сердечно-сосудистой системы.

На основании ортостатической пробы проводилось два контрольных среза в начале и конце эксперимента. Все полученные результаты каждого студента в группе складывались и отражали общий показатель состояния вегетативной нервной системы в группе.

Результаты исследования. Результаты состояния вегетативной нервной системы студентов разных групп представлены в таблице.

Таблица

Результаты развития сердечно-сосудистой системы студентов

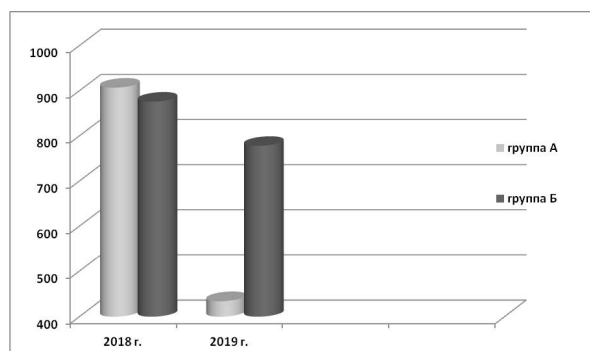
Проба	2018 г.		2019 г.	
	Группа «А»	Группа «Б»	Группа «А»	Группа «Б»
Ортостатическая проба, ЧСС	907	876	434	778

По результатам работы видно, что при почти одинаковых исходных данных к концу эксперимента явно больше положительным изменениям подверглись показатели нервной системы группы «А».

Если в группе «А» сумма показателей ортостатической пробы уменьшились на 473 единицы, то в контрольной группе «Б» результаты уменьшились на 98. Результаты в группе «А» оказались выше, чем в группе «Б» и разница между конечными показателями составляет 344 единицы,

Положительные изменения в состоянии нервной системы группы «Б» объясняется развивающим воздействием занятий по физической культуре, что тоже является не плохим показателем.

Результаты экспериментальной работы в группах наиболее наглядно отображает рисунок.

Рис. Результаты экспериментальной работы в группах

Показатели, представленные на рисунке, позволяют утверждать, что исследование позволяет значительно повысить положительное воздействие тяжелоатлетических упражнений на вегетативную нервную систему в процессе физкультурно-оздоровительной работы со студентами в вузе. Наиболее результативными для развития нервной системы студентов стали следующие упражнения из тяжелой атлетики: толчок штанги, рывок штанги, жим штанги в стойке, а также присед и протяжка со штангой.

Выводы. Применение основ тяжелой атлетики на занятиях по физической культуре со студентами позволяет эффективно повысить показатели здоровья нервной системы. Специфическое воздействие физических нагрузок из тяжелой атлетики ярко подчеркивает физкультурно-оздоровительную направленность исследования. Авторы разработали и успешно применили на занятиях по физической культуре со студентами-юношами комплекс основных физических упражнений из тяжелой атлетики. С помощью данных, полученных применением ортостатической пробы, точно измерили и четко показали эффективность развития вегетативной нервной системы студентов в процессе внедрения основ тяжелой атлетики в физкультурное образование в вузе. Применение тяжелоатлетических упражнений на занятиях по физической культуре обогатит процесс физкультурного образования студентов вуза.

Литература

1. Воложанин С.Е. Значение физической культуры в воспитании студенческой молодежи // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6. № 3 (24). С. 6.
2. Гилев Г.А., Максимов Н.Е., Комлев М.А. Развитие когнитивных способностей студентов под влиянием физической подготовки // Научный взгляд в будущее. 2016. Т. 3. № 1. С. 359-362.
3. Ингушев Ч.Х., Гилясова М.Х. Профилактика травматизма на занятиях со студентами по тяжелой атлетике, пауэрлифтингу и гиревому спорту // Интерактивная наука. 2016. № 2. С. 58-59.
4. Коваленко А.Н., Быков Е.В., Макунина О.А., Коломиец О.И. Педагогические и медико-биологические методы коррекции здоровья студентов в условиях сочетания влияния умственных и физических нагрузок // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2017. Т. 12. № 2. С. 204-217.
5. Козлов И.В., Прыткова Е.Г., Сурнина С.В., Борисов Д.С. Тяжелая атлетика. Теория и методика преподавания для студентов: учеб. пособие. Волгоград: ВГТУ, 2018. 128 с.
6. Кондулинский А.И. Формирование компетенций стрессоустойчивости у студентов-психологов вуза физической культуры на основе реализации активных форм обучения // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2012. № 11 (93). С. 54-58.
7. Корбукова Н.А. Тестирование функциональных и психологических показателей студентов // Педагогическое мастерство и педагогические технологии. 2015. № 1 (3). С. 69-72.
8. Корельская И.Е., Флотская Н.Ю. Оценка деятельности центральной нервной системы студентов при освоении дисциплины «Физическая культура и спорт» в университете // Физическая культура и спорт в системе образования России: инновации и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практ. конф., 2017. С. 323-327.
9. Никишин И.В., Галочкин П.В., Матвеев А.Е., Швецов А.В. Зависимость психофизиологических показателей студентов от их двигательного режима // Теория и практика физической культуры. 2018. № 4. С. 77-78.
10. Токарева А.В., Гетьман В.Д., Ефимова-Комарова Л.Б. Самоконтроль и методы оценки физического и функционального состояния студентов: учеб. пособие. СПб.: СПбГАСУ, ЭБС АСВ, 2016. 104 с.
11. Черкашин И.А., Платонов Д.Н., Мигалкин А.Г. Изучение индивидуально-типологических свойств высшей нервной деятельности на сенсомоторные функции студентов, занимающихся тайским боксом // Успехи современного естествознания. 2015. № 9-3. С. 576-578.

References

1. Volozhanin S.E. The value of physical culture in the education of students, *Bulletin of the Minin University*, 2018, Vol. 6. N (24), p. 6 (in Russian).
2. Gilev G.A., Maksimov N.E., Komlev M.A. The development of cognitive abilities of students under the influence of physical training, *Scientific look into the future*, 2016, Vol. 3, N 1, pp. 359-362 (in Russian).
3. Ingushev Ch.Kh., Gilyasova M.Kh. Injury prevention in the classroom with students in weightlifting, powerlifting and weight-lifting, *Interactive science*. 2016, N 2, pp. 58-59 (in Russian).
4. Kovalenko A.N., Bykov E.V., Makunina O.A., Kolomiets O.I. Pedagogical and biomedical methods of correction of students' health under the combination of the influence of mental and physical loads, *Pedagogical-psychological and medico-biological problems of physical culture and sports*, 2017, V. 12, N 2, pp. 204-217 (in Russian).
5. Kozlov I.V., Prytkova E.G., Surnina S.V., Borisov D.S. Weightlifting. Theory and methods of teaching for students: study guide. Volgograd: VSTU, 2018. 128 p.
6. Kondulinsky A.I. Formation of stress tolerance competences in psychology students of the university of physical culture based on the implementation of active forms of education, *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2012, N 11 (93), pp. 54-58 (in Russian).
7. Korbukova N.A. Testing of functional and psychological indicators of students, *Pedagogical skill and pedagogical technologies*. 2015, N 1 (3), pp. 69-72 (in Russian).
8. Korelskaya I.E., Flotskaya N.Yu. Assessment of the central nervous system of students during the development of the discipline «Physical culture and sport» at the university, Physical culture and sport in the education system of Russia: innovations and development prospects: materials of the All-Russian scientific-practical conference. 2017, pp. 323-327.
9. Nikishin I.V., Galochkin P.V., Matveev A.E., Shvetsov A.V. The dependence of psycho-physiological indicators of students on their motor regime, *Theory and practice of physical culture*. 2018, N 4, pp. 77-78 (in Russian).
10. Tokareva A.V., Getman V.D., Efimova-Komarova L.B. Self-control and methods for assessing the physical and functional state of students: a training manual. SPb.: SpbGASU, EBS DIA, 2016. 104 p.
11. Cherkashin I.A., Platonov D.N., Migalkin A.G. The study of individual-typological properties of higher nervous activity on the sensomotor functions of students involved in Thai boxing, *Successes of Modern Natural Science*. 2015, N 9-3, pp. 576-578 (in Russian).

А.В. МАЛЫШЕВА,
О.В. ШРАМКОВА

A.V. MALYSHEVA,
O.V. SHRAMKOVA

К ВОПРОСУ
О ПРОВЕДЕНИИ ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ
В ФОРМЕ ДЕМОСТРАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА
В СРЕДНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

TO THE QUESTION
OF CONDUCTING FINAL CERTIFICATION
IN THE FORM OF DEMONSTRATION EXAM
IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION:
REGIONAL ASPECT

Внедрение демонстрационного экзамена в среднем профессиональном образовании в настоящее время приобретает большую актуальность. В статье обобщены результаты опроса слушателей курсов повышения квалификации ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования» по данной проблеме. Выявлены положительные эффекты и риски введения демонстрационного экзамена в Саратовском регионе. Определены условия, способствующие минимизации данных рисков. Представлена «антикризисная» модель дополнительного профессионального образования педагогов СПО на период введения в образовательный процесс демонстрационного экзамена.

The introduction of a demonstration exam in secondary vocational education is currently becoming more relevant. The article summarizes the results of a survey of students of advanced training courses of Saratov Regional Institute of Education Development on this issue. The positive effects and risks of introducing a demonstration exam in the Saratov region are identified. The conditions contributing to the minimization of these risks are defined. The "anti-crisis" model of additional professional education for teachers of vocational education during the introduction of the demonstration exam into the educational process is presented.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, демонстрационный экзамен, студент, WorldSkills, образовательная организация, работодатель, конкурс.

Key words: secondary vocational education, a demo exam, student, WorldSkills, educational organization, employer, competition.

В настоящее время в среднем профессиональном образовании актуальна проблема качественной организации и проведения государственной итоговой аттестации (далее – ГИА) в формате демонстрационного экзамена (далее – ДЭ) по методике WorldSkills Russia (далее – WSR) или с применением методики WorldSkills Russia. Это обусловлено, прежде всего, поручением Президента РФ по итогам встречи с членами национальной сборной России по профессиональному мастерству 9 декабря 2016 г., которое предписывает внедрение демонстрационного экзамена по стандартам WSR в качестве ГИА по образовательным программам СПО, и реализацией федерального проекта «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)».

Тематика ДЭ в современной педагогической науке находит выражение в серии исследовательских работ последних лет: В.А. Наумкиной, О.А. Павловой, О.Б. Петинной и др. [3, 4, 6]. Кроме того, важной аналитической составляющей обладают издания, в которых обобщен опыт внедрения ДЭ и результаты участия в нем субъектов Российской Федерации [1]. Тем не менее, несмотря на актуальность данной проблемы, ее анализ в научно-методической литературе является недостаточным.

Поэтому в данной статье рассмотрены особенности масштабирования ДЭ с применением методик WorldSkills в Саратовской области и один из факторов, влияющих на оптимизацию процесса организации и проведения ГИА в формате демонстрационного экзамена – готовность педагогического сообщества к проведению ДЭ. Действительно, ДЭ является основной процедурой итоговой аттестации, необходимо критически переосмыслить весь процесс обучения современных студентов СПО. При этом обновлению и пересмотру подвергается содержательная сторона образовательных программ, а также сроки их реализации, изменяются требования к оборудованию и уровню подготовки мастеров производственного обучения, экспертов и других педагогических работников.

Саратовская область входит в число 12 регионов, в которых «в среднем расположена 81 профессиональная образовательная организация. Финансирование СПО составляет в этих регионах 58 152 руб. в расчете на одного человека.... В среднем в этих регионах примерно половина студентов продемонстрировали уровень профессиональной компетенции, соответствующий медальону (49%). Эти результаты были достигнуты в условиях меньшей оснащенности образовательных организаций (в среднем, 6 ЦПДЭ и 2 СЦК в каждом регионе).... В среднем в каждом регионе примерно 22% мастеров производственного обучения прошли обучение в Академии WorldSkills» [1].

Данные показатели являются удовлетворительными, но не оптимальными. Такое положение дел определяется сложным сочетанием различных факторов и причин. Среди них основной, на наш взгляд, является готовность педагогического коллектива образовательной организации СПО к проведению ДЭ.

Данный фактор был исследован в рамках дополнительного профессионального образования педагогов. В государственном автономном учреждении дополнительного профессионального образования «Саратовский областной институт развития образования» (далее – Институт) проводятся курсы повышения квалификации по дополнительной образовательной программе «Проектирование и оценка профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС СПО, профессиональных стандартов и WorldSkills Russia». Данная программа направлена, в том числе, на систематизацию знаний о ГИА и требований к организации и проведению ДЭ. В первой половине 2019 года по данной программе прошли обучение 88 слушателей из Ивантеевского, Александрово-Гайского и Энгельсского районов Саратовской области.

В рамках курсов слушателям предлагалось выполнить практическое задание по анализу положительных эффектов проведения ДЭ и рисков, связанных с его организацией и проведением. С этим заданием справилось только 26% слушателей, при этом половина ответов, оцененных положительно, дано слушателями Энгельсского района, который территориально близко расположен к областному центру. Педагогические работники данного учреждения имеют возможность принимать активное очное участие в семинарах, круглых столах или просто получить консультацию по интересующей педагогической проблеме. Два других района являются отдаленными и такой возможности не имеют. Таким образом, можно сделать вывод, что доступность актуальных информационно-методических ресурсов имеет немаловажное значение при реализации инновационных проектов.

Анализ ответы педагогов позволяет отметить, что одним из положительных эффектов введения ДЭ является возможность получения выпускником учреждения СПО вместе с дипломом сертификата WSR с занесением результатов в международную базу CIS, что дает возможность студенту подтвердить свою квалификацию в соответствии с мировыми стандартами. Другим, не менее ценным эффектом, по мнению слушателей, является дополнительный интерес и доверие представителей работодателей, которые имеют возможность принимать участие в процедуре ДЭ [2, с. 13]. По его результатам можно осуществить подбор лучших молодых специалистов по востребо-

ванным профессиям, оценив на практике их профессиональные умения и навыки. В результате выпускники получают предложения о трудоустройстве уже на этапе выпуска из образовательной организации. Также дополнительным эффектом ДЭ является возможность определения работодателем образовательных организаций для сотрудничества и партнерства в области подготовки и обучения персонала.

Знаковым положительным аспектом введения ДЭ, осознанным педагогами, является непрерывная совместная работа коллектива по корректировке образовательных программ с учетом требований контрольно-оценочной документации ДЭ.

Одним из самых популярных позитивных положений, связанных с организацией и проведением ДЭ, педагоги считают укрепление и развитие материально-технической базы той образовательной организации, которая взяла на себя роль центра проведения ДЭ по какой-либо компетенции. Эта образовательная организация СПО берет на себя роль региональной площадки сетевого взаимодействия в данном вопросе.

Проведенная работа стала причиной и стимулом более частого, чем определено (раз в три года) повышения квалификации педагогов системы СПО. При этом востребованным является не только лучшие образовательные практики, но и современные производственные технологии. Актуализировалась потребность в стажировках для педагогического состава. Возрос интерес к работе сертифицированных независимых экспертов на площадке проведения ДЭ, которые прошли специальную подготовку в соответствии с международными стандартами WorldSkills. Экзамен проходит в открытой форме, на доверительной основе.

Укажем и риски проведения ДЭ, выделенные и самими педагогическими работниками СПО.

Первый риск, наиболее часто встречающийся в ответах, связан с материально-техническими ресурсами образовательных организаций СПО и требованиями к условиям проведения ДЭ. На сегодняшний момент задания ДЭ выполняются на специальной сертифицированной площадке, все оборудование которой должно в точности соответствовать утвержденному перечню. В регионе формируется, как правило, одна площадка по компетенции с небольшим количеством оборудованных рабочих мест. В результате, недостаток площадок и оборудования приводит к тому, что одновременно сдавать экзамен по определенной компетенции может только небольшое число студентов-выпускников, и ГИА растягивается во времени. И это одна сторона вопроса. Вторая сторона – использование площадки для проведения ДЭ в рамках сетевого взаимодействия, механизмы которого, особенно финансовые, на сегодняшний день не отработаны.

Второй зоной риска являются большие финансовые затраты образовательных организаций – участников ДЭ. Это касается и базовой площадки проведения ДЭ и образовательных организаций, направляющих студентов для сдачи экзамена. Подготовка площадки, затраты на экспертов, трансфер, рабочую одежду и обувь, питание и, если необходимо, проживание (Саратовская область площадью более 100 000 км², студентов приходится возить на довольно значительные расстояния) требуют немалых финансовых вложений.

Третьим риском является неполное соответствие профессиональных образовательных стандартов и требований компетенций WorldSkills. Поэтому для проведения ГИА в формате ДЭ необходимо предварительно провести актуализацию образовательных программ в соответствии с требованиями профессиональных стандартов и WSR, обучить студентов по актуализированным программам и только после этого проводить ГИА по выбранному формату ДЭ. Если обучение происходит по не актуализированным программам, следовательно, предъявлять требования к выпускникам на соответствие стандартам и WSR нельзя. Актуализация программ требует от педагогов высокой методической компетентности.

Четвертая проблемная область заключается в сильной эмоциональной и психологической нагрузке студента-выпускника, заключающейся в дополнительном стрессе в процессе прохождения ДЭ. Действительно, экзамен проходит на «чужой территории», в новой обстановке и с незнакомыми экспертами. Такие условия сложны и для успевающих студентов, и, тем более, для слабоуспевающих. Это, несомненно, увеличивает вероятность непрохождения ДЭ. В этой связи в образовательной организации необходимо вести работу по развитию психологической устойчивости студентов. А также принимать активное участие в различных конкурсах и чемпионатах по профессиональному мастерству среди студенчества.

Менее выделяемым, но встречающимся в ответах слушателей риском является требование к составу экзаменационной комиссии. В соответствии с методическими рекомендациями о проведении аттестации с использованием механизма ДЭ в государственную экзаменационную комиссию входит экспертная группа, состоящая из экспертов – сертифицированных специалистов союза WSR. Таких специалистов на сегодняшний день явно недостаточно, и обучение их в масштабах всей страны требует времени и финансовых затрат. ГИА происходит во всех образовательных организациях Российской Федерации одновременно, одновременно требуется большое количество специалистов по проведению ДЭ.

В целом можно утверждать, что проведение ГИА в формате ДЭ актуально и востребовано всеми участниками среднего профессионального образования и заинтересованными лицами: студентами, педагогами, работодателями, государственными структурами. Но степень готовности к организации и проведению ГИА в формате ДЭ и у организаций СПО, и у педагогических работников – непосредственных исполнителей – низкая.

Это является основным направлением для оптимизации процесса подготовки и проведения демонстрационного экзамена. Чтобы свести к минимуму издержки в этой работе, на наш взгляд, необходима «антикризисная» модель дополнительного профессионального образования педагогов СПО на период введения в образовательный процесс ДЭ.

Основные характеристики данной Модели следующие:

- реализация Модели локализована по времени периодом введения в образовательный процесс ДЭ;
- реализация Модели носит превентивный и интенсивный характер;
- содержательная часть Модели состоит из разнообразных образовательных продуктов (курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, семинары и вебинары, дискуссионные и аналитические площадки и т.д.), все из которых носят проблемный характер, т.е. посвящены решению конкретной актуальной задаче;
- образовательные продукты разрабатываются с учетом компетентностных дефицитов конкретной целевой аудитории и носят «адресный» характер;
- образовательные продукты реализуются в рамках сетевого взаимодействия образовательных организаций СПО, ДПО, ВПО, с использованием соответствующих материально-технических, методических, кадровых ресурсов;
- в рамках Модели осуществляется консультирование и тьюторское сопровождение педагогов в межкурсовой период.

«Антикризисная» модель позволит повысить готовность педагогов к организации и проведению государственной итоговой аттестации в формате демонстрационного экзамена по методике WorldSkills и, в сочетании с другими факторами, оптимизировать внедрение ДЭ в Саратовском регионе.

Литература

1. Демонстрационный экзамен по стандартам WorldSkills: предварительные итоги и возможности масштабирования / А.Б. Захаров, Ф.Ф. Дудырев, А.В. Капуза, Г.С. Ларина, Т.А. Чиркина, А.И. Шабалин. Факты образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. № 8 (23). 28 с.
2. Методические рекомендации о проведении аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена. Утверждены распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 1 апреля 2019 года N P-42.
3. Наумкина В.А. Демонстрационный экзамен по стандартам Ворлдскиллс: уверенный выход на рынок труда // Профессиональное образование и рынок труда. 2018. № 3. С. 44-48.
4. Павлова О.А. Демонстрационный экзамен: приоритеты образовательной политики в СПО и новая реальность для образовательных организаций // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2016. № 5-6 (27-28). С. 6-8.
5. Перечень поручений Президента РФ по итогам встречи с членами национальной сборной России по профессиональному мастерству 9 декабря 2016 г. № пр-2582 от 23 декабря 2016 г.
6. Петина О.Б. Демонстрационный экзамен – инновационная форма практического обучения // Образование. Карьера. Общество. 2017. № 4 (55). С. 69-70.

References

1. Demonstratsionnyy ekzamen po standartam WorldSkills: predvaritel'nyye itogi i vozmozhnosti masshtabirovaniya. *WorldSkills demonstration exam: preliminary results and scalability* / A.B. Zakharov, F.F. Dudyrev, A.V. Kapuza, G.S. Larina, T.A. Chirkina, A.I. Shabalin. Education Facts. M., 2018, N 8 (23). 28 p. (in Russian).
2. Metodicheskiye rekomendatsii o provedenii attestatsii s ispol'zovaniyem mekhanizma demonstratsionnogo ekzamina. *Guidelines for certification with the use of the mechanism of the demonstration exam*, Approved by the order of the Ministry of Education of the Russian Federation of April 1, 2019. N P-42 (in Russian).
3. Naumkina V.A. Worldskills Standards Demonstration Exam: Steady Entry into the Labor Market // *Professional'noye obrazovaniye i rynok truda*. [Professional Education and Labor Market], 2018, No. 3, pp. 44-48 (in Russian).
4. Pavlova O.A. Demonstration exam: educational policy priorities in vocational education and new reality for educational organizations // *Dopolnitel'noye professional'noye obrazovaniye v strane i mire*. Additional professional education in the country and the world. 2016, N 5-6 (27-28), pp. 6-8 (in Russian).
5. The list of instructions of the President of the Russian Federation following a meeting with members of the Russian national team on professional skills December 9, 2016, N pr-2582 of December 23, 2016.
6. Petina O.B. Demonstration exam – an innovative form of practical training // *Obrazovaniye. Kar'yera. Obshchestvo*. [Education. Career. Society], 2017, N 4 (55), pp. 69-70 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCE

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.008

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542

З.А. АКСЮТИНА,
О.А. ОЗЕРОВАZ.A. AKSYUTINA,
O.A. OZEROVAПРЕДСТАВЛЕНИЯ
МОЛОДЕЖИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА
О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХREPRESENTATIONS
OF YOUNG PEOPLE OF RURAL SOCIETY
ON FAMILY VALUES

Целью данной работы было изучение оценки семейных ценностей молодыми людьми 17-18 лет, проживающих в сельском социуме северных районов Омской области. Для решения задач исследования в статье приводится понимание понятий «ценность» и «семейные ценности». Анализ результатов исследования семейных ценностей осуществлен с применением опросных и проективных методик, которые отбирались с позиции их надежности и валидности. В ходе исследования опрошено 256 респондентов. Результаты исследования позволяют оценить значимость семьи в структуре ценностей сельской молодежи на примере северных районов Омской области.

The purpose of this work was to study the assessment of family values of young people aged 17-18 living in a rural society of the northern regions of the Omsk region. To solve the research problems the article provides an understanding of the concepts of «value» and «family values». The analysis of the results of the study of family values was carried out using survey and projective methods, which were selected from the standpoint of their reliability and validity. 256 respondents were interviewed during the survey. The results of the study make it possible to assess the importance of the family in the structure of values of rural youth, using the example of the northern regions of the Omsk Region.

Ключевые слова: молодежь, семья, ценность, семейные ценности, Омская область, отношение к жизни, отношение к семье.

Key words: youth, family, value, family values, Omsk region, attitude towards life, attitude towards family.

Введение. Проблема ценностей остается ведущей в исследованиях российских ученых. Анализ ценностей позволяет понять процессы, происходящие в социальных системах, определить их содержание, выявить функциональное предназначение, объяснить характер общественного развития, прогнозировать общественное развитие. Именно поэтому исследование ценностного отношения к семье всегда будет сохранять свою актуальность в силу динамичности изменений ценностного отношения у разных социальных и возрастных групп.

В идеале семья должна оставаться одной из главных ценностей человека и общества, ведь семейные ценности являются основополагающими в формировании роли семьянина у молодых людей. Вместе с тем, есть тен-

денции, демонстрирующие снижение ценности семьи. Это явление можно проследить и в Омской области. Так, по данным управления ЗАГСом Омской области в 2018 году зарегистрировано 13 134 записи актов о заключении брака и 8 623 записи акта о расторжении брака [7]. Анализ указанных статистических данных свидетельствуют о том, что в ценностном отношении к семье есть существенные затруднения и негативные тенденции. Полагаем, что эти затруднения связаны с искаженным ценностным восприятием семьи со стороны молодежи.

Обратимся к базовым понятиям исследования: «ценность», «семья», «семейные ценности». Проведем попытку выявления их сущности в разных науках. Так, в философии и социологии термин «ценность» используется для указания на три основные явления действительности (человеческие, социальные и культурные) [11]. В русском языке ценность рассматривается как важность, значимость [2, с. 1173]. В психологии ценность традиционно определяют как то, чему человек осознанно назначает более высокую цену, а также то, чем он дорожит и ради чего готов пожертвовать чем-то другим, заплатить усилиями, временем и пр. [3, с. 69].

Проведенный анализ указывает на наличие двух признаков, характерных для категории «ценность», их важность и значимость. Резюмируя отметим, что ценность – это значимость объекта для субъекта. В фундаменте ценности могут лежать содержание сознания, результаты творчества, объективная реальность. Возникновение ценности имеет прямую зависимость от процесса действий и их осмысления, а их проявление происходит в степени отражения значимости идей, предметов, явлений и т.п.

В своих исследованиях Т.В. Геворкян акцентирует внимание на социальном характере ценностей, природа которых находит формирование в общественных практиках и индивидуальности деятельности, через конкретно-исторические формы отношений и общения [5, с. 40]. Ценности имеют динамический характер, что доказывает формирование их в процессе социализации индивида в обществе. На характер формирования ключевых ценностей человека в совокупности влияют система знаний и жизненный опыт, поэтому ценности можно рассматривать как нормативный регулятор поведения социальных общностей и групп.

В исследованиях, направленных на изучение ценностей, для их классификации используются различные основания: сферы общественной жизни (материальные, духовные, религиозные, др.); предметное содержание (правовые, политические, экономические, др.); характерные особенности в ориентирах поведения (терминальные и инструментальные); основание по функциям (одобряемые, порицаемые); преобладающая социокультурная система (традиционные, либеральные, общечеловеческие) и базовые ценности. Опираясь на эти основания, мы можем связать воедино представления о семье и ценностях.

К наиболее распространенным можно отнести понимание семьи как: 1) основной ячейки общества, главной задачей которой является как биологическое, так и социальное воспроизводство людей; 2) малой социально-психологической группы, имеющей определенную специфику. Семья как группа характеризуется особой системой межличностных отношений, на которые накладывается отпечаток нравственных норм, традиций формируемых этой группой и определенной степенью управляемости. D. Ilisko и M. Kravale-Paulina считают, что «термин «семья» со временем изменился», а изменения находятся «в зависимости от того, кто его определяет» [12, с. 86].

Перейдем к пониманию ценности семьи, которая, по мнению Н.К. Акименко и С.В. Багинской, проявляется в важности и значимости её самой, как группы имеющей в своей основе брачно-родственные отношения. Характерными особенностями этого являются совместный быт и моральная ответственность друг за друга [1, с. 212]. Это подтверждается и исследованиями Р. Валеева, Н. Королева и Ф. Сахапова, которые обнаружили, что 75% родителей считают, что семья всегда занимает важное место в жизни ребенка

[13, с. 1646]. Остается открытым вопрос о сохранение важности этого места у молодежи.

В современных условиях не все субъекты общественной жизни признают ценность семьи, не осознавая ее существование с достаточной глубиной и ответственностью. Очевидно, что это обуславливает наличие проблем восприятия брака и семьи. Так, например, можно говорить о существенном количестве семей, ограничивающихся наличием одного ребёнка, предпочтении «бездетного» существования, преобладание мотивов построения карьеры над построением семьи и пр. Создание и функционирование успешной семьи предполагает наличие высокой осознанности и ответственности, что накладывает особый отпечаток на необходимость подготовки молодых людей к семейной жизни в основе которой лежит формирование ценности семьи.

По мнению А.А. Реан, семейные ценности определяются как положительные или отрицательные показатели значимости объектов, которые основаны на единой совместной деятельности людей, связанных кровнородственными узами, вовлеченностью в жизнедеятельность, интересами, потребностями и социальными отношениями» [8, с. 4]. В.П. Сергеева пишет: «семейные ценности – это некие духовно-нравственные ориентиры, которые социально одобряемы и разделяются большинством людей. Соответственно, их можно считать эталоном или идеалом, определяющим весь ход целенаправленного процесса по созданию идеальной семьи для всех граждан» [9, с. 42]. Анализ научных публикаций показал наличие многообразия классификаций семейных ценностей.

Т.Ф. Бурганова и Г.Ф. Биктагирова выделили семейные ценности в различных брачно-семейных сферах (табл. 1) [4, с. 42].

Таблица 1

Семейные ценности в различных брачно-семейных сферах

Сфера	Проявления	
	для личности	для семьи
брачное поведение и выбор брачного партнёра	любовь, влечение, физическая привлекательность, статус в обществе, социокультурные параметры	ценностные ориентации, связанные с возможностью продолжить род, фамилию, расширить родственные связи, следовать традициям, обычаям и образу жизни родительской семьи
родительство	сострадание, взаимопонимание, готовность прийти на помощь, ответственность друг за друга	
дети	наследники, продолжатели рода и фамилии, опора в старости, смысл жизни	
семейные функции	хозяйственно-бытовая, досуговая, воспитательная, сексуальная, эмоциональная, социального контроля	
отношения	истинные, мнимые, прерывистые, конфликтные, творческие и т.д.	
выполнение семейной роли	способность к плодотворности, разрушению	
социализация	приобщение к культуре, образование, карьера, материальное благополучие	

З.И. Рябикина и П.М. Хозяинова исследовали базовые семейные ценности, считая, что они содержат предметное содержание. Базовые ценности лежат в основе сознания влияют на поступки и семейные отношения [10]. Будем учитывать тот факт, что таких ценностей немного. Все они, как правило, уже оказываются сформированными к 18-20 годам в течение первичной социализации. Эти ценности остаются в той или иной степени стабильными на протяжении практически всей жизни. Однако кризисы, серьёзные перемены в жизни человека могут повлиять, «пошатнуть» эту систему, затро-

нуть не только состав, но и структуру ценностей, т.е. иерархические соотношения между ними в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности становятся более значимыми, а другие получают низкий статус или ранг. Следствием этого являются изменения социального смысла тех или иных ценностей для индивидов и других социальных объектов [3, с. 115].

Важным для исследования является классификация семейных духовно-нравственных ценностей Е.И. Зритневой. К ним относятся следующие:

- абсолютные ценности (любовь, добро, уважение, целомудрие, истина, культура, благо, вера, надежда, красота, соборность);
- видовые духовно-нравственные ценности: природно-географические ценности (природные условия и ресурсы, труд);
- общественно-государственные ценности (Родина, гражданственность, свобода и равенство, безопасность, правда, достоинство, мир);
- культурно-национальные кровные ценности семьи (кровное родство, дети, мать (материнство), отец (отцовство), дом (домашний очаг), здоровье, семейный уклад, традиции, обычаи, обряды) [6, с. 39].

Важно учитывать, что у каждой семьи основные семейные ценности будут свои – уникальные. Однако каждому человеку, в том числе и юношеского возраста, необходимо иметь четкое собственное представление о тех семейных ценностях, на которых будет строиться и укрепляться фундамент будущей крепкой и дружной семьи. Таким образом, формирование семейных ценностей основано на необходимости выбора тех из них, которые будут оставаться важными и значимыми на всем протяжении жизни [9, с. 68].

Цель статьи: изучить состав семейных ценностей у лиц юношеского возраста, проживающих в сельском социуме северных районов Омской области.

Нами не найдено исследований семейных ценностей юношества в северных районах Омской области. Исследования такого рода в удаленных от мегаполисов районах не проводятся в силу географического расположения. В этом и заключается новизна исследования.

Материалы и методы. Для достижения поставленных задач в работе использовались диагностические методики, имеющие достаточный уровень надежности и валидности. Кроме того, они являются эффективными в исследовании семейных ценностей, как групп, так и отдельных индивидов.

Дадим краткое описание используемых методик исследования.

Методика П.В. Степанова «Изучение характера отношения к различным сферам жизни». Методика, включает в себя 91 вопрос. На каждый из вопросов испытуемый должен выбрать один ответ. При этом оценить степень согласия или несогласия он может в интервале от «+4» до «-4» баллов.

Тест С.С. Носова «Семейные ценности». Он основан на том, что испытуемые проводят ранжирование представленных основных семейных ценностей. Автор методики указывает на то, что именно система ценностных ориентаций испытуемого определяет содержательную сторону направленности его личности, тем самым составляя основу отношений не только к окружающему миру, но и к другим людям. В соответствии с этим в анкете нашли отражение десять семейных ценностей, предлагаемых к прямому ранжированию каждому из респондентов.

Проективная методика «Рисунок будущей семьи». Методика основана на том, что посредством формирования рисунка своей будущей семьи у респондентов можно выявить особенности представлений о ней, о том, каково ее будущее, составе, а также выявляется предполагаемый характер взаимоотношений с будущими членами семьи.

Рисунок оценивается по параметрам: степень эмоциональной близости отношений с мужем/с женой, степень эмоциональной близости отношений с ребёнком/детьми, тревожность, конфликтность. Оценка производится по шкале от 0 до 4 баллов, где 4 – высшая степень проявления признака, а 0 – это отсутствие его проявления.

Результаты и обсуждение результатов. Диагностика представлений юношества о семейных ценностях проводилась в учреждениях образования Большереченского, Муромцевского, Седельниковского районов Омской области. Выборку составили 256 человек юношеского возраста в возрасте 17-18 лет. Половая идентификация испытуемых в ходе исследования не осуществлялась.

Приведем результаты исследования представлений юношества о ценности семейных отношений с помощью методики П.В. Степанова «Изучение характера отношения к различным сферам жизни». В таблице 2 отражены результаты опроса. Наибольшее преобладание имеет ситуативно-позитивное отношение к жизни – 38,68% обследуемых. Указанное означает то, что лица юношеского возраста высоко позиционируют ценности семьи, они являются для них значимыми. При этом они дорожат имеющимися семейными традициями и устоями, осуществляют заботу и понимание по отношению к родным и близким. Ситуативно-позитивное отношение отражает стремление молодых людей к созданию своей счастливой семьи в будущем.

Таблица 2

**Результаты исследования характера отношений юношества
к различным сферам жизни**

Распределение по районам	Кол-во (чел.)	Характер представлений о семейных ценностях			
		Устойчиво-позитивное отношение (%)	Ситуативно-позитивное отношение (%)	Ситуативно-негативное отношение (%)	Устойчиво-негативное отношение (%)
Большереченский	87	49,43	18,39	20,69	11,49
Муромцевский	83	32,53	50,61	10,84	6,02
Седельниковский	86	32,56	47,67	10,46	9,31
Всего	256	38,28	38,68	14,06	8,98

На втором месте, согласно полученным данным, стоит устойчиво-позитивное отношение к жизни, обнаруженное у 38,28% респондентов из числа обследуемых. В данной группе испытуемых восприятие семьи имеет ценность. Восприятие как семьи, так и семейных традиций это «само собой разумеющееся явление». Все, что есть в семье это естественное явление. Проблема будущего семейного функционирования может быть неудачной в силу недооценки кропотливой работы по развитию и сохранению семьи. Отношение к семейным праздникам поверхностное, часто необходима поддержка и напоминание на фоне достаточно активного участия в семейных торжествах. Родительская опека и забота молодыми людьми воспринимается как должное поведение родителей, но семейные идеалы в планируемом будущем имеют существенные трансформации.

Отметим, что данные, полученные по двум группам отношений – ситуативно-позитивному и устойчиво-позитивному – имеют незначительные различия в пользу первого. Суммарно позитивное отношение к семье выражено у 76,96% обследованных респондентов. Это указывает на сохранение позитивного отношения к семье у большей части респондентов.

У 36 испытуемых из общего числа обследуемых, что составило немногим более 14,06%, выявлено ситуативно-негативное отношение к жизни, так называемое «потребительское». Указанное означает, что семья воспринимается как «источник» удовлетворения потребностей, т.е. родные создавать условия для проявления гедонистических склонностей. При этом необходимого можно добиваться любым способом, будь то послушание или же ложь. Лица, юношеского возраста с ситуативно-негативным отношением не считают себя слишком обязанными семье, не разделяют семейных традиций и ценностей.

Устойчиво-негативное отношение к жизни было выявлено у 8,98% испытуемых из всей выборки. Для них семья не представляет никакой ценности. Им бывает стыдно за семейные традиции, нормы поведения и пр., поэтому они считают их неприемлемыми, что, вполне возможно уже в недалеком будущем может найти отрицательное отражение на построение собственной семьи.

Негативное отношение к семье по сумме показателей сформировано у 23,04% обследованных. Это достаточно существенные показатели негативизма в отношении к семье. В целом, для 23 человек требуется соответствующая коррекция, которая может осуществляться за счет организации педагогической деятельности, направленной на формирование характера отношений юношества к различным сферам жизни.

По административным округам также обнаружены различия в оценке отношения к семье. Если в Седельниковском и Муромцевском районах показатели позитивного отношения имеются у 80,13% и 83,14% соответственно, то в Большереченском районе этот показатель выражен слабее и равен 57,82%. Полученные данные свидетельствуют о существенных различиях в отношении к семье среди молодежи разных административных районов, что требует дополнительного исследования причин данного явления.

Приведем результаты исследования по тесту С.С. Носова «Семейные ценности». Обобщенные результаты исследования представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты исследования по тесту «Семейные ценности»

Наименование ценности	Средний ранговый балл по выборке		
	Большереченский	Муромцевский	Седельниковский
Нежность	4,51	3,34	3,01
Сексуальные отношения	4,20	4,54	6,24
Общение	6,10	2,86	3,90
Супруг(а) как спутник по отдыху	7,10	5,16	6,12
Финансовая поддержка	8,24	4,72	5,48
Привлекательность партнера	6,60	8,84	7,54
Искренность и открытость	5,80	5,10	4,90
Работа по дому	3,80	6,42	5,68
Посвященность семье	5,44	6,60	4,70
Восхищение	2,95	7,20	3,48

В таблице 2, даны результаты теста «Семейные ценности». Первые ранговые места занимают ценности – финансовой поддержки (8,24), партнер как спутник по отдыху (7,10) и его привлекательность (6,60). При этом в Большереченском районе; привлекательность партнера (8,84), восхищение (7,20), посвященность семье (6,60) в Муромцевском; привлекательность партнера (4,20), сексуальные отношения (6,24), супруг(а) как спутник по отдыху (6,12) в Седельниковском районах. Единство в выборе составила только привлекательность партнера.

Низкие ранговые места заняли такие семейные ценности, как сексуальные отношения (4,20), работа по дому (3,80), восхищение (2,95) в Большереченском; сексуальные отношения (4,54), нежность (3,34), общение (2,86) в Муромцевском; общение (3,90), восхищение (3,48), нежность (3,01) в Седельниковском районах. В выборе ранговых мест, занявших крайние позиции, полного совпадения в выборе не выявлено.

Если суммировать полученные в ходе исследования результаты (рис. 1), то можно говорить о том, что самой главной ценностью для семьи молодые люди считают привлекательность партнера (7,66). Хотя народная мудрость гласит: «С лица воды не пить».

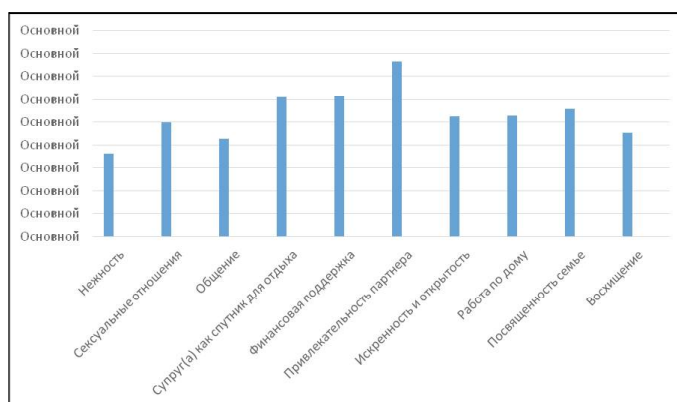

Рис. 1 **Обобщенные представления о семейных ценностях у юношества**

Далее следует финансовая поддержка (6,14). Это объясняется тем, что эпоха потребления находит отражение и в структуре семейных ценностей. Критерий «супруг(а) как спутник по отдыху» (6,12) завершает тройку лидирующих семейных ценностей. Этот критерий можно объяснить стремлением юношества к удовольствиям. Средние показатели получили критерии – «посвященность» семье (5,58), работа по дому (5,3), искренность и открытость (5,26), сексуальные отношения (4,99). Замыкающими стали – восхищение (4,54), общение (4,28) и нежность (3,62). Сложности вызывает интерпретация критерия «сексуальные отношения», который занимает седьмое место. Мы предполагали, что данный критерий будет занимать более высокий рейтинг.

Перейдем к рассмотрению результатов исследования по методике «Рисунок будущей семьи». Полученные данные представлены в табл. 4 и на рис. 2.

Таблица 4

Результаты исследования по методике «Рисунок будущей семьи»

Показатель	Среднее значение		
	Большереченский	Муромцевский	Седельниковский
Степень эмоциональной близости отношений с мужем/женой	3,12	4,08	3,24
Степень эмоциональной близости отношений с ребёнком	2,22	3,10	3,00
Тревожность	2,16	2,66	2,50
Конфликтность	2,00	1,20	2,10

Полученные результаты продемонстрировали единство респондентов в рейтинговых оценках по основным диагностируемым критериям.

Перечислим наиболее значимые показатели от более высоких к низким: степень эмоциональной близости отношений с мужем/женой, степень эмоциональной близости отношений с ребёнком, тревожность, конфликтность. Более наглядно это просматривается в диаграмме, представленной на рис. 2.

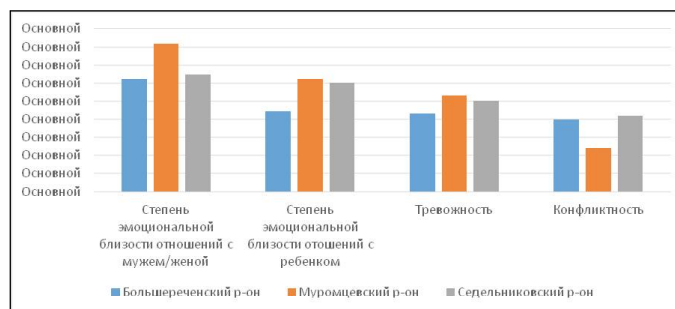

Рис. 2 Результаты исследования по методике «Рисунок будущей семьи»

Несомненно, представления о будущей семье связаны с опытом проживания в родительской семье. Анализ рисунка 2 показал, что молодые люди отдают предпочтение эмоциональным отношениям с будущим супругом. Эмоциональные отношения с будущим ребенком имеют второстепенное значение по сравнению с супружескими отношениями, хотя занимают важное место в структуре ценностей. Показатели по тревожности немногим менее, чем показатель отношения с детьми. Это говорит об обеспокоенности молодежи будущим построением семьи. И хотя в исследовании показатель конфликтности находится в конце рейтинга, его содержательная сторона достаточно высокая.

Выводы. Результаты исследования характера отношения юношества к различным сферам жизни демонстрирует, что позитивное отношение к семье наблюдается у 67,82% респондентов, а у 32,18% отношение окрашено негативизмом. Это свидетельствует о том, что почти у трети испытуемых имеется трансформация ценности семьи.

Результаты исследования по тесту С.С. Носова «Семейные ценности» демонстрируют, что основные ценности имеют внешние признаки, тогда как ключевые ценности, связанные с нормативным функционированием семьи (посвященность семье, работа по дому, сексуальные отношения), остаются недооцененными. Такая ситуация в дальнейшем может способствовать сравнительно быстрому разочарованию молодежи в семейной жизни.

Результаты исследования по проективной методике «Рисунок будущей семьи» продемонстрировали согласованность в полученных эмпирических данных респондентов и несогласованность их с данными, полученными в предыдущих методиках. Результаты можно суммировать тезисом: «Думаем одно, делаем другое, подразумеваем третье». Респонденты на подсознательном уровне демонстрируют потребность в эмоциональной близости с будущим супругом и детьми, хотя семейное будущее предположительно ожидается конфликтным.

Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о рассогласованности в системе семейных ценностей и необходимости их быстрой корректировки. Трансформация семейных ценностей молодежи подтверждена динамическим изменением по временному критерию. Трансформация стала происходить более быстро. Население сельского социума, имеющее склонность к сохранению традиционных ценностей, перестает быть носителем этой данности, что ведет к дальнейшим изменениям социальных характеристик семьи. Полагаем, что будет происходить сдвиг от традиционных форм брачных отношений к нетрадиционным. Уже сейчас все более выраженным в условиях северных районов Омской области является регулярно-раздельный вид брачных отношений. Большая часть мужчин из-за отсутствия рабочих мест уезжает на заработки в районы крайнего Севера. Вследствие этого произошли сдвиги их сексуального поведения, а именно получают распростра-

нение нерегулярные случайные сексуальные связи, что в свою очередь привело к интенсивному распространению ВИЧ-инфекции.

Полученные в ходе исследования результаты вызывают большую озабоченность изменениями системы семейных ценностей, происходящими в молодежной среде в сельской глубинке.

Литература

1. Акименко Н.К., Багинская С.В. Изучение ценностей семьи и осознание семейных ролей современной молодежью. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2014. № 3 (38). С. 211-217.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Бороздина Г.В. Психология и педагогика. М.: Юрайт, 2016. 477 с.
4. Бурганова Т.Ф., Биктагирова Г.Ф. Семейные традиции в представлениях подростков. *Успехи современного естествознания*. 2012. № 5. С. 41-43.
5. Геворкян Т.В. Подростки и родители о семье как ценности. *Гуманизация образования*. 2009. № 1. С. 39-44.
6. Зритнева Е.И. Воспитание будущего семьянина в современной России: монография. Ставрополь: СКИПКРО, 2005. 232 с.
7. Информация об основных статистических показателях управления записи актов гражданского состояния Главного государственного-правового управления Омской области за 2018 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ggpu.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/GGPU/Zags/Statobzor.html> (дата обращения: 17.02.2019).
8. Реан А.А. Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям. *Национальный психологический журнал*. 2016. № 1 (21). С. 3-8.
9. Соловьева Е.А. Психология семейного воспитания. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2014. 256 с.
10. Хозяинова П.М., Рябикина З.И. Особенности личности женщины, воспитывающей ребенка в неполной семье. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2017. № 132. С. 850-862.
11. Ценности, их природа и принципы классификации: Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://terme.ru/termin/cennost.html> (дата обращения: 01.05.2019).
12. Ilisko D., Kravale-Paulina M. Sustainability of family values throughout the generations as viewed by the bachelor program students. *Proceeding of the International Scientific Conference*. 2015, Vol. I, p. 83-90.
13. Valeeva R., Korolyeva N., Sakhapova F. Case-study of the High School Student's Family Values Formation // *International Journal of Environmental & Science Education*. 2016, Vol. 11 (7), p. 1641-1649.

References

1. Akimenko N.K., Baginskaya S.V. The study of family values and the awareness of family roles of modern youth. *Lichnost', sem'ja i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psihologii* [Personality, family and society: questions of pedagogy and psychology], 2014, № 3 (38), pp. 211-217 (in Russian).
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint, 1998. 1536 p.
3. Borozdina G.V. Psihologija i pedagogika. Moscow: Yurayt, 2016. 477 p. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint, 1998. 1536 p.
4. Burganova T.F., Biktagirova G.F. Family traditions in the views of adolescents. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya* [Successes of modern science], 2012, № 5, pp. 41-43 (in Russian).
5. Gevorkyan T.V. *Teens and parents about the family as values. Gumanizacija obrazovanija* [Humanization of education], 2009, № 1, pp. 39-44 (in Russian).
6. Zritneva E.I. *Vospitanie budushhego sem'janina v sovremennoj Rossii: monografija*. Stavropol: SKIPKRO, 2005. 232 p.

7. Information on the main statistical indicators of the department of civil registration of the Main State and Legal Department of the Omsk Region for 2018. Informacija ob osnovnyh statisticheskikh pokazateljah upravljenija zapisi aktov grazhdanskogo sostojanija Glavnogo gosudarstvenno-pravovogo upravljenija Omskoj oblasti za 2018 god. Available at: <http://ggpu.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/GGPU/Zags/Statobzor.html> (Accessed 17 february 2019).
8. Rean A.A. The attitude of young people to the institution of family and family values. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, № 1 (21), pp. 3-8 (in Russian).
9. Solovyova E.A. *Psihologija semejnogo vospitanija* [Psychology of family education]. Tyumen: Publisher Tyumen State University, 2014. 256 p. (in Russian).
10. Khozyainova P.M., Ryabikina Z.I. Features of the personality of a woman raising a child in an incomplete family. *Polytematicheskij setevoy jurnal kybanskogo gosydarstvennogo agrarnogo universiteta* [Political Internet electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University], 2017, № 5, pp. 850-862 (in Russian).
11. Values, their nature and principles of classification: National Philosophical Encyclopedia. *Cennosti, ih priroda i principy klassifikacii: Nacional'naja filosofskaja jenciklopedija*. Available at: <http://terme.ru/termin/cennost.html> (Accessed 05 january 2019).
12. Ilisko D., Kravale-Paulina M. program students. Proceeding of the International Scientifical Conference, 2015, Vol. I, pp. 83-90.
13. Valeeva R., Korolyeva N., Sakhapova F. Case-study of the High School Student's Family Values Formation. *International Journal of Environmental & Science Education*, 2016, Vol. 11 (7), pp. 1641-1649.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.009

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.543.172

Н.А. АНТИПИНА,
А.Ю. КРЕТОВАСОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВАN.I. ANTIPINA,
A.Y. KRETOVASOCIAL WELL-BEING OF STUDENT YOUTH
IN THE CONTEXT OF SOCIETY TRANSFORMATIONS

Цель статьи – выявление тенденций и факторов формирования социального самочувствия студенческой молодежи современного общества. Проанализирован феномен социального самочувствия, обозначена его специфика в отношении студенчества как социально-демографической группы. Рассмотрены характеристики социального самочувствия молодежи как отражение процесса ее адаптации к общественным преобразованиям. Определены возможные направления исследований социального самочувствия с учетом разработанности данной проблематики в отечественной науке. Новизной авторского исследования является конкретизация и углубление понимания сущности социального самочувствия молодежи в контексте его связи с процессами общественных трансформаций, выявлены характерные особенности социального самочувствия студенчества вузов г. Тюмени.

The purpose of the article is to identify trends and factors of formation of social wellbeing of students of modern society. The phenomenon of social wellbeing was analyzed. Its specificity in relation to students as a socio-demographic group has been identified. The characteristics of youth's social well-being as a reflection of the process of its adaptation to social changes were considered. Possible directions of research of social wellbeing taking into account the development of this problem in the domestic science have been identified. Concretization and deepening of the understanding of the essence of social well-being of young people in the context of its connection with the processes of social transformations is the novelty of the author's research. Characteristic features of social wellbeing of students of Tyumen universities were identified.

Ключевые слова: общество, молодежь, студенчество, социальное самочувствие, профессиональная самореализация, ценностные ориентации

Key words: society, youth, students, social wellbeing, professional self-realization, value orientations.

Введение. Актуальность темы статьи связывается с важностью исследования проблематики социального самочувствия молодежи. Социальное самочувствие молодого поколения занимает умы многих современных исследователей, в том числе отечественных. Такая важность определяется общественными потребностями в разрешении противоречий социализации молодежи в стремительно изменяющемся социуме, растущими сложностями процесса социальной адаптации молодых людей в условиях неопределенности реальности. В наибольшей мере исследуемый аспект актуализируется относительно студенческой молодежи как особой социально-психологической категории, для которой проблемы личностной и профессиональной адаптации, проявления социальной активности во всех ее формах, включая мобильность, интеграцию, межличностные взаимодействия, становятся все более острыми в стремлении сформировать качества социальной субъектности, претендуя на значимую позицию в социуме.

В процессе глубоких преобразований социального пространства растет необходимость измерения воздействия происходящих изменений на формирование адаптивных моделей студенчества как в контексте специфики процесса социализации, так и в исследовании позиции молодежной группы в современном социуме. Одним из значимых параметров социальной адапти-

рованности личности в процессе ее социализации является социальное самочувствие как обобщенный показатель реакции на общественные преобразования. При этом, важно понимать, что уровень социального самочувствия характеризует качественные характеристики жизни общества, оказывая детерминирующее воздействие на экономический рост государства.

Цель исследования – выявление основных тенденций и факторов, формирующих особенности социального самочувствия студенческой группы современного социума. Повышение уровня социального самочувствия поколения Z может являться одним из важных признаков прогрессивных преобразований в социуме. Социальное самочувствие становится весьма значимым показателем успешности процессов адаптации населения во всех сферах жизни, являясь интегральным индексом тех многогранных процессов, которые отражают трансформации в социуме.

Материалы и методы. Основными методами являются социологический опрос, проведенный авторами статьи, анализ вторичной информации в публикациях по исследуемой проблеме, сравнительный анализ данных, отраженных в трудах российских и западных ученых, статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. Актуализация исследований социального самочувствия молодого поколения усиливается в условиях стремительных трансформаций мирового пространства, приобретая растущую практическую ценность. Молодёжь в силу определенной специфики (возрастной, социальной, психологической) в большей степени восприимчива к изменениям в обществе по сравнению с другими социально-демографическими группами. И от того, как она относится к окружающей реальности и насколько удовлетворена происходящими переменами в социуме, можно выявлять наиболее характерные признаки общественной напряженности и определять причины их возникновения. Вполне понятно, что мировосприятие, установки и ценности будущих руководителей и специалистов во многом будут определять как темпы модернизации, так и морально-нравственные характеристики российского социума.

Учитывая важность исследования социального самочувствия в целом, следует подчеркнуть, что результаты научных изысканий в рамках исследуемой проблематики свидетельствуют не только об имеющихся противоречиях в обществе или их отсутствии. Исследования нацелены на проведение более глубокого анализа социальной ситуации, акцентируя внимание на «болевых» аспектах, что позволяет выявлять причины возникновения препятствий, затрудняющих процесс успешной социализации молодежи в обществе. Полученные данные создают информационную основу для проведения корректировок в области молодежной политики и политики устойчивого развития различных территорий страны.

Проявление интереса к феномену социального самочувствия со стороны философов, психологов, социологов, антропологов берет свое начало с формирования научных концепций XIX – начала XX веков.

Социологические стороны вопроса исследования социального самочувствия молодежи отражены в научных трудах как отечественных авторов, в том числе К.А. Абульхановой-Славской, И.В. Бестужева-Лады, В.А. Бурко, А.П. Бутенко, Г.Л. Гуревича, Т.Ф. Маслова, В.Г. Парыгина, В.А. Соснина, В.И. Толстых, Л.И. Щербаковой и др., так и зарубежных, включая Б. Уильямса, А. Маслоу, Д. Мида, Э. Толмана, Г. Хофстеда и др.

Особенности социального самочувствия общества проанализированы в социологических исследованиях Л.А. Беляевой, Л.С. Егоровой, Н.Г. Ковалевой, Н.И. Лапина, Г.Е. Маклаковой, Л.А. Орловой, С.Г. Панова и др.).

Проблема социального настроения, комфортности, образа жизни отдельных слоев населения изучался отечественными социологами Г.М. Андреевой, Л.П. Зубовой, Ю.А. Левадой, Н.С. Мансуровым, А.В. Петровским, О.А. Раковской, В.В. Сидоренко, Ж.Т. Тощенко и др.

Большинство упомянутых авторов характеризовали социальное самочувствие как восприятие и оценку личности социального благополучия, качественных параметров жизни, степень удовлетворенности в реализации жизненных планов[2].

По мнению В.П. Щербаковой социальное самочувствие является той социологической категорией, которая может служить показателем:

- удовлетворенности отдельными сторонами жизненной ситуации;
- успешностью социально-демографической группы в различных сферах жизни;
- оценки уровня комфортности среды;
- совокупным индексом тех многогранных процессов, которые отражают трансформации в социуме и их воздействие на социально-демографическую группу, которое определяет нормы, создавая основу для изменения ценностно-нормативной системы [5].

Как утверждает автор, социологическое понимание социального самочувствия как обобщенного индекса адаптации заключается в исследовании отношения личности к наиболее значимым социальным проявлениям и аспектам жизнедеятельности общества. Соглашаясь в целом с автором, следует отметить, что в отечественной науке традиция исследования социального самочувствия весьма непродолжительна. Вследствие этого наблюдается определенный вакуум трудов в данной области, отражающих системную направленность исследования.

С точки зрения М.Н. Игнатьева общий недостаток подходов российских авторов к исследованию социального самочувствия проявляется в отсутствии их связи с социологической методологией [3].

Представленный в настоящей статье анализ источников, отражающих результаты изучения социального самочувствия и сопряженных к ним аспектов, дает основание предположить, что наряду со многими весьма ценными разработками остается еще немало важных вопросов, которые ждут своего разрешения. Так, например, структурные характеристики социального самочувствия, его проблемное поле, категориальный аппарат в контексте исследуемых процессов общественной трансформации, детерминант их развития представляются еще недостаточно изученными. Кроме того, существует потребность в совершенствовании методологической основы социологического исследования социального самочувствия. Отмеченные моменты свидетельствуют о важности систематизации научных изысканий в практике предстоящих исследований в области развития проблематики вопроса.

Каково же семантическое значение термина «социальное самочувствие»? Стоит отметить, что контекстуальная насыщенность данного понятия связана с межпредметным характером и многообразием подходов к его интерпретации, диктующая необходимость конкретизации его содержания. Как показал контекстуальный анализ содержания понятия в литературе, репрезентация социального самочувствия в научных трудах связана с проблемами:

- социализации и социальной мобильности (А.Н. Тесленко, В.А. Бурко, В.Н. Ярская);
- социальной адаптации (Э. Дюркгейм, Е.Н. Пристupa, В.А. Казанская);
- социального взаимодействия и интеграции индивида в микро-, мезо- и макрообщество (Т.Б. Сергеева, Т.Б. Соколова, Г.И. Шиняева);
- социальных связей и отношений (П. Сорокин, Р.А.Зобов, Е.В. Дмитриева,);
- социальной структуры и социального пространства (П. Бурдьё, Э. Гидденс);
- социального поведения (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Вебер);
- социального здоровья (Л.В. Колпина, Н.Х. Гафиятулина, А.Н. Сошнев);
- ценностных ориентаций и жизненных стратегий личности (Ю.Р. Вишневский, И.М. Ильинский, В.Т. Лисовский, В.А. Луков, А.И. Субетто).

Анализируя этимологию категории, авторы предприняли попытку найти понятия в зарубежных научных источниках, которые были бы синонимичны термину «социальное самочувствие». В ряде работ применялись *subjective well-being* (субъективное благополучие), *global well-being* (общественное благополучие), *life satisfaction* (удовлетворенность жизнью), *happiness* (счастье) и другие. А так как наиболее близкими по смыслу в западной социологии являются термины «благополучие», то авторы приходят к выводу, что изучение социального самочувствия не ограничивается измерением уровня комфортности жизни, подразумевая гораздо более широкое поле исследований.

Итак, под «социальным самочувствием» в данной статье понимается внутреннее состояние социального субъекта, которое проявляется в разной степени удовлетворённости условиями жизнедеятельности. Это состояние воздействует на отношение к окружающему пространству, поведение в социуме, отражая качество жизни индивида. Последнее, как известно, оказывает детерминирующее влияние на экономическое развитие общества.

На социальное самочувствие влияет множество факторов. К объективным относятся уровень жизни, экономические, политические, социокультурные, экологические факторы развития общества. Среди субъективных можно выделить ощущения стабильности, благополучия, уверенности в будущем и др. [1]

Актуальное проявление социального самочувствия личности молодых людей происходит в процессе разрешения сложностей и проблем, с которыми приходится сталкиваться им нередко в условиях возрастающих изменений в окружении на фоне растущей неопределенности в глобальном мире.

В свете рассмотренных вопросов одной из главных задач социологического исследования, проведенного авторами в период 2013-2015 гг., являлась определение особенностей социального самочувствия студентов 1-4 курсов вузов г. Тюмени, в том числе Тюменского индустриального университета и Тюменского государственного университета. Также стояла задача выявить существенные факторы, воздействующие на социальное самочувствие учащихся и проблемы, препятствующие его улучшению. Для проведения социологического исследования были применены методы анкетирования и статистического анализа. Выборка составляла 667, 496 и 412 студентов (в 2013, 2014 и 2015 гг. соответственно), отбор респондентов случайный, бесповторный. Большинство опрошенных респондентов обучалось на 2-4 курсах, что подразумевает высокую корреляцию с доминирующим мнением участников анкетирования.

Как показали результаты опроса, большинство студентов учились с интересом. На соответствующий вопрос ответили «да» 36,1%, 35,7% и 37,5% респондентов; «скорее да, чем нет» – 48,4%, 49,1% и 49,8%. На вопрос, нравится ли им учиться в их вузе, ответили утвердительно 81,9%, 79,2% и 78,8% соответственно по периодам измерения оценок. Более половины студентов чувствовали удовлетворенность качеством подготовки в вузе (62,5%, 61,3% и 56,8%). Однако, почти половина студентов отмечали недостаточность методического обеспечения учебного процесса (49,6%, 46,9% и 48,5%). Как видно, уровень выявленных показателей социального самочувствия удовлетворительный, хотя тенденция снижения удовлетворенности качеством обучения имеет место быть. Такая ситуация может свидетельствовать о растущих требованиях студенческой молодежи к процессу обучения в вузах, а также об имеющихся проблемах в сфере высшего образования. Вместе с тем, хороший уровень показателей в целом является следствием активности руководства в отношении улучшения целого ряда параметров подготовки будущих выпускников вузов. Отмечая, что активная деятельность руководящего состава вуза в направлении совершенствования системы обучения студентов важна, однако вряд ли возможно признать ее достаточной в условиях реформирования высшей школы в стране. На фоне снижения ценности отечественного образования в общественном сознании требуется приложить еще немало усилий, вложить достаточно много ресурсов, чтобы разрешить серьезные проблемы

и противоречия в системе высшего образования, связанные с ее модернизацией в условиях экономического кризиса в стране.

На вопрос «Чем выбранная специальность привлекла Вас прежде всего?» около половины респондентов отмечали престижность, а каждый третий рассчитывал на достойную оплату труда. Кроме того, около 10% опрошенных привлекала возможность завести «нужные для жизни связи».

Очевидно, что подтверждается результатами исследований, включая авторское, фактор успешного трудоустройства будущих выпускников вузов оказывает растущее влияние на их социальное самочувствие. При этом ответы респондентов свидетельствуют о том, что надежда найти работу по специальности уменьшалась по мере осознания ими серьезности и сложности поставленной задачи с учетом ухудшения конъюнктуры на отечественном рынке труда. Если в 2013 г. 65,2% студентов старших курсов после получения диплома надеялись устроиться работать по специальности, а в 2014 г. наблюдалось снижение оптимизма до 63,4%, то в 2015 г. среди питающих надежду оставалось всего лишь 54,8%.

С учетом развития негативных трендов в сегменте рынка занятости молодежи и роста молодежной безработицы в стране проблемы трудоустройства молодых кадров обостряются, что отражается на социальном самочувствии будущих специалистов. По данным нашего исследования проблемы безработицы тревожили около половины студентов (43,3%) в 2013-2014 гг., а в 2015 г. тревога и страх оказаться без работы были характерны уже для подавляющего числа опрошенных респондентов (54,9%). При этом, следует отметить, тенденции развития неблагоприятных изменений в сфере занятости усиливаются, что подтверждается экспертами [4]. На вопрос: «Как думаете, будете ли Вы конкурентоспособны на рынке труда после окончания вуза?» число положительных ответов уменьшалось (37,9%, 35,8% и 32,3% соответственно), свидетельствуя о растущей неуверенности в собственных силах будущих выпускников.

Интересно, что по оценкам некоторых экспертов большинство студентов российских вузов мечтали уехать жить в другую страну (75,4%) [4]. Стремление к эмиграции можно объяснить многими причинами, связанными в том числе с неудовлетворенностью качеством жизни российской молодежи. С учетом значимости фактора профессиональной самореализации для молодых людей можно предположить, что одним из главных мотивов уехать за рубеж являлась потребность реализовать себя профессионально. Вполне понятно, что представления молодежи о перспективах их профессионального развития в других странах могут быть во многом иллюзорны. Однако, на фоне усиления неуверенности и тревоги за свое будущее в России переживания молодых людей понятны.

На вопрос «Какое чувство, чаще всего, вызывает у Вас нынешняя ситуация в стране?» около половины студентов отмечали неуверенность (41,7%) и тревогу (16,5%) (рис. 1).

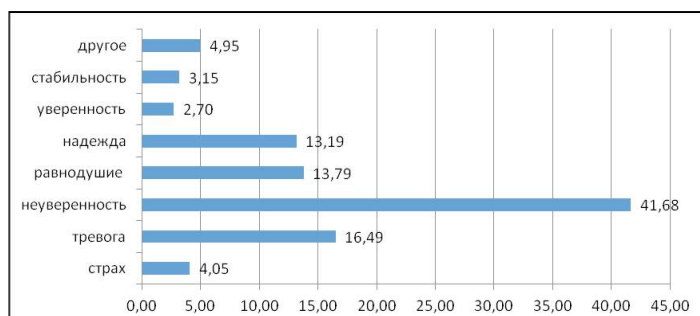

Рис. 1 Распределение ответов студентов на вопрос «Какое чувство, чаще всего, вызывает у Вас нынешняя ситуация в стране?»

Характерно, что если в 2013-2014 гг., отвечая на вопрос «Какие из проблем нашего общества тревожат больше всего?» более половины поставили на первое место «будущее своих детей» (57,7%), на второе – «кризис культуры и нравственности» (47,2%), на третье – «рост безработицы» (43,3%), то в 2015 г. картина изменилась: на первом месте оказался «рост безработицы» (55,7%), на втором – «будущее своих детей» (53,4%), на третьем – «кризис культуры и нравственности» (44,9%).

Кроме того, каждый третий отмечал тревогу в связи с опасностью террористических актов, ростом уголовных преступлений, риском потери здоровья (39,1%), а также бедностью (в среднем 27,5%). При этом лишь каждый одиннадцатый респондент ощущал себя вполне защищенным. Полученные результаты могут свидетельствовать о развитии негативных настроений среди студенческой молодежи, что, впрочем, неудивительно.

На фоне экономического кризиса в стране, который имеет затяжной характер, в условиях углубления проблем во всех сферах общества возникающие перед молодыми людьми трудности часто становятся источником страхов и тревог по поводу своего будущего. Среди наиболее актуальных проблем респонденты называли материальные трудности (более трети), сложности с трудоустройством (более четверти), обеспеченность жильем (каждый девятый). Однако, в целом студенческая молодежь была настроена оптимистично, надеясь на улучшение материального благосостояния их семей, несмотря на существующие сложности.

Общий контекст социального самочувствия тюменских студентов определяется ответами на вопрос «Удовлетворены ли Вы в целом своей жизнью?» Полностью удовлетворенных оказалось лишь 23,6%, частично – более половины ответивших (56,2%).

Большой интерес представляет аксиологическая составляющая социального самочувствия студенческой молодежи. Значимость ценностей частной жизни продолжает возрастать, что отмечается многими современными учеными [1, 3, 4]. В ранговой шкале жизненных приоритетов, составленной на основе полученных оценок, лидирующие позиции оставались за «стремлением иметь хорошую семью и детей» (28,9%) и «материальным достатком» (19,1%), а также профессиональной самореализацией (13,7%). Среди жизненно важных ценностей отмечались любовь, здоровье, дружба.

Выводы. Проведенные исследования социального самочувствия студентов вузов г. Тюмени в период 2013-2015 гг. позволили выявить основные тенденции и факторы формирования социального самочувствия студенческой молодежи, а также характерные его особенности в процессе адаптации студенчества к общественным преобразованиям. Большинство участвующих в исследованиях студентов ощущали себя удовлетворенными жизнью в целом, учились с интересом, стремясь к профессиональному развитию в будущем. Вместе с тем, на фоне позитивных настроений отмечались негативные проявления, связанные с неуверенностью молодых людей в завтрашнем дне из-за неблагоприятных тенденций в меняющемся социуме, особенно в сфере занятости. Очевидно, страх оказаться безработным характерен для будущих выпускников по многим причинам, в том числе из-за недостатка практики в профессиональной сфере, а также во многом из-за дефицита психологической поддержки со стороны наставников.

Новизной авторского исследования является углубление понимания сущности социального самочувствия молодежи во взаимосвязи с процессами общественных трансформаций, выявлены особенности социального самочувствия студенческой молодежи на примере вузов г. Тюмени.

Главный итог исследований, проведенных авторами, заключается в акцентировании внимания к растущему комплексу серьезных проблем российского общества, которые требуют своего скорейшего разрешения.

Очевидно, перспективы развития общества на фоне перехода к новому информационно-технологическому укладу цивилизации зависят во многом от

качества жизни молодого поколения, успешной его социализации и адаптации к стремительно происходящим переменам в современном социуме, отражаясь на социальном самочувствии молодежи.

Необходимость активизации усилий со стороны государства, федеральных, региональных и местных органов власти, руководства вузов и предприятий-партнеров, служб социально-психологической и профессиональной поддержки будущих выпускников в процессе их адаптации к быстро меняющимся условиям в современном обществе на фоне трансформаций глобального мира становится все более неотложной.

Литература

1. Антипина Н.Л., Гюрджинян А.С. Социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях изменяющегося общества // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 2 (49). С. 74-78.
2. Баталова Н.Л. Социальное самочувствие молодежи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2009. 26 с.
3. Игнатьев М.Н. Социальное самочувствие населения моногородов: социологический анализ (на примере Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2013. 21 с.
4. Карамельский Р.В. Социальное самочувствие российского студенчества (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2012. 22 с.
5. Щербак В.П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 221-232.

References

1. Antipina N.L., Gurdzhinyan A.S. The social well-being of students in a changing society. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika*. [News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy.], 2016, No. 2 (49), pp. 74-78 (in Russian).
2. Batalova N.L. Social'noe samochuvstvie molodjozhi v uslovijah izmenjajushhegosja obshhestva (regional'nyj aspekt): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. [Social well-being of young people in a changing society (regional aspect)]. *Abstract of dissertation Ph.D. the sociol. sciences*. Tyumen, 2009. 26 p. (in Russian).
3. Ignatiev M.N. Social'noe samochuvstvie naselenija monogorodov: sociologicheskij analiz (na primere Kemerovskoj oblasti): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. [Social well-being of single-industry towns: a sociological analysis (on the example of the Kemerovo region)]. *Abstract of dissertation Ph.D. the sociol. sciences*. Saransk, 2013. 21 p. (in Russian).
4. Karamelsky R.V. Social'noe samochuvstvie rossijskogo studenchestva (regional'nyj aspekt): avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. [Social well-being of Russian students (regional aspect)]. *Abstract of dissertation Ph.D. the sociol. sciences*. Kazan, 2012. 22 p. (in Russian).
5. Shcherbakova V.P. Social well-being of youth – an integral indicator of its adaptation to social changes in Russia. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences], 2011, № 3, pp. 221-232 (in Russian).

В.М. АПАХОВА,
А.С. ВАТОРОПИН

V.M. APAKHOVA,
A.S. VATOROPIN

ПЕРСОНАЛ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ:
ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ

PERSONNEL OF THE PENAL CORRECTION SYSTEM:
STAGES AND PECULIARITIES OF ADAPTATION

В статье рассматриваются этапы и особенности трудовой адаптации профессиональной группы сотрудников исправительных учреждений. Во введении рассматривается взаимосвязь сплоченности профессиональной группы и характеристики трудовой адаптации. Целью является анализ процессов адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы, ее особенностей и этапов. Особенности адаптации рассматриваются на материалах классификации этапов адаптации персонала в исправительных учреждениях. Результатом становится выявление группы риска в период трудовой адаптации. Группа риска рассматривается как негативный фактор для социальной структуры профессиональной группы.

The article discusses the stages and features of labor adaptation of a professional group of correctional officers. The introduction examines the relationship of professional group cohesion and characteristics of labor adaptation. The aim is to analyze the processes of adaptation of employees of the penal system, its features and stages. Features of adaptation are considered on materials of classification of stages of adaptation of the personnel in correctional institutions. The result is the identification of the risk group in the period of labor adaptation. The risk group is considered as a negative factor for the social structure of the professional group.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, трудовая адаптация, персонал исправительных учреждений, сплоченность профессиональной группы, группа риска.

Key words: penal system, labor adaptation, personnel of correctional institutions, cohesion of professional group, risk group.

Введение. Одной из главных задач социологии при дифференциации профессиональных групп становится выявление факторов устойчивости социальной структуры. Среди основополагающих элементов стабильности можно выделить трудовую адаптацию членов профессиональных групп.

Трудовая адаптация позволяет повышать сплоченность профессиональной группы посредством выявления групп риска, члены которых не соответствуют особенностям группы. Группа риска не позволяет профессиональной группе повышать и укреплять уровень сплоченности, что вызывает множество проблем – в том числе невозможность развития группы.

В контексте разрешения данной задачи необходимо развитие трудовой адаптации для конкретных профессиональных групп и создание условий для их стабильности и сбалансированного функционирования. Это в полной мере относится к персоналу уголовно-исполнительной системы.

Целью данной статьи является анализ процессов адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы, ее особенностей и этапов.

Материалы и методы. Профессиональная группа сотрудников исправительных учреждений обладает высоким порогом закрытости, что затрудняет адаптационные процессы и требует особого подхода. В данном аспекте можно рассмотреть определение понятия адаптация Н.И. Кузнецова: адаптация приравнивается к способности сохранять деятельную устойчивость в условиях трансформации среды функционирования структурной единицы [5, с. 103].

Сотрудники исправительных учреждений осуществляют трудовую функцию в условиях жестких норм тотального института, который предоставляет определенные материальные блага для обеспечения жизнедеятельности индивида. При этом акторы долгое время находятся в условиях тотальной регламентации не только своей трудовой деятельности, но и личной сферы, что оказывает значительное влияние на их поведение.

Изначальный отбор происходит в условиях жесткой регламентации и внешнего негативного (пугающего) имиджа службы в уголовно-исполнительной системе.

Адаптация персонала к структуре профессиональной группы и деятельности происходит в ограниченных информационных условиях, так как адаптант, попадая в систему, практически не владеет информацией о структуре своей профессиональной группы. Поэтому в процессе трудовой адаптации необходимо использование потенциала адаптанта уже на начальных этапах его вхождения в профессиональную группу.

Жесткой регламентации требует и трудовая адаптация, которая изначально может протекать по-разному, в зависимости от типа трудового поведения – конструктивного или девиантного, в рамках осуществления трудовой деятельности в условиях тотального института. Д.Л. Агранат определяет тотальный институт как структуру, в которой члены сообщества следуют закрытому циклу жизни, что подтверждает требование жесткой регламентации [1, с. 144].

По мнению Д.А. Нарожной, типы трудового поведения могут проявляться следующим образом при протекании процессов трудовой адаптации [7, с. 131]. Конструктивный тип трудового поведения в период первичной трудовой адаптации приводит к тому, что персонал эффективно осуществляет трудовую деятельность в тотальном институте, принимая и соблюдая все его нормы и правила. Сотрудник успешно вливается не только во все сферы исправительного учреждения, но и в профессиональную группу, попадая в группу риска лишь на начальном этапе прохождения адаптации. При этом наблюдается гибкость персонала к изменениям в жесткой среде относительно закрытой системы. То есть индивид осознает потребности системы и своей профессиональной группы, принимает их как необходимые и корректирует собственное трудовое поведение на благо системы.

Девиантный тип трудового поведения в период первичной трудовой адаптации характеризуется отсутствием гибкости даже при осуществлении трудовой деятельности с некоторой степенью эффективности. Непринятие элементов организационной культуры профессиональной группы «выталкивает» инородного адаптанта трудовую единицу сначала в группу риска, а затем, во внешнюю среду.

Девиантное трудовое поведение во время трудовой адаптации чаще всего нивелируется элементами корпоративной сплоченности. По утверждению Н.Г. Чевтаевой, корпоративная сплоченность является ресурсом самосохранения профессиональной группы [12, с. 90]. При этом есть риск ухудшения социально-экономической эффективности организации, что должно преодолевать посредством приоритетности общих целей, а не индивидуальных.

Девиантное трудовое поведение новичков является достаточно опасным для специфических профессиональных групп – особенно негативное влияние такое поведение при адаптации оказывает на профессиональную группу сотрудников исправительных учреждений. Данная профессиональная группа, функционируя в закрытой среде, требует особого подхода к этапам трудовой адаптации и регулированию поведения адаптантов.

Различные виды трудового поведения при первичной трудовой адаптации проявляются на всех ее этапах, а также могут корректироваться в зависимости от степени и качества управленческого воздействия. Классическое видение этапов трудовой адаптации при конструктивном трудовом поведении отражено в работе Т.В. Андреевой и представляет собой следующие этапы:

1 этап. Оценка уровня подготовленности новичка. На данном этапе определяется программа адаптации в соответствии с опытом работы адаптанта, профильностью его образования и другими факторами.

2 этап. Ориентация. На данном этапе отмечается совместная работа кадрового подразделения и непосредственного руководителя, которые в режиме реальной рабочей обстановки вводят адаптанта в трудовую деятельность, знакомят его с условиями организации.

3 этап. Действенная адаптация. На данном этапе адаптант активизируется в своей трудовой роли, активно включается в коммуникационные каналы с коллегами. Значительную роль здесь играет оценка эффективности деятельности адаптанта непосредственным руководителем и кадровым подразделением.

4 этап. Функционирование. На данном этапе адаптант переходит к стабильному функционированию и преодолевает производственные и межличностные барьеры, а также принимает условия организации на формальном и неформальном уровне [2, с. 34].

Указанные этапы можно наблюдать при прохождении трудовой адаптации профессиональной группы сотрудников исправительных учреждений. Но данная классификация позволяет раскрыть трудовую адаптацию в конструктивном аспекте, поэтому нами была использована классификация этапов Н.И. Кузнецова, которая коррелирует со спецификой рассматриваемой профессиональной группы, а также отражает сущность трудовой адаптации при девиантном трудовом поведении [5, с. 104].

Характеристика каждого из этапов трудовой адаптации позволяет выявить возможность соответствия запросам профессиональной группы до официального вступления в нее.

1. Преадаптационная подготовка – данный этап стал рассматриваться как необходимый достаточно недавно [10, с. 80]. В период становления российской уголовно-исполнительной системы адаптация не рассматривалась как процесс, начинающийся до начала трудовой деятельности. Этап преадаптационной подготовки имеет высокую степень эффективности – к примеру, он внедрен в практику управления тюрьмами в США [4, с. 82]: граждане, претендующие на службу в уголовно-исполнительной системе, должны предоставить какие-либо доказательства того, что они морально готовы к службе.

Российская уголовно-исполнительная система, проецируя опыт зарубежных стран, также стала внедрять преадаптационную подготовку в рамках работы с выпускниками образовательных учреждений уголовно-исполнительной системы.

Моральная подготовка к службе проверяется посредством тестов, а также психодиагностики, что позволяет выявить внутреннюю готовность к среде уголовно-исполнительной системы. После зачисления в штат сотрудник не сразу допускается к несению службы, а проходит обучение; обучение при этом подразумевает, что кандидат уже является членом профессиональной группы, осведомлен о ее нормах и правилах, солидарен с ее ценностями.

Формальное закрепление большинства неформальных норм произошло в 2012 году, когда в РФ утвердили Кодекс этики сотрудника уголовно-исполнительной системы. Документ стал инструментом развития преадаптационного периода, который оказывает влияние на все этапы адаптации и позволяет индивиду заранее ознакомиться с общими правилами приобретения профессионального статуса.

2. Этап первоначального социального напряжения – адаптант уже является сотрудником исправительного учреждения, но находится в группе риска профессиональной структуры. В группе риска он остается, так как у него присутствует неполный спектр информированности о профессиональной группе конкретного учреждения и неформальных связях внутри нее. Организация при этом не имеет полной информации о потенциале нового сотрудника.

На момент становления российской уголовно-исполнительной системы группа риска не выделялась, то есть адаптант, зачисленный в штат, автоматически зачислялся и в профессиональную группу, несмотря на отсутствие психофизиологического единства с другими членами профессиональной группы. В настоящее время психофизиологический отбор включает в себя методики анализ соответствия кандидата групповым установкам в профессиональной сфере. Но данный отбор не является обязательным элементом процедуры отбора и может не использоваться в зависимости от типа исправительного учреждения и вакантной должности.

Выявление групп риска и ее специфических черт характерно для Норвегии, где существует одна из самых эффективных тюремных систем мира [8, с. 34]. Но там, в отличие от российской системы, данная группа риска выделяется на этапах отбора кандидатов, до попадания индивида в профессиональную среду с последующим переходом в профессиональную группу.

3. Этап первичной или вторичной профессиональной деформации – появление конфликтов при социальных контактах и вхождения в среду учреждения. На данном этапе индивид выходит из группы риска и может быть причислен к профессиональной группе, либо исключен из профессиональной структуры. Прохождение этого этапа начало серьезно исследоваться в период становления российской уголовно-исполнительной системы при проведении ее реформы.

На данном этапе также важно учитывать специфику вторичной трудовой адаптации, которая включает в себя психофизиологическую, социально-психологическую, профессиональную, организационную. По мнению И.Ф. Ежуховой, виды трудовой адаптации трактуются следующим образом:

- социально-психологическая адаптация – характеризуется вхождением адаптанта в систему взаимоотношений профессиональной группы;
- организационная адаптация – освоение системы управления персоналом и организацией, условий труда, режима труда и отдыха, отдельных локальных норм организации;
- профессиональная адаптация – непосредственное освоение профессиональных знаний, умений и навыков в конкретной организационной среде;
- психофизиологическая адаптация – преимущественное освоение условий труда адаптантом, которые в большинстве своем включают санитарно-гигиенические условия труда [3, с. 3].

Выход из профессиональной группы предполагает невозможность возвращения к трудовой деятельности в уголовно-исполнительной системе, что обусловлено нормативно и на уровне социальной нормы действует достаточно давно [15, с. 89]. В большинстве случаев потеря социального статуса не предполагает каких-либо действий с индивидом, тем более компенсирующего характера со стороны уголовно-исполнительной системы. Н.С. Трубицына [15, с. 90] рассматривает необходимость социальной защиты вышедших индивидов из относительно закрытых профессиональных групп, так как им необходимо менять социальный статус, что связано с проблемами физиологического и психологического характера при переходе из уголовно-исполнительной системы в другую сферу.

Зарубежная профессиональная структура предполагает достаточно «мягкий» выход в другую профессиональную группу, который предполагает широкий набор инструментов процедуры высвобождения и помощи при устройстве на другие места работы [14, с. 429]. Данная мера позволяет сохранять стабильность в профессиональной структуре, так как бывшие ее члены не стремятся к разрушению прежних связей и разжиганию конфликтов для снижения ценностей профессиональной группы.

Опасность профессиональной деформации в российской уголовно-исполнительной системе также возможна при длительном нахождении индивида в профессиональной группе. В исследованиях О.С. Степановой и В.В. Проккопьева было доказано, что с увеличением стажа службы растет вероятность возникновения профессиональной деформации сотрудников [9, с. 210].

О.С. Степанова рассматривает профессиональную деформацию с позиции стажа работы – стаж работы до 5 лет является характерной чертой для группы риска [13, с. 87]. Исходя из развития советской уголовно-исполнительной системы, стоит отметить текучесть кадров именно на пятилетнем сроке службы. Исторические предпосылки возможного выхода из профессиональной группы должны быть учтены и в настоящее время, должны быть разработаны меры по сокращению числа сотрудников, перешедших в группу риска на данном сроке службы.

В.В. Прокопьев считает, что особенно быстро «выгорают» молодые специалисты, которые начинают выполнять работу, связанную с высокой ответственностью, и остро чувствуют свою некомпетентность. Несоответствие уровню компетентности аналогичным членам профессиональной группы является условием для перехода в группу риска, что также может быть проработано управленческим звеном для сохранения стабильности профессиональной группы.

4. Этап формальной и неформальной социализации. При успешном прохождении предыдущего этапа индивид стремится закрепиться в профессиональной группе и стать полноправным ее членом. Для этого ему необходимо оптимизировать собственное поведение в ситуации рассогласованности интересов.

Данная линия поведения адаптанта рассматривается в работах О.Н. Маркеловой [11, с. 60]. Однако отметим, что при становлении российской уголовно-исполнительной системы оптимизация не предполагается. Уточняется, что индивид должен не приводить себя в соответствие с групповыми интересами, а должен соглашаться на них вне зависимости от своего отношения к ним. Очевидно, что адаптация в данном случае невозможна, и данные процессы не будут способствовать вхождению индивида в профессиональную группу.

В зарубежной литературе этап формальной и неформальной социализации характеризуется исходя из первоначальной неформальной социализации при параллельном ознакомлении с формальными нормами, которые позволяют индивиду постепенно входить в профессиональную группу [6, с. 80]. Вход осуществляется с позиции знаний формальных норм, которые ведут к идентификации рациональности индивида.

Результаты. Структура профессиональной группы сотрудников исправительных учреждений не претерпевала значительных категориальных изменений за время своего существования в Российской Федерации. Но социальный портрет участника такой группы значительно изменился за последнее время, что предполагает использование новых исследований при разработке программ развития персонала.

Выявление группы риска и усиленная работа с ней может повысить уровень стабильности в профессиональной группе. Подготовка кандидатов для службы в уголовно-исполнительной системе находится на этапе своего становления, но уже показала свои результаты в рамках зарубежной профессиональной структуры.

Использование зарубежного опыта является стратегическим инструментом повышения уровня безопасности профессиональной группы, так как многие исследования, осуществленные за рубежом в прошлом, проводятся сегодня и в нашей стране.

Выводы. В настоящее время актуальным становится вопрос выявления группы риска, на которую должна быть направлена основная адаптационная работа. Выделение специфических черт группы риска возможно только при условии исторического анализа не только структуры профессиональной группы, но и механизмов трудовой адаптации различных периодов.

Для оптимизации и повышения эффективности деятельности учреждений необходима постоянная диагностика и мониторинг функционирования кадрового состава как на входе в профессиональную группу, так и на выходе

из нее – то есть анализа использования главного ресурса системы в достижении глобальной цели – человеческого ресурса.

Особо следует обратить внимание на процессы профессиональной деформации в структуре трудовой адаптации профессиональной группы сотрудников исправительных учреждений. Данные, полученные в ходе анализа процессов профессионального выгорания, могут быть использованы для повышения сплоченности профессиональной группы, которая необходима для оптимального функционирования уголовно-исправительных учреждений.

Литература

1. Агранат Д.Л. Тотальные институты // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 144-145.
2. Андреева Т.В. Адаптация сотрудников на рабочем месте // Управление персоналом. 2011. № 4. С. 33-35.
3. Ежухова И.Ф. Трудовая адаптация сотрудников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 51. С. 1-6.
4. Койл Э. Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека: пособие для тюремного персонала. Лондон: Международный центр тюремных исследований. 2002. 167 с.
5. Кузнецов Н.И. Социальная адаптация курсантов как социологическое явление // Вестник Поволжского института управления. 2017. № 5. С. 101-108.
6. Нагорных Р.В. Проблемы использования зарубежного опыта профессиональной подготовки кадров в деятельности органов и учреждений ФСИН России // Безопасность уголовно-исполнительной системы. 2008. № 1. С. 76-83.
7. Нарожная Д.А. Формы деструктивного трудового поведения работников // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 129-140.
8. Сахейм Э. Базовая подготовка кадров для исправительных учреждений Норвегии: организованная структура и направления // Профессиональная подготовка кадров для пенитенциарных учреждений в России и за рубежом: проблемы и перспективы. 2006. № 3. С. 33-34.
9. Степанова О.С. Взаимосвязь между уровнем эмоционального выгорания и степенью адаптированности сотрудников пенитенциарной системы к условиям профессиональной деятельности // Образование и саморазвитие. 2009. № 4 (14). С. 209-214.
10. Бекаревич М.В. Профессиональный отбор сотрудников как составляющая профилактики коррупции в органах внутренних дел // Актуальные проблемы совершенствования работы с кадрами правоохранительных органов: материалы межведомственной науч.-практ. конф. 2004. С. 79-87.
11. Маркелова О.Н. Междисциплинарное обучение как основа подготовки профессиональных кадров для уголовно-исполнительной системы // II Международный пенитенциарный форум Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов. Рязань: Академия ФСИН России. 2015. Т. 8. С. 58-63.
12. Огородов А.С., Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 1. С. 83-95.
13. Прокопьев В.В. Актуальные вопросы профилактики синдрома «выгорания» сотрудников УИС // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С. 85-92.
14. Тимофеева Е.А. К вопросу об особенностях подготовки сотрудников пенитенциарной системы США // Вектор науки ТГУ. 2013. № 2 (24). С. 427-430.
15. Трубина Н.С. К вопросу о социальной защите сотрудников уголовно-исполнительной системы, увольняемых по сокращению штатов // II Международный пенитенциарный форум Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов Рязань: Академия ФСИН России. 2015. Т. 8. С. 88-92.

References

1. Agranat D.L. Total institutions // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2004, N 1, pp. 144-145 (in Russian).
2. Andreeva T.V. Adaptation of employees in the workplace // *Personnel Management*. 2011, N. 4, pp. 33-35 (in Russian).
3. Niehove I.F. Labor and adaptation of employees // *Scientific-methodical electronic journal «Concept»*. 2017, N. 51, pp. 1-6 (in Russian).
4. Coyle A. A human rights approach to prison management // International Centre for Prison Studies. Handbook for prison staff. Second edition. London, 2009. 167 p.
5. Kuznetsov N.I. Social adaptation of cadets as a sociological phenomenon // *Bulletin of the Volga Institute of management*. 2017, N. 5, pp. 101-108 (in Russian).
6. Nagornyykh R.V. Problems of using foreign experience of professional training in the activities of bodies and institutions of the Federal penitentiary service of Russia // *Security of the penal system*. 2008, N. 1, pp. 76-83 (in Russian).
7. National D.A. forms of destructive work behavior of the workers // *Herald of PFUR, series Sociology*. 2015, N. 1, pp. 129-140 (in Russian).
8. Saheim E. Basic training for correctional institutions in Norway: organized structure and directions // *Professional training for penitentiary institutions in Russia and abroad: problems and prospects*. 2006, N. 3, pp. 33-34 (in Russian).
9. Stepanova O.S. The relationship between the level of emotional burnout and the degree of adaptation of employees of the penitentiary system to the conditions of professional activity // *Education and self-development*. 2009, N. 4 (14), pp. 209-214 (in Russian).
10. Bekarevich M.V. Professional selection of employees as a component of prevention of corruption in the internal Affairs bodies. Actual problems of improving work with law enforcement personnel: materials of the interdepartmental scientific and practical conference. 2004, pp. 79-87.
11. Markelova O.N. Interdisciplinary training as a basis for professional training for the penal system // II international penitentiary forum Crime, punishment, correction: collection of abstracts Ryazan: Academy of the Federal penitentiary service of Russia. 2015. T. 8, pp. 58-63.
12. Ogorodov S.A., Locust S.Y., Chevtaeva N.G. Corporate cohesion of the professional community in conditions of instability of the labor market of the industrial region // *Bulletin of the Russian University of friendship of peoples. Series: Sociology*. 2017, N. 1, pp. 83-95 (in Russian).
13. Prokopiev V.V. Topical issues of prevention of the syndrome of «burnout» of employees of UIS // *Bulletin of the Vladimir law Institute*. 2007, N. 2 (3), pp. 85-92 (in Russian).
14. Timofeeva E.A. To the question of the peculiarities of the training of employees of the us penitentiary system // *Vector of science TSU*. 2013, N. 2 (24), pp. 427-430 (in Russian).
15. Trubitsyna N.S. On the issue of social protection of employees of the penal system, dismissed on redundancy // II international penitentiary forum Crime, punishment, correction: collection of abstracts Ryazan: Academy of the Federal penitentiary service of Russia. 2015. T. 8, pp. 88-92.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.011

УДК 37.015.4

ББК 60.561.9

А.Б. БЕРЗИН

A.B. BERZIN

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ УЧИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ УЧАЩИХСЯ

PROBLEMS OF MODERN EDUCATION IN THE ASSESSMENTS OF TEACHERS AND PARENTS OF STUDENTS

В статье рассматриваются вопросы, связанные со спецификой процессов в образовательном пространстве мегаполиса – г. Екатеринбурга. Проведенный автором анализ нормативных источников и финансовых документов позволил выявить ряд проблем, связанных с ситуацией в школах города. Этот анализ дополнен материалами двух социологических исследований (анкетные опросы), которые показали отношение учителей и родителей учащихся к наиболее часто обсуждаемым темам в современной системе образования: прежде всего это проблемы связанные с качеством обучения.

The article deals with the issues related to the specifics of the processes in the educational space of the metropolis – Yekaterinburg. The author's analysis of regulatory sources and financial documents revealed a number of problems related to the situation in the schools of the city. This analysis is based on two sociological studies (questionnaire), which showed the attitude of teachers and parents of students to the most frequently discussed topics in the modern education system: first of all, these are problems related to the quality of education.

Ключевые слова: проблемы образования, отношение учителей и родителей учащихся, ЕГЭ, социальные установки

Key words: problems of education, attitude of teachers and parents of students, Unified State Exam, social attitudes.

Введение. Образование на протяжении всей истории человечества остается процессом, вызывающим интерес, а, самое главное, жизненной потребностью все новых и новых поколений людей. Другое дело, что этот интерес с течением времени приобретает новые основания. Это объясняется необходимостью развития общества, которому важна устойчивая система передачи социального опыта от одного поколения к другому. Однако социально-экономические и культурные изменения, происходящие сегодня, имеют принципиально иной характер. Они ставят модернизацию образования в одну из главных задач, решение которой определяет дальнейшее поступательное развитие общества. Кроме того, постоянное изменение социальной действительности требует особых способов (институтов) социального воспроизводства [4, с. 4].

Образование выступает как катализатор перемен, иногда ускоряя их, либо, наоборот, существенно сдерживая изменения.

Это положение характеризует ситуацию в современной России. Существующая система образования, в ее сегодняшнем виде, не разрешает возникающих противоречий между возможностями и потребностями развития общества в целом и конкретной личности. Заявленные реформы не затрагивают существа образования, ограничиваясь поверхностными изменениями. Да и сами реформы не имеют адресного методологического обоснования и подчас сводятся к материально-финансовому обеспечению.

Но прежде всего в преобразованиях нуждаются содержание образования, формы и способы его организации, кроме того, необходимы новые технологии обеспечения образовательного процесса, иная культура общения педагога и ученика [4, с. 4].

Кроме того, в настоящее время слабо действует гибкая система опережающей подготовки и переподготовки кадров, эффективно реализующая проекты развития образования; не приведено в соответствие научно-методическое, информационно-статистическое сопровождение реформ; недостаточна психологическая заинтересованность субъектов образования к восприятию новых идей, знаний и технологий [2, с. 3]. Отмеченные проблемы актуализируют исследовательский интерес как к методологии управления образованием, его уровнями, так и к эмпирическим исследованиям реализации государственной политики в сфере образования.

Материал и методы. Для сбора информации использовались следующие методы: анализ нормативных актов и данных официальной статистики, анкетный опрос.

Научно-исследовательской группой Уральского гуманитарного института УрФУ с участием автора в 2016 году при содействии Департамента образования г. Екатеринбурга было проведено социологическое исследование. В нем приняло участие 529 учителей из 49 школ города. Целью опроса было изучение позиции учителей школ по отношению к решениям, принятым на заседании Государственного Совета РФ, посвященному основным направлениям развития общего образования (декабрь 2015 г.). Выборка охватывала все типы школ каждого района города. Она соответствовала генеральной совокупности по основным параметрам, учитывала преподаваемые предметы.

В 2017 году этой же группой был проведен опрос родителей учащихся школ г. Екатеринбурга (далее – родителей). Он охватил 1520 человек из 35 школ всех районов города. Были учтены типы школ и уровни образования (начальный, основной и средний общий). Одной из задач исследования, являющегося логичным продолжением опроса учителей 2016 года, было выявление позиций родителей по проблемам современной школы, их оценка роли педагогов в образовательно-воспитательном процессе.

Результаты и обсуждение результатов. Важным фактором, обеспечивающим качество образования, распространение современных технологий, методов и приемов обучения, являются учительский корпус, его потенциал. Существующие сегодня проблемы в кадровой структуре системы образования наиболее полно были изложены в принятой Правительством РФ в 2012 году Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. К ним можно отнести следующие:

1) перекося в социально-демографическом составе учителей: доля пенсионеров достигла 18%, доля педагогов-мужчин – колеблется в диапазоне 10-12%. Налицо недостаточное обновление педагогического корпуса. Число молодых учителей в возрасте до 30 лет также колеблется в пределах 10-13%;

2) острой проблемой, требующей решения и определяющей престиж профессии учителя, является уровень материального благополучия. Повышение заработной платы педагогов стало одной из целей модернизации системы общего образования, однако ее формальная реализация не способствует росту популярности профессии «педагог»;

3) требуют решения вопросы эффективности, качества работы системы повышения квалификации, адекватно реагирующей на запросы времени [5];

4) определенное влияние на учительский корпус, всю систему образования оказывают и миграционные процессы [12].

Свердловская область входит в число наиболее населенных территорий Российской Федерации, в ней проживает более 4 млн 329 тысяч человек. На протяжении нескольких последних лет наблюдался естественный прирост населения, но уже в 2016 году зафиксирована естественная убыль населения в пределах 1 тысячи человек. В результате миграционных процессов в системе образования выявились новые задачи – обеспечить интеграцию детей иммигрантов в российское общество, облегчить процесс адаптации, помочь в изучении русского языка, а также в процессе обучения добиться соответствия их уровня знаний отечественным образовательным стандартам.

Анализ расходов областного бюджета на 2018 г. по статье «Общее образование» показал, что из 31,5 млрд руб. более 22 млрд рублей запланировано на финансирование государственной программы Свердловской области «Развитие системы образования в Свердловской области до 2024 года» (далее – Госпрограмма 2024) [6].

Система общего образования Свердловской области формировалась и развивается с момента создания области (17 января 1934 года) до настоящего времени. Следует отметить, что в основном система в количественном отношении увеличивалась, но были и периоды спада, уменьшения количества образовательных организаций, происходили существенные изменения в структуре (табл. 1).

Таблица 1

Число дневных общеобразовательных организаций Свердловской области и количество учащихся в них в 1995-2019 годах [1, с. 66-67; 7, 8]

Учебный год	1995-1996	2000-2001	2005-2006	2010-2011	2015-2016	2018-2019
Кол-во школ	1551	1465	1296	1162	1032	1027
Кол-во учеников (тыс. чел.)	652,6	583,3	432,6	391,5	467,2	442,2

На начало 2018-2019 учебного года система общего образования состояла из дневных и вечерних школ; образовательных учреждений, реализующих адаптированные программы; организаций, предназначенных для учеников, нуждающихся в социальной, медицинской, педагогической и психологической помощи, а также для детей сирот. Из 1140 общеобразовательных учреждений в муниципалитетах работало 1066 организаций с правами юридического лица, 90 государственных образовательных организаций [8, с. 3].

Из общего числа школ (1058) – 1032 школы с дневным обучением, из них более половины (59,9%) расположены в городах, остальные – в сельской местности. 23 организации – это вечерние (сменные) школы, 16 школ являются частными.

С 1995-1996 учебного года школьная сеть сократилась более чем 33,5%. Сокращение числа учащихся и школ в Свердловской области происходило до 2008-2009 учебного года – к этому моменту численность учеников уменьшилась на 41%.

В среднем количество учеников, приходящихся на одно общеобразовательное учреждение снизилось за эти годы до 387,7 человек (уменьшение составило 33,1 человека на каждую школу), на одного учителя приходится более 14 учащихся (14,3 чел.).

Для сельской местности была характерной тенденция укрупнения школ.

Следует отметить, что за эти годы произошел рост расходов на общее образование в 1,7 раза и составили на одного учащегося более 65 тыс. руб. Рост финансирования обусловлен, прежде всего, повышением заработной платы преподавателям и необходимостью увеличения количества новых мест в общеобразовательных организациях. В 2016-2018 годах в Свердловской области появилось 16,5 тыс. новых учебных мест в школах, за счет строительства новых зданий, реконструкции и капитального ремонта помещений. До 2025 года планируется ввести еще более 150 тыс. новых мест [8, с. 17].

За последние 5 лет число учащихся, принятых в первый класс увеличилось более чем на 10 тыс. человек (рост 23,5%) и составило 55620 чел. Рост количества учеников привел к работе в 2 смены в ряде школ. Общее коли-

чество учащихся во вторую смену школьников составило 82 тыс. человек – более 17%, в основном это ученики 1-4 классов (63,9% от обучающихся во 2 смену) [7, с. 27-28].

В Свердловской области трудится 68147 педагогических работников, более половины из них в системе общего образования (34,9 тыс. чел. – 60,65%). Собственно учителями работает 30243 человек. С 2012 года их численность возросла на 5,4%, при этом доля учителей с высшей и первой квалификационной категорией в течение всех этих лет практически неизменна, лишь немного снизилась в 2016 году и составила 77,6%. Удельный вес учителей с высшим и средним профессиональным образованием составил 98,5%, со стажем работы свыше 10 лет – 78,97%, учителей в возрасте до 35 лет насчитывается 6816 человек (23,55% от общего количества учителей), учителей пенсионного возраста 22,4%, т.е. практически равные возрастные группы. Более 90% учителей – женщины [8, с. 4].

Мы рассматриваем учителей как особую общность и под учительством понимается «социально-профессиональная общность людей, являющихся самостоятельным субъектом социального действия, характеризующихся относительным единством, сходством их профессиональных целей, интересов, выполняющих преимущественно умственный квалифицированный труд» [9, с. 114].

При этом обычно выделяются такие признаки, как обладание профессиональными ресурсами (человеческим капиталом) – социальными, интеллектуальными и др., социально-демографическими и гендерными характеристиками, а также особенностями, связанными со стажем работы и уровнем квалификации, преподаваемым предметом и местом проживания, особенностями этноса.

Следует также отметить, что рассмотрение учительства невозможно без рассмотрения его внешних связей, влияния среды на происходящие внутри этой социально-профессиональной общности. Особо следует выделить взаимосвязи в образовательной общности – триаде: учитель, ученик, родители учащегося.

Из большого числа вопросов, затронутых социологическими исследованиями с участием автора в 2016 и 2017 годах, остановимся на сравнении роли школы в оценках учителей и родителей, на проблемах, мешающих развитию общего образования, а также на отношении опрошенных групп к Единому государственному экзамену.

Роль школы в социальных установках учителей и родителей.

Одна из важнейших задач школы, государственной образовательной политики – сформировать личность, готовую успешно ответить на вызовы современного мира, способную разобраться в технических и технологических преобразованиях, умеющую применять полученные знания на практике – другими словами, подготовить вполне социализированного человека, обладающего необходимыми знаниями, умениями и навыками. Эта позиция в анкетах была представлена рядом индикаторов (табл. 2).

Естественно, что установки учителей и родителей не совпали. Причем различия весьма заметны. При определенном совпадении рангов позиций, степень их выраженности весьма существенна. Учителя на первое место поставили развитие способностей, родители эту цель поставили на 2 место, но различие в уровне ожидания более чем в два раза свидетельствует о разном понимании тенденций современной эпохи и особенностей психического развития человека. Проблема культуры детей волнует родителей в три раза меньше, чем учителей – а это одна из важнейших адаптационных характеристик личности, позволяющая более адекватно приспосабливаться к окружающей действительности.

Таблица 2

**Социальные установки учителей и родителей на роль школы
(в % от опрошенных)**

Школа должна дать	Учителя		Родители	
	%	Ранг	%	Ранг
прочные знания	16,2	2	39,3	1
разностороннее развитие способностей	64,4	1	28,8	2
хорошую подготовку для поступления в институт	5,8	4	24,2	3
хорошую профессиональную подготовку	0,5	6	3,7	4
высокую культуру	10,8	3	2,8	5
другое	2,3	5	1,3	6

Таким образом, главные цели учителей и представление об этих главных целях у родителей принципиально и существенно расходятся. Родители видят в задачах школы вполне конкретные прагматические действия, именно поэтому значительный процент среди ответивших указали в качестве ответа хорошую подготовку для поступления в институт. У учителей этот ответ занимает четвертую позицию, а у родителей третью из шести, причем различия по числу ответов между родителями и учителями отличаются в четыре раза.

О несовпадении позиций свидетельствует коэффициент ранговой корреляции Спирмена $\rho=0,67$. Его величина при $n=6$ является незначимой.

Проблемы, мешающие повышению эффективности общего образования. Среди множества вопросов, препятствующих дальнейшему развитию общего образования особо выделяется проблема качества обучения, качества образовательных результатов. В ходе исследования выявились факторы, наиболее влияющие на качество обучения. Предварительная экспертиза выделила восемь ключевых факторов (табл. 3).

Таблица 3

Факторы, отрицательно влияющие на уровень образовательных результатов учащихся (% от количества ответов по каждой группе)

Факторы	Учителя		Родители	
	%	Ранг	%	Ранг
Низкий уровень способностей и заинтересованности учащихся	19,67	2	17,6	1
Неэффективное руководство системой образования	9,87	5	17,5	2
Неэффективная организация учебного процесса	11,20	4	13,4	3
Недостаточное материально-техническое обеспечение образовательной программы	13,60	3	13,0	4
Слабая заинтересованность родителей в качестве образования своих детей	23,33	1	12,2	5
Недостаточное учебно-методическое и информационное обеспечение образовательной программы	8,20	6	10,0	6
Недостаточный профессиональный уровень учителей	6,73	7	9,0	7
Необъективность оценки уровня образовательных результатов	5,93	8	7,0	8
Другое	1,5	9	0,2	9

Сравнивая полученные ранги факторов, мы видим, что не очень заметны различия между ними. Полное совпадения мест произошло по последним позициям (коэффициент ранговой корреляции Спирмена $\rho=0,77$, при $n=9$ и $\alpha=0,05$ можно говорить о достаточно высокой степени ранговой корреляции, то есть о совпадении позиций).

Несколько иная картина возникает при анализе ответов от количества опрошенных. Учителя на первое место поставили слабую заинтересованность родителей в качестве образования своих детей (66,2%), среди родителей этот вариант ответа выбрало только 27,8% опрошенных – различие более чем в 2 раза. Заметно расхождение и в оценке учеников (на низкий уровень способностей и заинтересованности учащихся указали 55,8% учителей и 40% опрошенных родителей). Возможное объяснение этого противоречия – недостаточно критическое отношение родителей к самим себе, насколько эффективно их участие в учебе детей. Однако следует заметить, что мнения родителей и учителей практически совпали при оценке профессионального уровня учителей (19,1% учителей считают важным фактор «недостаточного профессионального уровня учителя», так же считают 20,3% опрошенных родителей).

Отношение к Единому государственному экзамену и к другим нововведениям. Единый государственный экзамен (ЕГЭ) прошел длительную апробацию (9 лет) до его внедрения.

Повсеместно внедряться Единый государственный экзамен стал только с января 2009 года – после вступления в силу Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 17-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена». Но общественная дискуссия о ЕГЭ продолжается до сих пор.

Принятый в 2012 году Закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепил за процедурой ЕГЭ форму проведения государственной итоговой аттестации в школе и вступительных экзаменов в вузы страны. Свердловская область вступила в эксперимент ЕГЭ в РФ в 2007 году, однако, тема ЕГЭ продолжает звучать в средствах массовой информации, хотя с каждым годом масштабы публикуемых материалов и особенно их острота становятся меньше.

Поэтому нам представляется важным мнение учителей, тех, кто в силу своей работы должен быть заинтересован в конкретных результатах. Не менее важным остается и отношение со стороны общества, прежде всего, родителей учащихся.

В нашем исследовании (2016 г.) абсолютное большинство преподавателей школ города Екатеринбурга признало в нем положительные стороны и определенные недостатки (74,5%), что вполне естественно. И все же число учителей, резко отрицательно относящихся к экзамену, преобладает над положительным отношением (разница почти в 3 раза – 17% выступают против, 6,2% – одобряют). Более того, опрос показал, что почти 20% опрошенных ждут его отмены. Можно считать, что мнение в отношении ЕГЭ, даже в лице учительского сообщества, сохраняет определенную долю скептицизма к этой процедуре [3, с. 6624-6630].

При опросе нужно было выделить наиболее объективный показатель качества образования из трех возможных результатов обучения: поступление в вуз, олимпиады и ЕГЭ. Все три формы оказались в почти равной степени востребованными 31,1%, 30,0% и 34,4% по оценкам опрошенных.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что мнения учителей по поводу объективности результатов ЕГЭ разделились почти поровну, каждый второй считает итоги экзаменов необъективными (55% опрошенных), чуть меньшая часть придерживается иной точки зрения (43,5%).

Практически половина опрошенных учителей согласна с утверждением, что в результате принятых мер объективность ЕГЭ повысилась (49%), однако почти каждый пятый в достигнутых успехах сомневается (18,3%). 40,3% учителей отметили, что существующая система контроля их не устраивает (ажиотаж вокруг экзамена, полиция, видеонаблюдение, присутствие проверяющих на итоговой процедуре).

Условно среднее отношение родителей к ЕГЭ можно трактовать как скорее отрицательное. Резкое отрицательное отношение высказали 33,0% родителей от числа опрошенных, что существенно больше, чем аналогичное мнение учителей (17,8%). В то время как у учителей значительно большее число, чем у родителей, высказывает сдержанное мнение, видя в этой процедуре и достоинства и недостатки (74,5%, а у родителей таких оценок 60,7%). Одинаковый процент опрошенных высказался за поддержку введения ЕГЭ: 6,3% у родителей и 6,2% у учителей. Негативное отношение к ЕГЭ родители связывают с его недостатками, указывая такие как: нервное напряжение детей, родителей и учителей (67,7% опрошенных), необходимость дополнительных занятий, курсов подготовки, репетиторов (49,6%), резкое увеличение нагрузки на детей в выпускных классах (49,1%). Из положительных сторон выделяется упрощенное поступление в вузы (49,8%), уравнивание шансов для абитуриентов при поступлении в вуз (29,8%).

Из ответов родителей становится понятной необходимость специально психологической подготовки к экзаменам. С этим согласны и учителя (49,3%).

Из приведенных данных, полученных в результате исследований, видна необходимость продолжения информационно-пропагандистской работы с общественностью и совершенствование методических основ проведения экзамена, повышение квалификации преподавательского состава.

Также нуждается в методологическом обосновании сам подход, как не совсем адекватно отражающий происходящие изменения в общем образовании.

Отношение учителей к иным проблемам в сфере образования.

В выступлениях Президента РФ особое внимание уделяется развитию новых информационных технологий, в том числе и в обучении. Можно утверждать, что абсолютное большинство учителей используют в своей работе Интернет для подготовки к занятиям – 89,2%. Однако опрошенные учителя обращают внимание на недостаточную обеспеченность школ компьютерами, электронными учебниками (57,8%), расслоение отмечено среди учителей и по поводу электронных журналов, 56,1% считают, что они малоэффективны.

77% учителей используют дистанционную форму обучения, особенно это актуально при отмене занятий (90,7%), применяют ее в работе с учениками (45,0%). Очень часто используется электронная почта (74,9%) и особые сетевые программы (46,1%).

Родители, наоборот, считают, что благодаря электронным дневникам они получают необходимую информацию (61% опрошенных), экономят время (37,2%). Среди недостатков отмечается несвоевременность передачи информации, ее неполнота (37,1%).

К недостаткам дистанционного обучения родители относят отсутствие практических занятий (48,9%) и общения с педагогом (47,5%), трудности технического плана (27,9%). Более половины опрошенных родителей считают, что этот метод обучения требует от детей жесткой самодисциплины, а она не у всех может быть сформирована (51,9%).

Поддерживая в целом курс на современные технологии обучения, большинство опрошенных учителей указывают на нехватку знаний в области информационных технологий – 64,8%.

В госпрограммах по развитию образования постоянно указывается на необходимость улучшения подготовки детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Сегодня более 40% опрошенных учителей занимаются инклюзивным образованием, но только 25,5% считают, что в образовательных учреждениях созданы условия для обучения детей с ОВЗ, почти половина (48,0%) указывают на отсутствие этих условий, 25,3% указывают на их недостаточность. Каждый третий надеется получить дополнительные знания в области работы с учащимися, в том числе с ограниченными возможностями здоровья (37%).

Среди вопросов, волнующих учителей, одно из первых мест заняли проблемы, связанные с материальными затруднениями – 47,3% от числа опрошенных, а также отсутствие возможности улучшить жилищные условия – 26,8%.

Следует отметить, что одной из наиболее часто озвучиваемых СМИ проблем является уровень заработной платы учителя. Согласно ответам опрошенных большая часть имеет зарплату до 25 тыс. руб. (57,3%), 25-30 тыс. руб. – 22,1%, свыше 30 тыс. руб. – 20,6%. Учителя отмечали, что это тяжелый, неблагодарный труд при низкой оплате. Поэтому только каждый пятый опрошенный пожелал, чтобы кто-нибудь из его детей стал бы учителем (18,1%).

Для уточнения укажем, что в 2016 г. средняя зарплата по Свердловской области составила 32036 тыс. руб., а для педагогических работников образовательных учреждений общего образования она была 32509 руб. [11].

Следует отметить, что учитывается весь доход, а не заработная плата на одной ставке.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата учителей в муниципальных общеобразовательных учреждениях г. Екатеринбурга составила 35943 рублей, а уровень заработной платы в среднем достиг 43910 тыс. руб., разрыв в зарплатах только увеличился [10].

Материальный фактор оказывает весьма существенное влияние на социально-психологическое самочувствие учителей. Хотя 48,4% отметили, что профессия им нравится, но среди ее недостатков было указано, что в ней меньше возможностей для устройства личной жизни (48,3%) и материальной обеспеченности (46,4%). Поэтому такое же количество опрошенных (48,8%) в гипотетической ситуации выбрали бы профессию, позволяющую больше зарабатывать. В итоге на вопрос, «что Вам удалось достигнуть в жизни» только 2,8% екатеринбургских учителей указали в качестве достижения «материально обеспеченную жизнь».

Выводы. Исследование показало, что в процессе реформирования системы образования не все поставленные задачи решены, в первую очередь это относится к вопросам формирования мотивации на получение качественного образования самими обучающимися, отношение к этому их родителей; остается проблемным и отношение к Единому государственному экзамену, который ежегодно сопровождается ажиотажем, ненужной шумихой в средствах массовой информации. Среди проблем, беспокоящих учителей, прежде всего, их материальная обеспеченность. Следует отметить, что за несколько десятилетий уровень зарплаты, статус профессии заметно упал, а трудовая нагрузка увеличилась.

В связи с этим требуется не формальное выполнение майского Указа Президента РФ, а системная работа по повышению престижа профессии «учитель».

Основные направления развития системы общего образования обозначены в нормативных документах. Они продолжают линию на расширение доступа к образованию, повышению его качества.

Особо важная роль в решении всех этих вопросов принадлежит субъектам РФ. В Свердловской области продолжается работа по вводу в оборот новых школ, снижению количества образовательных организаций со стабильно низкими результатами. Предстоит много сделать для выявления талантливых детей посредством конкурсов и олимпиад. Отличительной чертой должна стать системность и комплексность в подходе к решению всех обозначен-

ных в исследовании проблем. Только объединенные усилия государства и общества, детей и их родителей, педагогов, работников органов управления образованием и социально ориентированных некоммерческих организаций могут претворить в действительность намеченные планы и реализовать задуманное.

Литература

1. Авраамова Е.М., Александрова О.А., Белановский С.А., Клячко Т.Л. и др. Общее образование: мониторинг эффективности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 470 с.
2. Безматерных Т.А. Управление развитием муниципальной системы образования в условиях мегаполиса: на примере города Ростова н/Д: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2013. 24 с.
3. Берзин А.Б., Мальцев А.В. Единый государственный экзамен: взгляд изнутри: материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов. 2016. С. 6624-6630 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ssa-rss.ru/VSK-V%20Sbornik.html> (дата обращения: 22.04.2019).
4. Герасимов Г.И. Трансформация образования – социокультурный потенциал развития российского общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2005. 60 с.
5. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы (документ утратил силу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902381669> (дата обращения: 24.04.2019).
6. Государственная программа Свердловской области «Развитие системы образования в Свердловской области до 2024 года» (с изменениями на 5 февраля 2019 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/429094102>.
7. Доклад «О состоянии системы образования Свердловской области в 2016 году» [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <https://minobraz.egov66.ru/uploads/document/137/doklad-2016-itog.zip> (дата обращения: 19.04.2019).
8. Доклад «Основные итоги деятельности Министерства общего и профессионального образования Свердловской области в 2018 году и задачи на 2019 год» [Электронный ресурс]. 2019. Режим доступа: https://minobraz.egov66.ru/uploads/document/1146/doklad_kollegiya-26032019.pdf (дата обращения: 19.04.2019).
9. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Учительство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 114-123.
10. Итоги социально-экономического развития Екатеринбурга в 2016 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://екатеринбург.рф/дляработы/экономика/развитие/итоги> (дата обращения: 05.04.2019).
11. Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь-декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor4-16.html (дата обращения: 05.04.2019).
12. Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам на 1 января 2014-2018 гг. Официальная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population (дата обращения: 22.04.2019).

References

1. Avraamova E.M., Aleksandrova O.A., Belanovskij S.A., Kljachko T.L. et al. Obshchee obrazovanie: monitoring jeffektivnosti [General education: monitoring of efficiency]. M.: Publ. «Delo», 2015. 470 p.
2. Bezmaternyh T.A. Management of the development of the municipal education system in a metropolis: the example of the city of Rostov-on-Don. Extended abstract of Doctor's thesis. Pjatigorsk, 2013. 24 p.

3. Berzin A.B., Mal'cev A.V. Unified state exam: a look from the inside: materials V Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa. M.: Rossijskoe obshchestvo sociologov [Materials of the V all-Russian sociological Congress]. M., 2016, pp. 6624-6630. Available at: <https://www.ssa-rss.ru/VSK-V%20Sbornik.html>. (Accessed 22.04.2019).
4. Gerasimov G.I. Transformation of education – socio-cultural potential of Russian society. Extended abstract of Doctor's thesis. Rostov-on-Don, 2005, 60 p.
5. Gosudarstvennaja programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovanija na 2013-2020 gody» (dokument utratil silu) [State program of the Russian Federation «Development of education for 2013-2020»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902381669>. (Accessed 24.04.2019).
6. Gosudarstvennaja programma Sverdlovskoj oblasti «Razvitie sistemy obrazovanija v Sverdlovskoj oblasti do 2024 goda» (s izmenenijami na 5 fevralja 2019 goda) [The state program of the Sverdlovsk region «Development of the education system in the Sverdlovsk region until 2024»]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/429094102>. (Accessed 24.04.2019).
7. Doklad «O sostojanii sistemy obrazovanija Sverdlovskoj oblasti v 2016 godu» [Report «On the state of the education system of Sverdlovsk region in 2016»], 2017. Available at: <https://minobraz.egov66.ru/uploads/document/137/doklad-2016-itog.zip>. (Accessed 19.04.2019).
8. Doklad «Osnovnye itogi dejatel'nosti Ministerstva obshhego i professional'nogo obrazovanija Sverdlovskoj oblasti v 2018 godu i zadachi na 2019 god» [Report «Main results of activities of the Ministry of General and vocational education of Sverdlovsk region in 2018 and tasks for 2019»], 2019. Available at: https://minobraz.egov66.ru/uploads/document/1146/doklad_kollegiya-26032019.pdf. (Accessed 19.04.2019).
9. The law of Sverdlovsk region of December 19, 2016 № 131-OZ «On the regional budget for 2017 and the planning period of 2018 and 2019». *Oblastnaja gazeta* [Regional newspaper], 2016, 21 December, N 238.
10. The law of Sverdlovsk region of December 3, 2015 № 138-OZ «On the regional budget for 2016». *Oblastnaja gazeta* [Regional newspaper], 2016, 5 December, N 225 (in Russian).
11. The law of Sverdlovsk region of December 7, 2017 № 121-OZ «On the regional budget for 2018 and the planning period of 2019 and 2020». *Oblastnaja gazeta* [Regional newspaper], 2017, 9 December, N 230 (in Russian).
12. Zasyppkin V.P., Zborovskij G.E., Shuklina E.A. Teaching as a social and professional community. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2015, N 2, pp. 114-123 (in Russian).
13. Itogi social'no-jekonomicheskogo razvitija Ekaterinburga v 2016 godu [Results of social and economic development of Yekaterinburg in 2016]. Available at: https://ekaterinburg.rf/dlya_raboty_ekonomika/razvitiye/itogi. (Accessed 05.04.2019).
14. Itogi federal'nogo statisticheskogo nabljudenija v sfere oplaty truda ot del'nykh kategorij rabotnikov social'noj sfery i nauki za janvar'-dekabr' 2016 goda [Results of the Federal statistical observation in the field of remuneration of certain categories of social workers and science for January-December 2016]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor4-16.html. (Accessed 05.04.2019).
15. Chislennost' naselenija Sverdlovskoj oblasti po polu i vozrastnym gruppam na 1 janvarja 2014-2018 gg. Oficial'naja statistika [The population of Sverdlovsk region by sex and age groups as of January 1, 2014-2018. Official statistics]. Available at: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population. (Accessed 22.04.2019).

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.012

УДК 37.015.4(571.1)+378.14(571.1)

ББК 60.561.9-44(2Рос-15)+74.480(2Рос-15)

О.В. ВЛАСОВА,
Е.Ф. КАЗАКОВААКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ
В МАКРОРЕГИОНЕ
(НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)O.V. VLASOVA,
E.F. KAZAKOVAACADEMIC MOBILITY
OF EDUCATIONAL COMMUNITIES
IN THE MACRO-REGION
(ON THE EXAMPLE OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

В статье представлены результаты эмпирического исследования академической мобильности образовательных общностей в Уральском федеральном округе. Рассмотрены факторы, препятствующие эффективному развитию процесса академической мобильности в Уральском федеральном округе, как низкая географическая мобильность обучающихся и научно-педагогических работников; финансовые сложности; низкий уровень информированности о процессе академической мобильности в образовательных организациях; отсутствие продвижения идей академической мобильности со стороны администрации вузов; сложности организации процесса академической мобильности; низкий уровень владения иностранными языками студентов и преподавателей; низкая привлекательность российских университетов для зарубежных специалистов и обучающихся; отсутствие активности со стороны ключевых акторов процесса.

The article presents the results of an empirical study of the academic mobility of educational communities in the Ural Federal District. The factors hindering the effective development of the process of academic mobility in the Ural Federal District are the low geographical mobility of students and scientific and pedagogical workers; financial difficulties; low level of awareness of the process of academic mobility in educational organizations; lack of promotion of academic mobility ideas from the administration of universities; difficulties in organizing the process of academic mobility; low level of knowledge of foreign languages of students and scientific and pedagogical workers; low attractiveness of Russian universities for foreign specialists and students; lack of activity on the part of the main actors in the process.

Ключевые слова: академическая мобильность, образовательные общности, макрорегион.

Key words: academic mobility, educational communities, macroregion.

Введение. Образование в современном мире рассматривается как одна из важнейших ценностей мировой культуры. Именно человек является первостепенной причиной развития любой сферы деятельности, начиная от культурной, заканчивая экономической. Именно поэтому вложения в человеческий капитал являются самыми окупающимися инвестициями независимо от того, в какой сфере они находятся. В сфере образования в Российской Федерации уже на протяжении нескольких десятилетий ведется работа по переходу от линейной системы высшего образования к нелинейной. Вторая представляет собой систему, способствующую раскрытию потенциала обучающихся в различных направлениях, а не «обучение по шаблону». Тем самым российское образование приблизится к стандартам европейского, сделав рынок образовательных услуг шире и разнообразнее.

Целью статьи является анализ процесса академической мобильности образовательных общностей в Уральском федеральном округе.

Объект исследования – образовательные общности Уральского федерального округа, предмет – академическая мобильность в высшем образовании Уральского федерального округа.

Материалы исследования. Рассматривая условия перехода к иной модели высшего образования, можем отметить, что академическая мобильность является одним из них. Именно она предоставляет возможность для студентов, преподавателей, административно-управленческого персонала вузов «перемещаться» из одного вуза в другой с целью обмена опытом; получения возможностей, недоступных на базе собственного вуза; преодоления национальной замкнутости и приобретения общеевропейской перспективы. Согласно рекомендациям Болонской декларации, каждому студенту желательно проводить семестр в другом вузе, предпочтительно зарубежном. Ценность такого рода контактов и обменов трудно переоценить, особенно в условиях малой доступности современной литературы, нередко – ограниченности и устарелости лабораторной базы, как это имеет место во многих вузах России.

В настоящее время и внешняя, и внутренняя мобильности достаточно ограничены, если базировать свое мнение на результатах имеющихся исследований и освещенности темы на сайтах университетов. Причин для этого может быть достаточное количество – начиная от моральной неподготовленности студентов и преподавателей, заканчивая незаинтересованностью на уровне государства в развитии механизмов академической мобильности как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому, несмотря на многие достоинства внедрения и развития этого процесса, есть и множество препятствий для его достижения. Определение и теоретическое обоснование этих препятствий, описание текущей ситуации в работе механизмов академической мобильности в рамках Уральского федерального округа является основополагающей целью нашего исследования. Этот федеральный округ является одним из крупных в Российской Федерации, в котором находится достаточно высших учебных заведений, способных к реализации исследуемого процесса.

Эмпирическая база исследования. Для выявления особенностей академической мобильности в макрорегионе нами было проведено социологическое исследование среди студентов и преподавателей высших учебных заведений Уральского федерального округа. В состав этого округа включены шесть регионов: Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Курганская область, Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

Также Уральский Федеральный округ представляет собой один из наиболее продвинутых округов Российской Федерации, в который входят высококоразвитые в экономическом отношении субъекты: Свердловская, Челябинская, Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Экономическая структура этих субъектов представляет все основные отрасли производства, что влияет на увеличение заинтересованности в осуществлении различных прорывных проектов в сфере образования. Академическая мобильность может определенно представлять интерес в этой сфере, поэтому нам кажется необходимым исследовать ее механизм именно в этом федеральном округе. По мнению некоторых исследователей с начала 2000-х гг. состояние системы высшего образования Уральского Федерального округа в целом улучшилось, «однако, в общем, оценка развития системы высшего образования округа не поднялась выше низкого уровня» [3, с. 41].

На развитие академической мобильности, улучшение функционирования системы ее реализации может влиять и степень урбанизации округа – так инфраструктура взаимодействий может быть налажена с меньшими затратами. Уральский Федеральный округ является одним из самых урбанизированных в Российской Федерации, а также территорией с высоким уровнем жизни – по данным исследований 80% его населения проживает в городах и по уровню доходов на душу населения занимает 2-е место после Центрального округа. Также отмечаем, что 55% занятого населения имеет высшее и среднее профессиональное образование [1, с. 95].

Это обстоятельство представляется нам перспективным в рамках развития механизмов академической мобильности.

Система высшего образования Уральского Федерального округа включает в себя 57 образовательных организаций по данным на 2016 г. [1, с. 35].

Эти организации представляют все основные типы вузов в Российской Федерации: федеральный университет, научно-исследовательский университет, создаваемые опорные университеты и т.д. В округе находится также большое количество крупных вузов секторной и инфраструктурной направленности, в которых отражены практически все направления и специальности подготовки: экономического, естественно-научного, технического, гуманитарного и социального профилей (табл. 1).

Таблица 1

Распределение вузов Уральского федерального округа по регионам

Регион	Федеральные вузы	Региональные вузы	Муниципальные вузы	Негосударственные вузы	Негосударственные вузы с бюджетными местами	Итого
Свердловская область	14	0	1	8	1	26
Челябинская область	8	2	1	2	1	14
Тюменская область	6	0	0	1	0	7
Курганская область	4	0	0	0	0	4
ХМАО – Югра	2	3	0	1	0	6
ЯНАО	0	0	0	0	0	0
Итого	34	5	2	12	2	57

Все изложенное выше, является показателем развитости системы образования в Уральском федеральном округе, ее готовности к переходу из линейной к нелинейной системе и, как следствие, развитие академической мобильности. В этом случае мы будем говорить о внутренней академической мобильности, то есть о перемещении внутри Российской Федерации. Как нами было отмечено ранее, в этом округе находятся 57 образовательных организаций различных уровней и профилей деятельности, что может быть достойной площадкой для перемещений студентов и преподавателей в рамках реализации академической мобильности.

Для анализа процесса академической мобильности в Уральском федеральном округе было проведено социологическое исследование в период с 2017 по 2019 гг. – «Академическая мобильность в макрорегионе: социологический анализ (на примере эмпирических исследований в УрФО)». Использовались такие методы эмпирического исследования как: анкетирование студентов и научно-педагогических работников¹, объем выборки составил 782 человека, из них 384 студента и 398 преподавателей.

Результаты исследования. Исходя из полученных результатов, отмечаем, что принимают участие в академической мобильности в настоящий момент только 3,6% из числа всех опрошенных. Подавляющее большинство студентов вузов Уральского федерального округа не участвуют в реализации академической мобильности ни в какой степени. Тем не менее, у большин-

¹ В исследовании была использована стратифицированная выборка с пропорциональным размещением. Для расчета объема выборочной совокупности была использована статистическая информация об образовательных организациях Уральского федерального округа. Далее была реализована двухступенчатая выборка. На первой ступени случайным образом были отобраны вузы из общего списка образовательных организаций в выбранном федеральном округе. На второй ступени, также случайным образом, отбирались респонденты из числа студентов и научно-педагогических сотрудников.

ства опрошенных (61,7%) есть желание оправиться в другой филиал своего вуза или в другой вуз в рамках академической мобильности.

На основе полученных результатов мы можем говорить о заинтересованности студентов иметь возможность стать акторами исследуемого процесса, о присутствующей потребности у них в организации и налаживании этой системы в вузах Уральского федерального округа, которая бы позволила им принять участие в академической мобильности.

В это же время, отсутствие действующей системы реализации механизмов академической мобильности также может иметь следующее последствие – низкая заинтересованность студентов в исследовании опыта их образовательной организации. Около половины опрошенных заявили, что не интересовались – имеется ли опыт академической мобильности в их вузе (46,1%, табл. 2), а 16,2% студентов твердо уверены, что такого опыта не было.

Таблица 2

**Опыт академической мобильности обучающихся
в образовательных организациях в УРФО (в % от числа опрошенных)**

<i>Опыт академической мобильности обучающихся в образовательных организациях в УРФО</i>	<i>Студенты Уральского федерального округа</i>
Да, есть большой опыт	9
Да, но есть всего лишь несколько примеров	22,2
Нет, такого не было	16,2
Не знаю, я не интересовался(лась) этим	46,1
Затрудняюсь ответить	6,6
Итого	100

Студенты проявляют интерес к различным возможностям академической мобильности – большинство (72,5% из числа опрошенных) интересуется изучение дисциплин в другом академическом пространстве и особенности организации процесса обучения других студентов в целом.

Нами были изучены основные причины (табл. 3), по которым студентам хотелось бы принять участие в академической мобильности. Наиболее привлекательным для них является возможность увидеть другой город, что может быть связано с низким уровнем мобильности в рамках нашей большой страны в целом. В то же время чуть более низкий процент респондентов хочет «попробовать себя» в иных образовательных условиях, понять свои сильные и слабые стороны. Также наиболее популярными причинами являются изучение дисциплин, которые невозможно изучить в собственном вузе, и получение опыта взаимодействия с большим количеством студентов и преподавателей – оба эти варианта также подтверждают, что студенты заинтересованы в развитии как своих твердых навыков (получение профессиональных навыков), так и гибких (возможность новых социальных взаимодействий).

Таблица 3

**Наиболее привлекательные причины для участия
в академической мобильности для студентов образовательных организаций
Уральского федерального округа (в % от числа опрошенных)**

<i>Причины для участия в академической мобильности для студентов образовательных организаций Уральского федерального округа</i>	<i>Студенты Уральского федерального округа</i>
1	2
Возможность увидеть другой город	25,7
Возможность познакомиться с новыми людьми	10,8
Возможность попробовать свои навыки и компетенции в новой академической среде	18,6

Окончание табл. 3

1	2
Возможность поработать с кандидатами и докторами наук на другом уровне	8,4
Возможность изучить дисциплины, которые я не могу изучить в своем вузе	16,8
Получить опыт взаимодействия с большим количеством студентов/преподавателей	16,7
Все вышеперечисленное	2,4
Ничего не привлекает	0,6
Итого	100

Такой результат является следствием того, что информационные пространства университетов (а именно официальные сайты) практически не освещают свою деятельность в этой сфере. Так как студенты не осведомлены о возможности участия в академической мобильности в рамках своей образовательной организации, у них может отсутствовать мотивация к самостоятельному поиску информации об этом процессе.

Наряду с причинами, по которым студентам интересно участие в академической мобильности, мы изучили причины, по которым им бы не хотелось становиться субъектами этого процесса. Во-первых, студенты отмечают наличие больших финансовых затрат, которые могут возникнуть в процессе их участия в академической мобильности. Эта причина, на наш взгляд, может быть менее острой при информировании студентов об академической мобильности, в частности, о большом количестве проектов, предоставляющих грантовую поддержку. Во-вторых, респонденты отмечают, что большая нагрузка в рамках академических дисциплин становится для них препятствием к академической мобильности. Но мы обращаем внимание на то, что исследуемый процесс подразумевает, что студенты могут обучаться в других вузах, тем самым продолжая свою образовательную деятельность, а не прерывая ее в своем вузе. Помимо этого, респонденты отмечают наличие особых семейных обстоятельств, из-за которых они могут отказаться принять участие в академической мобильности. При детальном проектировании своей образовательной траектории и включения в нее такого процесса, как академическая мобильность, часть студентов вполне способна подготовиться ко временному переезду, который может потребоваться.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать социально-психологическую готовность респондентов к участию в процессе академической мобильности, но в то же время есть вероятность, что текущая самооценка может не совпасть с реальным ощущением студентов при реализации академической мобильности, ведь только 3,6% из числа опрошенных являются действующими субъектами изучаемого процесса.

Среди опрошенных студентов 40,1% респондентов считают, что они не готовы понести финансовые затраты, которые могут возникнуть при их включении в процесс академической мобильности. Однако, по нашему мнению, получение гранта в рамках действующих проектов по привлечению студентов к академической мобильности может поменять мнение обучающихся об этой стороне вопроса. Но для этого им необходимо изучить информацию о таких проектах и быть осведомленными о возможности реализации изучаемого процесса в рамках своей образовательной организации.

Для участия в процессе внешней академической мобильности акторы должны владеть иностранным языком, для того чтобы эффективно взаимодействовать с зарубежными студентами и научно-педагогическими сотрудниками. Результаты нашего исследования позволяют заключить, что большинство респондентов владеют английским языком на базовом уровне (табл. 4). В этой ситуации велика вероятность возникновения «языкового ба-

рьер» при необходимости ежедневного восприятия новой информации, когда субъект процесса академической мобильности изучает дисциплины в зарубежных вузах и взаимодействует с обучающимися и преподавателями.

Таблица 4

**Иностранные языки, изучаемые студентами
образовательных организаций Уральского федерального округа,
и уровень владения ими (в % от числа опрошенных)**

<i>Иностранные языки, изучаемые студентами</i>	<i>Студенты Уральского федерального округа</i>
Английский	89,2
Немецкий	8,4
Французский	6
Не изучал(а)	3
Итого	100
<i>Уровень владения иностранными языками студентов</i>	<i>Студенты Уральского федерального округа</i>
Высокий, продвинутый	7,4
Средний, промежуточный	29,4
Базовый, начальный	63,2
Итого	100

Ответы респондентов относительно готовности вуза к реализации академической мобильности позволяют нам заключить, что образовательные организации не уделяют достаточно внимания этому вопросу. Мы делаем такой вывод исходя из того, что большинство студентов при ответе на вопрос о нормативной базе вуза в рамках реализации механизмов академической мобильности, осуществлении финансирования этого направления и наличии вузов-партнеров, с которыми может происходить успешный обмен студентами и преподавателями, отмечают отсутствие разработанности направления или его недостаточный уровень (табл. 5).

Таблица 5

**Готовность образовательных организаций
к осуществлению академической мобильности в оценках
студентов Уральского федерального округа (в % от числа опрошенных)**

<i>Готовность образовательных организаций к осуществлению академической мобильности в оценках студентов</i>	<i>Нормативная база</i>	<i>Финансирование</i>	<i>Наличие вузов-партнеров</i>
Да	5,4	7,8	10,8
Да, но недостаточно	24,6	9,6	14,4
Нет	20,4	15	7,8
Затрудняюсь ответить	49,7	67,7	67,1
Итого	100	100	100

И наконец, мы изучили мнения студентов о причинах, которые могут препятствовать развитию академической мобильности в российских вузах в целом. Наиболее значимой проблемой, по мнению студентов, является отсутствие вузов-партнеров, с которыми возможно производить обмен. Однако только в Уральском Федеральном округе 57 образовательных организаций, которые потенциально могут принять студентов и преподавателей в рамках академической мобильности, не говоря о других областях нашей страны. Кроме того, респонденты считают, что в настоящее время наблюдается отсутствие системы организации академической мобильности не только

на уровне образовательных организаций, но и на муниципальном, региональном и государственном уровнях – академическая мобильность как необходимый элемент развития образовательной среды встречается в национальных проектах, таких как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.», которые обычно не изучаются студентами без особой необходимости. Наименьшей проблемой опрошенные считают неготовность студентов, что подтверждается результатами самооценки, студенты высоко оценивают свою мобильность повсеместно.

Результаты социологического исследования проблем академической мобильности в Уральском федеральном округе позволяют заключить, что большинство респондентов знают об академической мобильности, им интересно участие в процессе ее реализации. Однако подавляющее большинство опрошенных не принимает участия в академической мобильности по многим причинам, которые являются следствием отсутствия информации об этом процессе как внутри образовательной организации, так и на муниципальном, региональном и государственном уровнях. Большая часть респондентов считает, что на текущий момент в их образовательной организации не разработана нормативно-правовая база для реализации академической мобильности.

Субъектами процесса академической мобильности, помимо обучающихся, также являются научно-педагогические работники. В рамках исследования нами было изучено мнение 398 преподавателей образовательных организаций Уральского федерального округа. Далее обратимся к анализу полученных результатов.

Большинство преподавателей Уральского федерального округа (77,2%) осведомлены о возможности перейти в другие филиалы своего вуза и другие вузы (как в стране, так и за границей) для получения образования, обмена интеллектуальными продуктами, сотрудничества в области образования и науки. Однако только 2,3% опрошенных являются участниками академической мобильности. Эти результаты позволяют утверждать, что многие преподаватели знакомы с понятием академической мобильности, ее достоинствами и важностью для организации образовательного процесса, но, несмотря на это, не являются ее участниками.

Из двух основных возможных направлений академической мобильности преподаватели наиболее заинтересованы в том, чтобы изучить новую образовательную среду, им бы хотелось увидеть, как учатся студенты и читают лекции другие преподаватели. Процент желающих самостоятельно преподавать в другом вузе немного ниже, но в то же время составляет более половины опрошенных (52,3%). Результаты исследования позволяют говорить о наличии возможностей преподавателей к самостоятельной мобильности в рамках нашей страны и их заинтересованности в исследовании образовательной среды вузов России и зарубежья. Такие передвижения могут положительно повлиять на приобретение новых и развития уже имеющихся компетенций преподавателей, социального взаимодействия, нетворкинга и др.

Наиболее привлекательной в академической мобильности для опрошенных преподавателей является возможность поработать с кандидатами и докторами наук, а также получение опыта взаимодействия с большим количеством студентов и преподавателей (табл. 6). Они нацелены на саморазвитие, наработку профессиональных навыков, получение опыта через общение с научными работниками высокого уровня – именно это является главными достоинствами академической мобильности, и респонденты подтверждают наличие у себя этих потребностей в настоящее время.

Таблица 6

Наиболее привлекательные причины участия в процессе академической мобильности для преподавателей Уральского федерального округа (в % от числа опрошенных)

<i>Наиболее привлекательные причины участия в процессе академической мобильности для преподавателей</i>	<i>Преподаватели Уральского федерального округа</i>
Возможность увидеть другой город	13,6
Возможность познакомиться с новыми людьми	6,8
Возможность попробовать свои навыки и компетенции в новой академической среде	18,2
Возможность поработать с кандидатами и докторами наук на другом уровне	25
Возможность изучить дисциплины, которые я не могу изучить в своем вузе	6,8
Получить опыт взаимодействия с большим количеством студентов/преподавателей	20,5
Все вышеперечисленное	4,6
Ничего не привлекает	4,5
Итого	100

Также мы считаем, что преподаватели как социальная общность обладают меньшей мобильностью, чем студенты, так как у них уже может быть семья и определенные финансовые обязательства, что подтверждается результатами исследования. Большая часть респондентов не может принять участие в процессе академической мобильности из-за отсутствия возможности покинуть свой город по семейным обстоятельствам. Педагоги высшей школы отмечают, что при включении в исследуемый процесс они могут понести большие финансовые затраты. Эти причины могут быть менее проблематичны для преподавателей, если академическая мобильность будет детально освещена и станет одной из альтернатив развития научно-педагогических работников в вузах. В таком случае, субъекты процесса смогут тщательнее спланировать свои поездки, получить грантовую поддержку, ознакомиться с опытом других и т.д.

Респонденты высказывают предпочтение к внутренней академической мобильности, то есть к передвижению среди вузов своей страны (табл. 7). Именно этот вид академической мобильности кажется наиболее перспективным в условиях нашей страны. Также научно-педагогические работники выбирают внешнюю академическую мобильность, которая является наиболее престижной по результатам исследований. Таким образом, преподавателей больше интересует академическая мобильность с непосредственным погружением в новую образовательную среду и созданием новых коммуникаций.

Таблица 7

Наиболее привлекательная деятельность в процессе академической мобильности для преподавателей Уральского федерального округа (в % от числа опрошенных)

<i>Наиболее привлекательная деятельность в процессе академической мобильности для преподавателей</i>	<i>Преподаватели Уральского федерального округа</i>
Преподавать на других факультетах своего университета	13,6
Преподавать в других вузах своей страны	43,2
Преподавать в вузах других стран	25
Онлайн-образование	18,2
Итого	100

Результаты исследования позволяют нам констатировать социально-психологическую готовность респондентов к переезду в другой город или страну на определенное время в качестве субъектов процесса академической мобильности, чтобы также взаимодействовать в рамках образовательной среды. В то же время отмечаем, что академическая мобильность требует высокого уровня индивидуальной активности и инициативности. На сегодняшний день принимали участие в этом процессе только 2,3% из числа респондентов, поэтому при непосредственном включении в реализацию механизма академической мобильности оценка своей социально-психологической готовности научно-преподавательских работников может измениться.

Результаты исследования самооценки научно-педагогических работников Уральского федерального округа финансовой готовности позволяют констатировать, что респонденты не готовы нести издержки, связанные с их включением в процесс академической мобильности (табл. 8). Таким образом, возникает противоречие, при котором внутренние (социально-психологические) побуждения у преподавателей высоки, они готовы к тому, чтобы совершить переезд, но фактически их останавливает отсутствие информации об изучаемом процессе и финансовой поддержки.

Таблица 8

Самооценка финансовой готовности к участию в процессе академической мобильности преподавателей Уральского федерального округа (в % от числа опрошенных)

<i>Самооценка финансовой готовности преподавателей</i>	<i>Преподаватели Уральского федерального округа</i>
Я полностью готов(а)	2,3
Я относительно готов(а)	27,3
Я не готов(а)	70,5
Итого	100

Научно-педагогические работники образовательных организаций Уральского федерального округа владеют иностранным языком на базовом уровне (табл. 9), что может стать для них препятствием для участия в процессе академической мобильности.

Таблица 9

Иностранные языки, изучаемые преподавателями образовательных организаций Уральского федерального округа, и уровень владения ими (в % от числа опрошенных)

<i>Иностранные языки, изучаемые преподавателями</i>	<i>Преподаватели Уральского федерального округа</i>
Английский	79,5
Немецкий	34,1
Французский	0
Не изучал(а)	2,3
Итого	100
<i>Уровень владения иностранными языками преподавателей</i>	<i>Преподаватели Уральского федерального округа</i>
Высокий, продвинутый	4,7
Средний, промежуточный	27,9
Базовый, начальный	67,4
Итого	100

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что четверть опрошенных выбирает внешнюю академическую мобильность среди всех видов этого процесса. Однако с базовым уровнем владе-

ния английским языком преподаватели не смогут осуществить этот вид мобильности, так как им необходимо преподавать иностранным студентам дисциплины, разбираться в профессиональной лексике и взаимодействовать с научно-педагогическими работниками других стран.

Анализ результатов исследования о внедрении механизмов академической мобильности в образовательные организации Уральского федерального округа позволяет заключить, что научно-педагогические работники считают базу не готовой для реализации изучаемого процесса. По их мнению, в вузах на сегодняшний день не сформирована нормативная база исследуемого процесса, не осуществляется финансирование этого направления, а также отсутствует информация о наличии вузов-партнеров. Недостаток информации об академической мобильности в собственной образовательной организации заставляет думать о малой вероятности участия в этом процессе, порождая мнение о том, что только столичные вузы развиваются в этом направлении.

Главной причиной, препятствующей развитию академической мобильности в России, респонденты считают отсутствие вузов-партнеров, с которыми можно производить обмен студентами и преподавателями в рамках исследуемого процесса. При взаимодействии с зарубежными вузами это может быть серьезным препятствием, ведь, помимо нормативной и финансовой базы, необходимо, в первую очередь, производить коммуникации на иностранном языке. Но взаимодействие внутри России, внутри своего федерального округа с этой позиции является более простым, но не менее эффективным процессом. Также респонденты отмечают неготовность преподавателей как проблему, препятствующую созданию системы реализации академической мобильности. Неготовность студентов, наоборот, выделяется практически не значимой для исследуемого процесса, что приводит нас к выводу о том, что научно-педагогические работники как общность менее мобильны, чем обучающиеся.

По результатам проведенного исследования мы делаем вывод о том, что большинство опрошенных преподавателей осведомлены об академической мобильности, и им хотелось бы принять участие в этом процессе. Половина респондентов знает примеры реализации академической мобильности в своем вузе, но самостоятельно участвуют только 2,3% из всего числа опрошенных. Результаты исследования позволяют констатировать, что низкий уровень участия в процессе связан с наличием таких препятствий, как большие финансовые расходы, которые могут возникнуть при реализации процесса академической мобильности; наличие определенных семейных обстоятельств, из-за которых преподаватели не могут покинуть свой город. Также респонденты отмечают, что в их образовательной организации не подготовлена нормативная база для реализации процесса академической мобильности, и не осуществляется финансирование этого направления. В то же время мы отмечаем социально-психологическую готовность респондентов к переезду в рамках процесса академической мобильности. Наиболее привлекательным в изучаемом процессе преподаватели отмечают возможность сотрудничества с коллегами других вузов, подтверждая мнение об их стремлении к профессиональному росту и обретению ценных коммуникаций.

Выводы. Таким образом, нам представляется возможным выделить факторы, препятствующие эффективному развитию процесса академической мобильности в Уральском федеральном округе, среди них – низкая географическая мобильность обучающихся и научно-педагогических работников между регионами России; финансовые сложности; низкий уровень информированности о процессе академической мобильности в образовательных организациях; отсутствие продвижения идей академической мобильности со стороны администрации вузов; сложности с организацией процесса академической мобильности; низкий уровень владения иностранными языками студентов и преподавателей; низкая привлекательность российских университетов для зарубежных специалистов и обучающихся; отсутствие активности со стороны ключевых акторов процесса.

Литература

1. Зборовский Г.Е. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с.
2. Зборовский Г.Е., Власова О.В. Сетевое взаимодействие вузов в Уральском федеральном округе // В: Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 162. № 23 (2). С. 130-140.
3. Кокшаров В.А. Оценка развития системы высшего образования в России // Экономика региона. 2014. № 4. С. 30-44.
4. Певная М.В., Калинина А.Н. Академическая мобильность как объект исследований в контексте понимания нелинейности высшего образования в России // Вестник СурГПУ. 2016. № 2. С. 75.
5. Полозова О.С. Академическая мобильность в контексте инноваций современного высшего профессионального образования // Вестник БГУ. 2012. № 1 (1).
6. Радченко О.А. Академическая мобильность в российских условиях // Высшее образование в России. 2012. № 8-9. С. 57-61.
7. Харитонов О.В. Академическая мобильность в пространстве высшего образования // Человек и образование. 2012. № 2. С. 43.

Reference

1. Zborovsky G.E. A non-linear model of Russian higher education in the macro-region: theoretical concept and practical possibilities: monograph. Ekaterinburg: University of the Humanities, 2016. 336 p.
2. Zborovsky G.E., Vlasova O.V. Network interaction of universities in the Ural Federal District // V: *Bulletin of the Ural Federal University. Series 1, Problems of education, science and culture*. 2017, T. 162, No. 23 (2), p. 130-140 (in Russian).
3. Koksharov V.A. Assessment of the development of higher education in Russia // *Regional Economy*. 2014, No. 4, p. 30-44 (in Russian).
4. Pevnaya M.V., Kalinina A.N. Academic mobility as an object of research in the context of understanding the nonlinearity of higher education in Russia // *Bulletin of SurGPU*. 2016, No. 2, p. 75 (in Russian).
5. Polozova O.S. Academic mobility in the context of innovations of modern higher professional education // *Bulletin of the BSU*. 2012, No. 1 (1) (in Russian).
6. Radchenko O.A. Academic mobility in Russian conditions // *Higher education in Russia*. 2012, No. 8-9, p. 57-61 (in Russian).
7. Kharitonova O.V. Academic mobility in the space of higher education // *Man and education*. 2012, No. 2, p. 43 (in Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.013

УДК 316.346.32-053.6(571.122)+
+378.147(571.122)ББК К60.543.72(2Рос-6Хан-2Сургут)+
+К74.489.0(2Рос-6Хан-2Сургут)О.В. ВЛАСОВА,
А.О. ЛИСИЦЫНАO.V. VLASOVA,
A.O. LISITSYNAСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО РЕГИОНАSOCIOLOGICAL ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS
OF STUDENTS OF THE NORTHERN REGION

В статье студенчество рассмотрено как определенный вид социальной общности; дана трактовка понятия «ценностные ориентации»; описаны их характеристики и виды; представлен анализ ценностных ориентаций современной студенческой молодежи.

In the article students as a certain type of social community are considered; the interpretation of the concept of «value orientations» is given; their characteristics and types are described; the analysis of value orientations of modern student youth is presented.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенческая молодежь, социальная общность, высшее образование.

Key words: value orientations, student youth, social community, higher education.

Введение. В настоящее время актуальными являются вопросы самоидентификации, духовно-культурного самоопределения, трансформации и смещения ценностных ориентиров российского общества. В условиях постоянного изменения социально-экономических, политических, культурных тенденций наиболее лабильной является такая социальная общность, как студенческая молодежь. Типичными особенностями этого периода жизни является потребность в самоопределении, познании самого себя, определении своего назначения в жизни и личного самоутверждения. Также происходит формирование ценностных ориентаций, профессиональных и жизненных ожиданий, которые определяют стратегии и модели поведения молодых людей. Поэтому особое внимание уделяется изучению студенческой молодежи, их системы ценностей и социальных установок.

Целью статьи является анализ ценностных ориентаций современной студенческой молодежи как средства реализации стратегий их деятельности в вузе.

Объект исследования – студенческая молодежь вузов ХМАО – Югры и их ценностные ориентации.

Предмет исследования – ценностные ориентации студенчества.

Методы и материалы исследования. В фокусе исследования – современная студенческая молодежь, рассматриваемая нами как определенный вид социальной общности. Под социальной общностью мы будем понимать реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность (взаимосвязь) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. «Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов» [4].

Анализ существующих аксиологических теорий позволяет сделать вывод о том, что ценности, являясь элементом сознания отдельного индивида, в то же время выступают неотъемлемой частью общественного сознания. Ценности являются частью общественной культуры и выполняют интегрирующую функцию в обществе, то есть способствуют выбору поведения соответствующего тем или иным социальным нормам.

В современной науке под ценностными ориентациями принято понимать оценочное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы или их свойства, цели и средства для удовлетворения потребностей личности. Они выражаются в идеалах, смысле жизни и проявляются в социальном поведении личности. Ориентации отражают отношения субъекта к условиям своего бытия как результату сознательного, оценочного выбора жизненно значимых предметов и объектов. Совокупность материальных и духовных благ является основой существования определенных систем ценностей [7].

На сегодняшний день насчитывается множество типологий и классификаций ценностей и ценностных ориентаций. Одним из примеров типологии ценностей является классификация, предложенная в исследовании Д.С. Леденцова. Основным критерием его типологии является причастность ценностей к биологической и социальной природе человека. Во-первых, ценности делятся по своему роду на биогенные (первичные) и социогенные (вторичные). Во-вторых, по типу биогенные делятся на материальные и витальные, а социогенные на идеальные и социальные ценности. В-третьих, все типы делятся на виды, так к материальным относятся экономические и экологические ценности; к витальным – семейные и телесные; к социальным – статусные и политические; к идеальным – научные, религиозные, моральные и эстетические [5, с. 229].

Б.С. Ерасов предлагает классификацию ценностей по типу и уровню, так выделяются шесть видов ценностей: витальные (жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние), социальные (статус, богатство, труд, профессия, семья, патриотизм), политические (права человека, свобода слова, законность, порядок, мир), моральные (добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, верность), религиозные (бог, вера, спасение, благодать, ритуал, церковь), эстетические (красота, идеал, гармония, эклектизм). Автор называет такое деление условным и допускает, что одни и те же ценности могут быть приняты в различных сферах [3, с. 65].

Ф.Э. Шереги предложил рассматривать ценностные ориентации относительно факторов, под воздействием которых они формируются, так при изучении ценностных ориентаций он выделяет социальную (биосоциальную), общественно-политическую, экономическую (материальную) и духовную сферы [9, с. 68].

Известный психолог М. Рокич выделяет два класса ценностей терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). М. Рокич описывает 18 терминальных и около сотни инструментальных ценностей, но в разработанной им методике исследования ценностных ориентаций использовал по 18 ценностей каждого класса. Терминальные ценности М. Рокич определяет как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. Инструментальные ценности как убеждения в том, что какой-то образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. В основе такой классификации лежат следующие положения:

- схожие ценности, носителями которых выступают люди, обладают для каждого из них различной значимостью;
- ценности организованы в системы;
- ценности конкретного человека обнаруживаются в культуре тех или иных социальных общностей, социальных институтов, в структуре сознания личности;

– ценности воздействуют на функционирование целого ряда социальных феноменов, находящихся в фокусе внимания различных социально-гуманитарных наук;

– общее количество действительно значимых и поэтому мотивирующих человеческое поведение ценностей не велико.

На сегодняшний день существует два базовых методологических подхода к изучению ценностей и ценностных ориентаций, условно их можно разделить на «измерение ценностей» и «выявление ценностей» [1, с. 133]. Рассмотрим каждый из этих подходов. Так, при «измерении» ценностей респонденту предлагается список ценностей и жесткая схема их оценивания, которая может быть абсолютная – каждая ценность оценивается по одной и той же бальной или номинальной шкале, или относительная – каждая ценность рассматривается в соотношении с другими. Ярким примером применения такого подхода является использованная в нашем исследовании методика М. Рокича, построенная на технике прямого ранжирования двух классов ценностей – терминальных (ценностей-целей) и инструментальных (ценностей-средств). Преимущество методики М. Рокича состоит в том, что полученная таким образом иерархия ценностей может быть перегруппирована в содержательные блоки по различным основаниям, также методика позволяет успешно решать задачи сопоставительного анализа [8, с. 130].

Эмпирическая база исследования. Для изучения ценностных ориентаций современной студенческой молодежи было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие обучающиеся вузов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Выборка составила 392 человека из общей совокупности студентов очной формы обучения вузов Югры: Сургутский государственный педагогический университет (23,5%), Сургутский государственный университет (10,1%), Нижневартовский государственный университет (33,4%), Югорский государственный университет (16,7%), Ханты-Мансийская государственная медицинская академия (16,3%). Зависимость объема выборки от объема генеральной совокупности и ошибки выборки (+5%) на основе Taro Yamane, Elementary Sampling Theory (Englewood Cliffs, N.J. Prentice-Hall). Результаты анкетирования обработаны в программе SPSS.

Результаты исследования. Для выявления ценностных ориентаций респондентам было предложено ответить на ряд вопросов и выбрать наиболее подходящий вариант. Опрашиваемым студентам предлагалось расставить приоритеты от наиболее значимой ценности к наименее значимой, им задавались значения от 1 до 18 соответственно. Анализ результатов концепции М. Рокича позволил оценить, какие предпочтения определяют смысл жизни студенческой молодежи и какие свойства личности и модель поведения являются наиболее предпочтительными в любой ситуации.

На диаграмме (рис. 1) представлены терминальные ценности (ценности-цели).

Лидирующую позицию занимают конкретные жизненные ценности – здоровье (физическое и психическое) (84,9%), 2 место в системе терминальных ценностей и предпочтений занимают любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) (70,6%) и семейная жизнь (69,4%), что относится к ценностям личной жизни, и 3 место – активная и продуктивная деятельность жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни, использование сил и возможностей) (52,1%) преобладает над пассивными ценностями. Наименее значимые ценности для студентов с одинаковым процентным соотношением (21,8%) – общественное признание, счастье других. Соответственно студенты стремятся удовлетворить собственные потребности в любви, гармонии, счастливой семейной жизни и по возможности помочь развивать и совершенствовать других людей, добиваться их признания.

Рис. 1 Терминальные ценности студенческой молодежи

1. Конкретные жизненные ценности (здоровье – 1 место, работа – 9 место, друзья – 5 место, семейная жизнь – 3 место) и абстрактные ценности (познание – 10 место, развитие – 11 место, свобода – 14 место, творчество – 12 место).

2. Ценности профессиональной самореализации (интересная работа – 9 место, продуктивная жизнь – 7 место, творчество – 12 место, активная деятельная жизнь – 6 место) и ценности личной жизни (здоровье – 1 место, любовь – 2 место, наличие друзей – 5 место, развлечения – 13 место, семейная жизнь – 3 место).

3. Индивидуальные ценности (здоровье, творчество, свобода, активная деятельная жизнь, развлечения, уверенность в себе, материально обеспеченная жизнь) и ценности межличностных отношений (наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье в других).

4. Активные ценности (свобода – 14 место, активная деятельная жизнь – 6 место, продуктивная жизнь – 7 место, интересная работа – 9 место) и пассивные ценности (красота природы и искусства – 18 место, уверенность в себе – 8 место, познание – 10 место, жизненная мудрость – 15 место).

Таким образом, приоритетными для студенческой молодежи региона выступают ценности личной жизни, конкретные жизненные ценности, активные и индивидуальные ценности.

Пять наиболее значимых инструментальных ценностей (ценности-средства): ответственность (чувство долга, умение держать своё слово) (75,2%), ценности непосредственно-эмоционального мироощущения – жизнерадостность (68,9%) преобладают над интеллектуальными ценностями образованность (широта знаний, высокая общая культура) (38,2%), честность (правдивость, искренность) (67,6%), воспитанность (хорошие манеры) (62,2%), рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения) (53,7%). Наименее значимые для студентов чуткость (заботливость) (21,9%) и (7,2%) высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания).

Таким образом, приоритетными для студенческой молодежи выступают ценности личной жизни, конкретные жизненные ценности, активные и индивидуальные ценности (рис. 2).

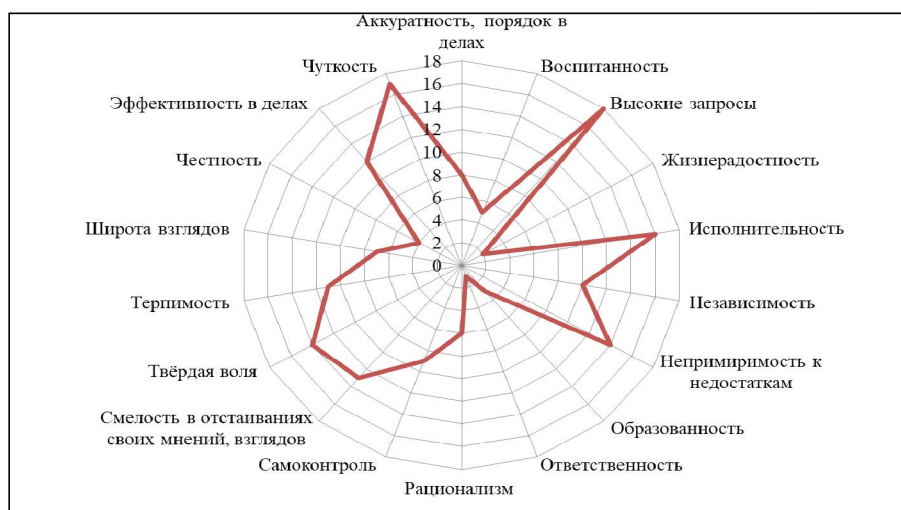

Рис. 2 **Инструментальные ценности студенческой молодежи**

1. Этические ценности (честность – 4 место, непримируемость к недостаткам – 15 место), ценности профессиональной самореализации (ответственность – 1 место, эффективность в делах – 12 место, твердая воля – 14 место, исполнительность – 16 место) и ценности межличностного общения (воспитанность – 5 место, жизнерадостность – 2 место, чуткость – 17 место).

2. Индивидуалистические ценности (высокие запросы – 18 место, независимость – 10 место, твердая воля – 14 место), конформистские ценности (исполнительность – 16 место, самоконтроль – 9 место, ответственность – 1 место) и альтруистические ценности (терпимость – 11 место, чуткость – 17 место, широта взглядов – 7 место).

3. Ценности самоутверждения (высокие запросы – 18 место, независимость – 10 место, непримируемость – 15 место, смелость – 13 место, твердая воля – 14 место) и ценности принятия других (терпимость – 11 место, чуткость – 17 место, широта взглядов – 7 место).

4. Интеллектуальные ценности (образованность – 1 место, рационализм – 6 место, самоконтроль – 9 место) и ценности непосредственно-эмоционального мироощущения (жизнерадостность – 2 место, честность – 4 место, чуткость – 17 место).

В ходе анализа приоритетов по блокам инструментальных ценностей можно утверждать, что наиболее важными для молодого поколения северного региона являются ценности этических норм, интеллектуальные ценности, ценности непосредственно-эмоционального мироощущения. Студенты не предъявляют высоких требований к жизни, исполнительность, чуткость занимает последние места в системе инструментальных ценностей.

Переходим к анализу учебно-профессиональных ценностей. Учебно-профессиональные ценности являются важными в период получения образования, освоения профессии и непосредственно профессиональной деятельности. Для выявления наиболее значимых ценностей у респондентов необходимо определить цель получения высшего образования. Данные исследования показали, что наиболее значимым аспектом учебной деятельности для респондентов является качество получаемых знаний (86,5%). Вторым по значимости аспектом являются отношения в учебном коллективе (61,4%), а также немаловажным является для студентов развитие их творческого мышления (48,6%) (табл. 1).

Таблица 1

Значимые аспекты учебной деятельности (в % к числу ответивших)

Качественные знания	86,5
Отношения в учебном коллективе	61,4
Включённость в дополнительные образовательные практики (секции, кружки, лаборатории и т.д.)	32,3
Общение с преподавателями	47,8
Развитие творческого мышления	48,6
Высокие оценки	15,1
Итого	291,7

Значимость высоких оценок для респондентов составляет 15,1%, что является подтверждением низкой значимости признания общест­венности. Студенты больше всего (86,5%) привлекает в образовательной сфере получение качественных знаний, они обращают внимание на выстроенные взаимоотношения в коллективе. Приведённые выше данные можно связать с мотивами поступления в университет. На вопрос «Чем Вы руководствовались, когда поступали в вуз?» большинство респондентов ответили, что это возможность успешного трудоустройства (74,5%) и получение диплома (76,1%), также существует влияние внешней мотивации, вариант ответа «так принято в обществе» (23,5%) респондентов и «так хотели родители» (19,1%) (табл. 2).

Таблица 2

Мотивы поступления в вуз (в % к числу ответивших)

Получение диплома	76,1
Возможность успешного трудоустройства	74,5
Найти спутника жизни	5,2
Просто нравится учиться	33,5
Так хотели родители	19,1
Так принято в обществе	23,5
Итого	231,9

Такое явление можно связать с массовым и общедоступным характером высшего образования в России. Так, социальное окружение ориентирует молодое поколение на получение документа именно о высшем образовании. Отсюда и вытекает падение качества высшего образования, наличие диплома не гарантирует успешного трудоустройства. По нашему мнению, оно больше зависит от личных качеств студента и его социальных связей. Также на рынке труда России появляются новые формы занятости, не требующие наличия образования и предлагающие выгодные для молодежи условия труда.

Студенты оценивают свою успеваемость как весьма успешную. Более половины опрошенных относят свой уровень успеваемости к среднему показателю (61%), высокий уровень собственной успеваемости отмечает (33%), и только (6%) считают, что их успеваемость находится на низком уровне.

В ходе исследования, мы также задавали вопрос о ценности получаемой профессии. Результаты исследования характеризовались осознанностью ценности получаемой профессии на общем уровне (53,4%) (табл. 3). Анализ ответов респондентов относительно направлений подготовки показал, что осознанность ценности получаемой профессии напрямую зависит от специальности, на которой обучаются студенты. Большее количество респондентов, которые выбирают профессию на всю жизнь, обучаются в Ханты-Мансийской государственной медицинской академии на направлениях подготовки «Клиническая психология», «Лабораторная диагностика», «Акушер-

ское дело», также – студенты Сургутского государственного педагогического университета, получающие квалификацию в сфере педагогического образования («Начальное образование», «Математическое образование в современной школе», «История и Обществознание»).

Таблица 3

Выбор профессии - выбор на всю жизнь (в % к числу ответивших)

Да	17,5
Скорее да	35,9
Скорее нет	30,7
Нет	15,9
Итого	100

При рассмотрении профессиональных ценностей студенческой молодежи удалось выяснить, что наиболее значимыми ценностями профессиональной деятельности для респондентов являются ответственность, трудолюбие и профессионализм. Наименее значимыми являются такие ценности, как, скромность, альтруизм и опыт работы (табл. 4).

Таблица 4

Профессиональные ценности студентов (в % к числу ответивших)

Ответственность	87,3
Активность	32,7
Скромность	4,4
Трудолюбие	71
Настойчивость	22,3
Умение признавать ошибки	40,6
Профессионализм	64,1
Креативность	35,1
Опыт работы	10
Умение работать в команде	44,2
Исполнительность	20,7
Компетентность	31,9
Альтруизм	4,4
Честность	23,9
Эффективность в профессиональной деятельности	28,7
Итого	521,3

Нам удалось выявить специфические особенности, свойственные студентам разных вузов. Итак, для студентов Ханты-Мансийской государственной медицинской академии наиболее важными относительно других профессиональными ценностями являются трудолюбие, компетентность и эффективность в профессиональной деятельности. Обучающиеся в классических университетах (Нижевартовский государственный университет, Сургутский государственный университет) высказывают позицию о значимости умения признавать ошибки, настойчивости и компетентности. Для студентов Сургутского государственного педагогического университета присущи активность, умение работать в команде, опыт работы и альтруизм.

Помимо основного образования, студенты Севера получают дополнительное образование. Осваивают художественное направление (музыкальные – хоровые, оркестровые, инструментальные; хореографические, театральные, фольклорные, литературные, цирковые, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, кино-, фото-, видеоискусства) 20% опрашива-

емых и чаще всего из ЮГУ, студенты (7,9%) посещают школы и курсы иностранного языка (лингвистическое направление) где лидирующие позиции по освоению этого направления занимают студенты ХМГМА, 6,1% представителей студенчества дополнительно осваивают физкультурно-спортивное направление (различные виды спорта, военно-спортивные объединения) в основном студенты НВГУ, но в основном (64,1%) повышением своей квалификации в другой сфере студенческая молодежь сейчас не считает приоритетным.

Выводы. Анализ ценностных ориентаций современной студенческой молодежи показывает, что они существенно влияют на организацию образовательного процесса, повышают интерес к нему. В конечном счете, эта связь между ценностными ориентациями студентов и качеством образования способствует становлению новых образовательных стратегий студентов.

Литература

1. Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи: релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 132-141.
2. Гегер А.Э. Использование метода «открытых вопросов» при измерении ценностных ориентаций // Электронная библиотека Гражданское общество в России. 2012. С. 48-59. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Geger.pdf>.
3. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
4. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности // Екатеринбург. Гуманитарный университет. 2009. 304 с.
5. Леденцов Д.Е. Классификация ценностей // Вестник ИрГТУ. 2007. № 1. С. 229-230.
6. Мохаммад Н.Е. Статус и динамика терминальных ценностей студентов педагогических вузов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. С. 132-135.
7. Пашин Л.А., Дорохова Ю.В., Никитина Н.В. Факторы формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи (по материалам социологического исследования в г. Орле) // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 2. С. 64-73.
8. Сушко В.А. Теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций современной молодежи // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 31. С. 128-137.
9. Шереги Ф.Э. Политические установки студентов российских вузов // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 63-78.

Reference

1. Heger A.E. Identification of individual and group values in a youth group: relevant methodological solutions // *Sociological studies*. 2010, No. 1, p. 132-141 (in Russian).
2. Heger A.E. Using the method of "open questions" in the measurement of value orientations // Digital Library Civil Society in Russia. 2012, p. 48-59. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Geger.pdf>.
3. Erasov B.S. Social Culturology. M.: Aspect Press, 2000. 591 p.
4. Zborovsky G.E. Theory of social community // Ekaterinburg. Humanitarian University. 2009. 304 p.
5. Lollipops D.E. Classification of values // *Bulletin of ISTU*. 2007, No. 1, p. 229-230 (in Russian).
6. Mohammad N.E. Status and dynamics of terminal values of students of pedagogical universities // *Bulletin of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*. 2010, p. 132-135.
7. Pashin L.A., Dorokhova Yu.V., Nikitina N.V. Factors of the formation of value orientations of students (based on a sociological study in the city of Orel) // *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2014, No. 2, p. 64-73 (in Russian).
8. Sushko V.A. Theoretical approaches to the study of value orientations of modern youth // *Actual problems of modern science*. 2014, No. 31, p. 128-137 (in Russian).
9. Sheregi F.E. Political attitudes of students of Russian universities // *Sociological journal*. 2013, No. 1, p. 63-78 (in Russian).

В.П. ЗАСЫПКИН,
В.О. СПИРИДОНОВ

V.P. ZASYPKIN,
V.O. SPIRIDONOV

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ХМАО-ЮГРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

REGIONAL CONSUMER BEHAVIOR OF RESIDENTS OF THE KHAMAO-UGRA: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

В статье потребительское поведение рассмотрено с точки зрения социологического подхода, с учетом социальной и культурной конкретики; дана трактовка понятия «региональное потребительское поведение»; описаны его характеристики и виды; представлен анализ регионального потребительского поведения жителей ХМАО-Югры.

The article considers consumer behavior from the point of view of a sociological approach, taking into account social and cultural specificity; the interpretation of the concept of «regional consumer behavior» is given; its characteristics and types are described; the analysis of regional consumer behavior of population of KhMAO-Ugra is presented.

Ключевые слова: потребительское поведение, социальное действие, население ХМАО-Югры.

Key words: consumer behavior, social action, population of KhMAO-Ugra.

Введение. Потребительское поведение с точки зрения социологического подхода анализируется с учетом социальной и культурной конкретики. Специфика данного подхода заключается в выделении ряда факторов, которые влияют на экономические процессы в обществе. Другими словами, в рамках данного анализа социологи, при сохранении главной составляющей экономических отношений – рациональности, пытаются наполнить их всей полнотой содержания, присущей реальности: культурные, социальные, а также все иррациональные факторы, которые в той или иной степени определяют поведение современного потребителя.

Большое количество исследований говорит о том, что в современности потребитель совершает выбор исходя не из калькуляции выгоды и выбора наилучшего для него варианта, а на основе эмоционально-психологических и мыслительных факторов, подходящие для всех случаев их социально-экономического выбора.

Постановка проблемы. Современные реалии располагают к изучению и анализу феномена потребления. Связано это с тем, что сейчас все больше индивид реализует себя, прежде всего, не в сфере производства, а в сфере потребления. Именно в этой сфере преимущественно формируется личность и идентичность¹.

Потребительское поведение с позиции экономической социологии можно рассматривать как форму социального действия². Такое действие представляет собой осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей.

Выделяют следующие виды потребительского поведения³:

1. Циклические – постоянно повторяющиеся действия личности (повседневные покупки).

¹ Экономическая социология: теория и история / Ю.В. Веселов, Е.В. Капусткина [и др.] / под ред. Ю.В. Веселова и А.Л. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012.

² Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. 2002.

³ Казанцева С.М. Социокультурные детерминанты потребительского поведения: дис. на соиск. ... канд. социол. наук. Тюмень, 1997.

2. Маргинальные акты потребительского поведения (переход от одного статуса к другому).

3. Действия потребителя, основанные на результатах влияния потребительских схем и сложившихся стереотипов, сформированных в результате социокультурных образцов, элементов субкультуры.

4. Спонтанные потребительские акты и реакция под влиянием определенных обстоятельств или спровоцированных эмоциональным состоянием.

5. Уникальные действия и поступки, которые являются результатом индивидуального опыта каждой личности.

Справедливости ради необходимо заметить, что имеет место определенная схожесть между понятием потребительского поведения и экономического поведения. С нашей точки зрения, их целесообразно разграничить по макро- и микросоциологической линии. Экономическое поведение характеризуется действиями преимущественно общностей и групп, слоев и классов в контексте макропоказателей. Здесь во внимание берутся конкретные процессы в экономической сфере жизни общества. Что же касается потребительского поведения, то в настоящей статье оно рассматривается как микросоциологическое понятие, зависящее от повседневных действий личности, сложившихся стереотипов, сформированных в результате социокультурных образцов, спонтанных потребительских актов, реакций под влиянием определенных обстоятельств, в том числе спровоцированных эмоциональным состоянием личности. Таким образом, все те действия и поступки, которые являются результатом индивидуального опыта каждой личности.

Люди выбирают конкретные товары или услуги в результате воздействия всех вышеперечисленных факторов. Степень их влияния различна. Самое сильное воздействие на поведение потребителей оказывают статус и семья, текущее экономическое положение, уровень экономической и финансовой культуры.

Эмпирическая база и результаты исследования. Рассмотрим особенности регионального потребительского поведения жителей округа в привязке в динамике макроэкономических показателях, которые влияют на уровень жизни населения и его социальное самочувствие.

Товарооборот несет в себе отражение социально-экономического развития страны, предприятия и населения в целом. Величина оборота розничной торговли и его структура характеризуют основные показатели, отвечающие за долю потребления товаров населением, а также динамику роста или отрицательного падения совокупного спроса населения и, соответственно, доминирующую, в конкретный момент времени, модель потребительского поведения¹. Другими словами, падение потребительского спроса демонстрирует сберегательную модель потребительского поведения и, наоборот, рост спроса на товары и услуги показывает отход населения от сберегательной модели поведения.

Общий рост товарооборота по всем товарам на территории РФ – 32%, а в ХМАО – 21%. Можно отметить, что происходит повышение по непродовольственным товарам на 27% по территории РФ и на 25% в ХМАО-Югре. В свою очередь, продовольственные товары отмечаются большей оборачиваемостью – 38% и 15%, соответственно, в Российской Федерации и ХМАО.

Такой темп продаж во многом объясняется геополитической ситуацией страны на мировой арене, так как при санкциях и запрете импорта иностранных товаров начался рост цен на продовольственные товары, пользующиеся спросом у населения. Товаропроизводители и торговая сеть, предсказывая то, что выбор населения падет на товары первой необходимости, начали завышать цены на них².

¹ Синельников-Мурылев С.Г. Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 24.

² Как падение уровня потребления влияет на ритейлеров // New-retail.ru – интернет

Таблица 1

**Оборот розничной торговли по Российской Федерации и ХМАО-Югре
за 2012-2017 гг., млрд руб.¹**

Год	По Российской Федерации			По ХМАО-Югре		
	продовольственными товарами	непродовольственными товарами	всего	продовольственными товарами	непродовольственными товарами	всего
2012	9 961,4	11 433,2	21 394,5	147	156,1	303,1
2013	11 143,0	12 542,9	23 685,9	163,5	177,8	341,3
2015	13 419,3	14 119,1	27 538,4	180,1	190,8	370,9
2016	13 751,8	14 565,5	28 317,3	170,5	196,3	366,8
2017	14 435,8	15 377,6	29 813,3	180,8	213,8	394,6

В таблице 2 в сравнении показан общий рост оборота розничной торговли по РФ и ХМАО-Югре. Как мы можем заметить, несмотря на то, что к 2014 году оборот розничной торговли возрастает, с каждым годом, по сравнению с прошлым, темпы его роста замедляются: в 2012 г. – 111,99%, в 2013 г. – 110,71%, в 2014 г. – 111,27%, в 2015 г. – 104,98%, в 2016 г. – 102,83%, а в 2017 г. можно заметить рост – 105,2%.

Таблица 2

**Оборот розничной торговли на территории РФ и ХМАО-Югры
за 2012-2017 гг.²**

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Оборот розничной торговли, млн руб.</i>						
Россия	21 394 526,2	23 685 913,5	26 356 237,3	27 538 370,8	28 317 321,7	29 813 334,4
ХМАО-Югра	303 132,9	341 358,0	359 505,8	370 923,1	366 782,0	394 612,6
<i>Оборот розничной торговли, в % к предыдущему году</i>						
Россия	111,99	110,71	111,27	104,49	102,83	105,28
ХМАО-Югра	111,47	112,61	105,32	103,18	98,88	107,58
<i>Индекс физического объема оборота розничной торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года</i>						
Россия	106,3	103,9	102,7	90,0	95,4	101,3
ХМАО-Югра	108,8	106,1	101,1	90,7	91,0	102,2

Индекс физического объема оборота розничной торговли начал стабилизироваться, а это, на фоне общего роста стоимости товара и услуг на 2014-2015 гг., показывает небольшой темп роста количества купленного товара и стабилизации цен. Продажи товаров в сопоставимых ценах заметно снижались из года в год: в 2012 г. темпы изменения физического объема рыночной розничной торговли были равны 106,3%, в последующие 2013 г. – 103,9%, 2014 г. – 102,7%, 2015 г. – 90%, 2016 г. – 95,4%, но в 2017 г. – 101,3%, что показывает рост и стабилизацию экономики РФ.

медиа о розничные торговли. URL: https://www.retail.ru/news/108678/?sphrase_id=28831 (дата обращения: 01.10.2018 г.).

¹ Составлено по: Федеральная служба государственной статистики // Розничная торговля, услуги населению. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/ (дата обращения: 05.12.2018).

² Составлено по: Федеральная служба государственной статистики // Оптовая торговля и товарные рынки. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/ (дата обращения: 05.12.2018).

Показатели розничной торговли по Российской Федерации и Ханты-Мансийскому автономному округу – Югра за 2010-2017 гг. по основным товарным группам представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Индекс физического объема продажи продовольственных
и непродовольственных товаров за 2012-2017 года, %¹**

Категория	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Непродовольственные товары, из них:	108,6	104,9	105,1	89,1	95,8	101,5
Ткани	105,3	104,6	97,4	87,9	91,8	93,7
Верхняя одежда	104,9	103,3	101,8	85,9	85,6	98,3
Одежда из меха	103,2	100,7	100,6	88,6	93,6	95,8
Чулочно-носочные изделия	105,6	105,1	103,6	92,5	94,1	106,8
Обувь кожаная	105,8	101,4	100,9	87,8	88,8	96,0
Синтетические чистящие и моющие с	103,5	107,6	105,3	100,7	97,6	-
Туалетное и хозяйственное мыло	103,2	103,7	98,8	94,7	93,7	100,0
Косметические и парфюмерные товары	109,9	108,2	103,3	98,3	95,9	102,8
Часы	105,6	105,8	96,9	76,3	93,0	92,3
Компьютеры в полной комплектации	121,1	108,7	110,3	75,5	109,7	107,8
Мобильные телефоны	113,0	112,7	113,8	103,9	120,1	120,1
Аудиоаппаратура	103,2	101,2	104,4	81,3	100,5	105,3
Телевизоры	114,7	108,0	113,6	72,1	101,3	108,6
Холодильники и морозильники	108,7	101,3	104,6	79,8	85,5	98,4
Стиральные машины	109,1	100,3	102,1	77,1	98,3	101,2
Мебель бытовая	107,1	107,3	105,6	94,7	96,6	101,0
Напольные покрытия, ковры и ковровые изделия	105,5	107,2	104,5	90,3	98,1	-
Строительные материалы	107,2	106,5	104,1	98,3	86,7	108,2
Ювелирные изделия из драгоценных металлов	97,7	104,0	107,0	85,9	96,7	99,3
Фармацевтические, медицинские и ортопедические товары	105,0	103,7	105,8	94,1	100,8	92,9
Книги	99,6	98,7	117,8	104,6	96,1	102,2
Газеты и журналы			125,1	90,3	87,9	94,5

Анализируя таблицу 3, можем заметить снижение по показателям всех групп непродовольственных товаров.

Если же в период с 2011 г. по 2013 г. рост товарооборота продукции имеет тенденцию к возрастанию, то с 2014 г. наблюдается падение продаж, а в 2015 г. – существенное снижение по всем товарным группам. В 2016 г. произошёл рост продаж непродовольственных товаров в целом. Данный факт говорит о том, что в целом, граждане стали более экономически и финансово грамотны, что позволяет им с умом распоряжаться собственными запасами².

¹ Составлено по: Федеральная служба государственной статистики // Цены. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (дата обращения: 07.12.2018).

² Лихачев М.О. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 102.

Сокращение общего объема розничного оборота товаров и услуг за весь период экономического спада – с октября 2014 г. по сентябрь 2016 г. – составило 15,3%. Максимальное сокращение за этот период статистика фиксирует в отношении объема розничной торговли продовольственными товарами (-15,7%), такое же сокращение наблюдается и в отношении непродовольственных товаров (также -15,7%)¹. Причинами такой динамики товарооборота на территории РФ является рост инфляции, снижение доходов и зарплат населения России. Виден рост потребления непродовольственных товаров в 2014 г., когда из-за стрессовых ситуаций населения и геополитической обстановки страны происходил закуп населением промышленных товаров в значительном количестве.

Наиболее распространенный метод измерения инфляции – индекс потребительских цен на территории России. Ниже представлена таблица годовой и таблица месячной инфляции в РФ, выраженной в % относительно предыдущего периода².

ИПЦ рассчитывается как отношение потребительской корзины отчетного и базового года³.

Как мы можем заметить, наибольший рост ИПЦ приходится на 2014 и 2015 гг. Причины данного увеличения можно выделить следующие:

- девальвация рубля;
- действующие санкции, отрицательно действующие на экономическое положение РФ;
- ограничение импорта товаров;
- потребительские ожидания, а именно паника, вызвавшая рост спроса.

На рынке товаров и услуг России наиболее быстрый и стремительный рост наблюдается на продукты питания, что составляет примерно 23% в январе 2015 г., по сравнению с тем же месяцем 2014 г. Основные овощные культуры, потребляемые регулярно российскими гражданами, подорожали в большей степени. Цены на лук, морковь и свеклу возросли примерно на 10% в феврале⁴. Данный рост произошел из-за запрета импорта товаров из стран Европы и США, который правительство задействовало в ответ на санкции, наложенные на страну.

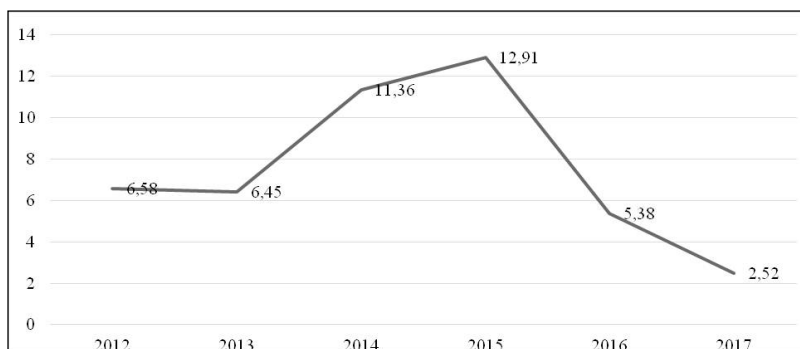

Рис. 1 Уровень годовой инфляции в России, %

¹ Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2016 / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 83.

² Орехова Е.А. Влияние инфляции на макроэкономические показатели России // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 3. С. 23.

³ Таблица инфляции // Уровень инфляции в Российской Федерации. URL: http://уровень-инфляции.рф/таблица_инфляции.aspx (дата обращения: 09.12.2018).

⁴ Гаджиева Б.А. Анализ инфляции и ее влияния на российскую экономику // Финансово-инвестиционный анализ. 2015. № 10. С. 93.

Темп роста годовой инфляции замедляется благодаря высокому скачку цен в 2015 г. и высокой доли потребительских предпочтений на фоне удачного урожайного года, но нельзя исключать и тот факт, что она может ускориться уже в ближайшие месяцы из-за сезонного повышения цен плодоовощной продукции. Как отмечают эксперты, к январю-февралю поволжские регионы могут выйти в лидеры по темпам роста цен¹. К причинам снижения темпов инфляции также можно включить снижение стоимости и укрепление рубля, сюда же включается сохранение интересов со стороны внешних инвесторов к вложениям в активы Российской Федерации².

Можем заметить существенный рост ИПЦ на январь 2015 г., данный факт обуславливается динамикой курса рубля, также вызванным структурными факторами, а именно – значительное изменение цен на основные сырьевые ресурсы, определяющие экономику Российской Федерации, нефть и газ³.

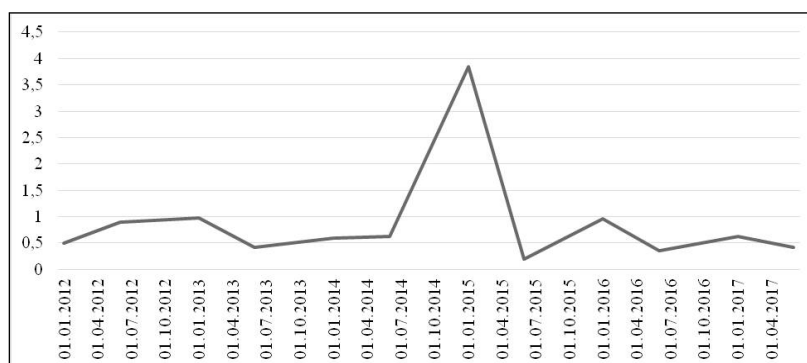

Рис. 2 Уровень месячной инфляции в России, %

В январе 2015 г. потребительские цены России выросли почти на 3,9%, данный показатель стал рекордным за последние 16 лет. Годовая инфляция достигла уровня ключевой ставки Центрального Банка РФ – 15%⁴. Позже заметно снижение и замедление роста инфляции, так как эффект от ослабления рубля продлился небольшой промежуток времени. В связи с чем ожидается закономерное повышение спроса на товары и услуги и повышение потребительской активности населения, стимулирующей рост национального производства.

Отмечая экономическое поведение граждан по направлению использования доходов, заметим, что многие граждане откладывают дорогостоящие покупки. Такая реакция потребителей связана не только с сокращением доходов и сложностью получения кредита, но и с психологией потребителей – в кризис многие стали избегать лишних крупных покупок, обеспечив себе некий денежный резерв, так называемую «подушку безопасности», на случай ухудшения ситуации, в том числе на случай потери работы.

¹ В пяти регионах инфляция достигла 4% уже в этом году // Электронное периодическое издание «Ведомости». URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/12/07/668509-regionah-tsb> (дата обращения: 29.11.2018).

² Центробанк объяснил снижение инфляции в 2016 году // Сетевое издание «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/economy/20170118/1485960560.html> (дата обращения: 29.11.2018).

³ Нахратова Е.Е. Девальвация рубля: анализ причин, оценка влияния на российскую экономику // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. Научно-аналитический журнал. 2014. № 4. С. 42.

⁴ В ЦБ РФ назвали причины рекордной инфляции в январе // Международная информационная группа «Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/business/423044> (дата обращения: 20.11.2018).

Анализируя данные таблицы 4, можно сделать вывод, что рост цен на продукты питания в России составил в августе 2014 г. 10,3% (по сравнению с августом прошлого года). Ещё до выхода официальных данных Росстата инфляцию заметили все, кто ходит в магазин: мясо, рыба, молочные продукты местами подорожали на несколько десятков рублей¹. Цены на продукты, которые наиболее востребованы среди населения, растут наиболее быстрыми темпами.

По продовольственным и непродовольственным потребительским товарам пик роста цен в 2015 г. пришелся на январь, когда прирост по отношению к предыдущему месяцу составил 5,7% и 3,2% соответственно². Стоит заметить, что одним из факторов повышения цен на товары и услуги является пересмотр контрактов с поставщиками по причине изменения курса рубля в отчетных годах. Также свой вклад внесли в общий показатель роста цен сезонное зимнее повышение такие продукты, как овощи и фрукты.

Таблица 4

**Индексы потребительских цен на товары и услуги за 2012-2017 гг.,
в % к декабрю предыдущего года, декабрь³**

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Все товары</i>						
Россия	106,33	105,89	111,71	112,91	105,39	102,51
ХМАО-Югра	104,9	105,99	107,42	114,41	108,52	103,96
<i>Продовольственные товары</i>						
Россия	107,48	107,32	115,43	114,00	104,57	101,07
ХМАО-Югра	106,35	105,88	112,66	118,77	104,97	99,47
<i>Непродовольственные товары</i>						
Россия	105,16	104,46	108,05	113,65	106,5	102,75
ХМАО-Югра	103,97	106,02	104,28	111,63	111,53	107,58
<i>Услуги</i>						
Россия	107,28	108,01	110,45	110,2	104,9	104,35
ХМАО-Югра	104,49	106,79	110,09	111,08	108,6	101,12

В отношении же товаров повседневного спроса действует немного иная модель потребительского поведения – экономия, а именно: уменьшение объема или частоты покупки, переключение на более дешевые бренды или более дешевые места покупки.

На потребительское поведение также влияют и другие факторы, например, общее состояние рынка труда в регионе. Так, например, высокие занятость и цена рабочей силы обеспечивают высокий спрос на товары и услуги и тем самым стимулируют их производство.

Рассмотрим динамику некоторых показателей рынка труда РФ и ХМАО-Югры и их совместимость⁴.

¹ Почему растут цены на продукты // Платформа для социальной журналистики. URL: <https://cont.ws/post/78103> (дата обращения: 18.11.2018).

² Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. М.: НИУ ВШЭ. 2016. С. 192.

³ Составлено по: Федеральная служба государственной статистики // Цены. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (дата обращения: 07.12.2018).

⁴ Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2017 год. URL: <http://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/itogi-razvitiya-okruga/2017-god/781811/osnovnye-pokazateli-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-i-urovnya-zhizni-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre-v-sravnenii-so-srednerossiyskimi-> (дата обращения: 25.02.2018).

Таблица 5

Рынок труда по России и ХМАО-Югре за 2012-2017 гг.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Среднедушевые доходы населения, руб.</i>						
Россия	23 221,1	25 928,2	27 766,6	30 224,5	30 738	31 477
ХМАО-Югра	36 345,4	39 291,7	41 502,8	44 550,1	43 270	44 359
<i>Реальная заработная плата, в % к предыдущему году</i>						
Россия	108,4	104,8	101,2	91,0	100,7	103,5
ХМАО-Югра	108,2	100,9	100,3	90,5	97,1	99,2
<i>Общая численность безработных, в % к экономически активному населению (уровень безработицы)</i>						
Россия	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,1
ХМАО-Югра	5,5	4,9	4,6	4,4	3,9	2,9

Стоит заметить, что массовых увольнений как по стране, так и по ХМАО-Югре не происходит. Исходя из данных таблицы 5, мы можем сделать следующие выводы о социально-экономическом положении Ханты-Мансийского автономного округа – Югры¹:

- Югра входит в число субъектов Российской Федерации, имеющих наименьший уровень зарегистрированной безработицы – 2,9% от экономически активного населения;

- по итогам 2017 года номинальные денежные доходы на душу населения и средняя заработная плата 1 работника превысили среднероссийские показатели в 1,4 и 1,7 раза соответственно;

- с 1 июля 2017 года средняя минимальная заработная плата составляет 17,2 тыс. рублей, которая является одним из самых высоких уровней минимальной заработной платы среди субъектов РФ.

Вместе с тем, геополитическая ситуация в стране переносится на настроение населения. Статистика розничного оборота товаров и услуг продолжает фиксировать снижение потребительской активности населения. Приоритет для населения – экономия на потреблении. Социологи пишут: даже в группе относительно хорошо обеспеченных россиян к этой тактике прибегают около половины, в то время как в низкодоходной группе – 85%². Эти выводы подкрепляются заявлениями полномочных органов. Так, по заявлению Центробанка РФ, в декабре 2017 года.

Подводя итог, можно отметить, что, в целом, население Ханты-Мансийского автономного округа находится в положительном ключе: растет доля непродовольственных товаров, ИПЦ меняется в соответствии с общероссийскими тенденциями, среднедушевые доходы населения превышают среднероссийский показатель в 1,4 раза, процент безработицы находится на низком уровне, Югры является «молодым» регионом по возрастному делению.

В Югре сохранены положительные тенденции демографического развития, чему способствует проведение демографической политики, развитие системы здравоохранения, направленной на увеличение продолжительности жизни, рост численности населения за счет естественного прироста населения, изменение возрастной модели рождаемости, ориентация системы ценностей на семью с двумя и более детьми.

¹ Составлено по: Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2017 год. URL: <http://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/itogi-razvitiya-okruga/2017-god/781811/osnovnye-pokazатели-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-i-rovnya-zhizni-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre-v-sravnении-so-srednerossiyskimi> (дата обращения: 25.12.2018).

² Люди верят, что экономический кризис – это надолго // Электронное периодическое издание «Ведомости». URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/17/665272-ekonomicheskii-kризис-nadolgo> (дата обращения: 02.12.2018).

Современные реалии диктуют свои определенные условия, в которых для большинства компаний, которые хотят остаться на рынке и быть конкурентоспособными, необходимо более тщательно подходить к анализу потенциальных покупателей. Также государственные и муниципальные органы власти проводят изучение общественных мнений о социальном и экономическом самочувствии, которые помогают определить положение населения, их доверие и отношения к властным органам и пр.

Экономическое настроение потребителя является одним из главных факторов в оценке и прогнозировании его потребительского поведения, ведь именно оно учитывает нынешнюю финансовую ситуацию страны, ее изменения, позитивные и негативные отношения в обществе.

Далее представлены результаты социологического опроса, проведенного среди жителей крупных городов ХМАО-Югры (Сургута, Нижневартовска, Ханты-Мансийска). Выборочная совокупность – 413 человек, квотированная по полу и возрасту.

Для выявления отношения потребителей к изменению экономических условий и характеру распределения доходов в стране за последние 5 лет проведем анализ полученных ответов по следующим вопросам из анкетирования:

Таблица 6

«Изменилась ли экономическая ситуация в стране за последние 5 лет?»

<i>Изменение экономической ситуации в стране</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Значительно улучшилась;	2
Несколько улучшилась;	10
Не заметил изменений;	9
Несколько ухудшилась;	32
Значительно ухудшилась;	39
Затрудняюсь ответить.	8
Итого	100

Изменилась ли экономическая ситуация в стране за последние 5 лет? Здесь можно заметить, что 61% заметили ухудшение ситуации в стране, когда как 12% отмечают улучшение ситуации, а остальные 8% – затрудняются ответить. Обращаясь к итогам развития ХМАО-Югры, можно заметить противоречие между полученными результатами и социально-экономическими итогами развития округа.

Таблица 7

«Ухудшилось ли материальное положение Вашей семьи в последние 5 лет?»

<i>Состояние материального положения семьи</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Скорее, улучшилось	18
Осталось без изменения	34
Скорее, ухудшилось	42
Затрудняюсь ответить	6
Итого	100

42% респондентов отметили об ухудшении материального положения своей семьи на протяжении последних 5 лет, осталось без изменений – 34%, а это 140 человек, 18% ответили «скорее, улучшилось», остальные 6% о затруднении ответить на данный вопрос. Каждый третий житель округа почувствовал ухудшение своего материального положения. Больше всего уверенность в завтрашнем дне теряют люди от 30 до 50 лет.

Таблица 8

**«Довольны ли Вы
характером распределения доходов населения в стране?»**

<i>Отношение к распределению доходов населения в стране</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Да, доволен	4
Нет, не доволен	82
Затрудняюсь ответить	14
Итого	100

Довольны ли Вы характером распределения доходов среди населения? Больше $\frac{3}{4}$ части респондентов выделили свое недовольство, а это 339 человек, когда как остальная часть остается довольны – 4%, затрудняются ответить 14%. Данные результаты характеризуются одной из главной проблем современной России – высоким уровнем бедности.

55% респондентов уверены, что сейчас неудачное время для совершения крупных покупок, 26% ответили на вопрос «Как вы думаете, сейчас – хорошее или плохое время, чтобы делать крупные покупки?» положительно, также затрудняются ответить 29% опрошенных. Ежегодно от крупных покупок отказывается все больше жителей страны.

Таблица 9

**«Как Вы думаете, сейчас - хорошее или плохое время,
чтобы делать крупные покупки?»**

<i>Время для совершения крупных покупок</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Хорошее	4
Скорее хорошее	12
Скорее плохое	33
Плохое	22
Затрудняюсь ответить	29
Итого	100

На основе данного вопроса была составлена диаграмма, где отслеживались изменения индекса потребительского доверия граждан Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с 3 квартала 2017 года по 1 квартал 2019 года. Данный индекс показывает, насколько население считает настоящее время благоприятным для совершения крупных покупок.

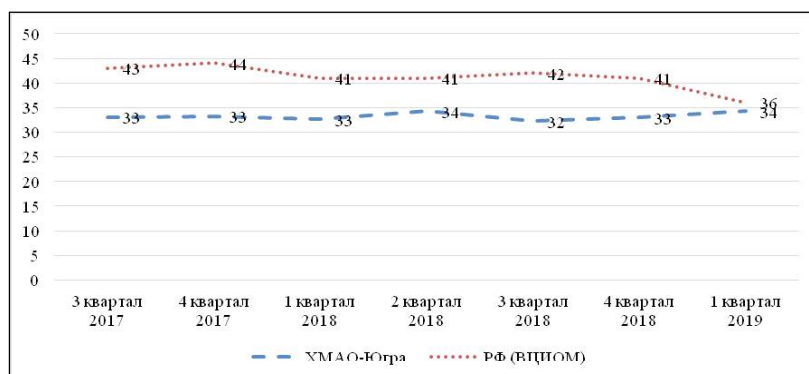

Рис. 3 Индекс потребительского доверия

Рассматривая график, можно отметить, что индекс потребительского доверия (Далее ИПД) населения ХМАО-Югры в целом не изменяется, остается на одинаковом уровне. Среднее значение ИПД по автономному округу на 8 пунктов меньше, чем ИПД по Российской Федерации. Снижению данного индекса способствует уменьшение доли граждан, ожидающих «хороших» финансовых перспектив в ближайший временной отрезок. Данный факт обусловлен следующим:

1. Рост заработных плат на территории как РФ, так и ХМАО-Югры не влечет за собой повышения уровня жизни, в связи с постоянным ростом цен на продукты питания, оплату жилищно-коммунальных услуг, повышения налога на добавленную стоимость и пр. Стоит сказать, что относительно посткризисного уровня 2014 года заработные платы граждан находятся на том же, либо на уровень ниже: 73% опрошенных респондентов в проведенном исследовании отметило, что денежные доходы их семьи отставали от роста цен на территории округа.

2. В текущей экономической ситуации происходит увеличение количества потребителей, которые не ожидают улучшения социально-экономической ситуации, вследствие чего около 37% респондентов сокращают свои повседневные расходы и, в ответ на риски, экономят и резервируют свои доходы.

В целом, анализируя данные опросы, можно отметить, что большая часть респондентов заметила изменения в социально-экономическом развитии и положении как в Российской Федерации, так и в ХМАО-Югре, хотя необходимо отметить, что, в связи с энергоресурсной базой автономного округа, экономические падения на территории страны не должны отображаться на социальном развитии округа. Но тем не менее, заметим, что большая часть населения чувствует на себе социально-экономический спад.

Следующие вопросы, как и проанализированные ранее, помогут более подробно изучить вопрос об отношении потребителей к изменению своего материального положения и материального положения семьи за последние 5 лет.

Отмечая примерный средний доход на одного члена Вашей семьи были получены следующие ответы: в крайней нищете находятся 2% опрошенных, 8% – в нищете, в бедности находятся 27% населения, количество респондентов, находящихся в группе населения выше уровня бедности, составляет 25%, средний достаток имеют также 25% опрошенных, состоятельных респондентов – 9%, а 4% относятся к богатому слою населения.

Таблица 10

«Примерный средний доход на одного члена Вашей семьи»

<i>Семейный доход</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Менее 5 000 рублей	1
5 000 – 10 000 рублей	8
10 001 – 15 000 рублей	12
15 001 – 20 000 рублей	15
20 001 – 30 000 рублей	25
30 001 – 50 000 рублей	25
50 001 – 70 000 рублей	8
Более 70 000 рублей	4
Итого	100

Здесь стоит обратиться к итогам социального развития ХМАО-Югры. По итогам 2017 года среднедушевые доходы населения составляют 44 359 рублей. То есть, если среднестатистическая российская семья состоит из 3 человек, где работают два человека, на которых, в среднем, приходится

доход в размере 88 718 руб. Доход такой семьи на 3 человек будет составлять 29 572 руб. Соответствуют среднестатистической семье ХМАО-Югры – 25% опрошенных, из них 63% респондентов от 17 до 33 лет, 30% от 34 до 55 лет, и 7% – старше 55 лет. Не соответствуют среднестатистической семье 37%: 58% – от 17 до 33 лет, 36% от 34 до 55 лет, остальные 6% – от 55 лет и старше.

Таблица 11

«Удовлетворены ли Вы своим материальным положением за последние 5 лет?»

<i>Удовлетворенность своим материальным положением</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Да	28
Нет	53
Затрудняюсь ответить	19
Итого	100

Отвечая на вопрос об удовлетворенности своим материальным положением за последние 5 лет, больше половины опрошенных отметили неудовлетворенность – 53%, 28% – 114 человек ответили «да», тех, кто затрудняются ответить – 19%.

Таблица 12

«Ваш семейный доход можно отнести к?»

<i>Семейный доход</i>	<i>Количество ответов, %</i>
К высокому	1
Выше среднего	6
Среднему	56
Немного ниже среднего	25
Низкому	11
Затрудняюсь ответить	0
Итого	100

Отвечая на вопрос о семейном доходе, население отметило следующим образом: к среднему себя относит 56% респондентов, к немного ниже среднего – 25%, к низкому – 11%, выше среднего – 6%, и по 1% отнесли себя к высокому и низкому.

Таблица 13

«Довольны ли Вы нынешним материальным положением своей семьи?»

<i>Отношение к материальному положению семьи</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Да, доволен	3
Да, но хотелось бы лучше	52
Нет, не доволен	43
Затрудняюсь ответить	2
Итого	100

Заметим, что 52% опрошенных довольны материальным положением своей семьи, но им хотелось бы более лучших условий – их можно отнести к сомневающимся, с большей приверженностью к отрицательному ответу. В свою очередь, 43% опрошенных имеют четкую и точную позицию – «нет, не довольны». Остальные респонденты делятся следующим образом: 3% – довольны, 2% затрудняются ответить.

Таблица 14

«Денежные доходы Вашей семьи опережали или отставали от роста цен?»

<i>Динамика изменения денежных доходов относительно цен</i>	<i>Жители ХМАО-Югры, %</i>
Денежные доходы значительно опережали рост цен	1
Денежные доходы несколько опережали рост цен	6
Денежные доходы и рост цен оставались на одном уровне	17
Денежные доходы несколько отставали от роста цен	47
Денежные доходы значительно отставали от роста цен	29
Итого	100

Отвечая на вопрос «Денежные доходы Вашей семьи опережали или отставали от роста цен», больше половины отмечают отставание финансовых средств семьи параллельно росту цен на территории ХМАО-Югры – 73%, когда как у 17% населения денежные доходы оставались на одном уровне с актуальными ценами. 7% отметили, что денежные доходы опережали рост среднерыночных цен на товары и услуги.

Большинство потребителей констатируют ухудшение своего материального положения, материального благополучия своей семьи, отставание доходов от роста цен. Исходя из полученных данных, можно заметить, что большинство не может позиционировать и относить себя к классу ниже, чем они есть. Так, 62% населения находится в бедности, но при этом 56% населения считают себя представителями среднего класса, когда как по оценкам исследователей население, которое может определять себя как «средний класс» – всего 7%, так как минимальная средняя заработная плата должна составлять около 60 000-70 000 тыс. руб., а также необходимо иметь определенные ресурсы, которые помогут устойчиво отличаться от большей части тех, кто находится в группе ниже.

Для расчета индекса потребительских настроений будут использоваться следующие вопросы и методика построения ИПН Аналитического центра «Левада-Центр»:

- Ухудшилось ли материальное положение Вашей семьи в последние 5 лет?
- Довольны ли Вы нынешним материальным положением своей семьи?
- Изменилась ли экономическая ситуация в стране за последние 5 лет?
- Как Вы думаете, сейчас – хорошее или плохое время, чтобы делать крупные покупки?
- Довольны ли Вы характером распределения доходов населения в стране?

Можно отметить, что индекс потребительских настроений на момент проведения исследования по теме «Особенности экономического поведения потребителей ХМАО-Югры» составлял 63 пункта, что на 13 пунктов меньше, чем в результатах «Левада-Центр». Исходя из данных расчетов, сделаем вывод, что в связи со значением индекса менее 100 на территории Ханты-Мансийского округа происходит преобладание отрицательных оценок в обществе.

В целом, развитие региона основано на поиске постоянных драйверов роста, и одним из таких драйверов является потребительское поведение, в экономически благополучном регионе модель потребительского поведения всегда будет выгодно отличаться своей структурой и возможностями. На основании проведенного исследования можно заключить, что в ХМАО если и существуют все необходимые предпосылки для активного стимулирования

спроса и развития регионального производства, то данные мощности не используются в полной мере. Полученные данные показывают особенности изменения экономического поведения жителей региона, их отношения к существующей социально-экономической проблеме на территории как региона, так и страны.

Выводы. Подводя итог, можно заметить низкие результаты индексов как потребительского доверия, так и потребительского настроения, в связи со следующими факторами: рост НДС, повышение пенсионного возраста, рост ставок банковских кредитований и пр. Население ХМАО-Югры смотрит в будущее с пессимизмом в связи со снижением уровня реальных доходов. Граждане беднеют в связи с постоянным ростом цен на услуги и товары первой необходимости, в отличие от дохода. Данный факт приводит к сокращению спроса, что в дальнейшем может замедлять рост экономики округа и Российской Федерации, в целом.

Литература

1. Гаджиева Б.А. Анализ инфляции и ее влияния на российскую экономику // Финансово-инвестиционный анализ. 2015. № 10. С. 93.
2. Казанцева С.М. Социокультурные детерминанты потребительского поведения: дис. на соиск. ... канд. социол. наук. Тюмень, 1997.
3. Лихачев М.О. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 102.
4. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2016 / под ред. Л.Н. Овcharовой. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 83.
5. Нахратова Е.Е. Девальвация рубля: анализ причин, оценка влияния на российскую экономику // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. Научно-аналитический журнал. 2014. № 4. С. 42.
6. Орехова Е.А. Влияние инфляции на макроэкономические показатели России // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 3. С. 23.
7. Радаев В.В. Еще раз о предмете экономической социологии // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 3. С. 21-34.
8. Синельников-Мурылев С.Г. Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2013. № 8. С. 24.
9. Экономическая социология: теория и история / Ю.В. Веселов, Е.В. Капусткина [и др.]; под ред. Ю.В. Веселова и АЛ. Кашина. СПб.: Нестор-История, 2012.

Reference

1. Gadzhiev B.A. Analysis of inflation and its impact on the Russian economy // *Financial and investment analysis*. 2015, No. 10, p. 93 (in Russian).
2. Kazantseva S.M. Sociocultural determinants of consumer behavior: Dis. for a job. ... cand. sociol. Science. Tyumen, 1997.
3. Likhachev M.O. The role of behavioral models in the ontological structure of modern macroeconomics // *Problems of Economics*. 2013, No. 7, p. 102 (in Russian).
4. Monitoring of the socio-economic situation and social well-being of the population. April 2016 / Ed. L.N. Ovcharova. M.: HSE, 2016, p. 83.
5. Nakhratova E.E. Ruble devaluation: analysis of the causes, assessment of the impact on the Russian economy // *Actual problems of socio-economic development of Russia. Scientific and analytical journal*. 2014, No. 4, p. 42 (in Russian).
6. Orekhova EA Influence of inflation on macroeconomic indicators of Russia // *Bulletin of the Humanitarian University*. 2013, No. 3, p. 23 (in Russian).
7. Radaev V.V. Once again on the subject of economic sociology. *Economic sociology*. 2002, T. 3, No. 3, p. 21-34 (in Russian).
8. Sinelnikov-Murylev S.G. Fiscal policy and economic growth // *Problems of Economics*. 2013, No. 8, p. 24 (in Russian).
9. Economic sociology: theory and history / Yu.V. Veselov, E.V. Kapustkina [et al.] / Ed. Yu.V. Veselova and AL. Kashina. With P B.: Nestor-History, 2012.

В.С. КАТАШИНСКИХ

V.S. KATASHINSKIKH

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ
В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ
В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ****FOREIGN EXPERIENCE OF FORMATION
OF TRUST IN HIGHER EDUCATION:
POSSIBILITIES OF ITS IMPLEMENTATION
IN RUSSIAN UNIVERSITIES**

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158
«Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования»*

The reported study was funded by RFBR, project № 18-011-000158

В статье рассматриваются различные аспекты проблемы доверия к высшему образованию как за рубежом, так и в России. Показываются реальные достижения, с одной стороны, западно-европейских стран и США, с другой – Индии и Китая на пути формирования доверия к национальным и интернациональным достижениям высшей школы. Вместе с тем, обращается внимание на то, что в целом российское высшее образование способно воспринять позитивный зарубежный опыт формирования доверия к университетам с учетом национальной специфики и адаптации к организационным и социокультурным особенностям отечественных вузов.

The article deals with various aspects of the problem of trust in higher education both abroad and in Russia. The real achievements of the Western European countries and the USA on the one hand, and India and China on the other hand on the way of forming trust in the national and international achievements of higher education are shown. At the same time, attention is drawn to the fact that, in general, Russian higher education is able to perceive positive foreign experience of trust formation in universities taking into account national specifics and adaptation to the organizational and socio-cultural characteristics of Russian universities.

Ключевые слова: доверие в высшем образовании, университеты, опыт зарубежных стран, факторы доверия.

Key words: trust in higher education, universities, experience of foreign countries, factors of trust.

Введение. В современной высшей школе сегодня осуществляется поиск ресурсов, способных максимизировать позитивное влияние высшего образования на человеческий капитал образовательных общностей без обращения к дополнительным финансовым инвестициям в него. Именно в таком ракурсе возникает постановка проблемы доверия как ресурса современной высшей школы. Само по себе доверие не есть данность высшего образования. Его нужно формировать, сохранять и преумножать, проявляя постоянную заботу о «точках роста» этого дефицитного актива развития.

Результаты социологических исследований, проведенных в последние годы, свидетельствуют о кризисе доверия в российской высшей школе. В связи с этим мы считаем необходимым обратиться к опыту тех стран, в которых сегодня созданы наиболее развитые – по мировым меркам – системы высшего образования. Необходимо заметить, что такое исследование может осуществляться по нескольким направлениям. Одно из них – изучение рефлексии зарубежных ученых, преподавателей, студентов по поводу доверительных отношений в системе высшего образования. Другое – исследование доверия к

зарубежному высшему образованию со стороны российских преподавателей и студентов, вовлеченных в программы международной академической мобильности. Скорее всего, могут быть выделены и другие подходы к исследованию данного феномена. Все они необходимы для того, чтобы сформировать более или менее адекватное представление о возможностях формирования и сохранения доверия в системе высшего образования.

В данной статье мы обратились ко второму направлению исследований зарубежного опыта формирования доверия в высшем образовании. Поскольку развитие высшего образования в современном мире идет по пути глобализации и интернационализации, а государства все больше стремятся к созданию единого образовательного пространства, доверие российских преподавателей и особенно студентов к зарубежной высшей школе становится определенным маркером возможностей переноса ее опыта на российскую почву. В том числе это касается и опыта установления доверительных отношений как источника привлечения в зарубежные университеты иностранных студентов, исследователей, преподавателей.

Материалы и методы. Проблема доверия в высшем образовании достаточно активно изучается в последнее время исследователями в различных областях научного знания – философии, социологии, культурологии, экономике [1, 4, 8, 16, 18]. Вне зависимости от дисциплинарного подхода, исследования доверия всегда основаны на двух исходных тезисах: 1) доверие есть результат взаимодействия субъектов высшего образования; 2) такое взаимодействие строится в отношении определенного объекта, вокруг которого и складываются доверительные отношения. Так, один из классиков проблемы доверия польский социолог П. Штомпка обращает внимание на то, что доверие всегда связано с действиями окружающих. Вместе с тем, говоря об адресатах доверия, П. Штомпка пишет, что в реальности ими могут выступать не только люди, но и публичные объекты, структуры, учреждения, государства, организации [17, с. 116]. В высшем образовании субъектом доверия может быть как общество в целом (например, население города, граждане), так и конкретная группа преподавателей, студентов, родителей, абитуриентов и т.д. Объектом доверия может выступать еще более широкая группа феноменов – от образовательных общностей преподавателей и студентов до высшего образования как социального института.

Кроме того, мы исходим из представлений о существовании различных видов доверия, которые возникают на том или ином уровне социального взаимодействия в высшей школе. Речь идет о межличностном, межобщностном, институциональном доверии [7]. Безусловно, межличностное доверие в высшем образовании имеет особое значение [6, 9, 21, 22], поскольку все виды деятельности в нем изначально основаны именно на процессе межличностного взаимодействия. Однако, согласимся с исследователями в том, что в зарубежных странах (Европе) и России проблема межличностного доверия разрабатывается в несколько отличных направлениях, «поскольку базовые условия становления и функционирования разных национальных образовательных систем и образовательных общностей не совпадают» [2, с. 13-14].

Помимо межличностного доверия нас интересует доверие образовательных общностей и общества в целом к высшему образованию как социальному институту. Коль скоро мы поставили цель изучить опыт формирования доверия в высшем образовании в зарубежных странах, нам кажется необходимым осуществить такое исследование в более широком контексте и понять, насколько доверяют высшему образованию различные субъекты общественных отношений. В этом случае индикаторами уровня доверия могут выступать самые разные показатели: количество иностранных студентов в конкретном вузе или стране, критерии оценки качества высшего образования, принятые в том или ином государстве, отношение стейкхолдеров к выпускникам университетов и др.

Основываясь на данных теоретических позициях, в качестве объекта исследования мы определили доверие в высшем образовании зарубежных стран, а предмета исследования – опыт формирования и сохранения этого доверия. Цель настоящей статьи – представить особенности формирования доверия в высшем образовании развитых зарубежных стран и показать возможности применения этого опыта в России.

Эмпирической базой исследования стали результаты вторичного анализа данных социологических исследований, посвященных проблемам интернационализации высшего образования. Кроме того, мы обратились к статистическим данным, характеризующим уровень интернационализации высшего образования в России и за рубежом. Некоторые выводы сопоставлялись с результатами массового опроса студентов и преподавателей вузов г. Екатеринбурга, проведенного в марте-апреле 2019 г. В ходе исследования была реализована квотная выборка, она формировалась на основе статистических данных об образовательной общности студентов города (размер квот в выборках преподавателей и студентов идентичен, поскольку расчет штатных единиц ППС осуществляется в соответствии с количеством студентов). Для расчета использовалась открытая информация, размещенная на сайтах вузов. Объем выборочной совокупности студентов составил 368 чел. (были опрошены обучающиеся в бакалавриате, на специалитете и в магистратуре), преподавателей – 392 чел. Предельная ошибка выборки не превышала 5%.

Результаты исследования. Изучая проблему доверия в международном образовательном пространстве, мы пришли к заключению о том, что значимым критерием уровня доверия к высшему образованию той или иной страны является количество иностранных студентов, обучающихся в ней. Число иностранных студентов – один из тех показателей, который сегодня активно наращивают в конкретных университетах и в целом в системах высшего образования зарубежных стран, а в последние годы – и в российских вузах. Данный показатель напрямую свидетельствует о продвижении вуза и национальной системы высшего образования на глобальном образовательном рынке, косвенно он говорит об объемах привлеченного финансирования за счет интернационализации образовательной деятельности и, конечно, о качестве высшего образования. Таким образом, в условиях глобализации и маркетинга высшей школы число иностранных студентов, действительно, служит показателем доверия к вузу и национальной высшей школе, хотя этот показатель и требует очень осторожной интерпретации и контекстного объяснения.

Обратимся далее к кейсам конкретных зарубежных стран и университетов. На наш взгляд, сначала было бы уместным рассмотреть ближайших «соседей» России в образовательном пространстве.

Индия и Китай – два основных образовательных центра в Азии. Если Индия на современном этапе не предпринимает никаких особых шагов в направлении интернационализации своего высшего образования, то Китай на этом поприще добился значительных успехов. Здесь необходимо заметить, что уровень интернационализации высшего образования в этой стране непосредственно соотносится с уровнем доверия к высшему образованию. А именно, чем больше иностранных студентов учится в стране, тем выше уровень доверия к ее системе высшего образования.

Ярким доказательством высокого уровня доверия к китайской системе высшего образования является тот факт, что 10 % всех международных студентов мира обучаются именно в этой стране (а это около полумиллиона человек) [10, с. 17]. По мнению П.Дж. Лавакари, это стало возможным благодаря созданию Китайского стипендиального совета, который является центром привлечения международных студентов за счет предлагаемой им на конкурсной основе стипендии [10, с. 17]. В последние годы Китай предпринял серьезные меры по продвижению и развитию 100 университетов, в результате чего 7 из них вошли в топ-200 всемирного рейтинга Times Higher Education (THE). Кроме того, ряд китайских ведущих университетов сейчас предлагает

обучение на английском языке, что, безусловно, способствует расширению контингента иностранных студентов.

Важным фактором, благоприятствующим привлечению иностранных студентов в китайские вузы, является то, что Китай разрешил четырем аккредитованным американским университетам открыть в стране свои филиалы. Необходимо отметить, что этот факт имел значение и для китайской молодежи, которая получила возможность приобретать международное высшее образование внутри своей страны.

Китайское правительство признало, что высшее образование стало значимым фактором экономического развития страны, поэтому столь активно поддерживает его интернационализацию. Достигнутые показатели по числу иностранных студентов в китайских вузах свидетельствуют о высоком уровне доверия к высшему образованию этой страны со стороны зарубежных стран – учащейся молодежи, родителей, правительственных органов власти.

Для сравнения приведем данные по России. В нашей стране сейчас обучается порядка 300 тыс. иностранных студентов. В основном это молодые люди из стран СНГ. Лидерами являются Казахстан, Туркмения, Узбекистан и Таджикистан. Российское высшее образование также востребовано у студентов из стран Ближнего Востока и Африки¹.

Российское правительство ставит перед вузами задачу увеличить в ближайшие пять лет численность иностранных студентов в два раза. Несмотря на то, что государство планирует развивать это направление, способы и ресурсы реализации этой задачи переключаются на плечи самих вузов. Так, министр науки и высшего образования РФ в начале 2019 г. заявил следующее: «Учебным заведениям необходимо самостоятельно настраивать систему государственной поддержки, она очень многогранна <...> Есть специальные стипендиальные программы, которые предполагают дополнительную поддержку отдельно, они действуют и в университете. Задача вуза и посыл ректора – организовать правильную навигацию, дать максимально открытую информацию, с одной стороны. С другой – расширение программ с компаниями, дополнительные программы поддержки, программы целевого обучения и так далее»². На практике, как мы знаем, часто бюрократические и финансовые барьеры становятся на пути реализации подобных задач. Кроме того, без целенаправленного формирования доверия к российскому высшему образованию как внутри страны, так и за ее пределами, задачу интернационализации российской высшей школы не решить.

Если говорить о механизмах установления доверия к высшему образованию, то большую роль здесь играют процессы реальной (не виртуальной!) академической мобильности. Доверие не возникнет только на основе случайно услышанной или прочитанной информации о высшем образовании в другой стране. В ходе реальной академической мобильности, институционально организованной и оформленной, формируется устойчивый канал трансляции информации (знаний, установок, представлений). Конечно, первоначально он может быть основан на межличностных коммуникациях, ресурсах личного авторитета и доверия между студентами, между студентами и преподавателями вузов различных стран. Однако подкрепленный институциональными ресурсами, такой механизм может стать основой устойчивого сохранения и трансляции доверительного отношения к зарубежному вузу и высшему образованию в целом.

¹ Сколько иностранных студентов в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/skolko-inostrannykh-studentov-v-rossii/> (дата обращения: 03.05.2019).

² Глава Минобрнауки: число иностранных студентов в России должно вырасти вдвое за пять лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/6039748> (дата обращения: 03.05.2019).

Между тем, абсолютизировать роль академической мобильности в процессах формирования доверия к высшему образованию не стоит. Так, например, высокий уровень входящей академической мобильности в странах Западной Европы вроде бы свидетельствует о высоком уровне доверия к вузам этих стран. Однако исследователи отмечают иные причины концентрации «светлых умов» в таких странах, как Германия или Великобритания. По их мнению, в этих странах уделяется много внимания науке и образованию благодаря тому, что им выделяется намного больше ресурсов на ее поддержку, в ущерб другим государствам – Греции, Испании или Италии. Таким образом, пишет Ш. Сен-Бланка, «в условиях свободного рынка труда в ЕС запросто может сложиться ситуация, когда «мозги» просто перетекают из одних стран в другие» в поисках лучших условий для жизни, работы, учебы [14, с. 15].

Например, данные последних исследований показывают, что итальянские ученые уезжают из своей страны и мало кто из них возвращается на родину. Среди причин отъезда они называют неподходящий жизненный уклад в Италии, неблагоприятные условия работы, а также нестабильную ситуацию в стране в целом [14]. Такая активная, невозвратная мобильность итальянских ученых, безусловно, отправляет к более детальному изучению организации работы высшей школы в Италии, а также статуса, возможностей и перспектив академической профессии и карьеры в этой стране, системы социального обеспечения ее университетских сообществ и др. Подобные факты, о которых пишет Ш. Сен-Бланка, безусловно, снижают уровень доверия населения страны к системе высшего образования и науки и не способствуют формированию доверия к ней зарубежных академических сообществ.

В этом смысле показательна и российская проблема «утечки мозгов» [19]. Численность выбывших из России ученых, в том числе из вузовских структур, молодежи, уехавшей учиться за рубеж, в последние годы постоянно растет. Так, по мнению Ю. Флоринской и Н. Мкртчян, в России нарастает интеллектуальная эмиграция, в структуре которой академическая мобильность стоит на первом месте: около трети россиян с высшим образованием уезжает в Западную Европу на учебу в магистратуру и аспирантуру, еще около четверти – на работу с перспективой получения «Blue card» («Голубой карты») для квалифицированных специалистов [15, с. 17]. При этом для тех, кто уезжает за границу на учебу, главной причиной является возможность получения того образования, которого нет в России или которое здесь хуже по качеству и дороже [15, с. 17]. При этом известно, что еще одним мотивом академической мобильности молодежи является желание остаться за рубежом после учебы для трудоустройства. А вот среди тех, кто уезжает на работу, есть немалая доля представителей российской академической среды.

В России разрабатывается большое количество различных проектов по удержанию талантливой молодежи в стране, в том числе за счет развития высшего образования. Некоторые из них направлены на удержание именно талантливых студентов. Но, как показывают статистические данные, все они малоэффективны. Ситуация с «утечкой мозгов» из высшего образования России может улучшиться только в случае кардинальных изменений экономической, политической и социокультурной ситуации в стране.

В зарубежных странах между университетами идет жесткая конкурентная борьба за талантливых студентов. В них действуют специально разработанные технологии поиска и удержания лучших из лучших и просто хороших студентов. Среди них – бесплатное обучение или существенное снижение стоимости обучения при высоких показателях академической успешности на входе и во время учебы в университете, предоставление бесплатного жилья, айпадов, смартфонов, проездных билетов на общественный транспорт¹. Все названные технологии, конечно, имеют отношение, прежде всего,

¹ Война за таланты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://studorg.ru/directories/professional-community/view/the-war-for-talent.html> (дата обращения: 21.06.2019).

к привлечению талантливой студенческой молодежи, в том числе иностранной. Но возникает вопрос: имеют ли они отношение к формированию доверия к вузам и высшему образованию этих стран?

Думается, что эти технологии «работают» на доверие к зарубежным вузам на стадии привлечения студентов, а на последующих этапах – в сопряжении с мерами, обеспечивающими высокое качество высшего образования. Исследованиями давно установлено, что показатель, наиболее тесно коррелирующий с доверием к высшему образованию, – его качество. То есть чем выше качество высшего образования, тем выше будет уровень доверия к нему.

Одним из способов повышения качества высшего образования в условиях его интернационализации и, следовательно, доверия к нему является Болонский процесс. Ценности и цели, провозглашенные в Болонской декларации, среди прочих мер включают разработку единых критериев и методологий оценки образования, унификацию учебных планов и программ [3]. Однако в рамках реализации Болонского процесса странам-участницам так и не удалось разработать единый пул критериев оценки качества высшего образования.

Инструменты обеспечения качества, сформированные в ходе Болонского процесса, включают в себя: Европейскую рамку квалификаций, Европейскую систему накопления и переноса зачетных единиц, Европейское руководство в области обеспечения качества, Европейский Реестр обеспечения качества, который предназначен для хранения информации об агентствах по обеспечению качества. Эта информация используется для развития мобильности и повышения доверия между университетами в международном контексте, а также способствует повышению качества деятельности вузов внутри страны [12].

Стремление к повышению уровня доверия к российским вузам, как внутри страны, так и за рубежом может быть основано на интеграции российского высшего образования в европейское пространство. Помимо уже осуществившихся изменений (перехода на двухуровневую систему высшего образования, внедрения балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов) для этого необходима международная экспертиза оценки качества образования в российских вузах. Именно эта практика в последнее время все шире и шире применяется в российских вузах. Так, например, в 2017 г. Институт государственного управления и предпринимательства УрФУ прошел аккредитацию CEEMAN International Quality Accreditation (IQA) сроком на 6 лет.

Действительно, ряд вузов добровольно проходит международную аккредитацию, подтверждая тем самым высокий уровень качества своего образования и получая тем самым «кредит доверия». Однако подобные случаи не являются массовыми. Большинство вузов не стремится получить международную аккредитацию, собственно, и не имеет для этого финансовых, материально-технических и иных возможностей. Хотя мы понимаем, что при определенных обстоятельствах получение международной аккредитации для многих вузов могло бы стать важным шагом на пути к повышению уровня доверия к высшему образованию в России.

Качество образования тесно связано с качеством преподавания. От него во многом зависит и доверие студентов к преподавателям. Так, согласно результатам нашего исследования, наибольшее доверие у студентов вызывают такие качества преподавателя как профессиональные коммуникативные навыки (65% опрошенных) и высокий уровень профессиональной культуры (60%).

Для повышения качества преподавания, например, в Великобритании введена «Рамочная программа по улучшению качества преподавания» (TEF). Суть ее в том, чтобы урегулировать стоимость обучения в вузах в зависимости от качества преподавания в них.

ТЕФ запускается поэтапно. В первый год любой вуз, получивший положительную оценку в ходе институционального мониторинга Агентства по контролю качества (QAA), автоматически получает право повысить стоимость обучения. Во второй год все остальные вузы смогут подать заявку на участие в ТЕФ, для чего необходимо будет проанализировать ряд показателей: оценки студентами качества преподавания; результаты Национального опроса студентов (NSS); уровень «отсева»; уровень занятости выпускников, включая сферу высококвалифицированного труда; будущие результаты Исследования экономического положения выпускников вузов (DHLE).

Этот опрос позволит узнать, как студенты оценивают качество преподавания в их вузах. Оценка деятельности вузов соотносится с демографическими характеристиками их студентов, что позволяет сделать статистически значимые выводы при сравнении похожих вузов. Вузы также должны самостоятельно предоставить информацию о качестве преподавания. По результатам исследования университеты могут претендовать на золотой, серебряный или бронзовый статус ТЕФ. Это позволяет студентам составить представление о качестве образования в том или ином вузе в целом, а не о качестве конкретных образовательных программ [20, с. 16]. Британские эксперты высоко оценили внедрение этой системы, так как она позволяет, в первую очередь, получить студентам необходимую информацию о реальном качестве преподавания и, соответственно, образования в конкретных вузах.

С нашей точки зрения, позитивным является тот факт, что авторы этой программы разделяют понятия «качество образования» и «качество образовательных программ». В российских реалиях такой подход оказался бы достаточно актуальным. Зачастую мы сталкиваемся с ситуациями, когда в условиях высокой бюрократизации преподаватели вынуждены регулярно переделывать, переписывать образовательные программы, учебно-методические комплексы, вообще, заниматься бесконечной бумажной работой. Эта ситуация может сказаться на качестве как преподавания, так и образовательных программ. В силу своей загруженности талантливый преподаватель может составить образовательную программу не самого высокого качества, и наоборот.

Американские исследователи также отмечают актуальность вопроса взаимосвязи доверия и качества преподавания. Во многих вузах США исследовательской деятельности сотрудников уделяется больше внимания, чем преподавательской. Отслеживанием и оценкой качества преподавания занимаются относительно мало, «если не считать опросы студентов, которые, впрочем, обычно являются слабым инструментом» [11, с. 42]. Между тем, исследователи отмечают: несмотря на то, что основной работой американских преподавателей является обучение студентов-бакалавров, повышению педагогической квалификации преподавателей внимание практически не уделяется. В тех университетах, где этот факт имеет место, наблюдается снижение качества преподавания и, соответственно, уровень доверия к образованию. Данный вывод американских исследователей еще раз подтверждает истину, что источником доверия в высшем образовании является взаимодействие студентов и преподавателей, опосредованное действием различных организационных факторов, в данном случае – уровнем педагогической квалификации последних.

По нашему мнению, важным механизмом формирования доверия к вузу в зарубежных странах является внимательный подход к разработке документов, размещенных в открытом доступе. Речь идет о доверии к документам, с которыми знакомятся эксперты, студенты, абитуриенты, их родители. Точнее, мы имеем в виду соответствие реального содержания образования (образовательных программ, учебных курсов, системы формируемых компетенций) тому, что заявлено в документах, с которыми образовательные общности знакомятся на «входе». Это требование подчеркнуто во всех Болонских документах [5, с. 52].

Казалось бы, какое значение имеют формальные аспекты высшего образования для формирования доверия к нему? Действительно, в современной России отмечается довольно низкий уровень внимания и доверия к формальным аспектам образовательного процесса в вузе. Так, согласно данным таблице, все последние нововведения в системе высшего образования в России препятствуют, либо никак не влияют на развитие доверительных отношений между представителями образовательных общностей. Таково мнение как студентов, так и преподавателей российских вузов.

Таблица

**Влияние явлений и процессов в высшем образовании
на развитие доверительных отношений между представителями
образовательных общностей (студентов, преподавателей,
вузовских управленцев), в % от числа опрошенных**

	Способствует установлению доверительных отношений		Препятствует установлению доверительных отношений		Никак не влияет	
	Студенты	Преподаватели	Студенты	Преподаватели	Студенты	Преподаватели
Внедрение в образовательный процесс балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов	29,5	29,0	33,6	23,8	36,9	47,2
Внедрение обязательной проверки текстов в системе «Антиплагиат»	19,5	28,5	44,8	22,8	35,7	48,7
Отсутствие фактической свободы выбора в образовательной и научной деятельности	8,8	6,7	70,6	65,3	20,6	28,0
Постоянные изменения правил, требований к студентам (о сроках, пакете документов, шаблонах и т.д.)	6,0	4,2	77,5	66,1	16,5	29,7
Увеличение объема предоставляемых обязательных документов (например, при защите курсовых работ)	11,3	3,1	56,0	75,6	32,7	21,2
Внедрение практики мониторинга эффективности вузов (рейтингованию)	35,4	10,4	14,2	49,5	40,4	40,1

По мнению преподавателей российских вузов, более всего препятствует установлению доверительных отношений увеличение объема предоставляемых обязательных документов (76%). Студенты же считают, что барьером на пути установления доверия в вузе являются постоянные изменения правил и требований к студентам (так считают 78% опрошенных). Оба этих феномена являются следствием одной и той же проблемы: тотальной бюрократизации образовательного процесса в вузах России, которая усложняет учебный процесс для студентов, дает дополнительную нагрузку преподавателям и снижает доверие к административным структурам.

Сверхбюрократизация российского высшего образования требует большого количества управленческих кадров во всех структурах вуза. В связи с этим в последнее время мы наблюдаем постоянное увеличение управленческого аппарата вуза. Однако уровень профессиональной культуры этих специалистов оставляет желать лучшего.

Результаты нашего собственного исследования подтверждают низкий уровень доверия студентов и преподавателей к администраторам вуза и управлению высшим образованием. Данные опроса показывают тесную связь уровня доверия этих образовательных общностей к университетским управленцам с оценкой их профессионализма. Так, например, студентам было предложено установить соответствие различных аспектов деятельности вуза современным требованиям. В результате, работа учебно-вспомогательного персонала, политика деканата/института, правила организации обучения, система оценивания результатов обучения были оценены студентами на уровне 6,6–6,7 баллов (по шкале от 1 до 10, где 1 – минимальная, 10 – максимальная оценка). В целом же соответствие российских университетов современным требованиям, по мнению студентов, можно оценить на более высокий балл – 7,1. Вероятно, такая оценка складывается под положительным влиянием факторов внеучебной, социальной работы, значимость которых признают российские студенты.

Преподавателям для оценки были предложены несколько иные аспекты деятельности вуза. К ним относились, помимо прочих, система университетского управления на уровне кафедры, вуза, на федеральном уровне. В итоге были получены интересные результаты: чем «ближе» были представители управления к преподавателю, тем выше он оценивал их соответствие современным требованиям. Так, система управления на уровне кафедры оценена на 6,6 балла, вуза – на 5,9 балла, управление высшим образованием (уровень макрорегулятора) – на 5,0 баллов.

Таким образом, мы видим в целом невысокую оценку управленческих структур в российских вузах и такой же невысокий уровень доверия к ним со стороны студентов и преподавателей. В связи с обозначенной проблемой остро встает вопрос подготовки кадров для управления высшим образованием. Конечно, программы профессиональной подготовки университетских управленцев существуют во многих российских вузах и организациях дополнительного профессионального образования. Например, в Уральском федеральном университете функционирует Центр повышения квалификации руководителей образования в УрФО. Он реализует несколько программ по повышению квалификации для представителей среднего звена управленческих кадров вузов, а также для кадров управления образованием в регионах¹. Омский государственный педагогический университет реализует программу «Государственно-общественное управление образованием»². Институт развития дополнительного профессионального образования (г. Москва) предлагает программу «Профессиональная переподготовка руководителей образовательных организаций»³. Но, к сожалению, на данный момент мониторинг качества данных программ и результатов их реализации не ведется, и нам трудно оценить динамику эффективности работы университетских управленцев после обучения.

Такая же примерно ситуация сохраняется и в международной практике высшего образования. Проблемам подготовки управленческих кадров для университетов было посвящено два масштабных исследования. Первое проведено Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже по заказу Германской службы академических обменов

¹ Центр повышения квалификации руководителей образования в УрФО [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://igup.urfu.ru/educational-centers/cpkro> (дата обращения: 30.04.2019).

² Повышение квалификации руководителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://omgpu.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/povyshenie-kvalifikacii-rukovoditeley> (дата обращения: 30.04.2019).

³ Профессиональная переподготовка руководителей образовательных организаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://irdpo.ru/main/465-professionalnaya-perepodgotovka-rukovoditeley-obrazovatelnyh-organizaciy.html> (дата обращения: 30.04.2019).

(DAAD) и Германской конференции ректоров (HRK), второе – Международной ассоциацией университетов (IAU) по заказу Всемирного банка.

Заключения экспертов по результатам данных исследований получились следующие: «Программы подготовки кадров обычно длятся недолго, чаще всего – от нескольких дней до одной – двух недель. Они обычно платные и не предполагают получения никакого официального сертификата, кроме свидетельства о посещении курса. Наконец, нельзя утверждать, что руководители программ проводят оценку своей работы, позволяющую оценить ее результаты и эффективность в среднесрочной или в долгосрочной перспективе» [13, с. 10]. В ходе исследования было выделено менее 120 программ, которые реализуются в основном в странах «глобального Севера».

Кроме того, было отмечено, что большинство руководителей в высшем образовании не обладает специализированным образованием. А поскольку от современного высшего образования требуется постоянное развитие, интенсификация и инновации, то и проблема квалифицированных, эффективных управленческих кадров в высшей школе стоит очень остро. Из проведенных исследований становится ясно, что проблема доверия к управленческим кадрам в зарубежных вузах имеет те же основания, что и в российских. Она также находится в объективе внимания студентов и преподавателей, однако не мешает последним сохранять довольно высокий уровень доверия к вузу и высшему образованию в целом. Возможно, это связано с наличием определенных университетских традиций в зарубежных вузах, среди которых – разделенная ответственность университетских администраторов за качество образования и его соответствия тем декларациям, которые отражены в документах, рекламных роликах и других формах предоставления информационного контента. В этом нам видится существенное отличие зарубежных вузов от российских, в которых управление практически переложило всю ответственность за качество обучения на академическое сообщество, оставив за собой право лишь контролировать его.

Выше мы рассмотрели аспекты формирования доверия к высшему образованию, связанные с формальной стороной образовательного процесса в вузе, а также с качеством преподавания. Однако необходимо обратить внимание на ту роль, которую играет фактор восприятия студентами процесса обучения и студенческо-преподавательских взаимоотношений в нем. Отметим, что в современных условиях остро стоят две проблемы. Первая – высокая стоимость обучения, вызванная процессами коммерциализации российского высшего образования. Вторая проблема связана с его массовизацией и одновременно увеличением числа «неуспешных» студентов, не способных к обучению в вузе и его успешному окончанию. Если вторая проблема из двух названных проявляется в одинаковой степени во всех странах (не только в России), то вопросы стоимости и финансового обеспечения обучения целиком и полностью зависят от сложившихся в конкретной стране традиций. В России плата за обучение, как правило, лежит на плечах родителей студентов, а, например, в США молодые люди сами берут образовательные кредиты, которые потом выплачивают в течение длительного времени.

Обе проблемы, на наш взгляд, напрямую влияют на доверие общества к высшему образованию. Высокий процент студентов, успешно окончивших вуз, свидетельствует о значимости высшего образования для общества. Также и финансовая помощь государства студентам и их родителям, оплачивающим высшее образование, будет способствовать повышению уровня их доверия к высшей школе. В этом случае будут задействованы механизмы снижения образовательных рисков и финансовой нагрузки на образовательные общности. Такие выводы мы делаем на основе обобщения опыта зарубежных вузов.

Так, в США и многие других развитых странах для дальнейшего позитивного развития высшего образования правительство и сами университеты вынуждены решать две серьезные проблемы: 1) снижать уровень «отсева»

студентов в процессе обучения и 2) повышать финансовую доступность качественного высшего образования. В США 60% студентов берут образовательные кредиты, но только 55% оканчивают вуз [11, с. 41]. Это обстоятельство ставит студентов в достаточно сложные условия.

В связи с этим современные американские университеты разработали подходы к решению названных проблем. Правда, они имеют пока только локальное применение. Например, Университету штата Флорида за несколько лет удалось повысить долю успешно оканчивающих обучение студентов с 63% до 79% путем исследования трудностей, с которыми сталкиваются студенты, и внедрения механизмов помощи [11, с. 42]. В других американских университетах предлагается ряд программ образовательного кредитования, в которых выплаты выпускников зависят от уровня их дохода. Подобные финансовые программы действуют также в Австралии и Великобритании.

Выше мы уже отметили, что отечественное высшее образования характеризуется подобными проблемами, хотя и в несколько обостренном виде. Поиск путей преодоления причин отчисления студентов из вузов, безусловно, актуален для любой страны. Что же касается финансирования обучения в вузе, то для России этот вопрос не менее актуален, чем для США. Различные варианты программ образовательного кредитования могли бы расширить возможности как для студентов, так и для их родителей, которые на сегодняшний день несут основную финансовую нагрузку по оплате обучения своих детей в вузах.

Выводы. В ходе исследования опыта формирования доверия к высшему образованию в зарубежных странах нами был изучен ряд феноменов, способствующих этому процессу. К ним мы отнесли: активизацию академической мобильности, обеспечение качества образования (преподавания), профессиональную подготовку управленческих кадров для университетов, программы финансирования обучения.

В процессе анализа мы постарались оценить, насколько развиты в современной России названные механизмы и сложились ли предпосылки их внедрения в отечественной высшей школе. Необходимо отметить, что в целом российское высшее образование способно воспринять позитивный зарубежный опыт с учетом национальной специфики и адаптации к организационным и социокультурным особенностям отечественных вузов.

Литература

1. Алексеева А.Ю. Концептуальные основы исследования феномена доверия: обзор основных подходов // Вестник НГУ. Серия «Социально-экономические науки». 2004. Т. 4. № 1. С. 136-148.
2. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е., Шаброва Н.В. «Старое» и «новое» доверие в высшем образовании // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 1. С. 9-36.
3. Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования. г. Болонья, 19 июня 1999 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/> (дата обращения: 27.04.2019).
4. Варганова Г.В. Доверие к научным исследованиям как фактор совершенствования высшего образования // Библиосфера. 2017. № 2. С. 3-6.
5. Гретченко А.И., Гретченко А.А. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М.: КНОРУС, 2013. С. 52 (430 с.).
6. Григорьев В.Е. Изменение доверия к науке у студентов научных специальностей // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 129-140.
7. Зборовский Г.Е. Понятие и структура доверия в высшем образовании // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 78-84.
8. Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и высшее образование: сравнение России и других европейских государств // Философские науки. 2016. № 10. С. 107-115.

9. Колпина Л.В., Реутов Н.Н., Третьякова Л.А. Социальное доверие в системе высшего образования Белгородской области: эмпирический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 6. С. 25-32.
10. Лавакаре П.Дж. Индия и Китай: два основных центра высшего образования в Азии // Международное высшее образование. 2018. № 94. С. 17. (С. 16-18)
11. МакФерсон М., Перселл Ф. Будущее бакалаврского образования в США // Международное высшее образование. 2018. № 95. С. 42.
12. Олейникова О.Н. Болонский процесс как инструмент интернационализации высшего образования // Педагогика и психология образования. 2015. № 2. С. 58-68.
13. Рамбли Л., ван'т Ланд Х., Беккер Ж. Подготовка руководящих кадров для высшего образования // Международное высшее образование. 2018. № 96. С. 10. (С. 8-10)
14. Сен-Бланка Ш. Италия: утечка мозгов или циркуляция умов? // Международное высшее образование. 2019. № 96. С. 15-16.
15. Флоринская Ю., Мкртчян Н. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития России. 2018. № 1 (62). С. 17. (С. 15-18)
16. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак, 2004. 730 с.
17. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2015. 440 с.
18. Шуклина Е.А., Певная М.В. Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 5. С. 120-131.
19. Щербакова Е.М. Миграция в России, предварительные итоги 2018 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 805-806. [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0805/barom01.php> (дата обращения: 01.05.2019).
20. Эшвин П. Что представляет собой британская Рамочная программа по улучшению качества преподавания (TEF) и заработает ли она? // Международное высшее образование. 2017. № 88. С. 16. (С. 16-17).
21. Hendry G.D., Hyde S.J., Davy P. Independent student study groups // Medical Education. 2005. Vol. 39. No. 7. P. 672-679.
22. Werder C., Skogsberg E. Trusting Dialogue for Engaging Students // Student Engagement Handbook: practice in higher education. Bingley: Emerald Group, 2013. P. 133-144.

Reference

1. Alekseev A.Yu. Conceptual bases of research of a phenomenon of trust: an overview. *Vestnik NSU. Series «Socio-Economic Sciences»*. 2004, Vol. 4, N 1, p. 136-148 (in Russian).
2. Ambarova P.A., Zborovsky G.E., Shabrova N.V. «Old» and «New» Trust in Higher Education. *The Education and Science Journal*. 2019, Vol. 21, N. 1, p. 9-36 (in Russian).
3. Bologna Declaration. European higher education area. Joint statement by the European Ministers of education. Bologna, 19 June 1999 [Electronic resource]. Available at: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/> (date accessed: 27.04.2019).
4. Varganova G.V. The confidence to research as a factor of higher education development. *Bibliosphere*. 2017, N 2, p. 3-6 (in Russian).
5. Gretchenko A.I., Gretchenko A.A. Bologna Process: integration of Russia into the European and world educational space. М.: KNORUS, 2013. 430 p. (in Russian).
6. Grigoriev V.E. Change of level of trust in science in students with academic specialties. *Sociology of Science and Technology*. 2015, Vol. 6, N 4, p. 129-140 (in Russian).
7. Zborovsky G.E. The concept and structure of trust in higher education. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2018, N 2, p. 78-84 (in Russian).
8. Zelenev I., Prokhoda V. Trust and Availability of Higher Education: The Comparison of Russia and Other European Countries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2016, N 10, p. 107-115 (in Russian).

9. Kolpina L.V., Reutov N.N., Tretyakova L.A. Social trust in the higher education system of the Belgorod region: empirical analysis. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2016, N 6, p. 25-32 (in Russian).
10. Lavakare P.J. India and China: two main centers of higher education in Asia. *International Higher Education*. 2018, N 94, p. 16-18 (in Russian).
11. MacPherson M., Purcell F. The future of bachelor's education in the USA. *International Higher Education*. 2018, N 95, p. 41-43 (in Russian).
12. Oleynikova O.N. Bologna process as a tool of internationalization of higher education. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2015, N 2, p. 58-68 (in Russian).
13. Rambley L., van't Land H., Becker J. Leadership training for higher education. *International Higher Education*. 2018, N 96, p. 8-10 (in Russian).
14. Saint-Blanca S. Italy: brain drain or brain circulation? *International Higher Education*. 2019, N 96, p. 15-16 (in Russian).
15. Florinskaya Yu., Mkrtchyan N. Qualified migration in Russia: balance of losses and acquisitions. *Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development of Russia*. 2018, Vol. 1, N 62, p. 15-18 (in Russian).
16. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity. M.: AST; Ermak, 2004. 730 p. (in Russian).
17. Stompka P. Trust is the Foundation of society. M.: Logos, 2015. 440 p. (in Russian).
18. Shuklina E.A., Pevnaya M.V. Trust as an institutional problem of higher education. *University management: practice and analysis*. 2017, Vol. 21, N 5, p. 120-131 (in Russian).
19. Shcherbakova E.M. Migration in Russia, preliminary results of 2018. *Demoscope Weekly*. 2019, N 805-806 [Electronic resource]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0805/barom01.php> (date accessed: 01.05.2019) (in Russian).
20. Ashwin P. What is the British framework programme for improving the quality of teaching (TEF) and will it work? *International Higher Education*. 2017, N 88, p. 16-17 (in Russian).
21. Hendry G.D., Hyde S.J., Davy P. Independent student study groups. *Medical Education*. 2005, Vol. 39, N 7, p. 672-679.
22. Werder C., Skogsberg E. Trusting Dialogue for Engaging Students. In: *Student Engagement Handbook: practice in higher education*. Bingley: Emerald Group, 2013, p. 133-144.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.027
 УДК 316.356.2:314.372.23
 ББК 60.561.5

Н.Б. КОСТИНА,
 Э.И. ГАРАЕВА

N.B. KOSTINA,
 E.I. GARAEVA

ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ: СУЩНОСТЬ, ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ

VOLUNTARY CHILDLESSNESS: ESSENCE, FACTORS OF DETERMINATION

Предметом рассмотрения в представленной статье является достаточно новый для современного российского общества феномен, вызывающий неоднозначные оценки со стороны представителей различных социально-демографических групп – чайлдфри. В статье рассмотрены представленные в зарубежных и отечественных источниках подходы, объясняющие феномен чайлдфри и детерминирующие его факторы. Это теории второго демографического перехода, гендерного равенства, постматериалистических ценностей, избегания рисков, предпочтений. На основе проведенного теоретического анализа выделены две подгруппы факторов, обуславливающих ценностно-рациональный выбор бездетности как жизненной позиции, жизненной стратегии, образа жизни – внеличные факторы внешней среды и личные факторы. Эмпирическими данными, подтверждающими рассматриваемые теоретические позиции, являются статистические показатели, результаты исследований ВЦИОМ, результаты авторского исследования приверженцев добровольной бездетности, проведенного методом полуструктурированного интервью.

The subject of the article is new for modern Russian society the phenomenon, causing a mixed assessment on the part of representatives of various socio-demographic groups – child-free. In the article presented in the foreign and domestic sources, the approaches explaining the phenomenon of childfree and determining its factors. These are theories: the second demographic transition, gender equality, post-materialistic values, risk avoidance, preferences. On the basis of the theoretical analysis, two subgroups of factors that determine the value-rational choice of childlessness as a life position, life strategy, lifestyle – non-personal factors of the environment and personal factors are identified. Empirical data confirming the considered theoretical positions are statistical indicators, the results of research by the WCIOM, the results of the author's study of adherents of voluntary childlessness conducted by the method of semi-structured interviews.

Ключевые слова: добровольная бездетность, чайлдфри, ценностно-рациональный выбор, факторы детерминации.

Key words: voluntary childlessness, childfree, value-rational choice, factors of determination.

Введение. Современные государства уделяют значительное внимание разработке и реализации семейной политики, что обусловлено трансформациями семьи и брака, отношений между детьми и родителями, межпоколенческими отношениями.

Цель – анализа феномена чайлдфри и детерминирующие его факторы.

Материалы исследования. В послании Президента РФ к Федеральному Собранию, выступление которого было 20 февраля 2019 года, этому вопросу уделялось значительное внимание: «Теперь – о наших задачах более конкретно. И прежде всего – о ключевой из них: о сбережении народа, а значит, о всемерной поддержке семей. Для нашего общества, для многонационального народа именно семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом. Мы делали и будем делать всё для укрепления семейных ценностей» [10].

Однако при реализации государственной семейной политики не всегда учитываются процессы, характерные для функционирования современной семьи. Несмотря на волнообразные отдельные проявления роста рождаемости в России, доминирующей тенденцией являются снижение естественно-

го прироста населения, уменьшение количества зарегистрированных браков. Функционирование современной семьи характеризуется изменением гендерных ролей супругов; доминированием индивидуально-личностного начала в брачно-семейных отношениях. Следствием названных процессов становится появление новых форм семейно-брачных отношений, изменение ценностных ориентаций и установок. Одним из проявлений семейных трансформаций выступает появление и распространение феномена добровольной бездетности. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что с конца XX века для России устойчивыми являются процессы сокращения зарегистрированных браков, снижения рождаемости, увеличения количества разводов. Несмотря на некоторую положительную динамику, проявившуюся в начале XXI в., с 2010 г. произошел возврат к обозначенным тенденциям.

В январе-ноябре 2016 года, по данным Росстата, в 44 субъектах РФ число умерших превысило число родившихся, причем в девяти субъектах РФ – в полтора раза [4]. Согласно отчету Росстата, в 2016-й год в России родилось 1,69 миллиона детей, что на 10,7% меньше, по сравнению с показателем за предыдущий год [12].

Возраст вступления в зарегистрированный брак увеличился: в 2016 году наиболее популярная категория возраста вступления в брак – 25-34, в то время как в 2002 году наиболее популярной являлась категория 18-24 [1]. По итогам всероссийской переписи населения 2010 года, каждая шестая россиянка в возрасте 30-34 лет бездетна, а к 50 годам – бездетна каждая десятая. Демографический прогноз до 2035 г., разработанный Росстатом, предполагает, что численность населения страны постепенно сокращается вследствие низкого уровня естественного прироста [3]. Количество браков, заключенных в 2015 г., снизилось в среднем на 65 тыс., в сравнении с 2014 годом [6].

Всероссийский центр изучения общественного мнения в 2018 году проводил опрос с целью фиксации мнений россиян о принятых и реализуемых Правительством мерах по повышению рождаемости, а также об их планах иметь в будущем детей. Согласно полученным данным, 6% россиян добровольно отказываются от рождения детей, относят себя к чайлдфри. Для сравнения: в 2005 году, согласно результатам опроса, таких не было. Между тем, за это же время выросло число и тех, кто хотел бы иметь троих (с 23% в 2005 году до 28% – в 2017 году), четверых и более (с 7% до 14%) детей. Но когда речь заходит и реализации этих стратегий на практике, большинство респондентов (79%), уже имеющих детей, сейчас не готовы к рождению еще одного ребенка [2].

Представители чайлдфри-сообщества рассматриваются как своего рода новый элемент в социальном составе и структуре обществ XXI века. Тем не менее, бездетность как социальный феномен имеет историческую ретроспективу, то есть сам по себе новым не является.

Основания формирования добровольной бездетности можно обнаружить в античной цивилизации, которая, не противопоставляя культуру и природу, смогла создать человека философствующего, то есть себя осознающего. Мыслители Греции и Рима, определяя место человека в мироздании, цели существования и способы их реализации, принимали неординарные решения: отказывались от сексуальных связей, пропагандировали возвышенную, платоническую любовь (Сократ); призывали людей наслаждаться жизнью, испытывать постоянное удовольствие (Аристипп, Эпикур). И гедонизм, и аскетизм формировали основу для свободы выбора каждого человека в любом вопросе. Можно привести в качестве примера и то, что не существовало понятия о правильной и неправильной любви, в связи с чем гомосексуальность не была редким явлением. Конечно, у античных мыслителей мы не обнаружим теории чайлдфри, но идея «свободных от детей», а не «бездетных» у них явно просматривается. Также стоит обратить внимание на то, что возникновение истоков чайлдфри имеет прямую связь с экономическим про-

грессом общества и высоким уровнем жизни, а также с развитием философской мысли и углублением размышлений о самореализации человека в рамках возможной свободы выбора. Появление и распространение идей и практики чайлдфри свидетельствует об определенном уровне, которого достигло общество в своем развитии.

В европейских средневековых обществах чайлдфри проявлялся в форме аскетического идеала святых, которые противостояли своим желаниям, проистекающим из естества, и выбирали путь богоискательства. Отречение от земной жизни, от традиционных социальных связей и единение с Богом в труднодоступной местности составляли основы аскезы. Обет безбрачия и целомудрия, отказ от вступления в брак – один из догматов католицизма. Выбор служения Богу – добровольный, но он автоматически влечет за собой соблюдение католическим духовенством целибата – отказа от создания семьи и рождения детей. В данном случае чайлдфри оказывается не добровольным выбором, а как бы «сопутствующим условием» добровольного выбора в более широком контексте. Неоднократные попытки высших католических иерархов отменить этот догмат (или хотя бы как-то смягчить его) пока успехом не увенчались, следствием чего являются давно сформировавшиеся и до сих пор существующие проблемы взаимоотношений в среде католического духовенства, проявляющиеся в осуждаемых обществом сексуальных практиках.

Для эпохи Возрождения характерен перенос акцентов на человека как творение Бога, который сам является мастером и творцом, продолжателем и соучастником собственного становления. Многие из известных представителей этой эпохи отказывались от детей, аргументируя это тем, что им необходима полная концентрация на творчестве. Искусство, поэзия, земная жизнь в целом наполняются божественной энергией. Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти демонстрируют нам своих земных Мадонн как воплощение таинственности и женственности. Обращенность к античному искусству позволяет возродить красоту тела и его сексуальность. Гедонистические настроения пропитывают центры европейской культуры.

Развитие рационалистического метода познания возвышает разум. Феминизм, формирующийся в Новое время, становится движением за права женщин на политическое и юридическое представительство, доступ к различным уровням образования, активное участие в социальной и культурной жизни. Создаются семьи, не поддерживающие патриархального уклада, считающие ценностью семью как союз равноправных личностей. Промышленный рост, технические революции, повышение уровня жизни и изменение ее качества привели к тому, что расширенная семья стала уходить в прошлое.

Процессы урбанизации, индустриализации, демократизации общества положили начало разрушению старой экономической, социальной и культурной матриц. Развитие гендерного самосознания на фоне группирующегося либерального общества начинало набирать свои обороты в таких странах, как США, Великобритания и Франция.

Первые десятилетия прошлого века характеризовались мировым экономическим кризисом, нищетой и голодом, войнами и миграционными процессами, детерминировавшими тенденцию к увеличению бездетных людей. Добровольный выбор бездетности гражданами современных обществ имеет принципиально иной социально-экономический контекст, иную идеологию, иные факторы влияния.

Чайлдфри как черта семейных отношений современных обществ (англ. *childfree* – свободный от детей, бездетный) представляет собой добровольный отказ от рождения и воспитания детей. Зарождение и распространение такой семейной формы во многом детерминировано структурными изменениями социума, условиями становящегося постиндустриального общества, в котором функции семьи претерпевают изменения, отражающиеся на ее функциях, организационных формах, оценках акторами семейных практик.

Как уже отмечалось, добровольная бездетность в различных обществах существовала всегда, пусть и в незначительном процентном соотношении с традиционно преобладающими семьями с детьми. При этом как уровень распространения добровольной бездетности, так и ее оценка социальными группами зависит от историко-культурных и религиозных традиций конкретных современных обществ.

Термин «чайлдфри» начинает активно употребляться в 1960-70-х гг. при анализе процессов, происходящих в американском обществе. Данное понятие появилось в противовес понятию «childless», в переводе означающему «бездетный». Последнее является более широким, поскольку используется для обозначения не только группы тех, кто добровольно отказывается иметь детей, но и тех, кто по медицинским либо каким-то иным факторам не может иметь детей. В связи с этим сообщество, добровольно выбирающее отказ от детей, приняло решение обозначить свой выбор именно данным термином, подчеркивая, что они осознанно отказываются от продолжения рода, а не под влиянием каких-либо иных факторов.

Среди теоретических исследований, посвященных анализу добровольной бездетности как ценностно-рационального выбора семейных практик, необходимо обратить внимание на сформулированные в конце прошлого-начале нынешнего веков теории, объясняющие факторы, детерминирующие такой ценностный выбор.

По теории **второго демографического перехода** (Д. Ван де Каа и Р. Лестар), основанием добровольной бездетности является сдвиг от «материалистических» ценностей (постоянный доход, политическая стабильность и т.д.) к «постматериалистическим» ценностям – «укорененной снизу» демократии, свободе слова, эмансипации, суфражизму, новым политическим идеям [13]. Но эта теория обобщает ценностную трансформацию, порожденную социально-экономическими условиями западно-европейских обществ второй половины XX века, что ставит под сомнение использование ее для объяснения аналогичных демографических изменений, происходящих в других странах.

«Второй демографический переход, – по мнению С.В. Захарова, – связан с не менее фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека, чем первый переход: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потомства» [5].

С позиций **теории гендерного равенства**, разработанной австралийским демографом П. Макдональдом, важнейшим фактором, детерминирующим такие проявления демографического поведения, как низкий уровень рождаемости (малодетные семьи), выбор бездетности, обществах позднего индустриализма и становящегося постиндустриализма становится дисбаланс между высокой степенью гендерного равенства в сферах образования, профессиональной занятости, политической и общественной активности – и гендерным неравенством в рамках семьи, обусловленным сохранением традиционной модели распределения функций ее членов. П. Макдональд считает, что гарантом высокой рождаемости является достижение гендерного равенства на всех уровнях, включая семейно-бытовой и институциональной [15]. Однако данные различных эмпирических исследований не подтверждают этого теоретического тезиса, показывая, что при гендерном равенстве в семье добровольный выбор бездетности оказывается совместным ценностным выбором супругов.

Согласно **теории постматериалистических ценностей** Р. Инглхарта, со становлением и расширением географии постиндустриальных обществ процесс ценностной трансформации – от традиционных к секулярно-рациональным – замедляется, при этом сопровождается процессом перехо-

да от ценностей выживания к ценностям самовыражения, реализации свободы выбора, творческой реализации, креативной профессиональной деятельности [7]. Не только в европейских странах, но и в странах других регионов мира наблюдается такое поколенческое изменение, как смена материалистических ценностей постматериальными: «Место экономических достижений как высшего приоритета в настоящее время в обществе постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни. В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения. Сдвиг от “материалистических” ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям «постматериальным», с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни, – наиболее полно документированный аспект данной перемены» [8].

Сторонники **теории избегания рисков** считают, что факторами, детерминирующими снижение рождаемости и распространение ценностно-рационального выбора в пользу бездетного образа, являются прежде всего экономическая неопределенность и рост индивидуализации рисков. На фоне неопределенности прогнозируемых не столько экономических, сколько личностных, социально-культурных затрат, связанных с родительство, и неясности ожидаемых от выполнения родительских функций в последующем предпочтений людей, принимающие решения о рождении детей, предпочтут избегать рисков.

Согласно **теории предпочтений** (представитель – британский социолог Э. Хаким), для небольшой доли женщин в современных обществах характерны предпочтения профессиональной деятельности, карьерного роста, самореализации, комфортного образа жизни. Но сторонники данной теории не фиксируют внимания на том, что современные женщины стремятся согласовать названные выше ценности с ценностями семейными. В пользу такого вывода свидетельствуют данные, полученные как зарубежными, так и отечественными социологами о том, что при выстраивании рейтинга ценностей как для женщины, так и мужчины на 1-3 места ставят интересную работу, профессиональный и карьерный рост, семью, а группа добровольно отказывающихся от детей институционализируется, но по численности остается стабильной.

Хаким, на основании исследовательских данных начала нашего века, предполагает, что в каждом поколении примерно 20% женщин будут выбирать добровольную бездетность на основании того, что предпочитают семейным ценностям карьерные, профессиональные [16]. Однако более поздние исследования зафиксировали, что бездетные женщины составили менее 20%. Теория предпочтений не учитывает важности структурирования женщин как демографической группы на основании ценностных предпочтений: институционализация подгруппы добровольно бездетных не обязательно оказывает влияние на изменение ценностей тех, кто ориентирован на семью с детьми.

Результаты исследования. Несмотря на акцентировании исследовательского внимания при изучении демографических процессов и выбора добровольной бездетности на ценностных факторах, аналитики не упускают из поля внимания социально-экономические и социокультурные факторы. В частности, американские исследователи динамики бездетности Д. Постон и К. Тренд выделяли разную степень влияния этих групп факторов. В развивающихся странах, и особенно слаборазвитых, она вынужденная, обусловленная низким качеством жизни, распространенностью заболеваний, скудным питанием, в то время как в странах развитых – по преимуществу добровольная [17]. Как и рассматриваемых выше теориях, устойчивое существование группы добровольно бездетных в современных обществах традиционно обосновывается влиянием таких факторов как процессы урбанизации, повы-

шения уровня образования, совершенствования медицинских технологий и практик, трудовой и общественной активности женщин. Наряду с этими факторами Р. Симпсон акцентирует внимание на репродуктивной революции, широком доступе к различным видам контрацепции, условиях совмещения родительства и занятости [18].

Анализ теоретического осмысления детерминант выбора добровольной бездетности свидетельствует, таким образом, о том, что представители различных концептуальных построений выделяют две подгруппы факторов, обуславливающих выбор людьми, семейными парами жизнь без детей. Условно первую подгруппу можно назвать внеличными факторами внешней среды – макро-, мезо- и микросреды. К ним относятся показатели социально-экономического развития, степень безопасности жизнедеятельности, уровень и качество жизни, культурно-исторические традиции конкретных обществ, возможности для реализации личностями своих профессиональных и карьерных притязаний. Вторую подгруппу можно обозначить как личностные факторы: это ценности, ценностные ориентации и установки личности, обуславливающие выбор жизненных стратегий, одной из составляющих которых является стратегия устройства собственной семьи, наличия/отсутствия детей, принятие решений об их количестве, направленности их воспитания и образования. Среди факторов второй подгруппы особое место занимает религиозный фактор. На выбор добровольной бездетности как семейной стратегии влияют все факторы в совокупности, но на уровне каждой личности степень их влияния оказывается различной, что подтверждается полученными нами эмпирическими данными.

Формой институционализации социальной группы добровольно выбирающих бездетность на сегодняшний день являются интернет-сообщества, поэтому именно в социальных сетях мы и находили респондентов с целью проведения опроса.

Эмпирической базой проведенного нами в 2018 г. исследования стали данные качественных полуструктурированных интервью приверженцев добровольной бездетности форума «Планета чайлдфри» (10 женщин и 5 мужчин в возрасте от 19 до 46 лет) посредством видеозвонков. Отбор проводился методом выбора целевых групп, вопросы были разделены на три блока.

Первый блок вопросов позволил нам выявить мнения респондентов о том, как к их ценностно-рациональному выбору относятся окружающие.

– *«Друзья поддерживают мой выбор, иначе они бы не были друзьями. Из родственников одобряют бабушка и младший двоюродный брат. Мнением одногруппников не интересовалась»*, – женщина, 19 лет.

– *«Неоднозначно. Кто-то понимает и не вмешивается. А кто-то начинает убеждать, как это аморально»*, – женщина, 32 года.

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что, чем старше представители группы сторонников чайлдфри, тем больше со стороны микро- и мезосоциума проявляется непонимание выбора бездетного образа жизни и даже оказание некоторого давления на сделавших этот выбор.

По мнению канадского социолога Виверс, появление такого феномена, как чайлдфри стало возможно в связи с «контрацептивной революцией», с появлением надежной, но в то же время обратимой контрацепции [14], так как далеко не все чайлдфри готовы прибегнуть к процедуре стерилизации, многие даже не рассматривают такой вариант осуществления добровольной бездетности.

Одна из интервьюируемых нами сказала, что сделала процедуру стерилизации: *«Нет, такой вероятности не существует, я абсолютно уверена в этом. Тем более, что я сделала невозвратимый процесс, о котором я ничуть не жалею. Я 3 года назад сделала стерилизацию, и я считаю это лучшим контрацептивом, которое могли бы придумать. Эту операцию я делала в одной из частных клиник, где работает моя близкая подруга. Операция совершенно безболезненная»*.

На вопрос о том, как относятся к данному решению окружающие, женщина ответила: *«Конечно же, отрицательно. Они начинают говорить: «Не надо делать что-то навсегда. Мало ли что может случиться в жизни, и ты захочешь ребенка». Нет, такого не случится! Поэтому я стараюсь про это никому не говорить, знают только самые близкие»*, – женщина, 37 лет.

Второй блок вопросов посвящен выявлению мнений последователей чайлдфри о формировании толерантного отношения к данной подгруппе со стороны социума в целом и со стороны государства в частности.

Полученные в ходе интервью данные показали, что по этому поводу мнения респондентов разделились. Часть из них считает, что поддержка чайлдфри со стороны общественного мнения и государства необходима:

«...потому что на самом деле очень мало людей действительно хотят обзаводиться детьми, большинство рождает, поддавшись общественному мнению, делая несчастными и себя, и ребенка. Этого можно было бы избежать, если бы детям не забивали голову традиционными семейными ценностями и оставляли им право выбора», – женщина, 19 лет.

«Безусловно. Думаю, что это придет со временем в Россию, чайлдфри распространится через лет 10-15 и станет на уровне Америки, будут различные условия для нормального проживания сторонников бездетного образа жизни», – мужчина, 32 года.

Другая часть опрошенных, напротив, считает, что идеология и практика чайлдфри не нуждается в поддержке: *«Ни в коем случае нет никакой необходимости поддерживать данную идеологию. Бездетность – сугубо индивидуальное решение, к которому индивидуум должен приходить самостоятельно. Никаких определенных условий не нужно, достаточно просто не трогать добровольно бездетных. Политические акции и прочая агитация совершенно бессмысленны, поскольку чайлдфри не движение, а лишь осознанный индивидуальный выбор каждого, который никого не касается. Политические акции допустимы и даже необходимы в одном случае: если права бездетных будут ущемляться обществом и государством (например, в случае введения налога на бездетность и прочих дискриминационных антиконституционных законов)»* (мужчина, 40 лет).

«Поддерживать идеологию не стоит, достаточно не мешать людям выбирать свой сценарий жизни» (женщина, 37 лет).

Блок 3. Поскольку на формирование семейных ценностей значимое влияние оказывают культурно-исторические традиции региона, конфессиональная идентификация личности, респондентам был задан вопрос об их религиозной принадлежности.

Христианские конфессии осуждают феномен чайлдри как противоречащий заповеди Бога «Плодитесь и размножайтесь». С резким осуждением данного движения выступал Папа Иоанн Павел II, назвав его «восстанием против Бога». Иерархи Русской Православной Церкви также осуждают сторонников чайлдфри. Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Вахтанг Кипшидзе отмечает: «Идеология «чайлдфри» – это, на мой взгляд, идеологический терроризм, который подталкивает людей к духовному самоубийству через отказ от продолжения своего рода». Он считает, что многодетность – основополагающая составляющая российского общества, и с новой идеологией нужно бороться – при помощи «массового неприятия в обществе», а также на государственном уровне [11].

В ходе исследования мы выяснили, что наши респонденты относят себя к атеистам, полностью отрицающим существование Бога и, соответственно, веру него в любом ее проявлении.

«Я атеист. Вообще отрицательно отношусь к православию и исламу, к остальным религиям равнодушен», – мужчина, 24 года.

«Я атеист, считаю, что религия тормозит развитие человека, и мне кажется странным, что люди до сих пор верят в подобные выдумки»

и тратят свою единственную жизнь на это. Наиболее важным в своей жизни я считаю несколько вещей – благополучие моих близких, моя работа и творчество, финансовое благополучие и возможность позволить себе всё, что мне хочется», – женщина, 27 лет.

«Я атеист, но отношусь с уважением к мировым религиям, если действия их последователей не нарушают права и свободы других людей», – мужчина, 42 года.

Исходя из результатов исследования, мы можем отметить, что проявляется непонимание выбора бездетного образа жизни и даже оказание некоторого давления на сторонников добровольной бездетности. В этой связи сами представители добровольной бездетности в интервью заявили, что хотели бы формирования толерантного отношения к данной подгруппе со стороны социума в целом и со стороны государства в частности.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование доказывает, что в трансформирующемся обществе важнейшим фактором, определяющим выбор добровольной бездетности, является ценностно-рациональный. Постсоветские реалии рынка труда «расчистили» пространство для реализации асинхронной модели совмещения работы, семьи/личной жизни, деторождения, которая осуществляется в условиях ценностной трансформации. Составляющими этой трансформации являются изменение отношения социальных акторов к гендерным ролям, понимание родительства как вида труда, выстраивание очерёдности в выборе приоритетов (сначала – учеба, начало успешной карьеры, потом – семья и дети), откладывание решения одних задач в пользу других, управление этим таймингом, исходя из собственных интересов, личностного самоопределения. С одной стороны, это происходит потому, что на первый план выходят такие ценности, как высокое качество жизни, карьерное предпочтение, осуществление стратегий самореализации. С другой стороны, определенная (пока что незначительная) группа людей сознательно отказывается от детей из-за повышения влияния ценности минимизации рисков. Последние связаны не столько с материальными, финансовыми, технологическими ресурсами, сколько с различными рисками, которые в современных условиях можно назвать «эко-рисками». Но рассмотрение этого вопроса уже является предметом отдельной статьи.

Литература

1. Браки и разводы. Браки по возрастам жениха и невесты [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 17.02.2019).
2. ВЦИОМ: ТОП-7 главных социальных фактов о россиянах в январе 2018 // ВЦИОМ. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infographics.wciom.ru> (дата обращения: 10.11.2018).
3. Демографический прогноз до 2035 года: Изменение численности населения по вариантам прогноза // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.xls (дата обращения: 17.03.2019).
4. Женщины и мужчины России. 2016: стат. сборник // Росстат. М., 2016. 208 с.
5. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. 140 с.
6. Интервью с главой ВЦИОМ Валерием Фёдоровым. // ВЦИОМ. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116054> (дата обращения: 17.02.2019).
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
8. Инглхарт Рональд. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 18-28.

9. Исупова О. Добровольно бездетные или «свободные от детей» // Демоскоп. [online]. 2010. № 427-428 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php>.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/.
11. РПЦ осудила идеологию «чайлдфри» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/4743468> (дата обращения: 17.03.2019).
12. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Семья, материнство и детство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 19.10.2019).
13. Van de Kaa D.J. Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Populations Studies*. 1996, Vol. 50, p. 425.
14. Veevers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworths, 1980, p. 220.
15. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Ibid*. 2000, Vol. 26, no. 3, p. 427-439 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2000.00427.x> (дата обращения: 21.03.2019).
16. Hakim C.A. New Approach to Explaining Fertility Patterns: Preference Theory // *Population and Development Review*. 2003, № 3, Vol. 29, p. 349-374 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1728-4457.2003.00349.x> (дата обращения: 21.03.2019).
17. Poston D.L., Trent K. International variability in childlessness: A descriptive and analytical study // *Journal of Family Issues*. 1982, Vol. 3, p. 491 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/019251382003004004> (дата обращения: 23.03.2019).
18. Simpson R. Childbearing on Hold // *A Literature Review*. 2006. Working Paper 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uptap.net/reports%20and%20papers/05UPTAP%20Working%20Paper%201R.Simpson.doc> (дата обращения: 25.03.2019).

References

1. Marriages and divorces. Marriages by age of the bride and groom [Electronic resource]. Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (accessed 17.02.2019).
2. VTSIOM: TOP 7 main social facts about Russians in January 2018 // VTSIOM. 2018 [Electronic resource]. Mode of access: <https://infographics.wciom.ru> (accessed: 10.11.2018).
3. Demographic forecast to 2035: population Change by forecast options // Federal state statistics service [Electronic resource]. Mode of access: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.xls (date accessed: 17.03.2019).
4. Women and men of Russia. 2016: Statistical collection // Rosstat. M., 2016. 208 p.
5. Zakharov S.V. the Prospects of fertility in Russia: second demographic transition // *Otechestvennye Zapiski*. 2005, No. 3. 140 p. (in Russian).
6. Interview with the head of VTSIOM Valery Fedorov // VTSIOM. 2017. [Electronic resource]. Mode of access: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116054> (date accessed: 17.02.2019).
7. Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural change and democracy: the Sequence of human development. M.: New publishing house, 2011. 464 p.
8. Inglehart Ronald. Postmodern: changing values and changing societies // *Polis*. 1997, No. 4, p. 18-28 (in Russian).
9. Isupova O. Voluntarily childless or «free from children» // *Demoscope*. [on line], 2010, No. 427-428 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php>.
10. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 20.02.2019 "Message of the President to the Federal Assembly" [Electronic resource]. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543.

11. The ROC condemned the ideology of "childfree" [Electronic resource]. Mode of access: <https://tass.ru/obschestvo/4743468> (date accessed: 17.03.2019).
12. Federal state statistics service (Rosstat). Family, motherhood and childhood. [Electronic resource]. Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (accessed 19.10.2019).
13. Van de Kaa D.J. Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Populations Studies*. 1996, Vol. 50, p. 425.
14. Veevers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworths, 1980, p. 240.
15. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Ibid*. 2000, Vol. 26, no. 3, p. 427-439 [Electronic resource]. Mode of access: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2000.00427.x> (date accessed: 21.03.2019).
16. Hakim C.A. New Approach to Explaining Fertility Patterns: Preference Theory // *Population and Development Review*. 2003, Vol. 29, No. 3, p. 349-374 [Electronic resource]. - Access mode: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1728-4457.2003.00349.x> (date accessed: 21.03.2019).
17. Poston D.L., Trent K. International variability in childlessness: A descriptive and analytical study // *Journal of Family Issues*. 1982, Vol. 3, p. 491 [Electronic resource]. Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/019251382003004004> (date accessed: 23.03.2019).
18. Simpson R. Childbearing on Hold // A Literature Review. 2006. Working Paper 1 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.uptap.net/reports%20and%20papers/05UPTAP%20Working%20Paper%201R.Simpson.doc> (date accessed: 25.03.2019).

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.016

УДК 316.77

ББК 60.524.224.56

А.В. КУЛЬМИНСКАЯ

A.V. KULMINSKAIA

**ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ****VOLUNTEERING IN THE INTERNET:
IDENTIFICATION PROBLEMS**

*Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации
№ МК-5869.2018.6 «Молодежное волонтерство в российском регионе:
потенциал развития и эффективность управления»*

Цель статьи – проанализировать практику использования понятий, относящихся к добровольческой деятельности в сети Интернет. Отдельное внимание уделено причинам существования понятийного множества и широте распространения волонтерской деятельности в виртуальном пространстве. На основе анализа зарубежных и российских публикаций определена специфика использования различных понятий. Выявлено противоречие самоидентификации волонтеров в сети Интернет. Дана оценка значимости цифровизации добровольчества.

The purpose of the article is to analyze the practice of using the concepts related to volunteering in the Internet. Special attention is paid to the reasons for the existence of the conceptual set and the breadth of volunteer activity in the virtual space. On the basis of the analysis of foreign and Russian publications the specificity of the use of different concepts is determined. The contradiction of self-identification of volunteers in the Internet is revealed. The importance of digitalization of volunteerism is assessed.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, киберволонтерство, медиаволонтерство, онлайн-волонтерство, социальное участие, коммуникация, социальное взаимодействие.

Key words: volunteering, cyber-volunteering, media volunteering, online volunteering, social participation, communication, social interaction

Введение. Виртуализация повседневных практик, свойственная для населения крупных городов, охватывает все сферы деятельности: от совершения покупок и коммунальных платежей до принятия смысловых решений, когда человек ищет поддержку или совет в виртуальных сообществах и исходя из мнений незнакомых людей формирует позицию относительно жизненной стратегии. Если еще десять лет назад мы говорили о полной или частичной анонимности интернет-взаимодействия и, как следствие, возможных угрозах, то сейчас процесс деанонимизации идет полным ходом, а Интернет все больше используется ради благих целей. В самом деле, виртуальное пространство идеально подходит для реализации теории малых дел: рассказ о значимом событии, распространение информации, проверка или оценка достоверности опубликованных кем-то материалов, помощь в сборе средств не занимает много времени, но вносит вклад в общее дело добровольчества. В силу того, что перечисленные виды деятельности осуществляются под воздействием внутреннего побуждения, часто без достаточной рефлексии, мало пользователей относят себя к волонтерам. Отсутствие самоидентификации у части пользователей затрудняет исследование волонтерских практик в сети Интернет.

Важно понимать, что онлайн-волонтерство (киберволонтерство и так далее, какое бы понятие мы ни выбрали) – это не отдельный вид, не направление волонтерской активности, а способ его реализации. Традиционные формы волонтерства, которые реализуются в рамках государственной, коммерческой или некоммерческой организации могут быть реализованы как в рамках

оффлайн взаимодействия, так и онлайн. Строго говоря, онлайн-волонтерство упрощает вход в добровольчество, так как не требует непосредственного взаимодействия, включения в коллектив. Оно реализуется опосредованно, удаленно и виртуально с помощью сети Интернет и современных информационных технологий. В рамках этого способа реализации волонтерской активности могут быть выделены различные практики и направления, виды волонтерства – экологическое, социальное, культурное, образовательное, политическое, профессиональное (известное как «proboпо», куда можно отнести медиаволонтеров, юридическое консультирование, бухгалтерское сопровождение, лингвистическую поддержку, медицинские консультации на форумах и др.). И здесь особую роль играет государство, так как оно активно поддерживает развитие добровольчества как важного элемента гражданского общества. Повышение престижа волонтерской деятельности привлекает молодых людей, и зачастую вход в волонтерское сообщество происходит именно через виртуальные практики.

Цель. Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи волонтерства в виртуальном пространстве – отсутствие единства понятийного аппарата. Зарубежные статьи, посвященные виртуальным волонтерским практикам, могут содержать совершенно разные понятия: онлайн-волонтерство, AOL-волонтерство, киберволонтерство, киберактивизм, медиа-волонтерство и другие. Российские авторы используют часть этих понятий и добавляют свои. Множественность понятий без четких семантических границ ставит перед нами цель унифицировать исследовательские подходы или провести границы между различными понятиями.

Материалы и методы. Мы использовали общенаучные методы: сопоставление, индукция и дедукция, анализ, синтез. Перед тем как перейти к рассмотрению зарубежных исследований волонтерских практик в сети Интернет и сопоставлению ключевых понятий, нужно понять, насколько это явление распространено в России. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ опубликовал результаты изучения практик благотворительности и волонтерства в социальных сетях VKontakte и Facebook. По их данным, пользователи ориентированы на распространение информации о необходимости помощи детям или животным, о спортивных мероприятиях. Здесь речь идет в первую очередь о «шеринге», то есть распространении информации, хотя, любой шеринг предполагает, что часть аудитории предпримет какие-то действия оффлайн: переведет деньги на лечение, принесет корма для животных, посетит мероприятие [4]. Но есть и другие направления деятельности, например, инициирование или подпись электронной петиции на портале change.org, <https://www.roi.ru/> и других. Ни один ресурс, кроме «Российской общественной инициативы» (<https://www.roi.ru/>, далее – РОИ) не обеспечивает достаточную проверку личности пользователей, поэтому не обладают юридической силой. РОИ имеет официальный статус, связана с порталом «Госуслуги» и создана для исполнения указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». На данный момент на портале опубликованы 16011 инициатив, связанных с разными уровнями власти и территориями. Официальных отчетов об эффективности работы портала нет, но исследователи отмечают непрозрачность системы отбора инициатив для реализации и общую неудовлетворительность работы ресурса [2]. Хотя, создание информационного шума (на чем, в частности, характерно для портала change.org) само по себе может оказать положительное влияние на решение какой-то ситуации.

В отличие от описанных видов социально-сетевой активности, краудсорсинг принято выделять в отдельный вид активизма и социального участия. ФОМ называет акторов краудсорсинга «новыми волонтерами», так как в основе мотивации к этой деятельности лежит стремление безвозмездно де-

литься опытом и знаниями, желание помочь и сделать что-то полезное в рамках сформированных компетенций. По данным исследования 2016 года, объем целевой аудитории краудсорсинга составляет от 5 до 10% взрослого населения России, при этом участники краудсорсинговых проектов в достаточной мере ориентированы на включение в оффлайн-деятельность. В среднем 33% из них принимают участие в деятельности НКО, профессиональных сообществах или массовых акциях, еще треть готовы решать проблемы по месту жительства или оказывать помощь незнакомым людям [1].

Результаты и обсуждение результатов. Исторически первым появилось понятие AOL-волонтерства. Здесь речь идет о добровольной помощи посредством использования конкретного ресурса – AOL (AmericaOnline). Организационно AOL представляет собой открытое акционерное общество, крупный интернет-провайдер США, создателя разнообразных интернет-ресурсов, в том числе для коммуникации. Сейчас компания находится в упадке, но на момент бурного развития интернет-коммуникации и добровольческих практик в интернет, она переживала свой расцвет. Г. Постигу указывает в качестве стартовой точки для формирования AOL-практик 1996 год [13, с. 205]. Нужно сказать, что он использует понятия онлайн-волонтер и AOL-волонтер как взаимозаменяемые. Для нас важно, что второе понятие появилось раньше, а потеря буквы «А» говорит о расширении географии изучаемой практики.

При работе с понятием AOL-волонтер нужно понимать, что в первую очередь он охватывает практики, связанные с социальным взаимодействием и самоорганизацией пользователей. Г. Постигу говорит о том, что с первых дней своего существования AOL зависела от добровольцев, которые помогали создавать и поддерживать чаты и доски объявлений, на которых размещались социальные взаимодействия сообществ AOL [12, с. 452]. Добровольцы имели ряд статусов, таких как «хозяева» чата, мониторы доски объявлений или лидеры форума, гиды, онлайн-учителя и менеджеры. Изначально это была добровольная работа, которая порой требовала много времени и эмоциональных затрат (например, модерирование форумов или чатов), но само ощущение значимости и особенности во многом компенсировало затраты: пользователи чувствовали себя особенными благодаря обладанию полномочиями. Но в ходе усложнения бизнеса изменялась организационная структура, нормы общения в Интернет стали более формальными и жесткими. Вследствие этого сформировались две установки: волонтеры стали склонны рассматривать свою деятельность как работу с определенным вознаграждением, а AOL стала заинтересована в более устойчивом (качественно и количественно) составе сотрудников, регулирующих потоки сообщений и создающих информационный контент. Так сотрудничество AOL и волонтеров укрепились за счет создания образовательных ресурсов и курсов для волонтеров, что создало дополнительную мотивацию даже у нетрудоустроенных сотрудников (компания не делала различий между волонтерами и сотрудниками) [12, с. 453].

Добровольцы из AOL являются прямыми потомками ранних пользователей Интернет, энтузиастов, которые сыграли такую значительную роль в развитии интернета и вычислительной техники. Добровольцы AOL во многих отношениях представляют этих ранних сотрудников, поскольку они столкнулись с коммодификацией Интернета [12, с. 467]. В современной практике интернет-маркетинга или прикладных исследований мы уже спокойно относимся к тому, что аудитория рассматривается как товар, но на этапе формирования и становления практик использования Интернет это было немыслимо, так как все практики использования сети были исключительно добровольными, и пользователи стремились улучшить существующий контент и систему взаимодействия.

Волонтерские практики с использованием компьютера или любой другой техники и сети Интернет, к чему сводилась деятельность AOL-волонтеров, – это определение киберволонтерства, которое использует в сво-

их работах В. Кребс [11]. Таким образом, с ее точки зрения, для того, чтобы человек занялся добровольчеством в сети Интернет необходимо несколько условий: у него должно быть техническое средство для доступа к всемирной сети (устройство), средства для оплаты трафика и удобный ресурс, который позволит осуществлять добровольческую деятельность, например, сайт социальной сети. Аналогичный подход использует и М.-Г. Гонсалес-Мизарада. Она отмечает, что основные цели использования сайтов социальных сетей – общение, развлечение, обучение и участие в общественной, политической или культурной жизни. Через социальное взаимодействие в рамках данной проблематики, молодежь строит свою реальность из возникающих проблем (то есть формирует повестку новостей) [9, с. 49]. Таким образом, формируются коллективные интересы, которые ложатся в основу формирования групп волонтеров на этих ресурсах. Авторы отмечают, что участие и принадлежность к сообществу формируется из-за переживания общих эмоций, ощущения близости и высокого уровня сопереживания проблеме, интегрирующей участников. В качестве проблемы может быть, например, сбор денег, флеш-моб для поддержки какой-то конкретной персоны.

Авторы используют понятие киберактивизм, раскрывая его как использование молодыми людьми интернет-технологий для организации мероприятий, обсуждения, обмена информацией, участия и выражения своего недовольства по вопросам, с которыми они себя идентифицируют. Ссылаясь на других авторов, они добавляют, что киберактивизм – это все формы социального участия, которые происходят с помощью информационно-коммуникационных технологий, которые стремятся изменить текущую ситуацию посредством мобилизации и воинственности. Интересно, что сами М.-Г. Гонсалес-Мизарада и др. указывают на то, что концепция киберактивизма получила несколько названий: клик-активность, онлайн-активность, электронная активность, цифровая активность, сетевая активность, цифровые социальные движения [9, с. 48]. Таким образом, мы видим не только использование понятия «киберволонтерство», но и его синонимический ряд.

Для киберволонтеров (а именно это понятие используется в рамках подобных исследований) цель участия в событиях и мероприятиях постепенно выходит на первый план, то есть само включение в практики и события становится целью. Здесь важно отметить, что для киберволонтерства как формы участия молодежи характерны следующие особенности: оно организовано горизонтально, использует новые технические средства, вращается вокруг новых проблем или идеологий, стремится к действию и немедленным результатам, а внимание к причине взаимодействия часто бывает краткосрочно. Такие характеристики делают киберволонтерство похожим не только на форму участия, но на способ выражения общественного мнения, и ставят проблему управления сетевым добровольчеством: необходимо преодолеть поверхностный взгляд волонтеров на проблему, повысить уровень их вовлеченности. В качестве доказательства этого тезиса Гонзалес-Мизарада приводит данные о том, что очень немногие субъекты, характеризующиеся как киберактивисты, принадлежат к ассоциации или формальной организации [9, с. 50-51].

Сходные результаты представлены в работах Маккоуи и Айера (2003), изучавших использование Facebook в качестве центральной платформы продвижения новых форм участия и нового СМИ. Кроме того, Жиль-де-Суньяга, Юнг и Валенсуэла (2012) обнаружили, что Facebook и социальные сети используются всеми киберактивистами в университетских сообществах для проверки новостей и взаимодействия по поводу проблемных ситуаций. В этом смысле, как заявили Гарсия, Дель-Ойо и Фернандес (2014), киберактивизм относится именно к возможностям для любого человека оказывать глобальное влияние через диалог, как в случае с Facebook: это не только как средство коммуникации, но и средство для осуществления формы социального участия и глобального активизма [9, с. 52].

Но не все зарубежные практики в рамках киберволонтерства носят индивидуальный характер. Раджа-Джамияри др. определили киберволонтерство как деятельность, свободно осуществляемую физическим лицом для работы в организации, эта работа проводится удаленно через Интернет (виртуально), без необходимости присутствовать в каком-то конкретном месте, чтобы выполнить задачу [14, с. 339]. Авторы изучали мусульманские НКО Малазии в сфере образования и выяснили, что киберволонтерство стало популярной повседневной практикой НКО, а импульс для развития этой практики дало развитие социальных сетей. Если человек обладает знаниями и мотивирован ими делиться, то социальные сети помогают найти ему целевую аудиторию, а потенциальным ученикам помогают найти учителя. В фокусе этого исследования находятся волонтерские практики, рассматриваемые через теории аффордансов, т.е. функциональных возможностей. В ходе анализа работы НКО в социальных сетях, авторы выделили пять аффордансов. В результате они пришли к выводу, что киберволонтерство реализуется через продвижение, обучение, фандрайзинг, распространение знаний, деятельность по решению проблем. Интересно, что в этой концепции киберволонтерство может быть как индивидуальным, так и коллективным, т.е. реализуемым организациями. В первую очередь речь идет об использовании мировых социальных сетей: Facebook, Instagram, Twitter [14, с. 388-389]. И особенное влияние на развитие таких практик оказывает появление мощных смартфонов и приложений, это повышает мобильность онлайн-волонтеров и освобождает их не только от необходимости иметь рабочее место в организации, но и в принципе приводит к полному освобождению от какой бы то ни было локации.

Еще один активно употребляемый в зарубежных исследованиях понятие – онлайн-волонтерство. Оно предполагает широкий подход, который описывает множество видов деятельности: от перевода важных материалов до организации благотворительных событий [7, с. 934]. Наиболее полное определение дали К. Аккерман и А. Манатчал. Они говорят о том, что онлайн-волонтерство можно определить как «тип гражданской активности, когда добровольцы выполняют свои задачи с использованием Интернета либо из дома, либо из других удаленных мест» [6, с. 4455]. Как мы видим, это определение тождественно базовому определению киберволонтерства, данному В. Кребс. Но К. Аккерман и А. Манатчал дополняют свой подход такой характеристикой добровольчества как свободное распоряжение собственным временем, которое можно потратить, чтобы принести пользу другим, не получая прямого вознаграждения. Соответственно, по мнению авторов, онлайн-волонтерство включает в себя различные виды деятельности, такие как администрирование веб-сайта клуба, модерация группы Facebook, участие в записи в Википедии, запись некоммерческого учебного видео на YouTube или участие в каудсерфинге. Таким образом, деятельность не обязательно должна быть интерактивной, и она может также включать предоставление инфраструктуры, но онлайн-волонтер должен инвестировать время, а другие должны извлечь из этого выгоду [6, с. 4460].

Таким образом, в отличие от киберволонтерства, которое рассматривается как форма социального или гражданского участия, онлайн-волонтерство – это типичная добровольческая практика с широкой сферой применения и социальным эффектом. Если говорить о происхождении этого феномена, то К. Аккерман и А. Манатчал определяют онлайн-добровольчество как побочный эффект разворачивающегося в настоящее время всеобъемлющего процесса цифровизации традиционного оффлайн-добровольчества и считают, что оно снижает уровень вовлеченности в традиционное добровольчество среди молодежи [6, с. 4469]. К подобному выводу пришел и Г. Постиго своих ранних работах [13, с. 218]. Устойчивость результатов исследований во времени говорит о том, что мы наблюдаем укрепление тенденции. Возможно, что явление, зафиксированное К. Аккерман и А. Манатчал появилось как осмысление потенциала интернет-ресурсов для развития добровольческих

практик и анализа уже существующего более двадцати лет AOL-волонтерства и имеет все основания для существования и дальнейшего развития.

Однако некоторые авторы считают переход волонтерства в онлайн негативной тенденцией. Эта позиция основана на том, что развитие традиционных добровольческих практик благотворно влияет на процессы интеграции общества и отдельных его групп и лиц, создает основу для улучшения благосостояния и профессиональных достижений, снижение уровня преступности. Развитие онлайн-практик, с их точки зрения, формирует обратные тенденции, а вопрос позитивного влияния на преодоление социального неравенства остается открытым. Основываясь на более ранних исследованиях, К. Аккерман и А. Манатчал формулируют следующее противоречие: онлайн-волонтерство имеет все характеристики традиционного добровольчества, но усиливает неравенство в самой социальной общности волонтеров за счет разницы мотивации, вовлеченности и ресурсов [6, с. 4470]. При этом они предполагают, что этот тип волонтерства может не подменять традиционный, а дополнять за счет привлечения людей, которые еще не были включены в волонтерскую деятельность. Такой вид социальной активности более доступен с организационной и временной точек зрения: каждый человек стихийно может включиться в добровольчество. Это особенно актуально для тех, кто еще не знаком с этой деятельностью: меньше реального взаимодействия, меньше сензитивность процесса.

А. Баруш и др. рассматривают онлайн-волонтерство как добровольное участие в развитии кампании с применением краудсорсинга [7, с. 924]. Они опираются на то, что участие пользователей Интернет в этой деятельности основано на просоциальной мотивации и просоциальном поведении и относится к «добровольным действиям, которые призваны помочь или принести пользу другому индивидуум или группе индивидуумов» [7, с. 923]. Авторы выделяют четыре типа мотивационных стимулов у онлайн-волонтеров: альтруизм, эгоизм, коллективизм и принципиализм. Альтруизм направлен на повышение благосостояния других. Эгоизм ставит конечной целью увеличение собственного благосостояния. Коллективизм имеет целью улучшение благосостояния своего народа или сообщества. Принципиализм направлен на поддержание одного или нескольких моральных принципов общества. Такая система мотивации обуславливает активное развитие краудсорсинговых компаний в области географии, экологии и природопользования, а также в области гуманитарных наук. Включение в краудсорсинг часто связано с желанием людей внести вклад в научное открытие, оставить след. Но ряд исследований, на которые ссылаются авторы, указывают на желание онлайн-волонтеров поделиться знаниями и опытом как личного характера, так и того сообщества, к которому они принадлежат. Вместе с этим они мотивированы на получение новых знаний и движению по карьерной лестнице, и в этом есть определенное сходство с мотивацией AOL-волонтеров [7, с. 920-921].

Важным моментом в исследованиях А. Баруш и др. представляется то, что авторы фиксируют вовлечение в волонтерскую деятельность людей с особенностями здоровья, так как технологии создают возможность электронного обучения и доступность информации, обеспечивают рефрейминг идентичности и помогают преодолеть ряд ограничений инвалидности или пожилого возраста [7, с. 925]. Таким образом, Интернет позволяет увеличить социальный капитал незащищенных групп населения. Для российской действительности стоит добавить еще возможность вовлечения несовершеннолетних в волонтерскую деятельность при помощи современных технологий. Все факторы в совокупности позволяют говорить о развитии позитивного потенциала Интернет как среды для взаимодействия.

Ряд авторов, в частности, Д. Кокс указывают на то, что достижения в области интернет-технологий позволяют людям добровольно работать в интернете и участвовать в научно-исследовательской деятельности, но в фокусе их исследования лежат некоммерческие организации. Но так или иначе,

онлайн-волонтерство связывают в первую очередь с краудсорсингом и изучается в первую очередь мотивация волонтеров и способы их удержания [8, с. 1035]. В этом случае сайты социальных сетей и другие ресурсы опосредуют связи между организациями (как коммерческими, так и некоммерческими) и добровольцами.

В качестве еще одного примера анализа онлайн-волонтерства можно привести статью Ю. Ху и др., посвященную изучению помощи волонтеров при ликвидации последствий стихийных бедствий. В условиях чрезвычайной ситуации очень важно максимально достоверно составить карты районов, пострадавших от стихийных бедствий. Это делается на основе изображений, полученных с помощью дистанционного зондирования. Авторы подробно рассматривают технологию составления карт, особо отмечая, что у официальных структур нет достаточного количества ресурсов для быстрой работы в этой области, и именно поэтому помощь добровольцев оказывается бесценной. И здесь не важно, из какого региона человек имеет доступ в сеть. Жители близлежащих районов, готовые оказать помощь, могут работать на месте, а удаленные волонтеры делают то, что им под силу. При этом авторы отмечают, что у такой ситуации есть значительный минус: отсутствие единого организационного центра, из-за чего возможно смещение фокусов или создание фрагментов карты при отсутствии целостного представления о ситуации, но в целом это можно назвать зоной роста для онлайн-волонтерства [10, с. 178-179].

Выводы. Проблемы идентификации и самоидентификации волонтеров в сети Интернет взаимосвязаны и обусловлены отсутствием фундаментальных исследований в данной области и «спонтанной идентификацией под воздействием сетевых практик» [5] у самих добровольцев. В качестве примера можно привести новые элементы российской добровольческой практики, где наряду с использованием заимствованной из зарубежной литературы понятий постоянно появляются и пропадают новые. Например, понятие медиаволонтер, обозначает «человека любого возраста, который в свободное время занимается журналистским творчеством». Оно подразумевает добровольное и бескорыстное написание текстов, привязанное к цели «рассказывать людям о чем-то новом, чего они не знают» [3, 9], в эту деятельность включено и распространение общественно-значимой информации. Так или иначе, большая часть понятий, связанных с добровольческими практиками в сети Интернет связаны с каким-то конкретным видом деятельности.

Перенос добровольческих практик в Интернет – это логически обусловленный этап развития волонтерства. Активная поддержка государства, открытость изменениям и новым людям, появление современных форм реализации добровольчества дает возможность каждому включиться в социально-значимую деятельность. Информационно-коммуникационные технологии проникают во все сферы деятельности и позволяют любому человеку обратиться к решению проблем любого характера в любой локации. При этом добровольцы далеко не всегда понимают, как именно называется их деятельность. Они просто отвечают на вопрос в рамках своих профессиональных компетенций, делают репост, переводят небольшую сумму, откликаются на призыв покрасить стены в больнице. Они не называют себя волонтерами, хотя являются ими. Более того, было выявлено существенное противоречие. С одной стороны, существует недостаточность самоидентификации интернет-пользователей, когда они включены в добровольческую деятельность, но не ощущают себя причастными к ней и не идентифицируют себя как волонтеров, добровольцев и т.д. С другой стороны, идет процесс преумножения понятий для идентификации и, что важнее, самоидентификации. Мы полагаем, что существование выявленного противоречия обусловлено незавершенностью процесса становления волонтерских практик в сети Интернет.

На данный момент из всего многообразия понятий, характеризующих изучаемое явление, выделился наиболее общий – киберволонтерство.

Он наиболее близок к понятиям социального участия и формам выражения общественного мнения. Остальные понятия более узкие и используются в рамках обозначения добровольческой деятельности с использованием какой-то конкретной технологии или ресурса, такая традиция заложена еще в 90-х годах в период активного развития AOL. Для виртуального добровольчества характерна спонтанность подключения, гибкость в сроках участия и мотивации. При общем позитивном влиянии виртуальных практик на развитие волонтерства как целостного явления, нужно упомянуть риск развития мошенничества под видом социального активизма, это касается в первую очередь сбора денег и распространения информации, которая может вызвать волнение в обществе. Но повышение общей культуры использования интернета позволяет прогнозировать снижение значимости этого риска. Пользователи привыкают проверять и перепроверять информацию, которую они распространяют. Таким образом, учитывая активность распространения виртуальных волонтерских практик и общую цифровизацию повседневных практик, можно говорить о том, что мы наблюдаем формирование нового типа социально-ориентированной деятельности с перспективой привлечения молодежи.

Литература

1. Богомолова Е.В., Кот Ю.А., Паутова Л.А., Петренко Е.С. Участники крауд-проектов как «новые волонтеры» Режим доступа: <https://grans.hse.ru/data/2016/04/22/1130206855/N-11.pdf> (дата обращения: 04.09.2019).
2. Волошинская А.А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-obschestvennaya-initsiativa-paradoksy-otechestvennoy-elektronnoy-demokratii> (дата обращения: 23.09.2019).
3. Ерофеев С.В. Настольная книга медиаволонтера. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 82 с.
4. Мерсиянова И.В., Громова О.А. Лайк, шер, хэлп: благотворительность и волонтерство в сетях Москва 2018. Режим доступа: <https://grans.hse.ru/data/2018/03/30/1164719946/SML.pdf> (дата обращения: 04.09.2019).
5. Шадже А.Ю., Куква Е.С., Хацац А.А. Влияние сетевых практик на идентификационные процессы в молодежной среде в условиях социокультурных рисков // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-setevykh-praktik-na-identifikatsionnye-protsessy-v-molodezhnoy-srede-v-usloviyah-sotsiokulturnykh-riskov> (дата обращения: 16.09.2019).
6. Ackermann K., Manatschal A. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared // new media & society. 2018, Vol. 20 (12). Pp. 4453-4472.
7. Baruch A., May A., Yu D. The motivations, enablers and barriers for voluntary participation in an online crowdsourcing platform // Computers in Human Behavior. 2016. № 6. Pp. 923-931.
8. Cox J., Oh E.Y., Simmons B., Graham G., Greenhill A., Lintott C., Masters K., Woodcock J. Doing Good Online: The Changing Relationships Between Motivations, Activity, and Retention Among Online Volunteers // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2018. Vol. 47 (5). Pp. 1031-1056.
9. Gonzalez-Lizarraga M.-G., Becerra-Traver M.-T., Yanez-Diaz M.-B. Cyberactivism: A new form of participation for University Students // Media Education Journal Comunicar. 2016. № 46. V. XXIV. Pp. 47-54.
10. Hu Y., Janowicz K., Couclelis H. Prioritizing Disaster Mapping Tasks for Online Volunteers Based on Information Value Theory // Geographical Analysis. 2017. № 49. Pp. 175-198.
11. Krebs V. Cybervolunteering: socio-pragmatics of a citizen activity in the XXI century Available at: https://www.researchgate.net/publication/318867708_Le_cybervolontariat_socio-pragmatique_d'une_activite_citoyenne_au_XXIeme_siecle (Accessed: 02.10.2019).

12. Postigo H. America Online volunteer. Lessons from an early co-production community // INTERNATIONAL journal of CULTURAL studies. 2009. Vol. 12 (5). Pp. 451-469.
13. Postigo H. Emerging Sources of Labor on the Internet: The Case of America Online Volunteers // Supplement. 2003. № 48. Pp. 205-223.
14. Raja-Yusof R.-J., Norman A.-A., Abdul-Rahman S.-S., Nazri N., Mohd-Yusoff Z. Cyber-volunteering: Social media affordances in fulfilling NGO social missions // Computers in Human Behavior. 2016. Pp. 388-397.

References

1. Bogomolova H.V., Кот U.A., Pautova L.A., Petrenko E.S. Uchastniki kraud-proektov kak «novye volonter» [Participants of crowd projects as «new volunteers»] Available at: <https://grans.hse.ru/data/2016/04/22/1130206855/N-11.pdf> (Accessed: 04.09.2019).
2. Voloshinskaya A.A. «Rossijskaja obshchestvennaja iniciativa»: paradoksy otechestvennoj jelektronnoj demokratii [«Russian public initiative»: paradoxes of Russian e-democracy], *Vlast'* [Government], 2016, № 1, Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskaya-obschestvennaya-initsiativa-paradoksy-otechestvennoj-elektronnoj-demokratii> (Accessed: 23.09.2019) (in Russian).
3. Erofeev S.V. Nastol'naja kniga mediavolontera [*Media volunteer Handbook*]. M.: GBU goroda Moskvi [GBU of Moscow "Mosvolunteer"], 2018. 82 p. (in Russian).
4. Mersyanova I.V., Gromova O.A. Lajk, sher, hjelp: blagotvoritel'nost' i volonterstvo v setjah [Like, cher, help: charity and volunteering in networks]. M., 2018, Available at: <https://grans.hse.ru/data/2018/03/30/1164719946/SML.pdf> (Accessed: 04.09.2019).
5. Shage A.U., Kukva H.S., Khacats A.A. Vlijanie setevyh praktik na identifikatsionnye processy v molodezhnoj srede v usloviyah sociokul'turnyh riskov [Influence of network practices on identification processes in the youth environment in the conditions of sociocultural risks], Theory and practice of social development, 2013, № 6, Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlijanie-setevyh-praktik-na-identifikatsionnye-protsessy-v-molodezhnoj-srede-v-usloviyah-sotsiokulturnyh-riskov> (Accessed: 16.09.2019).
6. Ackermann K., Manatschal A. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared // new media & society. 2018, Vol. 20 (12), pp. 4453-4472.
7. Baruch A., May A., Yu D. The motivations, enablers and barriers for voluntary participation in an online crowdsourcing platform // *Computers in Human Behavior*. 2016, № 6, pp. 923-931 (in Russian).
8. Cox J., Oh E.Y., Simmons B., Graham G., Greenhill A., Lintott C., Masters K., Woodcock J. Doing Good Online: The Changing Relationships Between Motivations, Activity, and Retention Among Online Volunteers // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2018, Vol. 47 (5), pp. 1031-1056 (in Russian).
9. Gonzalez-Lizarraga M.-G., Becerra-Traver M.-T., Yanez-Diaz M.-B. Cyberactivism: A new form of participation for University Students // *Media Education Journal Comunicar*. 2016, № 46, V. XXIV, pp. 47-54 (in Russian).
10. Hu Y., Janowicz K., Couclelis H. Prioritizing Disaster Mapping Tasks for Online Volunteers Based on Information Value Theory // *Geographical Analysis*. 2017, № 49, pp. 175-198 (in Russian).
11. Krebs V. Cybervolunteering: socio-pragmatics of a citizen activity in the XXI century Available at: https://www.researchgate.net/publication/318867708_Le_cybervolontariat_socio-pragmatique_d'une_activite_citoyenne_au_XXIeme_siecle (Accessed: 02.10.2019).
12. Postigo H. America Online volunteer. Lessons from an early co-production community // INTERNATIONAL journal of CULTURAL studies. 2009, Vol. 12 (5), pp. 451-469.
13. Postigo H. Emerging Sources of Labor on the Internet: The Case of America Online Volunteers // Supplement. 2003, № 48, pp. 205-223 (in Russian).
14. Raja-Yusof R.-J., Norman A.-A., Abdul-Rahman S.-S., Nazri N., Mohd-Yusoff Z. Cyber-volunteering: Social media affordances in fulfilling NGO social missions // Computers in Human Behavior. 2016, pp. 388-397.

Л.А. ЛЕСИНА

L.A. LESINA

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
ЛЮДЕЙ «ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА»
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ****KEY PROBLEMS OF THE EDUCATION
OF THE «THIRD AGE» PEOPLE
IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL RESEARCH**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-01-00001
«Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности людей
«третьего возраста»*

*The paper was prepared with the financial support of RFBR, project no 18-01-00001
«Education as a resource for the preservation and development of the “third age” people»*

В статье представлен обзор научных публикаций социологов, исследовавших особенности и трудности реализации образования людей «третьего возраста». Отмечается, что вопросы «третьего возраста» достаточно полно изучены российской наукой, однако существует комплекс проблем, которые требуют неотложного изучения и практического решения. Выделено и проанализировано несколько групп ключевых проблем образования людей «третьего возраста»: теоретико-методологические, организационные, социальные, социально-психологические, экономические.

The paper presents a review of the scientific publications of sociologists who studied the features and difficulties of implementing the education of people of the “third age”. It is noted that the questions of the “third age” have been thoroughly studied in Russian science, however, there is a complex of problems that require urgent study and practical solution. The author identified and analyzed several groups of key problems of education of people of the “third age” such as theoretical and methodological, organizational, social, socio-psychological and economic.

Ключевые слова: люди «третьего возраста», социальная общность, образование, рынок труда, человеческий капитал.

Key words: people of the «third age», social community, education, labour market, human capital.

Введение. Увеличение в России численности населения старшего возраста, характерное для информационных обществ, формирует перед государством и социумом новые вызовы, связанные с трансформацией институтов в интересах социальной инклюзии людей третьего возраста. Объективная необходимость изменения государственной политики в сторону продуктивного использования интеллектуального и экономического потенциала «серебряной» общности актуализирует потребность научного изучения возможностей и социальных эффектов фактического участия людей старшего возраста в разнообразных образовательных практиках.

В последние десятилетия тема старения населения, сохранения и развития социокультурного, трудового и образовательного потенциала людей «третьего возраста» получила достаточно широкое освещение. Данная проблематика является междисциплинарной, поэтому в научном дискурсе представлены работы по философии, социальной антропологии, андрогогике, геронтообразованию, социальной психологии, экономике и т.д. Заметный вклад в ее осмысление внесли теоретические и прикладные разработки российских социологов.

Цель статьи состоит в формировании системного видения проблемного поля образования людей «третьего возраста» на основе анализа научных публикаций социологов за последние несколько лет.

Прежде всего, необходимо обозначить область научного поиска и определить объект изучения, имеющий разное терминологическое обозначение: люди «третьего возраста», «серебряная» общность, старшее поколение, пожилые люди и т.д. К данной категории населения мы будем относить общность людей, объединенных схожими социокультурными, экономическими характеристиками и находящиеся в возрастных границах от предпенсионного возраста до наступления старости [8, с. 3].

Проблемы людей «третьего возраста» актуализированы как демографическими, экономическими, социокультурными процессами в российском обществе, так и реакцией на них самой «серебряной» общности и представителей иных социальных общностей. Структурирование и конкретизацию этого проблемного пространства предварим выделением основных противоречий, которые тормозят создание институциональных условий, программ и проектов, необходимых для мобилизации ресурсного потенциала социальной общности людей «третьего возраста»:

во-первых, между человеческим капиталом «серебряной» общности, способной вносить существенный вклад в развитие различных сфер общественной жизни, и доминированием явных и латентных дискриминационных социальных норм и практик в отношении рассматриваемой социальной общности;

во-вторых, между современным требованием включения всех возрастных групп в систему непрерывного образования и реальными повседневными образовательными практиками людей «третьего возраста»;

в-третьих, между образовательными потребностями, интересами, мотивами поведения «серебряной» общности, и институционально оформленными возможностями, предоставляемыми им для этого со стороны государственных и негосударственных структур;

в-четвертых, между необходимостью включения работодателей в поиск экономических способов нейтрализации последствий старения населения и отсутствием массовых практик сохранения занятости «серебряной» общности и активного ее вовлечения в разнообразные экономические и социальные отношения.

Указанные противоречия определяют ключевые проблемы образования людей «третьего возраста». Логика исследования проблемного пространства предполагает, на наш взгляд, поиск ответов на несколько вопросов: откуда появились проблемы (выявление факторов, обусловивших возникновение проблемы), в чем заключается их суть проблемы и к каким последствиям они могут привести.

В качестве основания для структурирования проблемного поля используем такой критерий, как источник возникновения проблемы. Обозначенный критерий позволяет выделить несколько групп ключевых проблем образовательного пространства людей «третьего возраста»: теоретико-методологические, организационные, социальные, социально-психологические, экономические. Предложенное структурирование проблемного поля весьма условно, поскольку группы проблем взаимосвязаны и зачастую взаимообусловлены.

Теоретико-методологические проблемы. В исследовательских практиках существуют разные прочтения термина «третий возраст», что приводит к отсутствию более или менее единых подходов к разработке содержания концепций старения, к размытости возрастных границ «серебряной» общности и оснований для выделения подгрупп внутри нее. Это актуализирует поиск значимых социальных индикативов для содержательного определения понятия социальная общность людей «третьего возраста» в социологическом дискурсе.

Возрастные границы, определяющие социальную общность людей «третьего возраста», весьма условны. Так, в геронтологии к «третьему возрасту» относят население от 60 до 74 лет. В своих прикладных исследованиях О.В. Хухлаева принимает за нижнюю границу старшего возраста время вы-

хода на пенсию. А.С. Галанина предлагает изучать людей в возрастном интервале 55-75 лет [4], Р.А. Галин и Р.Р. Яппарова – 55-72 года [5], М.Э. Елютина – 60-75 лет [9, 10, 11]. Согласно исследовательской традиции западной социологии, «третий возраст» охватывает население от 65 до 80 лет (до времени наступления старости – «четвертого возраста»). Проведение в России пенсионной реформы обусловило еще один вариант определения хронологических границ «серебряной» общности – это люди не только пенсионного, но и предпенсионного возраста [8].

Для анализа качественных характеристик «серебряной» общности и ее структурирования В.Г. Доброхлеб предлагает использовать понятие «ресурсный потенциал», который содержит 6 базовых индикаторов: здоровье, образовательно-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный потенциалы. Представленные характеристики дают возможность личности в старшем возрасте принимать активное участие в экономической и социальной жизни общества [7]. Т.В. Смирнова структурирует социальную общность людей «третьего возраста», выделив в ней подгруппы по следующим критериям: пространственные (тип поселения), ценностные ориентации, уровень образования, образ жизни и модели повседневного поведения, наличие темпорального потенциала [21].

Сегодня категория населения в старшем возрасте объективно создает новую разновидность социальной общности, основой которой выступают специфические потребности и интересы как в социокультурной, так и в экономической сфере. Специфика положения данной общности в социуме определяется таким сравнительно нейтральным, с точки зрения социальной stratификации, показателем, как возраст. В этом случае приближение личности к «серебряному» возрасту аккумулирует действие значительного количества факторов риска, что затрудняет рациональное использование ее ресурсных возможностей.

Для российского социально-гуманитарного знания характерно достаточно традиционное рассмотрение проблематики образования людей «третьего возраста» – в контексте изучения дополнительного образования. Этому посвящены работы Г.Е. Зборовского, О.В. Купцовой, А.С. Роботовой, Г.А. Чередниченко [8, 19]. Названные авторы определили основные две функции «серебряного» образования: адаптирующую (постоянное приспособление личности к изменчивой реальности, в том числе за счет развития профессионального потенциала) и развивающую (обогащение творческого потенциала).

Образовательные практики людей «третьего возраста» многие социологи (Е.В. Беловол, З.В. Бойко, Я.В. Боровикова, А.С. Галанина, М.А. Зыскина, Е.Ю. Шурупова) приравнивают к получению неформального образования, способствующего сохранению активной жизненной позиции, преодолению кризисных ситуаций, связанных с изменением социально-экономического статуса после выхода на пенсию [4, 12]. В качестве целевых ориентиров образования людей «третьего возраста» Г.Б. Блинова, М.Э. Елютина, Л.Я. Витебский, И.А. Григорьева, В.И. Шаров рассматривают ресоциализацию старшего поколения, поиск новых жизненных смыслов, самореализацию и самоактуализацию [6, 9, 10, 11]. Такое образование не преследует цели получения новой профессии, повышения квалификации для лучшего трудоустройства. Оно направлено, прежде всего, на обучение людей старшего возраста различным общекультурным и социальным навыкам и знаниям, необходимым для адаптации в современном обществе.

Проблематика образовательной деятельности людей «третьего возраста» с целью получения дополнительных профессионально-значимых знаний осмысливается социологами в контексте исследования «серебряного» рынка труда (В.Н. Барсуков, М.Э. Елютина, Е.А. Клепикова, М.Г. Колосницyna, В.Ю. Ляшок, Е.В. Маслова, С.Ю. Роцин, Т.В. Смирнова и др.). Это направление исследовательских практик представлено достаточно большим количеством публикаций [1, 9, 10, 11, 14, 15]. Однако изучение проблемного поля

«серебряного» образования в данном случае носит, скорее, периферийный характер.

Проблема информационной и компьютерной грамотности часто выступает предметом прикладных социологических исследований (работы А.И. Гордина, И.А. Григорьевой, Б.Ф. Кондратова, Е.Д. Мокрогуз, А.В. Сергеевой, Г.А. Сорокина). Развитие цифровой культуры актуализирует социологическое изучение компьютерных практик и особенностей обучения компьютерной грамотности людей «серебряного» возраста. Исследователи и практики полагают, что владение современными цифровыми технологиями позволит представителям данной социальной общности использовать на рынке труда разные формы занятости (например, дистанционную) [6, 17, 18].

Методологической основой проводимых социологических исследований чаще всего выступает концепция непрерывного образования, а также ресурсный, деятельностный, конструктивистский, общностный подходы. Обзор публикаций показал фрагментарность и неравномерность исследовательского поля: много научных работ посвящено изучению частных проблем, а к фундаментальным теоретическим и прикладным вопросам образования людей «третьего возраста» обращается мало авторов. Поэтому представляется актуальной разработка новых концептуальных подходов, которые могли бы лечь в основу обоснования и конструирования поливариантного образовательного поля с новыми формами, видами, технологиями, разнообразными и дифференцированными методами образовательных практик, учитывающих ценности и поведенческие реакции людей «третьего возраста».

Организационные проблемы образования людей «третьего возраста» – одни из самых емких, поэтому они проявляются в нескольких аспектах [5].

Во-первых, отсутствует единство концептуальных основ деятельности структур, обеспечивающих потребности серебряной общности в дополнительном профессиональном образовании. Дискретный характер организации образовательного процесса фактически обусловил появление конгломерата различных форм и видов образовательных услуг и учреждений, недостаточно координирующих свою деятельность и, как следствие, дублирующих друг друга.

Во-вторых, образовательные учреждения, в целом не готовы к функционированию в условиях оказания образовательных услуг «серебряной» общности. Так, И.К. Войтович отметила низкую степень готовности российских классических университетов работать со слушателями «третьего возраста». В ходе выборочного исследования было выявлено, что из 84 российских университетов только в 12 существуют структурные подразделения в виде Университетов «третьего возраста», либо какие-то совместные проекты образовательного учреждения, государственных и общественных организаций, предполагающие обучение людей старшей возрастной группы [3]. Для решения проблемы возможно использование потенциала коммерческих и некоммерческих организаций, ассоциаций, местных сообществ с целью организации образовательного процесса.

В-третьих, отсутствует необходимое количество специально подготовленных кадров, не осуществляется координация их деятельности и взаимодействия для регулярного и систематического обмена опытом. А.С. Роботова предлагает наладить систему профилирования подготовки преподавателей и специалистов в области организации образования людей старшего возраста, а также регулярное проведение конференций и «круглых столов» по проблемам образования «серебряной» общности [19].

Следует отметить широкую представленность в научном пространстве работ по особенностям образования людей старшего возраста, андрогогике и ее особой отрасли – геронтогике. Специфика образовательных практик взрослых стала предметом изучения не только в рамках педагогического (Ю.Н. Кулютин, В.Т. Онушкин, А.В. Петровский и др.), но и социологического дискурса (Г.Е. Зборовский, М.А. Зыскина, А.С. Галанина, В.Я. Нечаев, А.М. Осипов, Е.С. Смирнова, Е.Н. Шуклина и др.).

Ряд авторов (О.В. Агапова, С.Г. Вершловский, М.Т. Громкова, М.В. Ермаева, Р.П. Жданова, Г.А. Ключарев, Т.З. Козлова, Г.А. Мингалеева) в своих работах особое внимание уделяют методологическим принципам, методике и технологии организации образовательной деятельности обучающихся старшего возраста, определяют условия ее эффективности.

В-четвертых, отсутствует надлежащее финансовое обеспечение (в частности, слабо обеспечено бюджетное финансирование) образовательной деятельности людей «третьего возраста». Как потребители образовательных услуг представители «серебряной» общности патерналистски настроены и ориентированы на помощь государства. Организацией обучения, выбором образовательных программ, оплатой образовательной деятельности, по мнению большинства людей старшего возраста, должны заниматься работодатели, государство. Сами работники «третьего возраста» относительно редко рассматривают образование как объект инвестирования.

Характерной чертой социальной общности «серебряного» возраста является сформированность человеческого капитала, который, однако, нуждается в постоянной актуализации из-за динамичных изменений социокультурной и экономической ситуации в обществе. Инвестициями в человеческий капитал может быть образование, профессиональный опыт, использование здоровьесберегающих технологий, информационная грамотность. Под термином «человеческий капитал» понимается совокупность знаний, компетенций, повышающих шансы личности на рынке труда и обеспечивающих более привлекательные условия найма, высокий уровень заработной платы. Вложение собственных средств в сохранение и развитие образовательного потенциала является сугубо экономическим поведением, а значит, рациональным и целенаправленным. Люди «серебряного» возраста сопоставляют возможный доход от инвестиций в образовательные практики с доходностью от альтернативных вложений (например, дивиденды от банковских вкладов). Как показывают данные исследования Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, информанты старшего возраста не видят экономической выгоды от вложений в развитие актуальных компетенций [22].

Кто должен оплачивать обучение, профессиональную переподготовку людей старшего возраста? Опрос работодателей в ходе социологического исследования (компания **Kelly Services**, июнь 2018 г.) показал, что 29,0% из них выступает за то, чтобы переобучением занимались государственные центры занятости, 24,0% экспертов полагает, что проблему финансирования необходимо решать совместными усилиями работодателей и центров занятости, 16,0% ответили, что переобучение – дело самих людей третьего возраста [23]. Работодатели из коммерческого сектора экономики весьма неохотно финансируют разработку и реализацию любых кадровых технологий, в том числе, организацию образовательной деятельности, адаптацию и технологию управления профессиональной карьерой персонала «серебряного» возраста.

В-пятых, российской законодательной политикой и повседневной практикой в области образования игнорируются потребности людей «третьего возраста», что свидетельствует о неготовности образовательных учреждений к организации дифференцированного обучения «серебряной» общности. Между тем, в предметном поле геронтосоциологии изучение потребности в образовании социальной общности людей серебряного возраста широко представлено многочисленными публикациями (В.Н. Барсуков, И.А. Григорьева, Д.М. Rogozin и др.). Проведение мониторинга образовательных потребностей и ценностных ориентаций может способствовать более эффективной организации процесса обучения в рамках реализации программ и проектов дополнительного образования людей «третьего возраста».

Анализ результатов репрезентативного социологического исследования, проведенного Д.М. Рогозиным, позволяет сделать вывод о рефлексии людей «третьего возраста» по поводу собственных потребностей в получении образовательных услуг и о наличии у них значительного потенциала для

продолжения образования. Специальная конструкция вопросов в анкете по принципу «воронки» позволила автору выяснить личную готовность представителей серебряной общности к получению новых знаний и изучить их представления о способности к этому у других людей старшего возраста. Большинство опрошенных (65,0%) отметили наличие у людей «третьего возраста» способности к обучению и приобретению новых знаний, 34,0% заявили о собственной потребности в обучении и о готовности к участию в образовательной деятельности [20].

По данным исследований В.Г. Доброхлеб, треть населения старшего возраста сохраняет свой ресурсный потенциал и ориентирована на постоянное развитие человеческого капитала посредством активного участия в непрерывном образовании [7]. Почти аналогичные результаты артикулирует Е.В. Маслова: 30,6% представителей социальной общности «серебряного» возраста готовы пройти обучение для дальнейшего трудоустройства [15].

Существующий разрыв между представлениями и обыденными практиками обусловлен воздействием различных внешних факторов социального контекста, тормозящих процесс инклюзии людей старшего возраста в образовательное пространство. В качестве одного из таких факторов Е.Д. Мокрогуз называет низкий уровень информированности представителей «серебряной» общности о многообразии форм, методов обучения, образовательных программах и организующих их реализацию учреждений [17]. По данным Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, среди опрошенных 47,5% лиц «третьего возраста» знают о программе дополнительного профессионального образования граждан в целях содействия занятости лиц предпенсионного возраста. 30,6% что-то слышали об этом, а 21,9% ничего не знают о такой программе [22].

М.Э. Елютина отмечает, что российская система образования, несмотря на начавшиеся институциональные изменения, остается закрытой для «серебряной» общности и, в лучшем случае, индифферентно относится к ее образовательным потребностям и интересам [9, 10]. Чем больше люди «третьего возраста» принимают участие в разнообразных практиках обучения, тем больше индивидуализируются их образовательные траектории, выше становится капитализация их навыков и знаний. Снижение с возрастом активности отдельных когнитивных функций, по мнению М.А. Зыскиной, компенсируется за счет развития других, а представления о регрессии образовательной компетентности в старшем возрасте являются следствием стереотипизации модели старения, которая оказывают сильное сдерживающее воздействие [12].

Есть у этой проблемы и другая сторона, которой следует уделять внимание – это поиск конструктивных способов формирования устойчивой мотивации людей «третьего возраста» к обучению, усиление ценностной направленности образования на всех этапах жизненного пути личности. Уровень мотивации людей старшей возрастной группы на получение дополнительного профессионального образования, по мнению Е.В. Масловой, определяется уровнем их образования, гендерной принадлежностью и типом поселения. Менее всего мотивированы на участие в образовательном процессе люди со средним общим образованием, т.е. не имеющие вообще профессионального образования. Среди жителей крупных городов на 6,7% больше желающих участвовать в образовательной деятельности, чем среди проживающих в малых городах и в сельской местности. Как показали результаты исследования, женщины более мотивированы к участию в дополнительном профессиональном обучении (45,0%), чем мужчины (27,0%) [15]. Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть представителей серебряной общности при конструировании жизненных стратегий не интегрирует в них образовательные траектории.

На сегодняшний день необходимо не только понимать, что люди «третьего возраста» являются социальным ресурсом, но и знать, какими ресур-

сами обладает сама «серебряная» общность и какими стремится обладать, чтобы конвертировать их в свой социальный и культурный капитал. Департамент по труду и занятости населения Свердловской области в 2018 г. провел опрос людей «третьего возраста» с целью выяснения ведущих мотивов при выборе формата дополнительного профессионального образования, а также содержания тех или иных образовательных программ.

Мотивы получения дополнительного профессионального образования представителями серебряной общности условно можно разделить на три группы. Первую – наиболее значимую – составляют мотивы, отмеченные в ответах четверти и более информантов. Приоритетным мотивом дополнительного обучения для людей «третьего возраста» стало обучение новым знаниям, компетенциям для сохранения прежнего места работы по освоенной много лет назад специальности (32,0%). Для каждого четвертого информанта обучение необходимо для работы с новым оборудованием, техникой, технологиями. Основными ориентирами в профессиональной стратегии являются сохранение существующего места работы, отсутствие стремления к развитию карьеры и минимизации профессиональной мобильности. Таким образом, каждый третий работник «серебряного» возраста воспринимает образование как непереносимое условие снижения риска потери работы. Однако образование как капитал, ресурс, повышающий конкурентоспособность на рынке труда, ими не рассматривается.

Ко второй группе были отнесены мотивы, выделенные в ответах каждого пятого-шестого информанта. Эту группу составляют лица «серебряного» возраста, которые в процессе конструирования жизненной стратегии особое внимание уделяют профессиональной мобильности, развитию актуальных компетенций, необходимых в современных профессиональных практиках для повышения конкурентоспособности на рынке труда. Так, каждый пятый информант (19,5%) хотел бы пройти дополнительное обучение с целью получения профессии или квалификации, востребованной на рынке труда; 15,1% опрошенных считают, что обучение позволяет повысить свою «капитализацию» в глазах потенциальных работодателей и увеличить шансы трудоустройства в другой организации.

Третью группу мотивов выбирали каждый седьмой-десятый информант. Относительно немногочисленная часть общности «серебряного» возраста воспринимает дополнительное профессиональное образование как капитал, который позволяет изменить собственный социально-экономический статус. 14,5% опрошенных хотели бы пройти обучение для замещения более высокооплачиваемой должности; 9,0% считают, что обучение необходимо для целенаправленного поддержания личной конкурентоспособности на производстве [22].

При разработке технологических решений организации дополнительного профессионального образования работников «серебряного» возраста необходимо проводить мониторинг и прогнозирование их образовательных стратегий, что позволит учесть индивидуальные потребности и ориентиры. Среди людей старшего возраста подавляющее большинство предпочитает пройти обучение без отрыва от профессиональной деятельности: либо на рабочих местах (38,4%), либо в учебном центре предприятий (29,3%). Каждый пятый (19,6%) информант хотел бы пройти дистанционное обучение в удобное для себя время [22].

Социологи отмечают, что геронтообразование в современной России находится на стадии институционального формирования, нерешенными остаются технологические, информационные, педагогические и иные вопросы получения серебряного образования.

Социальные проблемы. Диапазон образовательных потребностей людей «третьего возраста» достаточно широк. Однако серьезным сдерживающим фактором является доминирование в публичном дискурсе медицинской модели старения, в контексте которой люди «третьего возраста» восприни-

маются как пассивные реципиенты социальной помощи. Т.В. Смирнова отмечает, что медиализация старения обуславливает легитимацию раннего выхода на пенсию и сведение жизненных планов и интересов к домашней неоплачиваемой работе [21].

Сегодня в общественном сознании россиян активное участие людей старшего возраста в образовательных практиках воспринимается как социально неодобряемое и неприемлемое геронтологическое поведение. Так, по данным исследований М.Э. Елютиной, 67,0% опрошенных людей в старшем возрасте отказываются от участия в образовательном процессе, поскольку испытывают чувство неловкости перед людьми, 42,0% ощущают стыд [10].

Эйджизм широко артикулируется в научном дискурсе, в последние годы появилось много публикаций, в которых осмысливаются причины возникновения данного социокультурного феномена, обсуждаются последствия и варианты его преодоления. Исследованию дискриминационных проявлений в разных областях жизнедеятельности людей «третьего возраста» посвящены работы Т.В. Городовой, Е.А. Клепиковой, М.Г. Колосницыной, Л.В. Колпиной. Тем не менее, в российском обществе эйджизм, как отмечает А.В. Микляева, не осознается ни субъектами, ни объектами многочисленных дискриминационных практик и воспринимается как повседневное явление [16]. Низкий уровень рефлексии этой проблемы в общественном сознании препятствует поиску адекватных механизмов преодоления эйджистских установок.

Социально-психологические проблемы. Результаты социологических исследований показывают, что проблема эксклюзии старшего поколения из образовательного пространства заключается не в их неспособности к обучению, а в практиках эйджизма и отсутствии продуманной и последовательно реализуемой социальной политики государства [13, 16].

Большинство представителей старшей возрастной группы низко оценивают уровень собственной профессиональной перспективности, считают себя неконкурентоспособными на рынке труда, ощущают неуверенность и невостребованность. По данным Департамента труда и занятости населения Свердловской области, лишь 21,0% людей «третьего возраста» уверены в своем профессиональном будущем. Значительное влияние на данный показатель имеет тип поселения, где проживают информанты. Так, для 21,6% людей старшего возраста, проживающих и работающих в крупных городах, характерно чувство уверенности и востребованности, тогда как в сельской местности лишь 4,6% информантов уверены в сохранении занятости и профессиональной перспективности [22].

Укорененные в общественном сознании образы человека старшего возраста как неготового к переобучению, с низким уровнем инновационного потенциала оказывают сильное давление на установки и поведение самих представителей «серебряной» общности. В соответствии с навязанным стигматом, большинство людей «третьего возраста» конструирует собственную ущербность, инфантильность, которая инкорпорируется в структуру личности посредством интериоризации с последующим восприятием дискриминации как социально приемлемой нормы. Многие работники уже в предпенсионном возрасте оценивают свою профессиональную карьеру как завершенную и формируют внутренние установки на скорый уход с работы, поэтому даже явные проявления дискриминационных практик в кадровой политике воспринимаются ими как норма [10]. В итоге, вместо развития профессионального и личностного потенциала представители «серебряной» общности оказываются дистанцированными от образовательного пространства, формируют у себя устойчивое убеждение несоответствия собственных возможностей занимаемой должности и зачастую сами инициируют переход на более низкую по статусу работу.

Реализация информационной политики на федеральном, региональном, муниципальном уровне по распространению новой идеологии и культуры старения в публичном пространстве позволит перейти от риторики про-

блем к описанию позитивной роли «серебряной» общности в социуме. Необходим поиск механизмов стимулирования собственной активности, инициативности людей «третьего возраста», в том числе в период, предшествующий выходу на пенсию.

Экономические проблемы. Пенсионная реформа предполагает сохранение в экономике трудового потенциала старшего поколения. Поэтому проблематика образования людей «третьего возраста» как важнейшего ресурса развития экономической и социальной сферы неразрывно связана с изучением «серебряного» сегмента рынка труда. В России люди старшего возраста, стремящиеся сохранить трудовую занятость, сталкиваются с серьезными трудностями, на что обращают внимание такие исследователи «серебряной» экономики, как Е.А. Богданова, М.Е. Барыгин, В.Н. Барсуков, А.В. Гагаринский, Т.С. Красулина, Е.А. Михель, А.А. Морозов, Э.В. Хохлов.

В профессиональном пространстве социальные группы, различающиеся по возрасту, имеют разный престиж и ценность в глазах работодателей, как следствие, разные шансы на трудоустройство на рынке труда и искусственное ограничение уровня их экономической активности. Согласно результатам исследования А.С. Галаниной, 61,5% работодателей считает, что люди «третьего возраста» при желании могут остаться в сфере занятости. Однако 33,0% информантов полагают, что об обеспечении представителей «серебряной» общности должно позаботиться государство [4].

Отрасли, концентрирующие занятость людей «третьего возраста», в большинстве своем относятся к государственному сектору. Представители «серебряной» общности заняты преимущественно в отраслях промышленности, жилищно-коммунального и сельского хозяйства, а также в образовании и здравоохранении [1, 14, 15]. Е.В. Маслова отмечает, что для половины опрошенных людей старшего возраста при трудоустройстве неважна форма собственности. Для 40,0% информантов предпочтительным местом работы является государственный сектор, лишь 10,0% выразили желание трудиться исключительно в частном секторе экономики [15]. По данным Департамента труда и занятости населения Свердловской области, почти треть занятых в регионе трудятся в бюджетных организациях сферы культуры, образования, науки, жилищно-коммунального хозяйства, где средний возраст работников выше, чем в коммерческом секторе экономики [22]. Именно бюджетный сектор рынка труда активно и целенаправленно осуществляет реализацию кадровой политики, нацеленной на сохранение постоянной занятости лиц «третьего возраста». Однако процессы реформирования, оптимизации структуры, поиск резервов развития бюджетных организаций сопровождаются, как правило, сокращением численности персонала, и риски для лиц «серебряного» возраста действительно могут оказаться высокими.

В итоге круг вакансий, предлагаемых людям «серебряного» возраста, достаточно узок и зачастую это рабочие места, не требующие высокой квалификации (вахтер, уборщик, озеленитель и пр.) с низкой оплатой труда. Включение в активную профессионально-трудовую деятельность людей «серебряного» возраста происходит зачастую за счет ротации из профессиональной группы умственного труда в группу физического труда. Конкурентоспособность людей «третьего возраста» на рынке труда крайне низка, что обусловлено стигматизирующим действием общего дискурсивного тона. Речь идет о средних тенденциях, за которыми скрыто значительное разнообразие социальных и экономических практик людей «серебряного» возраста.

Изменения законодательства, в частности, внесение дополнений в Федеральный закон № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», инициировали поиск работодателями новых дискриминационных практик, например, заключение с людьми «третьего возраста» срочных трудовых договоров, предложение форм занятости, сопровождаемых частичным или неформальным наймом. Подобные формы найма, считает Е.А. Богданова, приводят к увеличению психологической напряженности работников и уси-

ливают чувство неуверенности в профессиональном будущем [2]. Представляется актуальным поиск конструктивных практик продуктивного использования в сфере труда человеческого капитала «серебряной» общности.

Почти 40,0% работодателей признают значимость ресурсного потенциала людей «третьего возраста», однако не предоставляют этой группе персонала возможностей для профессионального и карьерного роста [1]. Треть работодателей признаются, что не заинтересованы в использовании ресурсных возможностей, в том числе образовательного капитала, этой категории персонала [15]. Возможно, несколько сгладило бы сложившуюся проблемную ситуацию обращение к западному опыту реализации образовательных программ для чиновников и бизнесменов по организации труда, специфике проектирования кадровых технологий на предприятиях и в учреждениях для работников «третьего возраста».

Отсутствие гибкости в подходах к организации занятости лиц «третьего возраста» на рынке труда заметно сужает их возможности трудоустройства и свидетельствует об игнорировании вопросов занятости на различных уровнях власти. Слабо проработаны и редко используются в повседневной практике такие формы занятости представителей «серебряной» общности, как предпринимательская деятельность, фриланс, самозанятость, гибкий режим рабочего времени, плавный выход на пенсию через постепенное сокращение рабочего времени. Риторика продолжения трудовой занятости и непрерывного образования для людей «третьего возраста» недостаточно подкреплена институциональными механизмами и конкретными мерами поддержки со стороны государства, что ограничивает наметившиеся долгосрочные трансформации. Устоявшееся скептическое отношение работодателей и определенной части общественности к старшему поколению не только не приводят к развитию его человеческого капитала, а, напротив, во многом способствуют его уменьшению.

Выводы. В завершении статьи хотелось бы отметить, что проблематика образования людей «третьего возраста» в последние годы активно артикулируется в научном дискурсе. Однако проводимые социологами теоретические и прикладные исследования во многом фрагментарны. Недостаточно изучены вопросы обоснования связи «серебряного» образования с экономическими и социокультурными процессами, происходящими в обществе. Мало исследованы модели занятости людей «третьего возраста» в условиях уменьшения численности населения в трудоспособном возрасте, а также механизмы стимулирования трудовой активности «серебряной» общности.

Формирование позитивного отношения в обществе к сохранению, актуализации и конструктивному использованию человеческого капитала «серебряной» общности, несмотря на ряд инициатив со стороны государства, находится еще только на стадии осмысления и реализации отдельных практик. Проводимая государством социальная политика в отношении людей «третьего возраста» во многом носит декларативный характер и не учитывает их реальные потребности и ценностные ориентации в разнообразном и дифференцированном образовании. Сохраняющиеся в публичном дискурсе негативные геронтологические стереотипы обуславливают дискриминационные практики и фактическое исключение людей старшего возраста из образовательного пространства. Между тем, сложившиеся и прогнозируемые демографические, социально-экономические тренды развития российского общества актуализируют позиционирование людей «третьего возраста» как субъектов формирования новых сегментов рынка труда, расширяющих возможности использования сформированного и регулярно обновляемого посредством образовательных практик человеческого капитала.

Представленная в статье структура проблемного поля, безусловно, не является исчерпывающей, однако позволяет обозначить наиболее уязвимые места в образовательном пространстве лиц «третьего возраста», устранение которых может стать точкой роста для устойчивого развития российской экономики и общества в целом.

Литература

1. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 195-213.
2. Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535-550.
3. Войтович И.К. «Третий возраст» в классических университетах: международный опыт и российская действительность // Многоязычие в образовательном пространстве. 2016. № 8. С. 126-132.
4. Галанина А.С. «Университет третьего возраста» как средство самореализации лиц пожилого возраста // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2012. № 2. С. 77-84.
5. Галин Р.А., Яппарова Р.Р. Использование трудового потенциала населения третьего возраста в республике Башкортостан // Регион: экономика и социология. 2015. № 3 (87). С. 171-189.
6. Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 82-85.
7. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55-61.
8. Зборовский Г.Е. Социальная общность людей «третьего возраста»: понятие, структура, функции // Вестник СурГПУ. 2019. № 2. С. 9-20.
9. Елютина М.Э. Пожилые люди: отношение к смерти и тантанические тревоги // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 111-119.
10. Елютина М.Э., Болотов Г.И. Освоение повседневности на пенсии: гендерный аспект // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2017. Т. 17. № 4. С. 383-386.
11. Елютина М.Э., Смирнова Т.В. Геронтологическая составляющая кадровой работы современного руководителя // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 40-48.
12. Зыскина М.А. Геронтообразование как фактор самореализации лиц пожилого возраста // Педагогическое образование в России. 2013. № 2. С. 36-40.
13. Колпина Л.В., Городова Т.В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-17. С. 3871-3874.
14. Ляшок В.Ю., Рощин С.Ю. Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 1 (33). С. 117-140.
15. Маслова Е.В. Занятость лиц «третьего возраста»: формирование информационной базы для выработки инновационных решений // Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление». 2012. № 2. С. 22-27.
16. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб.: Речь, 2009. 208 с.
17. Мокрогуз Е.Д. Образование людей «третьего возраста»: социокультурный анализ тенденций развития // Человек и образование. 2015. № 4 (45). С. 169-173.
18. Мокрогуз Е.Д. Обучение людей «третьего возраста» в контексте непрерывного образования // Universum: Психология и образование. 2016. № 9 (27). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3557> (дата обращения: 03.06.2019).
19. Роботова А.С. Люди «третьего возраста» как субъекты непрерывного образования: методология и основные направления изучения // Непрерывное образование: XXI век. 2014. Вып. 2 (6). С. 2-19.
20. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62-93.
21. Смирнова Т.В. Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 70-78.
22. Спрос работников организаций предпенсионного и пенсионного возраста на прохождение профессионального обучения и получение дополнитель-

- ного профессионального образования (по результатам социологического опроса). Екатеринбург: Департамент по труду и занятости населения Свердловской области, 2018. 23 с.
23. Silver Age: люди 50+ на рынке труда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kellyservices.ru/ru/about-company/workforce-trends1/silver-age--50---/> (дата обращения 03.06.2019).

References

1. Barsukov V.N. Labor activity of the population of retirement age as a factor in socio-economic development of the territory. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, N 1 (43), pp. 195-213 (in Russian).
2. Bogdanova E.A. Labor relations with the participation of pensioners: caring or manipulation? *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of social policy studies], 2016, Vol. 14, N 4, pp. 535-550 (in Russian).
3. Vojtovich I.K. «Third age» in classical universities: international experience and Russian reality. *Mnogojazychie v obrazovatel'nom prostranstve* [Multilingualism in the educational space], 2016, N 8, pp. 126-132 (in Russian).
4. Galanina A.S. «University of the third age» as a means of self-realization of the elderly. *Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovanija i nauki* [Bulletin of social and humanitarian education and science], 2012, N 2, pp. 77-84 (in Russian).
5. Galin R.A., Japparova R.R. Using the labor potential of the population of the third age in the Republic of Bashkortostan. *Region: jekonomika i sociologija* [Region: Economics and Sociology], 2015, N 3 (87), pp. 171-189 (in Russian).
6. Grigor'eva I.A., Kelas'ev V.N. The Internet in the life of the elderly: intentions and reality. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2016, N 11, pp. 82-85 (in Russian).
7. Dobroshleb V.G. Resource potential of the elderly population of Russia *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2008, N 8, pp. 55-61 (in Russian).
8. Zborovskij G.E. Social community of the «third age people»: the concept, structure, functions. *Vestnik SurGPU* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2019, N 2, pp. 9-20 (in Russian).
9. Eljutina M.Je. Older people: attitudes toward death and tantanic anxieties *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2015, N 10, pp. 111-119 (in Russian).
10. Eljutina M.Je., Bolotov G.I. Mastering everyday life in retirement: a gender aspect. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija Sociologija. Politologija* [Proceedings of Saratov University. Sociology and political science series], 2017, Vol. 17, N 4, pp. 383-386 (in Russian).
11. Eljutina M.Je., Smirnova T.V. Gerontological component of personnel work of a modern manager. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 2006, N 3, pp. 40-48 (in Russian).
12. Zyskina M.A. Gerontological education as a factor of self-realization of the elderly. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia], 2013, N 2, pp. 36-40 (in Russian).
13. Kolpina L.V., Gorodova T.V. Gerontological Ageism: Emergence reasons and overcoming problems. *Fundamental'nye issledovanija* [Fundamental research], 2015, N 2-17, pp. 3871-3874 (in Russian).
14. Ljashok V.Ju., Roshhin S.Ju. Young and older workers in the Russian labor market: are they competitors? *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association], 2017, N 1 (33), pp. 117-140 (in Russian).
15. Maslova E.V. Employment of persons of the «third age»: the formation of an information base for the development of innovative solutions. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and management], 2012, N 2, pp. 22-27 (in Russian).
16. Mikljaeva A.V. *Vozrastnaja diskriminacija kak social'no-psihologicheskij fenomen* [Age discrimination as a socio-psychological phenomenon]. SPb.: Publ «Speech», 2009. 208 p.

17. Mokroguz E.D. Education of the people of the «third age»: a sociocultural analysis of the development tendencies. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education], 2015, N 4 (45), pp. 169–173 (in Russian).
18. Mokroguz E.D. Education of people of the «third age» in the context of continuing education. *Universum: Psihologija i obrazovanie* [Universum: Psychology and education.], 2016, Vol. 9 (27). Available at: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3557> (Accessed 3 june 2019) (in Russian).
19. Robotova A.S. The people of the «third age» as subjects of continuous education: the methodology and the main directions of research. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Lifelong education: the XXI century], 2014, N 2 (6), pp. 2-19 (in Russian).
20. Rogozin D.M. The liberalization of aging, or labor, knowledge and health in older age. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 2012, N 4, pp. 62-93 (in Russian).
21. Smirnova T.V. Social status of elderly people: sociological analysis. *Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki* [News of Tula state University. humanitarian sciences], 2012, N 2, pp. 70-78 (in Russian).
22. *Spros rabotnikov organizacij predpensionnogo i pensionnogo vozrasta na prohozhdenie professional'nogo obuchenija i poluchenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija (po rezul'tatam sociologicheskogo oprosa)* [Demand of employees of organizations of pre-retirement and retirement age for vocational training and additional professional education (according to the results of a sociological survey)]. Ekaterinburg: Department of labor and employment of the Sverdlovsk region, 2018. 23 p.
23. *Silver Age: ljudi 50+ na rynke truda* [Silver Age: 50+ people in the labor market]. Available at: <https://www.kellyservices.ru/ru/about-company/workforce-trends1/silver-age--50---/> (Accessed 3 june 2019) (in Russian).

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.018

УДК 37.015.4

ББК 60.561.9

М.В. НЕМИРОВСКИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
СЕТЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

M.V. NEMIROVSKY

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY
OF NETWORKING IN EDUCATION

Статья посвящена рассмотрению социологических концепций, служащих теоретическим основанием изучения сетевого взаимодействия в образовании. В качестве таковых автор рассматривает положения работ Дж. Барнса, Дж. Хоманса, П. Блау, М. Кастельса. Акцент сделан на содержании понятия «социальная сеть» и тех существенных характеристик сетевого взаимодействия, которые могут в дальнейшем стать идентификаторами качества сетевого взаимодействия в общеобразовательных организациях.

The article is devoted to the consideration of sociological conceptions that serve as a theoretical basis for the study of network interaction in education. As such, the author considers the ideas of the works of J. Barnes, J. Homans, P. Blau, M. Castells. The emphasis is made on the content of the concept of «social network» and those essential characteristics of network interaction, which can later become the identifiers of the quality of network interaction in educational organizations.

Ключевые слова: социальная сеть, сетевое взаимодействие, образовательные организации, социальный обмен, сетевое общество.

Key words: social network, network interaction, educational organizations, social exchange, network society.

Введение. В современном российском образовании сетевое взаимодействие становится привлекательной моделью и технологией развития образовательных организаций за счет интеграции с различными субъектами внешней среды [1]. Действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [6] предусматривает реализацию различных образовательных программ в сетевом формате, а также сетевых проектов в научной и внеучебной деятельности школ, колледжей и вузов. Однако анализ практик показывает, что на уровне среднего общего образования сетевое взаимодействие во многом остается идеальной траекторией развития образовательной организации, трудно реализуемой в действительности и достаточно часто подменяемой иными формами сотрудничества с внешними партнерами, не идентифицируемыми с сетевизацией.

Во многом понимание возможностей сетевого взаимодействия и ожидание результатов от сотрудничества с партнерами зависит от исходных установок и интерпретаций ключевого понятия.

Цель. В рамках данной статьи мы обратимся к фундаментальным теоретическим подходам к пониманию социальных сетей и сетевого взаимодействия в целом. Результаты такого теоретического анализа в дальнейшем могут помочь осуществить анализ практик организаций среднего общего образования, определить их соответствие тем ключевым признакам и характеристикам сетевого взаимодействия, которые разработаны ведущими исследователями-теоретиками.

Материалы и методы исследования. Поскольку изучение сетевого взаимодействия в системе среднего общего образования рассматривается, прежде всего, в ключе человеческих взаимоотношений, необходимо раскрыть содержание базового понятия – *социальной сети*. Понятие социальной сети ассоциируется в обыденном сознании с цифровой платформой, онлайн-сервисом или веб-сайтом, предназначенными для организации социальных взаимоотношений. Между тем, такие представления сужают рассматриваемые

мое понятие и не отражают его настоящего смысла. На самом деле термин «социальная сеть» появился гораздо раньше компьютеров и сети Интернет. Современные социальные сети в Интернет-среде представляют собой только часть социальных сетей, формирующихся в социуме.

До появления современных телекоммуникационных технологий социальные сети представляли собой разнообразные структуры обычных человеческих взаимоотношений и взаимодействий. Причем главными в этих отношениях были не личностные характеристики их акторов, а сплетение идей, правил, действий и интересов, носителями которых они являлись. Социальные сети можно подразделить на формальные и неформальные, вертикальные и горизонтальные. *Неформальные сети* строятся на неформальных отношениях и равенстве социальных субъектов. *Формальные сети* четко определяют права и обязанности каждого актора в рамках сетевого взаимодействия. *Вертикальные сети* подразумевают под собой группу людей, во главе которой стоят лидеры и их ближайшие помощники. Эта «команда» формирует стратегию группы, нормы, тактику взаимоотношений, противоборство или сотрудничество с другими группами. *Горизонтальные сети* в отличие от вертикальных подразумевают сообщество социальных агентов примерно одинакового статуса, мощи и влияния.

Термин «социальная сеть» впервые был использован Джоном Барнсом в 1954 г. в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе» [8]. В этой работе он проводил исследование человеческих отношений в небольшом норвежском приходе Бремнес. В Бремнесе постоянно проживало порядка 4600 человек. Большинство из проживающих в нем мужчин ловило рыбу, занималось сельским хозяйством, работало на промышленных предприятиях. Женщины в основном были домохозяйками.

Все отношения в Бремнесе Барнс поделил на три социальных поля. Первое поле основывалось на территориальном делении. Узлы в этом социальном поле были устойчивы и менялись очень медленно. Второе социальное поле было представлено отношениями в производственной системе (the industrial system). Это поле характеризовалось неустойчивостью, непостоянством социальных групп и членов, вступающих в данные отношения. И, наконец, к третьему социальному полю Барнс отнес дружеские и родственные связи. Как раз такие отношения он и предложил называть социальной сетью.

Такую сеть Барнс изображал графически в виде точек, соединенных линиями. Точки означали людей, социальные группы, а линии указывали на взаимодействие их друг с другом. Социальная сеть не замыкалось в границах прихода Бремнес, а связывала его население с друзьями и родственниками из других приходов. Дж. Барнс показал, что социальная сеть такого типа не имеет внешних границ и четких внутренних различий и способна постоянно расширяться. В конечном счете взаимоотношения, связывающие членов группы, перестают быть просто родственными и дружественными.

Барнс рассматривал модель Бремнеса как модель социальной сети по причине того, что статус его жителей был примерно одинаковый. Равенство членов (или узлов) социальной сети является, по Барнсу, основным требованием к ее существованию. Такая социальная сеть используется людьми для организации общественных мероприятий, взаимопомощи, развлечений, связи людей с неравными статусами, мужчинами – для поиска работы в рыбной промышленности. Сеть, описанная Барнсом, не имеет «головы», центра и границ. Она представляет собой систему социальных отношений, с помощью которой люди осуществляют определенные виды деятельности и косвенно координируют деятельность друг друга.

Ещё одна теория, описывающая сетевое взаимодействие, связана с именем американского социолога Джорджа Хоманса. В своих работах «Социальное поведение как обмен» [7] и «Социальное поведение: его элементарные формы» [11] он предложил теорию социального обмена, согласно которой взаимодействие между людьми представляет собой обмен материальными и нематериальными ценностями.

Теория социального обмена Дж. Хоманса справедлива для малых групп. Под малыми группами он понимает некоторое число лиц, взаимодействующих между собой в течение определенного времени и достаточно малочисленных, чтобы иметь возможность контактировать друг с другом без посредников. Участники такого обмена совершают действия относительно друг друга в том случае, если могут получить вознаграждение или избежать наказания.

Тип взаимодействия, описанный Дж. Хомансом в его работах, относится к неформальным. Им рассматривается влияние (*influence*) во взаимодействиях с другими индивидами не *de jure*, а *de facto* [5, с. 93-94]. Хоманс также выдвигает предположение о том, что у истоков любого институционализированного поведения стоит элементарное социальное поведение. Пример такого обмена, по Дж. Хомансу, – это работа двух работников с бумагами в офисе. Один из них работает не очень хорошо и, согласно регламенту, должен обратиться к начальнику за помощью, но работник (Хоманс называет его Лицом) не хочет обращаться к начальнику, чтобы не показать себя некомпетентным. Другой работник выполняет свою работу очень хорошо (Хоманс называет его Другим) и может помочь первому. Если Лицо обратится к Другому, то между ними происходит обмен. Один от этого обмена получает помощь, другой – признание и одобрение.

Теория социального обмена Дж. Хоманса основывается на психологических принципах бихевиоризма Б.Ф. Скиннера, на его теории оперантного обусловливания. Для описания теории социального обмена Хоманс вводит новые термины. Он делит их на два класса: дескриптивные и переменные. Дескриптивные термины описывают виды поведения, а переменные – свойства поведения. К дескриптивным терминам Дж. Хоманс относит: деятельность – факты поведения, имеющие целью получение вознаграждений; чувство – виды деятельностей, которые являются знаками чувств (*feelings*) и установок, принимаемых человеком по отношению к другому человеку или другим людям; взаимодействие – факты обращения деятельности друг на друга с целью извлечь вознаграждение и избежать наказания.

Переменные термины Дж. Хоманс, в свою очередь, тоже подразделяет на два класса. Первый класс – это количественный. К нему относится частота – число единиц деятельности, выдаваемых рассматриваемым человеком в течение данного промежутка времени [5, с. 114]. Второй класс – это ценность, т.е. вознаграждение или наказание человека одной или более единицами деятельности, которые он получает от другого человека, или чем-то, что он получает из нечеловеческой среды [5, с. 119]. Ценность определяется разными критериями, такими как: прошлая история индивида, норма. Под нормой понимается утверждение некоторого множества членов группы, которое говорит о том, что ее члены должны вести себя некоторым образом в некоторых обстоятельствах [5, с. 127].

Теория социального обмена Дж. Хоманса базируется на следующих положениях: 1) чем чаще действие индивида вознаграждается, тем чаще он стремится совершать это действие; 2) если стимул приводит к действию, которое вознаграждается, то при повторении такого стимула индивид стремится повторить соответствующее действие; 3) чем более ценным для индивида будет результат действия, тем сильнее он будет стремиться совершить такое действие; 4) чем чаще индивид в прошлом получал вознаграждающую деятельность от другого, тем менее ценной для него будет последующее похожее вознаграждение; 5) если индивид не получает ожидаемого вознаграждения, то стремиться совершить агрессивное действие и оно становится ценнее, чем неполученное вознаграждение; 6) при выборе между альтернативными действиями индивид выберет тот, для которого ценность результата, помноженная на вероятность его получения, максимальная [2, с. 218]. Если же наоборот, индивид получит вознаграждение сверх ожидаемого, то он будет демонстративно совершать лояльное действие и результат такого действия для него будет наиболее ценным.

Ещё одним учёным, внёсшим вклад в развитие теории социального обмена, являлся американский социолог Питер Блау. В отличие от Дж. Хоманса, который рассматривал межличностные отношения в малых группах, П. Блау рассматривал обмен на уровне крупных сообществ. Методологический подход, разработанный им, уже исключает принципы бихевиористской психологии.

Одно из ключевых понятий в теории социального обмена – *эмерджентность*, т.е. наличие особых свойств у системы, которые отсутствуют у компонентов, составляющих эту систему. П. Блау выделяет четыре типа эмерджентных свойств: размер или количество составных элементов социального агрегата; социальные отношения между людьми, составляющие прямые связи между элементами, дающими агрегату ее структуру; композиция агрегата, отраженная в различиях его элементов; структурные свойства высшего порядка [9, р. 13–15].

П. Блау с своей работе «Обмен и власть в социальной жизни» [10, р. 28] вводит ещё одно понятие, которое характеризует социальный обмен, – это диффузность. Диффузность – это отсутствие определенности в сроках и формах вознаграждения за оказанные другими людьми услугами. В социальном обмене в отличие от экономического вознаграждение не оговаривается, но все участники обмена ожидают взаимности.

Теория социального обмена П. Блау включает элементы других социологических теорий, таких как: структурный функционализм, символический интеракционизм, конфликтология. В соответствии с теорией Блау, социальные отношения проходят четыре последовательных этапа – от межличностного обмена к социальной структуре и далее к социальному изменению. На первом этапе происходит межличностный обмен, этот обмен далее ведёт к следующему, т.к. индивиды не могут обеспечить вознаграждение друг друга в равной степени. На следующем этапе наблюдается дифференциация по статусу и власти. Далее – образование социальной структуры, которая в свою очередь начинает влиять на взаимодействие индивидов. В результате таких отношений возникают два типа организаций. Первый тип основан на процессах обмена и конкуренции, второй тип организаций создаётся для достижения определенных целей. На последнем этапе среди социальных организаций возникает оппозиция, которая может привести к конфликтам.

Рассмотрим также теорию сетевого общества Мануэля Кастельса. Кастельс в своей теории выявил влияние информационной революции на все области человеческой деятельности. В его трехтомной монографии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [4] первый том под названием «Подъем сетевого общества» посвящён сетевому взаимодействию в современном обществе.

М. Кастельс называет современное общество информационным и глобальным. Отличительными чертами такого общества является специфическая форма организации социальных отношений, которые базируются на генерировании, обработке и передаче информации. Такое общество М. Кастельс называет сетевым и дает ему следующее определение: «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные преиндустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно поглощает и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [4, с. 505].

М. Кастельс утверждает, что технологическое развитие в обществе происходит постоянно. На примере Китая, Японии и Советского Союза он показывает, как государство может повлиять на такое развитие. Государство

может инициировать, тормозить или ускорять технологическое развитие. Согласно современным теориям, в том числе теории сетевого общества Кастельса, главным источником производительности в современном информационном обществе является знание. Теоретически это означает, что любые общества организованы с помощью отношений производства, человеческого опыта и власти.

Автор называет современную модель экономического устройства общества информационным капитализмом или информационализмом. Экономические отношения нового типа влекут за собой изменения в социальных отношениях общества. Перестройка в общественных отношениях наметилась в 1970-е гг. Среди главных задач реформ, стоявших перед социальными институтами и менеджментом корпораций, автор называет следующие: усиление капиталистической логики в экономических отношениях, повышение производительности труда и капитала, глобализация производства, поддержка со стороны государства повышения производительности и конкурентоспособности национальных экономик.

М. Кастельс описывает различные типы сетевых взаимодействий, возникших в современной экономике. Главные изменения организационных моделей, по Кастельсу, связаны со сдвигом вертикальных бюрократических взаимодействий в сторону горизонтальных. Автор выделяет семь главных тенденций, характеризующих горизонтальные корпорации: организация строится вокруг процесса, а не задачи; плоская иерархия; командный менеджмент; результат измеряется удовлетворенностью покупателя; вознаграждение зависит от результата работы команды; максимальное число контактов с поставщиками и покупателями; обучение и переподготовка сотрудников на любом уровне. М. Кастельс дает такое определение сетевого предприятия: «это специфическая форма предприятия, система средств которого составлена путем пересечения сегментов автономных систем целей» [4, с. 149]. Согласно автору, качество социальной сети будет определяться двумя атрибутами: устойчивостью и согласованностью.

По мнению автора, сетевое предприятие является организационной формой новой информационной или глобальной экономики. Это связано с тем, что сетевые организации способны генерировать новые знания и эффективно обрабатывать информацию; адаптироваться к изменяющимся условиям; гибко менять средства; вводить инновации. Это, как нельзя лучше, подходит к современной экономике и не только к ней, но и к социальным процессам, происходящим в обществе в целом, в том числе в сфере образования. Из анализа работа М. Кастельса становится понятно, что современное общество и все социальные процессы все больше строятся по сетевому типу взаимодействия, они основаны на горизонтальных связях.

Выводы. В заключении можно сделать следующие выводы в отношении перспектив использования проанализированных теоретико-методологических положений социологических теорий для исследования сетевого взаимодействия общеобразовательных организаций. В современном обществе становится возможным и необходимым интеграция различных структур, создающих общественные блага, в том числе за счет обмена ценными ресурсами. Это означает, что роль сетевого взаимодействия в системе образования будет всё больше и больше усиливаться, поскольку оно обеспечивает развитие образования за счет консолидации ресурсов и возможностей различных акторов и структур. Причём становится очевидным, что управление сетевым взаимодействием в образовании требует новых методов, поскольку старые, основанные на вертикальном управлении, становятся неэффективными. Образовательная система, выстроенная еще в условиях индустриального этапа развития общества, дает сегодня сбой и становится неэффективной в условиях постиндустриального общества. Она требует выстраивания горизонтальных связей и отношений, которые продуцируют новые эмерджентные качества образования и позволяют вы-

строить партнерские отношения в долгосрочной перспективе без лишних рисков и издержек. Именно с таких теоретико-методологических позиций можно выстраивать анализ реальных практик сетевого взаимодействия в системе российского образования.

Литература

1. Жадан И.Г. Социальное партнерство учреждений общего и профессионального образования в условиях сетевой организации профильного обучения // Высшее образование сегодня. 2011. № 5. С. 13-16.
2. Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2007. 364 с.
3. Зборовский Г.Е., Власова О.В. Сетевое взаимодействие вузов в Уральском федеральном округе // Известия УрФУ. Сер. 1, Образование, наука и культура. 2017. Т. 23. № 2. С. 130-140.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Николаев В.Г. Хоманс Дж.К. Социальное поведение: его элементарные формы (главы из книги) (перевод) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 88-132.
6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.11.2019).
7. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. М.: МГУ, 1984. С. 82-91.
8. Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 1 (7). P. 39-58.
9. Blau P., Merton R. Continuities in Structural Inquiry. L.: Sage, 1981. 396 p.
10. Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y.: Wiley, 1986. 352 p.
11. Homans G.C. Social behavior: Its elementary forms. N.Y.: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.

References

1. Zhadan I.G. Social partnership of institutions of school and vocational education in the conditions of network organization of profile training. *Higher Education Today*. 2011, N 5, p. 13-16 (in Russian).
2. Zborovsky G.E. Theoretical sociology of the XX – beginning of XXI century. Yekaterinburg: University for the Humanities, 2007. 364 p. (in Russian).
3. Zborovsky G.E., Vlasova O.V. Network Interaction of Universities in the Ural Federal District. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1, Issues in Education, Science and Culture*. 2017, Vol. 23, N 2, p. 130-140 (in Russian).
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. M.: HSE, 2000. 608 p. (in Russian).
5. Nikolaev V.G. Homans G.K. Social behavior: its elementary forms (chapters from the book) (translation). Social and Human Sciences. Russian and Foreign Literature. Serial 11, Sociology. 2001, N 2, p. 88-132 (in Russian).
6. On education in the Russian Federation: Federal law of 29.12.2012 № 273-FZ (as amended on 26.07.2019). [Electronic resource]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date accessed: 14.11.2019).
7. Homans G. Social behavior as exchange. In: *Modern Foreign Social Psychology*. M.: MSU, 1984, p. 82-91 (in Russian).
8. Barnes J.A. Class and Committees in Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 1954, N 1 (7), p. 39-58.
9. Blau P., Merton R. Continuities in Structural Inquiry. L.: Sage, 1981. 396 p.
10. Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y.: Wiley, 1986. 352 p.
11. Homans G.C. Social behavior: Its elementary forms. N.Y.: Harcourt, Brace & World Inc., 1961. 404 p.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.019

УДК 316.454.2

ББК 60.545.1

Е.В. СОЛОВЬЕВ,
В.И. ШАБЫКОВE.V. SOLOVJEV,
V.I. SHABYKOVЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ
В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ)THE ETHNIC MIGRANTS
IN THE SOCIAL OF THE CITY
(ON THE MATERIAL OF THE RECUBLIC OF MARI EL)

В статье анализируются актуальные проблемы современной региональной этносоциологии. В работе является использован новый эмпирический материал. Рассматриваются проблемы адаптации сельских этнических мигрантов в городском социальном пространстве, делается ряд выводов по данному исследованию. Анализ выявил «синусоидальный» характер протекания этнических процессов в городе, выражающийся в первоначальной утрате этничности и последующем ее ренессансе в городской среде.

The article analyzes the current problems of modern regional ethnosociology. New empirical material is used in the work. The problems of adaptation of rural ethnic migrants in the urban social space are considered, a number of conclusions are drawn from this study. The analysis revealed the «sinusoidal» nature of the flow of ethnic processes in the city, expressed in the initial loss of ethnicity and its subsequent renaissance in the urban environment.

Ключевые слова: этносоциология, Республика Марий Эл, общественное сознание, урбанизация, этнические мигранты, горожане-мари, этническая идентичность, этническая самоидентификация.

Key words: ethnosociology, Republic of Mari El, public consciousness, urbanization, ethnic migrants, mari citizens, ethnic identity, ethnic self-identification.

Введение. Сегодня в отечественных публикациях широко освещаются вопросы, касающиеся вхождения этнических мигрантов в городское сообщество, влияния урбанизационных процессов на динамику их сознания и образа жизни. Характер и масштабы этого влияния анализируются, как правило, посредством сопоставления характеристик «новоявленных» горожан и их бывших земляков. В то же время нельзя рассматривать эти группы как внутренне однородные и различающиеся под влиянием урбанизации лишь между собой. В частности, урбанизация в разной степени находит свое отражение в сознании и поведении представителей разных «волн» миграции из сельской местности в города, разных их поколений и структурирует группу сельских мигрантов, в том числе и по их этническим характеристикам. Поэтому для получения более подробной картины влияния урбанизации на этничность необходим углубленный анализ сравнительных характеристик уже самих бывших сельчан и их потомков в городе.

Цель статьи состоит в определении объективных и субъективных факторов формирования и специфики этнического сознания марийского населения, проживающего в городе.

Результаты и их обсуждение. Смена места жительства ослабляет и рано или поздно разрывает прежние социальные связи мигрантов и заставляет их формировать новые. Сказывается «природная» потребность в общении и в принадлежности к определенной референтной группе. Причем, число групп, которые потенциально могут стать референтными, с увеличением гетерогенности населения в городе резко возрастает, появляется больше возможностей выбрать, в какую группу вступать, какие связи поддерживать и т.д. Внутри этих групп создается своя внутренняя субкультура, устанавли-

ваются тесные, постоянные связи. В основе их возникновения присутствуют не только социальные, но и психологические, эмоциональные составляющие. Такие группы американский социолог Г. Ганс назвал «городскими селянами». При этом в условиях гетерогенности городского населения и появления большого числа таких групп существенно расширяется возможность выбора того или иного «образа жизни» и группы, носителем которого она является.

Однако сами эти группы также внутренне гетерогенны и далеко не все их представители придерживаются всех типических для той или иной группы образцов сознания и поведения. Наиболее очевидным в этом плане представляется расхождение взглядов представителей различных поколений этнических мигрантов. Поэтому анализ процесса «вхождения» сельских мигрантов в урбанизированную полиэтническую или иноэтническую среду предполагает, *во-первых, деление этой группы на мигрантов первого поколения и их потомков во втором и последующих поколениях.*

Мигранты первого поколения, прибывшие в город из сельской местности, оказываются в непривычном для них социальном пространстве города и на пересечении двух субкультур: городской модернистской и сельской традиционалистской. Особенности этих пространств и субкультур приводят их к необходимости вновь пройти процесс социализации, чтобы стать в той или иной степени полноправными деятельными субъектами новой социальной и культурной среды обитания.

Подобный процесс, как известно, включает в себя два этапа: десоциализацию – отлучение от прежних ценностей, норм и правил поведения и ресоциализацию – обучение новым ценностям, нормам и правилам. Речь, по сути, идет *об отказе от «старых» социальных ролей, характерных для сельских жителей, и принятии новых «городских».* В «идеале» мигрант должен пройти еще и этап интериоризации, которая превратит новые и непривычные для него ценности и нормы поведения в обычные, повседневные, в «свои».

Однако не все мигранты проходят эти этапы в «едином строю». Они вполне естественно различаются по степени приверженности к определенным ценностям, образу жизни, восприятию инноваций, что подразделяет их на внутренние группы. В работе «Диффузия инноваций» Э. Роджерс, разрабатывая типологию людей по критерию их готовности к принятию новой информации, выделил пять таких типов: новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство, отставшие [6]. Подобные проблемы незнакомы представителям второго поколения сельских мигрантов. Их социализация в городе уже не включает в себя этапы, которые вынуждено проходить первое поколение мигрантов, и протекает по классической схеме социализации личности.

Во-вторых, анализ, о котором здесь идет речь, предполагает, что мигранты определенной национальности оказываются еще и на пересечении первичной для них сельской, зачастую моноэтнической среды и деэтнизированной, поли- или иноэтнической городской. При этом схемы социализации представителей первого и второго поколения мигрантов аналогичны тем, о которых речь шла выше. Однако речь в данном случае идет *о сохранении, трансформации или утрате этничности.*

Полиэтничность – одна из составляющих гетерогенности городского сообщества, поэтому возникновение этнических субкультур и этнических сообществ мигрантов в городе – вполне ожидаемое явление. Практика демонстрирует различные формы подобных сообществ: диаспоры, этнические общины, землячества. Какие-то из них стремятся обрести формальный характер, начиная с национально-культурных и общественных объединений, организующих «культурную жизнь» соплеменников, и вплоть до общественно-политических организаций, активно вторгающихся в политическую жизнь города и региона проживания. Другие, а их большинство, создаются просто для общения, совместного времяпрепровождения, «по велению души». Объясняя механизм формирования этого элемента поведения этнического

мигранта в городе, Т.С. Иларионова приводит слова Дж. Хокинга: «В современном урбанистическом мире массовых коммуникаций и сложной экономической деятельности, где то и дело сталкиваешься с незнакомыми людьми, общая этническая принадлежность облегчает нам строительство отношений с незнакомцами и укрепляет общее социальное доверие» [2, с. 44].

Первым этапом и необходимым предварительным условием возникновения нового сообщества должна стать территориальная идентичность – «привязанность к определенному фрагменту пространства и идентификация себя с ним» [5, с. 53]. В то же время территориальная идентичность – это внутреннее осознание своей принадлежности не просто к территории, части физического пространства, но и к территориальной общности, которая, формируя и прививая своим представителям свою ценностно-нормативную систему, выступает как элемент не только физического, но и социального пространства. Иными словами, сельчанин должен стать горожанином.

Как и всякий другой элемент сознания, территориальная идентичность формируется под воздействием ряда факторов внешнего (социального) и внутреннего (психологического) характера. Оснований ее возникновения может быть множество. Первым из них является, безусловно, факт рождения в городе. Но наряду с ними существуют и другие: переезд с родителями, на учебу, в поисках работы или лучших ее условий, по семейным обстоятельствам, в поисках более развитой социальной инфраструктуры, лучших бытовых условий и т.д.

Различия территориальной идентичности имеют своим следствием различия культурной идентичности, культурных установок. Безусловно, осознание своей «городской» принадлежности во многом определяет поведение представителей этнических общностей, которые составляют население города. Однако для появления *этнической общины* в городе факта формирования одной лишь территориальной, городской идентичности явно недостаточно. Для обретения законченной формы этнической общины необходимо еще и наличие (сохранение для первого и формирование для второго и последующих поколений) собственной этнической идентичности, которая в свою очередь также детерминирована внешними обстоятельствами и личностным выбором.

Община – многозначное слово. Специализированные словари нередко дают целый перечень множественных конкретных формулировок этого понятия. Отталкиваясь от них, попробуем дать свое синтетичное определение анализируемого понятия: *этническая община – сообщество представителей этноса, проживающих на определенной территории, в населенном пункте, сохраняющая и развивающая идентичность, язык и культуру своего исконного этноса.*

Здесь в качестве такой общины мы будем рассматривать представителей марийского этноса в столице Республики Марий Эл – городе Йошкар-Оле.

Формирование марийской общины в Йошкар-Оле необходимо первоначально рассматривать в широком социальном контексте, на фоне масштабных социальных процессов.

Военное поселение Царев город на Кокшаге (Царев Кокшайский) было основано в 1584 году и практически тогда же обрело статус уездного центра. С первой половины XVII века за поселением закрепилось название Царевококшайск. В 1919 году город был переименован в Краснококшайск и с 1920 года стал административным центром Марийской АО. Название Йошкар-Ола было дано городу в 1928 году. В 1936 году Йошкар-Ола стала столицей Марийской АССР.

До конца XIX века и в первые десятилетия XX Царевококшайск-Краснококшайск был маленьким провинциальным городком. Небольшой была и численность населения города, которая уступала ряду таких же провинциальных городков, располагавшихся поблизости. Но изменение статуса города дало существенный толчок его социально-экономическому и культурному развитию и росту численности его населения (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности населения г. Йошкар-Ола
(по данным переписей населения и статистики)**

<i>Год переписи населения</i>	<i>Численность населения (тыс. чел.)</i>
1859	1,2
1897	1,7
1926	4,3
1939	27, 2
1959	88,7
1970	166,1
1979	201,4
1989	241,6
2002	256,7
2010	248,8
2019	271,9

На фоне социально-экономических, административных и социально-демографических преобразований и началось формирование марийской общины в Йошкар-Оле. Общеизвестно, что одна из ключевых ролей в сохранении, возрождении и развитии этнического самосознания, культуры и языка принадлежит национальным организациям различной направленности, вокруг которых сплачивается прибывшее сельское этническое население, формируется социальная база для формирования этнической общины.

Говорить о наличии в Йошкар-Оле такой социальной базы вплоть до конца 1950 – начала 1960-х годов не приходится. Массовый приток марийского населения в города Марийского края, в первую очередь в Йошкар-Олу, начался лишь в этот период. По данным переписи 2010 года в Йошкар-Оле проживало уже 58 тысяч марийцев, что составляло 25,4% населения города.

Особую роль в формировании марийской национальной общины в Йошкар-Оле сыграла творческая интеллигенция, стоявшая у истоков создания национальных учреждений культуры и средств массовой информации. Они также сыграли неоценимую роль в сохранении, возрождении и развитии национального самосознания, культуры, языка марийцев, в том числе и проживающих в Йошкар-Оле, так как их деятельность проходит в первую очередь в городе.

Но одних лишь внешних факторов недостаточно для того, чтобы из массы единичных и разрозненных индивидов сформировалась группа с единой идентичностью и общими интересами. Этническая община так же, как и этническая общность вообще представляет собой группу людей, «обладающих общим самосознанием [курсив наш. – Е.С., В.Ш.], а также обычно общими языком и чертами культуры» [11, с. 490]. А там, где дело касается самосознания, то и речь идет о *личностном выборе человека*:

- 1) *о формировании его новой территориальной идентичности и*
- 2) *о формировании или сохранении его этнического сознания.*

Процесс обретения новых территориальных идентификационных стратегий, характерных в настоящее время для населения Йошкар-Олы, зафиксировали данные социологического исследования, проведенного в Республике Марий Эл в 2006 году. Они показывают, что по признаку «место жительства» лишь 63,9% йошкаротинцев марийской национальности полностью идентифицировали себя с горожанами, 34,2% респондентов указали на свою двойственную территориальную идентичность («считаю себя жителем и города, и своего сельского района одновременно») и примерно по 1% опрошенных указали, что они либо считают себя сельскими жителями, либо затруднились ответить на данный вопрос. Это определяется, на наш взгляд, двумя

обстоятельствами: сравнительно большой долей сельских мигрантов первого поколения в группе этнических сельских мигрантов в столице республики и достаточно многочисленной группой сельской молодежи, обучающейся в йошкар-олинских профессиональных учебных заведениях (также представители первого поколения сельских мигрантов), которая осознает временность своего пребывания в городе. Представители обеих этих категорий населения до определенного момента не идентифицируют себя с горожанами в полном объеме.

Особенно ярко это проявляется при анализе ответов респондентов-представителей разных поколений мигрантов (табл. 2).

Таблица 2

Ответы респондентов-йошкаротинцев марийской национальности, принадлежащих к различным поколениям, на вопрос «Кем Вы себя считаете по месту жительства?» по данным исследования 2006 г. (в % от числа опрошенных)

	<i>Только горожанином</i>	<i>Жителем и города, и своего сельского района</i>	<i>Только сельским жителем</i>	<i>Другое</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Первое поколение	36,1	60,2	2,4	0	1,3
Второе поколение	93,0	7,0	0	0	0
Третье поколение	96,9	3,1	0	0	0

В таблице обращает на себя внимание преобладание двойной территориальной самоидентификации горожан марийской национальности, принадлежащих к первому поколению мигрантов: шесть из каждых десяти представителей этой группы, проживая в городе, не утратили и своей сельской идентичности, считая себя одновременно жителями и города, и своего родного района. Это – свидетельство значимости у этой части городского марийского населения «родовых» корней, привязанности к «малой сельской родине».

Единственным выходом из этой двойной и дискомфортной идентификации является принятие новой идентичности, и уже второе и тем более третье поколение мигрантов (их дети и внуки) во все большей и большей степени утрачивают этот территориальный идентификационный дуализм, относя себя исключительно к горожанам, что, впрочем, вполне естественно. Поэтому на фоне резко сократившегося притока сельских мигрантов в Йошкар-Олу можно с полной уверенностью говорить об активно формирующейся однополярной территориальной идентичности йошкаротинцев марийской национальности. Это, напомним, – первое необходимое условие, своего рода «фундамент» формирования устойчивой этнической общины в городе.

Под воздействием новых этносоциальных условий происходит трансформация сознания и многих черт культуры и быта этнических групп мигрантов. Но процесс интеграции сельских *иноэтнических* мигрантов в городскую среду отличается от аналогичного процесса сельских мигрантов, относящихся к этносу, численно доминирующему в городе. Если во втором случае третье и последующие поколения – уже «коренные» горожане, то процесс вхождения представителей иных этносов в городской, чуждый для них в этническом плане социум, может охватывать и третье, и последующие поколения, продолжаясь в течение довольно долгого времени. Воздействие различных тенденций этнического развития «формирует различные типы индивидуальной адаптации и аккультурации членов этнодисперсной [в нашем случае этнической – *Е.С., В.Ш.*] группы к новым условиям жизни: от стремления воспроизвести в новой этнокультурной среде привычные элементы образа жизни, в частности этническую «микросреду» общения на на-

циональном языке <...>, до восприятия социальных и поведенческих норм нового окружения и готовности сменить этническую принадлежность» [7, с. 155].

Различное восприятие этого воздействия формирует различные типы иноэтнических мигрантов и их потомков, из которых формируется состав этнической общины в городе. В 1980-х годах Г.В. Старовойтова, изучая этнодисперсные группы в г. Ленинграде, выделила три основных типа этнокультурных ориентаций этнических мигрантов в городе: «интернациональная ориентация» на приобщение к достижениям мировой, российской и своей национальной культуры; «ассимиляционная переориентация» на культуру другого народа; «этническая ориентация» преимущественно на традиционно-этническое в культуре, т.е. на этнические ценности [7, с. 138]. На основании этих ориентаций можно выделить два типа представителей городской этнической общины по критериям сохранения приверженности этнической субкультуре и деэтнизации:

- «ассимилянты», интенсивно проходящие этапы этнической десоциализации и ресоциализации, позитивно и стимулировано принимающие деэтнизированную или иноэтническую культуру и образ жизни иногда в ущерб своей первичной этничности;

- «консерваторы», стремящиеся сохранить большинство элементов исконной этничности, постепенно отказывающиеся от некоторых из них и с трудом, иногда негативно воспринимающие реалии нового этносоциума.

Важнейшим индикатором этнического сознания на эмпирическом уровне выступает, как известно, этническая самоидентификация. *Индикатором уровня сохранения или трансформации этнического сознания может выступить самооценка значимости этой самоидентификации, принадлежности к своей национальности.* Данные исследования, проведенного в республике в 2018 году, показали, что ответы йошкар-олинцев, идентифицирующих себя как «мари», на вопрос «В какой степени для Вас значима Ваша национальная принадлежность?» распределились следующим образом:

- группа «консерваторов», оценивающих свою национальную принадлежность как «очень значимую и значимую» составила 68,2%;

- «ассимилянты», для которых этническая принадлежность «мало значима и совсем не значима», - 29,1%;

- 2,7% респондентов затруднились оценить значимость своей национальной принадлежности.

На первый взгляд, оценки значимости принадлежности к своей национальности должны различаться в тех группах, составляющих этническую общину, которые принадлежат к разным поколениям мигрантов, сокращаясь тем более, чем дальше от первого поколения мигрантов «отстоят» их потомки. Однако данные исследования 2006 года опровергают этот стереотип. В целом по выборочной совокупности йошкар-олинских марийцев оценки значимости своей национальной принадлежности распределились тогда так: группа «консерваторов» составила 53,6%, «ассимилянты» - 40,9% и 5,5% респондентов затруднились оценить значимость своей национальной принадлежности.

Обращает на себя внимание рост (за 2006-2018 годы) группы «консерваторов» и, соответственно, значительное (на четверть) сокращение группы «ассимилянты». Является ли это показателем роста уровня национального самосознания, этнического ренессанса в марийской городской среде? Действительно в марийской городской общине в последние годы происходят весьма значительные изменения, которые становятся наиболее ярко заметными при межпоколенном анализе этнических предпочтений ее представителей (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка представителями различных поколений мигрантов
марийской национальности в Йошкар-Оле значимости
своей национальной принадлежности
по данным исследования 2006 года (в % от числа опрошенных)**

	<i>Очень значима, значима</i>	<i>Мало значима, совсем не значима</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Первое поколение	61,2	31,8	7,0
Второе поколение	34,1	61,7	4,2
Третье поколение	61,8	35,3	2,9

Приведенные данные свидетельствуют о близости и даже практически полной идентичности ответов представителей первого и третьего поколения мигрантов и существенном «провале» уровня значимости своей национальной принадлежности во втором поколении этнических сельских мигрантов в городе. Но речь идет не только об арифметических расчетах долей представителей разных поколений с разными представлениями о своей этнической принадлежности. Более существенным является изменение *характера* ее оценок.

В сельской местности этничность в какой-то мере естественна, она порождена общинной в определенной степени замкнутой и зачастую моноэтнической средой. Социализирующийся индивид, проникаясь «духом» деревенского коллективизма, становясь полноправным членом сельской общины, усваивает ее ценности и нормы поведения через «призму» своего этноса. Это – не просто сельские, это – этнические ценности и нормы. В моноэтнической сельской общине другого выбора практически нет.

Городская среда полиэтнична, она предоставляет человеку выбор, который касается и его места в этносоциуме. Анализируемый нами рост доли высоко оценивающих свою этническую принадлежность «консерваторов» как раз и указывает на изменения вектора этого выбора: первое поколение мигрантов «принесло» свою этничность из села, второе – в значительной степени «отстранилось» от своей этничности, третье – во многом возвращается к этническим корням. Но это уже личный выбор человека, «осмысленная» этничность.

Еще одним показателем «осмысленного» характера оценки своей этничности горожанами является снижение доли оценок «затрудняюсь ответить», то есть представители третьего поколения более четко и определенно, чем, скажем, представители первого понимают ситуацию и ориентируются в ней. Необходимо напомнить, что третье поколение практически полностью идентифицирует себя с горожанами, представителями «модернистской» культуры. Это – горожане с их способностью выбирать.

Помимо этого нужно учитывать, что «механизмы идентификации сложны – это динамический процесс, полный противоречий, чутко реагирующий на разнообразные мотивы, интересы, ситуации в обществе» [1, с. 53]. Поэтому для объяснения сложившейся ситуации необходим анализ внешних факторов и внутренних этноконсолидирующих мотивов, определяющих интеграцию индивидов со своим этносом и влияющих на их оценки значимости своей этнической принадлежности и определяющих в итоге отнесение индивида к тому или иному типу представителей этнической общины в городе.

Анализ данных исследований 2006 и 2018 гг. показывает, что основную роль в формировании национального самосознания индивида играют факторы микроуровня: семья и родители, круг общения (табл. 4).

Таблица 4

**Факторы, влияющие на национальное самосознание
мигрантов марийской национальности в Йошкар-Оле
по данным исследований 2006 и 2018 гг. (в % от числа ответивших)**

Факторы	2006 г.	Ранг	2018 г.	Ранг
Семья, родители	68,5	1	80,0	1
Круг общения	47,6	2	55,8	2
Средства массовой информации	38,1	3	7,4	4
Общественное мнение	14,9	4	6,3	5
Культурные мероприятия	11,9	5	27,4	3
Участие в общественной деятельности	10,7	6	2,1	7
Другое	1,2	7	4,2	6

Примечание. В данной и последующих таблицах отражены вопросы, на которые респонденты могли дать несколько вариантов ответов.

В рейтинге йошкар-олинских мари первое место стабильно занимает семья, которая продолжает оставаться в городе «оплотом» сохранения этничности, и значение этого фактора растет. Не так значительно, но все же растет и значение влияния окружения человека. Среди факторов макроуровня в 2006 году ведущее место занимали средства массовой информации. В 2018 их место заняли культурные мероприятия. Значение влияния СМИ сократилось в пять, а значение влияния культурно-массовых мероприятий, напротив, возросло более чем в 2 раза (2,4%).

В общении современного человека (особенно горожанина) со средствами массовой информации доминирующее место занял Интернет, информация в котором носит преимущественно внеэтнический характер. В деятельности же национальных культурных учреждений в городе в период формирования этнического сознания особенно представителей третьего поколения этнических мигрантов в городе произошли значительные изменения. Активизация деятельности национальных театров и Центра марийской культуры, проводящего массовые мероприятия, ориентированные на молодежную аудиторию, сыграли немаловажную роль в формировании этнического облика марийской городской молодежи. В итоге третье поколение, по сути уже не являющееся мигрантами в территориальном понимании, более походит на своих дедушек и бабушек (со своими характерными особенностями, разумеется), нежели чем на своих родителей, и демонстрирует большую приверженность своей этничности. Это во многом – результат изменения роли влияния различных факторов, определяющих этническое сознание человека (табл. 5).

Таблица 5

**Факторы, влияющие на национальное самосознание представителей
различных поколений мигрантов марийской национальности в Йошкар-Оле
по данным исследования 2006 года (в % от числа ответивших)**

Факторы	Первое поколение	Второе поколение	Третье поколение
Семья, родители	43,7	31,9	52,9
Круг общения	50,6	42,6	47,1
Средства массовой информации	34,5	36,2	50,0
Общественное мнение	12,6	19,1	14,7
Культурные мероприятия	11,5	12,8	11,8
Участие в общественной деятельности	10,3	8,5	14,7
Другое	0	2,1	2,9

Отмеченное выше относительное снижение уровня национального самосознания у представителей второго поколения мигрантов связано, как показывают данные приведенной таблицы, со снижением степени влияния факторов микросреды и, особенно, семьи. Третье поколение вновь отметило повышение роли этих агентов социализации, демонстрируя при этом повышение и роли средств массовой информации, которое, однако, как показало исследование уже 2018 года, оказалось недолгим.

Представители этих поколений формируют в итоге этническую марийскую общину в городе, распределяясь по ее элементам: группе «консерваторов» и группе «ассимилянтов». Какие же факторы социальной среды в большей степени влияют на выбор индивида и попадание его в какую-то из этих групп? Анализ данных исследования 2018 года показывает, что фактор влияния семьи, родителей в одинаковой степени влияет на национальное самосознание как «консерваторов», так и «ассимилянтов». Значительные различия наблюдаются при оценке влияния «круга общения» и «культурных мероприятий». Влияние других факторов представители обеих этих групп оценивают одинаково (табл. 6).

Таблица 6

Факторы, влияющие на национальное самосознание марийцев, проживающих в Йошкар-Оле, в зависимости от уровня их национального самосознания по данным исследования 2018 года (в % от числа ответивших)

<i>Факторы</i>	<i>Консерваторы</i>	<i>Ассимилянты</i>
Семья, родители	81,7	77,1
Круг общения	66,7	37,1
Общественное мнение	6,7	5,7
Средства массовой информации	6,7	8,6
Участие в общественной деятельности	1,7	2,9
Культурные мероприятия	30,0	22,9
Другое	0	11,4

Но являются ли «круг общения» и «культурные мероприятия» объективными, всё и всех охватывающими факторами внешней среды? В таком случае они должны оказывать свое влияние на всех йошкар-олинских марийцев. Но ведь человек сам определяет свой круг общения и сам решает посещать ему национальные культурные мероприятия или нет.

Здесь мы имеем дело с тем случаем, когда не внешняя среда (факторы) формируют структуру группы, а, напротив, сами представители группы – этнической общины – формируют ее структуру. Именно личный выбор и собственные действия, а не внешняя среда распределяет представителей этнической общины по типическим группам.

Еще одним важнейшим фактором, объясняющим механизм формирования этнической общины в городе, характер ее состава и особенности сознания и поведения ее членов, является представление индивидов об этноконсолидирующих признаках. К числу индикаторов данного показателя традиционно относят: представление об общности языка, историческом прошлом, народных обычаях, религии, чертах внешнего облика, психологии (чертах характера) и т.д. Для анализа представлений об этноконсолидирующих признаках традиционно использовался вопрос: «Что сближает Вас с представителями Вашей национальности?» (табл. 7).

Наибольшую значимость в качестве этноконсолидирующих признаков в 2006 году получили следующие (в порядке убывания): язык, народные обычаи, черты внешнего облика, черты характера (психология), историческое прошлое, религия [См. об этом подробнее: 3, 8, 9, 10]. Каждый 14-й респондент затруднился определенно ответить на поставленный вопрос.

Таблица 7

**Мотивы сближения марийцев, проживающих в Йошкар-Оле,
с людьми своей национальности
по данным исследований 2006 и 2018 гг. (в % от числа ответивших)**

<i>Мотивы сближения</i>	<i>2006 г.</i>	<i>Ранг</i>	<i>2018 г.</i>	<i>Ранг</i>
Язык	54,8	1	72,6	1
Народные обычаи	31,0	2	55,8	2
Черты внешнего облика	22,6	3-4	18,9	5
Черты характера, психология	22,6	3-4	23,2	4
Историческое прошлое	19,6	5	46,3	3
Религия	10,1	6	14,7	6
Затрудняюсь ответить	7,1	7	0	0
Ничто не сближает	1,8	8	4,2	7
Другое	0,6	9	0	0

Язык и обычаи сохранили свои лидирующие позиции в качестве этноконсолидирующих признаков и спустя 12 лет, при этом оценка их значимости существенно возросла: значимость языка в качестве признака, объединяющего народ, возросла в 1,3 и разделяется сегодня практически 3/4 представителей этнической общины, а обычаев – в 1,8 раза и также разделяется уже более чем половиной йошкар-олинских марийцев [4]. Однако значительно (более чем в 2 раза) возросла оценка значения исторического прошлого народа, и этот мотив сближения с людьми своей национальности уверенно вошел в тройку «лидеров»: почти половина наших респондентов указали его в качестве этноконсолидирующего признака. Следует отметить и то обстоятельство, что ответы респондентов стали более определенными, у них сформировалось достаточно четкое представление о признаках, сплачивающих этнос.

Отличия внутри группы городских марийцев носят, во-первых, межпоколенный характер. Ответы респондентов показали, что признаки этнического сходства в основном одинаково осознаются представителями разных поколений йошкар-олинских этнических мигрантов, но в некоторых аспектах наблюдаются некоторые различия (табл. 8).

Таблица 8

**Мотивы сближения представителей различных поколений мигрантов
марийской национальности в Йошкар-Оле с людьми своей национальности
по данным исследования 2006 года (в % от числа ответивших)**

<i>Мотивы сближения</i>	<i>Первое поколение</i>	<i>Второе поколение</i>	<i>Третье поколение</i>
Язык	54,0	55,3	55,9
Народные обычаи	32,2	27,7	32,4
Черты внешнего облика	21,8	19,1	29,4
Историческое прошлое	20,7	19,1	17,6
Черты характера, психология	19,5	21,3	32,4
Религия	8,0	8,5	17,6
Затрудняюсь ответить	6,9	10,6	2,9
Ничто не сближает	2,3	2,1	0
Другое	1,1	0	0

Особенно отличаются ответы представителей третьего поколения мигрантов. Для них в большей степени оказались значимыми такие мотивы как черты внешнего облика, психологические характеристики этноса и религия.

Снова проявили свою относительно высокую ассимилированность и представители второго поколения, среди которых оказалась наиболее высокая доля тех, кто не сумел обозначить мотивы своего сближения с соплеменниками.

Но гораздо более значительные различия в оценке мотивов консолидации этноса наблюдаются в разных типических группах йошкар-олинских марийцев (табл. 9).

Таблица 9

**Мотивы сближения марийцев, проживающих в Йошкар-Оле,
с людьми своей национальности
в зависимости от уровня их национального самосознания
по данным исследования 2018 года (в % от числа ответивших)**

<i>Мотивы сближения</i>	<i>Консерваторы</i>	<i>Ассимилянты</i>
Язык	86,7	48,6
Народные обычаи	73,3	25,7
Историческое прошлое	48,3	42,9
Религия	18,3	8,6
Черты внешнего облика	15,0	25,7
Черты характера, психология	23,3	22,9
Другое	0	0
Ничто не сближает	1,7	8,6
Затрудняюсь ответить	0	0

Не удивительно, что каждый 12-й «ассимилянт» ответил, что ничто его не сближает с представителями своего этноса. Для представителей этой типической группы этот вопрос вообще находится «на периферии» сознания, они не привыкли задумываться о своей национальной принадлежности, она для них «малозначима» или «совсем не значима». В тех же случаях, когда респонденты, принадлежащие к разным типическим группам, дали конкретные ответы, их точки зрения существенно разошлись.

Язык оказался важнейшим мотивом сближения представителей этноса в обеих группах, однако «вес» этого индикатора в них значительно отличается. Народные обычаи являются вторым по значимости этноконсолидирующим признаком лишь в группе «консерваторов», «ассимилянты» рассматривают его в ряду других, не придавая ему особого значения, и, скорее всего, по большей части игнорируя этот элемент этнической жизни на практике. В то же время достаточно высоко группа «ассимилянтов» оценила консолидирующее значение единства исторического прошлого этноса. Религиозный мотив более значим для «консерваторов», а «черты внешнего облика» – для «ассимилянтов». Единственное, что объединило в данном случае представителей типических групп, стала оценка значения признака «черты характера, психология». Все это вновь продемонстрировало существование значительных различий между группами, составляющими этническую общину.

Выводы. Анализ процессов, протекающих в этнической общине сельских мигрантов в городе, позволил нам детально рассмотреть особенности и нюансы влияния урбанизационных процессов на этнос в целом. В первую очередь наше исследование выявило структурный состав марийской общины в Йошкар-Оле и наличие интенсивных и масштабных трансформационных процессов в ее среде, часть из которых наносит «ущерб» этносу, часть придает ему новый перспективный вектор развития.

1. Происходит интенсивное формирование однополярной территориальной идентичности. Причины этого очевидны: практически прекратился массовый приток новых сельских мигрантов в город, а представители второго и третьего поколения утрачивают связи со своей «сельской» родиной и, соответственно, осознание принадлежности к ней. Для них «малая роди-

на» – это город. В этом явлении есть очень важный позитивный момент: исчезает «сельскость» этнических мигрантов в городе (со всеми вытекающими отсюда характеристиками и последствиями), увеличивается доля иноэтничных жителей города, считающих себя исключительно «горожанами». Причем, этот «долевой» характер территориальной идентичности уже в самом ближайшем будущем прекратит свое существование, когда новые поколения этнических мигрантов окончательно интегрируются в городской социум, не представляя себя в какой-то иной ипостаси.

2. Сокращается доля марийцев, принадлежащих к этносу «по рождению», но не по всем характеристикам идентифицирующих себя с ним. Межнациональные браки и желание принадлежать к более «выгодной» этнической (в нашем случае русской) группе населения вызывает полную или частичную смену этнической идентификации. Масштабы различных аспектов этнической ассимиляции и аккультуризации горожан и этнического ренессанса отражает соотношение проанализированных нами типических групп «ассимилянтов» и «консерваторов». В то же время эти группы необходимо рассматривать как веберовские «идеальные типы», так как реальные границы между ними по ряду признаков четко обозначены, а где-то носят расплывчатый, взаимопроникающий характер.

3. В полиэтническом городе происходит изменение характера процесса формирования этничности. В отличие от сельской моноэтнической среды, в которой этничность «впитывается с молоком матери», в городе этничность является результатом осознанного выбора самого человека и приобретает осмысленный характер. Об этом свидетельствует наличие большой группы этнических сельских мигрантов особенно в третьем поколении, которые высоко ценят свою этническую принадлежность.

4. Анализ выявил «синусоидальный» характер протекания этнических процессов в городе, выражающийся в первоначальной утрате этничности и последующем ее ренессансе в городской среде. Примером тому является второе поколение сельских мигрантов, в значительной мере отказавшееся от многих этнических характеристик своих родителей. С точки зрения этничности это – своего рода «потерянное поколение». Но в третьем поколении многие (но не все) этнические характеристики вновь находят свое широкое распространение.

Итогом всех этих процессов является формирование многочисленной и устойчивой марийской общины в городе (при неизбежной потере части представителей этноса), обладающей «своими», отличными от всего марийского сообщества, проживающего в республике, социально-этническими характеристиками и способной придать этногенезу качественно новую перспективную, не цепляющуюся за старое, а направленную в будущее тенденцию развития.

Литература

1. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49-58.
2. Иларионова Т.С. Национальные меньшинства в городской среде: историко-сравнительный анализ // Этносоциум. 2016. № 12. С. 43-52.
3. Кудрявцева Р.А., Шабыков В.И. Язык в системе коммуникации и этнического сознания обучающейся молодежи Республики Марий Эл // Вестник Марийского государственного университета. 2012. № 10. С. 83-86.
4. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2018 года): науч.-стат. бюллетень / МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева; авт.-сост. В.И. Шабыков, О.В. Орлова. Йошкар-Ола, 2018. 192 с.
5. Михайлов В.Т., Рунге Й. Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52-62.

6. Роджерс Э. Диффузия инноваций // URL: <https://www.socium-ar.ru/lifehack/article/tipologiya-lyudey-po-kriteriyu-gotovnosti-k-prinya-15957> (дата обращения: 10.06.2019).
7. Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском обществе. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987. 174 с.
8. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А., Казанцев Д.Е. Язык как этническая ценность (к вопросу об этнической природе общественного сознания населения Республики Марий Эл в начале 2010-х годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2. Ч. 2. С. 207-210.
9. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Родной язык как этническая ценность (гендерный аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. Ч. 2. С. 204-207.
10. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Этнокультурные ценности и межетнические ориентации населения Республики Марий Эл // Финно-угорский мир. 2015. № 1. С. 112-119.
11. Этническая общность / В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 2017. С. 490. (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. 2004-2017, т. 35).

References

1. Drobizheva L.M. Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and foreign ethnic environment // *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2010, № 12, pp. 49-58 (in Russian).
2. Iarionova T.S. National minorities in the urban environment: historical and comparative analysis // *Ethnosocium*. 2016, № 12, pp. 43-52 (in Russian).
3. Kudryavtseva R.A., Shabykov V.I. The Language in the system of communication and ethnic consciousness of students of the Mari El Republic // *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of the Mari state University], 2012, № 10, pp. 83-86 (in Russian).
4. Interdenominational and interethnic relations in the Republic of Mari El (Materials of the sociological Research 2018): The scientific and statistical Bulletin / Authors-Compilers V.I. Shabykov, O.V. Orlova. Yoshkar-Ola, 2018. 192 p.
5. Mikhailov V.T., Runge Y. Identification of the person. Territorial communities and social space: the experience of conceptualization // *Sociological Studies*. 2019, №1, pp. 52-62 (in Russian).
6. Rogers E.M. Diffusion of innovations. N.Y., Free Press) // URL: <https://www.socium-a.ru/lifehack/article/tipologiya-lyudey-po-kriteriyu-gotovnosti-k-prinya-15957> (дата обращения: 10.07.2019).
7. Starovoytova G.V. Ethnic group in modern Soviet society. Leningrad: Science Leningrad Branch, 1987. 174 p.
8. Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A., Kazantsev D.E. Language as ethnic value (to the question about the ethnic nature of the social consciousness of the population of the Mari El Republic in early 2010-ies) // *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Theory and practice], 2014, № 2, Part 2, pp. 207-210 (in Russian).
9. Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A. Native language as ethnic value (gender aspect) // *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Theory and practice], 2014, № 8, Part 2, pp. 204-207 (in Russian).
10. Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A. The ethno-cultural Values and ethnic Orientations of the Population of the Mari El Republic // *Finno-ugorskiy mir* [The Finno-Ugric World], 2015, № 1, pp. 112-119 (in Russian).
11. Ethnic community / V.A. Tishkov. M.: Great Russian encyclopedia, 2004-2017. Great Russian encyclopedia [in 35 volumes] / chiefeditor Y.S. Osipov. 2017, Vol. 35, p. 490.

Н.Г. ЧЕВТАЕВА,
А.С. НИКИТИНА,
К. СКАВО,
О.В. УСОВА

N.G. CHEVTAEVA,
A.S. NIKITINA,
C. SCAVO,
O.V. USOVA

ТРАНСФОРМАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ
В РОССИИ И США:
ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

TRANSFORMATION OF DRUG USE
IN RUSSIA AND THE USA:
INNOVATIVE FORMS
OF PREVENTIVE WORK AMONG YOUTH

В работе предложены инновационные практики по профилактике и предупреждению наркозависимости в молодежной среде. Острота проблемы современного общества характеризуется ростом доступности и дешевизны наркотиков, изменением структуры наркопотребления в сторону использования синтетических наркотиков.

Научная новизна исследования заключается в том, что с учетом зарубежного и российского опыта выделены два направления в «перестройке» профилактической работы в молодежной среде: (1) активизация участия неправительственных общественных, религиозных организаций и волонтерского движения (а не только государственных структур) в профилактике наркозависимости; (2) масштабирование методик «соучастия», предполагающих привлечение к работе по предупреждению наркозависимости специалистов и сверстников наркозависимых.

Практическое применение результатов исследования позволит использовать проведенный анализ для прогнозирования рисков обострения ситуации по распространению немедицинского потребления наркотиков в экономически благополучном регионе, расширить спектр субъектов по организации профилактической работы, апробировать в российской практике инновационные методики антинаркотического поведения молодежи.

The paper proposes innovative practices for the prevention and prevention of drug addiction among young people. The problem of modern society is characterized by increasing availability and cheapness of drugs, changing patterns of drug use in favor of synthetic drugs.

Scientific novelty of the research lies in the fact that taking into account Russian and foreign experience highlighted two areas of "restructuring," preventive maintenance in the youth environment: (1) increased participation of NGOs, religious organizations, and volunteer movement (and not only state structures) in the prevention of drug dependence; (2) scaling techniques "complicity", suggesting the involvement of prevention of drug addiction professionals and peer drug users.

Practical application of the results of the study will allow to use the analysis to predict the risks of aggravation of the situation on the spread of non-medical drug use in the economically prosperous region, to expand the range of subjects for the organization of preventive work, to test in Russian practice innovative methods of anti-drug behavior of young people. Key words: drug addiction risks; latent addiction; risk groups; peer-to-peer technique; volunteer movement.

Ключевые слова: риски наркозависимости, девиантное поведение молодежи, группы риска, ситуация наркопотребления, методика «равный обучает равного», волонтерское движение.

Key words: risks of drug addiction, deviant behavior of young people, risk groups, the situation of drug use, the technique of "equal teaches equal", in-volunteer movement.

Авторы выражают благодарность Департаменту внутренней политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за плодотворное многолетнее сотрудничество.

Введение. Противодействие наркопотреблению является важнейшей задачей государственной политики мирового сообщества. Все возрастающая доступность синтетических наркотиков в современном обществе становится высоким фактором риска распространения наркозависимости, особенно в молодёжной среде. В «Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» подчеркивается огромная опасность распространения незаконного оборота наркотиков среди различных социальных групп и особенно среди молодежи. Рост незаконного производства, спроса и «оборота наркотических средств и психотропных веществ» представляют собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывают отрицательное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества» [3].

Противодействие наркопотреблению также закреплено в Паспорте национального проекта «Демография» как одна из ключевых задач по укреплению общественного здоровья населения России [8].

Приведенные ниже по тексту статистические данные по Российской Федерации и США демонстрируют глубину и остроту рассматриваемой нами проблемы¹.

По данным Национально-исследовательского центра употребления наркотиков США (NSDUH) в 2017 году 19,7 миллионов взрослых американцев (в возрасте 12 лет и старше) боролись с расстройством, связанным с употреблением наркотиков. Из них – примерно 4% американских подростков в возрасте от 12 до 17 лет (992 000 человек), 14,8% молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет (5,1 миллионов человек), 6,4% взрослых американцев в возрасте 26 лет и старше (13,6 человек) [1, с. 43].

Статистика Соединенных Штатов учитывает распространенность наркомании в различных этнических группах. Американские индейцы и коренные жители Аляски в возрасте 12 лет и старше имели самый высокий уровень злоупотребления психоактивными веществами в 2018 году – 12,8%. Уровень злоупотребления психоактивными веществами среди белокожих граждан США составлял 7,7%. Около 6,8% афроамериканцев боролись с расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, в то время как доля латиноамериканцев, страдающих расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, составила 6,6% [1, с. 43].

Статистика наркозависимости в РФ показывает, что периодически употребляют и знакомы с наркотиками более 18 миллионов людей по всей России. Ежедневно к их числу прибавляются свыше 250 человек. Наркомания значительно молодеет. 60% наркозависимых в России – молодежь в возрасте от 16 до 30 лет; 20% – школьники; 20% – люди старшего возраста [7, с. 138]. Если наркозависимость сформирована и становится устойчивой, то человек, чаще всего, попадает на медицинский учет.

Проблема усугубляется тем, что наркотики становятся доступнее как в плане их стоимости, так и в способах их получения. Традиционные наркотические вещества, такие как героин и т.п. «уходят в прошлое». На их место приходят синтетические вещества, так называемый «спайс». Еще одной проблемой является то, что каналы распространения наркотиков сложно отследить, т.к. предложения в основном поступают при помощи сети Интернет, через социальные сети. Не пренебрегают производители и рекламой на домах, на заборах. Поскольку стоимость синтетических наркотиков невысока, пагубная зависимость у человека, который их употребляет, может наступить, если тратить на них от 1000 до 5000 тысяч рублей в месяц. Грамм кокаина стоит порядка 11 тыс. рублей, спайса – 500 рублей. Денежные средства перечисляются в основном виртуальным способом перевода [6, с. 98].

¹ Сравнительный анализ проведен авторами на основе открытых источников, при этом параметры статистического анализа в исследуемых странах могут различаться.

Таким образом, изменение структуры наркопотребления, облегченный доступ к наркотическим веществам создают в современном обществе дополнительные риски вовлечения молодежи в круг наркозависимых и обуславливают потребность в «перестройке» профилактической работы с учетом актуальных угроз.

По оценкам экспертного сообщества [6, с. 102], апробированные ранее формы профилактики наркомании требуют существенной перестройки, поскольку изменилась сама ситуация вовлечения молодежи в наркопотребление.

Цель данной статьи – провести анализ эффективности традиционных форм антинаркотической профилактики отвечать на современные вызовы трансформации наркопотребления. На основе сравнительного социально-психологического анализа ответов групп респондентов, имеющих опыт наркопотребления и не причастных к наркотикам; а также с учетом зарубежного (США) и российского опыта организации профилактической работы, предложить инновационные практики проведения антинаркотической профилактики в молодежной среде.

Методы и методы исследования. Вопросы организации антинаркотической профилактической работы анализируются в целом ряде исследований. Предметом анализа деятельности в данном направлении стали различные аспекты этого явления. Рассмотрим некоторые из них. Одни авторы разбирают социокультурные факторы девиантного поведения молодежи [9, с. 318] и проводят анализ социальных рисков, способных привести, в том числе и к наркозависимости.

Другие авторы следуют путем эмпирических социологических исследований и акцентируют внимание на проблемах социального самочувствия молодого поколения, их восприятия собственной жизни, недоверия к социальным институтам, выявляя факторы, способствующие проявлению социально неодобряемого поведения [5, с. 199]. Изучение ценностных ориентаций и установок молодежи [10], ее отношения к разным видам девиантного поведения (употреблению алкоголя, наркотиков, табакокурению) [11, с. 96] способствовало выстраиванию стратегии антинаркотической работы с учетом особенностей современного российского молодежного сообщества.

Самый многочисленный блок литературных источников посвящён методикам профилактической работы, организованной в образовательной среде как силами самих педагогов [12, с. 152], так и с привлечением специалистов [12, с. 153]. Особое место в организационных моментах, описанных в данной литературе занимают вопросы проведения добровольного социально-психологического тестирования учащихся на предмет выявления признаков наркозависимости [4, с. 298]. Однако данные средства профилактики неоднозначно воспринимаются родительской общественностью [14, с. 540].

Однако следует отметить, что апробированной мировой практикой, которая приносит позитивные результаты, на сегодняшний день является информирование образовательной организацией родителей учащихся о первых признаках и пагубных последствиях наркопотребления [15], бесконтрольного образа жизни, который ведет подросток.

Из большинства проанализированных источников следует, что социально-психологическая обстановка в семье может подтолкнуть ребенка к наркотикам, поэтому работа с неблагополучными семьями становится предметом особого внимания исследователей.

Анализ различных форм девиантного поведения, индивидуальная работа с «группами риска» в молодежной среде также находят отражение в литературе. Положительно зарекомендовали себя программы альтернативы наркопотреблению, связанные с организацией досуга молодежи, художественное и научно-техническое творчество, кружки по интересам.

В тоже время эксперты подчеркивают, что апробированные ранее практики профилактики наркопотребления были действенны в разрезе своего времени, когда и сама проблема наркомании носила другой характер:

были иные, отличные от современных, химические вещества, другие способы их получения. Современная ситуация, связанная с изменением структуры наркопотребления, все возрастающей доступностью наркотиков, создает дополнительные риски по распространению этой пагубной зависимости, а, следовательно, нуждается в поиске инновационных форм профилактической работы в исследуемой нами области.

Основной особенностью антинаркотической деятельности профилактики в США является применение различных форм взаимодействия официальных государственных структур с общественными организациями в сфере профилактики применения наркотиков. Координирует эту работу на государственном уровне – Бюро по международным связям с наркотиками и правоохранительными органами США (INL) (далее Бюро). На протяжении более трех десятилетий Бюро создает программы по профилактике наркозависимостей с привлечением неправительственных организаций. Наибольшую популярность среди профессионального сообщества вызвали такие программы, как: «Программа Коалиции сообщества без наркотиков». Бюро помогает формировать общественные коалиции по борьбе с наркотиками в ключевых странах-производителях наркотиков (в Латинской Америке, Азии и Африке). В настоящее время действуют более 200 коалиций в 20 странах (Боливия, Бразилия, Кабо-Верде, Колумбия, Коста-Рика, Гана, Гватемала, Гаити, Гондурас, Ирак, Кения, Кыргызстан, Мексика, Перу, Филиппины, Сенегал, Южная Африка, Таджикистан, Танзания и Уругвай).

«Программа продвижения Международного сообщества специалистов по профилактике и лечению наркомании (ISSUP)»: Бюро оказывает поддержку консорциуму международных организаций в формировании новой глобальной ассоциации специалистов по лечению и профилактике наркомании. ISSUP поддерживает научные исследования по профилактике и лечению наркозависимости.

«Программа регионального обучения, профилактики и лечения наркомании» – это базовая и продвинутая серия основных курсов, в которой обучаются и получают дипломы специалисты по профилактике и лечению наркомании по всему миру. Бюро финансирует программы обучения в разных странах мира (включая Кению, Сальвадор, Багамские Острова и Индонезию), принимает стандарты по работе с наркоманией на национальном и международном уровнях.

«Программа профилактики и лечения от наркомании женщин», разработанная в США включает обучение, информационно-пропагандистскую деятельность, а также исследовательские и демонстрационные курсы, учитывающие гендерные особенности поведения. По данной методике проводится платное обучение в Латинской Америке. В настоящее время в Перу преподаются более 10 курсов в рамках учебной программы «Руководство по восстановлению женщин».

«Программа по профилактике и лечению наркозависимости у детей»: Бюро поддерживает разработку протоколов профилактических мер и лечения, направленных на работу с детьми-наркоманами, и спонсировало первые в мире программы такого рода в Латинской Америке (зависимость от крэка-кокаина), Южной Азии (зависимость от опиатов) и Афганистане (опиатная зависимость). Протоколы для успешного лечения и предотвращения зависимости от крэка были также установлены в Бразилии, в то время как протоколы для лечения зависимости от опиатов были успешно внедрены в Афганистане.

Научно-исследовательские программы: Бюро поддерживает научно-исследовательские программы по профилактике и лечению в основных странах-производителях/потребителях наркотиков, а затем выявляет и распространяет научные результаты во всем мире.

Помимо этого в США насчитывается более 1000 неправительственных организаций, общественных движений, иницирующих работу по профилактике зависимостей, наиболее популярные из них: «Национальная лига по

профилактике наркомании», «Национальные азиатско-тихоокеанские американские семьи против злоупотребления психоактивными веществами» (NAPAFASA), «Национальный центр по наркомании при Колумбийском университете» (CASA), «Национальный совет по алкоголизму и наркотической зависимости» (NCADD), «Центр по профилактике злоупотребления психоактивными веществами», «Фонд свободной от наркотиков Америки», «Держите наших детей от наркотиков», «Афроамериканские родители по профилактике наркомании», «Товарищество христианских спортсменов», «Американский совет по образованию в области наркотиков», «Сообщество антинаркотических коалиций Америки» и др.

В России в рамках реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» на 2013-2020 годы, организована работа по повышению уровня знаний общества об опасностях, связанных с потреблением наркотиков. Мониторинг наркоситуации позволяет обобщить опыт лучших практик участия общественных организаций в проведении антинаркотической профилактики среди молодежи [4, с. 299].

Также весьма сомнительным эффектом обладают программы, созданные по принципу «переводных» (т.е. разработанные за пределами РФ и экстраполированные для работы с российскими подростками без учета особенностей их ментальности). Например, анализ ряда подобных программ¹, проведенный экспертами в области лингвистики, психологии и культурологии свидетельствовали о разрушительных тенденциях их влияния на формирующуюся личность, подмене заявленных авторами целей профилактики рискованного (в том числе и наркотического) поведения толерантностью к аут-группам наркоманов и гомосексуалистов.

Требуют масштабирования комплексные программы организации профилактической работы в образовательных учреждениях с привлечением учебного сообщества. Примером может служить российский опыт реализации Программы «Мы выбираем жизнь!» для подростков, молодежи и их референтных групп (родителей, близких, психологов, педагогов и медицинских профессионалов). Цель этой Программы – создание социальной и культурно – досуговой защиты обучающихся от распространения наркомании, токсикомании и алкоголизма, повышение эффективности деятельности учебного самоуправления в образовательной организации.

Программы, обучающие адаптивному стилю жизни, навыкам общения, критическому мышлению, умению принимать решения и противостоять в провоцирующих к наркопотреблению ситуациях позволяют сформировать устойчивые ценностные ориентации на здоровый образ жизни. Программа состоит из 6 блоков: 1) информационный; 2) дополнительное образование; 3) работа с родителями; 4) работа с учащимися группы риска; 5) здоровый образ жизни; 6) летний отдых и оздоровление обучающихся. Особое внимание уделяется формированию у педагогов и родителей навыков распознавания ребенка, который находится «под влиянием наркотических веществ», знакомству с методиками выявления молодежи, употребляющие наркотики, включая физиологические и поведенческие признаки. Родителей и педагогов также ориентируют на знание наркотического сленга [1, с. 42], распространенного в молодежной субкультуре; обучают способам бесконфликтного общения с детьми, употребляющими наркотические, токсические средства; знакомят с рекомендациями Министерством здравоохранения РФ и научно-исследовательского института наркологии о последовательности действий

¹ «Программы первичной профилактики ВИЧ/СПИДА и рискованного поведения для детей старшего подросткового возраста (Ладья – «В ладу с собой»). Российский Круглый стол. М., 2015. 201 с.» и «Программы первичной профилактики ВИЧ/СПИДА и рискованного поведения для детей старшего подросткового возраста «ЛАДЬЯ» (методические рекомендации для ведущих программы).

педагога и администрации учебного заведения при подозрении на употребление несовершеннолетними наркотиков. Программа может быть дополнена факультативным курсом «911», предназначенным для развития навыков взаимопомощи.

Тенденция привлечения добровольческих (волонтерских) объединений в работу по пропаганде здорового образа жизни, профилактике наркомании в подростковой и молодежной среде проявляется в различных регионах, в том числе и Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. В период с 2015 года по 2018 число детских и молодежных добровольческих (волонтерских) объединений в данном регионе выросло в 2 раза: с 178 в 2015 году до 378 в 2018 году. Волонтеры округа активно включены в проведение всероссийских акций, посвященных Международному дню борьбы с употреблением наркотиков и их незаконному обороту (флешмоб «Мы за жизнь», квест «День борьбы с наркоманией»), иных всероссийских акций («СТОП ВИЧ/СПИД», «Будь здоров»). Также интересны инициативные проекты волонтерского сообщества: «Курить не модно – дыши свободно!», «Сделаем мир добрее», «Дети-детям», «Шаги добра» и др.

Ниже по тексту приведены результаты исследования ситуации антинаркотической профилактики среди подростков и молодежи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и эффективность внедрения данных программ в регионе.

Анализ проблемной ситуации осуществлялся на материалах Мониторинга наркоситуации в 2015-2018 Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Экономическое благополучие этого нефтедобывающего региона России оказывается крайне привлекательным для распространителей наркотиков, создавая тем самым дополнительные сложности в проведении профилактической антинаркотической работы.

В рамках Мониторинга наркоситуации ежегодно при участии российских авторов данной статьи проводятся социологические исследования, методом массового опроса среди жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2 тысячи респондентов ежегодно) и методом экспертного интервью (50 экспертов: члены антинаркотических комиссий, представители правоохранительных органов, органов социальной защиты, молодежной политики, а также медицинского и образовательного сообщества). В рамках исследования проведен сравнительный анализ установок двух групп респондентов: не употребляющих наркотики и имеющих опыт наркопотребления.

В массовом опросе ежегодно принимали участие 2000 жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры из всех муниципальных районов, городских округов и городов от 14 лет и старше, постоянно проживающие на территории округа. Исследование проводилось выборочным методом. Выборка исследования: случайная стратифицированная с пропорциональным распределением по полу, возрасту и типу населенного пункта. Гендерная характеристика респондентов: 49,8% мужчин и 50,2% женщин. Возрастная характеристика респондентов: от 14 до 25 лет – 20,5%; от 26 до 35 лет – 20,1%; от 36 до 45 лет – 20,2%; от 46 до 55 лет – 19,4%, старше 56 лет – 19,4%. По типу населенного пункта: 81% городских жителей и 19% сельских жителей. Среди респондентов оказались люди разного социально-профессионального статуса: студенты высших учебных заведений – 19,6%, учащиеся средних профессиональных образовательных учреждений – 13,9%, школьники – 6,6%; рабочие – 16,6%; служащие и специалисты – 32%; руководители организаций – 3,6%, руководители подразделений – 7%; незанятое население, пенсионеры – 0,7%.

В качестве экспертов (ежегодно опрошено 50 человек методом экспертного интервью) выступили: члены антинаркотических комиссий, представители органов внутренних дел; медицинских учреждений, занимающихся лечением наркомании; общественных организаций, чья деятельность связана с профилактикой наркозависимости.

1.1. Результаты исследования

Проиллюстрируем факторы риска, способствующие вовлечению молодежи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в число наркопотребителей.

Показатель «Доступность наркотиков» для населения

Данный показатель определялся посредством ответа респондентов на вопрос: «Изменилось ли представление респондентов о доступности наркотиков?». Распределение ответов на поставленный вопрос представлено на рисунке 1.

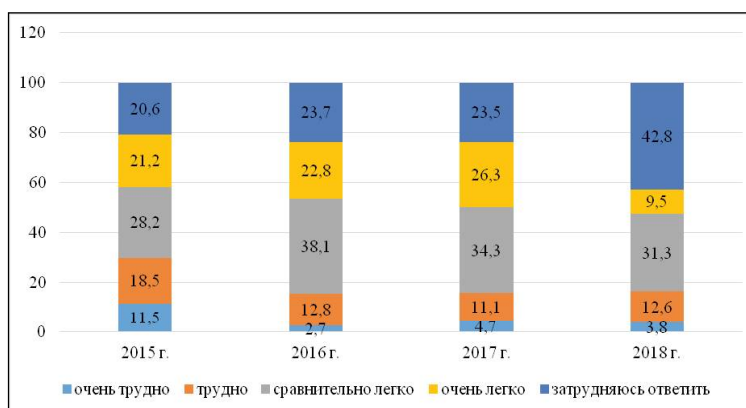

Рис. 1 Оценка респондентами 2015-2018 годов того, насколько трудно сегодня достать наркотики (% ответивших)

Сравнительный анализ исследований 2015-2018 годов (рис. 1) показывает, что среди ответивших на вопрос: «Насколько трудно сегодня достать наркотики?» – доминирующим остается убеждение, что достать наркотики в местности, где они проживают «сравнительно легко» или «очень легко». Суммируя положительные ответы, можно отметить, что, начиная с 2015 года, у опрошенных респондентов росла уверенность в доступности наркотических средств: (с 49,4% в 2015 году, достигла пика в 2016 году – 60,9% и несколько пошла на убыль в 2018 году – 40,8%). Однако, выявленное нами снижение показателя «Доступности наркотических веществ» вероятнее всего произошло за счет респондентов, затруднившихся с ответом («не знаю»), и при этом существенно не изменилось число тех респондентов, кто уверен, что достать наркотики «трудно» или «очень трудно» (порядка 16%).

В процессе проведенного анкетного опроса респондентов в 2018 году респондентам было предложено оценить эффективность проводимых в их городе, районе профилактических антинаркотических мероприятий.

Наиболее эффективными мерами по борьбе с наркоманией были определены следующие средства: спортивные мероприятия (34,2%), лекции и беседы в учебных заведениях (29,0%), выступления бывших наркоманов, пропаганда с помощью антинаркотической рекламы на радио и телевидении (21,9%). Менее эффективны – специальные буклеты, брошюры, однако для 8,4% респондентов эти меры оцениваются как действенные. Представленная картина оценки эффективности проводимых мероприятий свидетельствует об отсутствии в арсенале применяемых профилактических средств безусловных эффективных. Подобное распределение ответов свидетельствует о необходимости поиска механизмов комплексного подхода к профилактике наркозависимости.

Положительный настрой, который демонстрируют респонденты при оценке эффективности проводимых антинаркотических мероприятий, также может быть подвергнут сомнению при анализе ответов на вопрос: «Можно

ли вылечиться от наркомании?» Представленные на рисунке 2 данные показывают, что в молодежной среде сохраняются установки, что вылечиться от наркомании быстро и легко: половина респондентов (50,6%) заявляют, что избавиться от данного порока несложно, стоит только захотеть. Только 16,7% понимают всю серьезность проблемы, отмечая, что «наркомания практически неизлечима» (16,7%). Следует отметить, что каждый третий респондент (30,6%) уверен в эффективности лишь принудительного лечения (рис. 2).

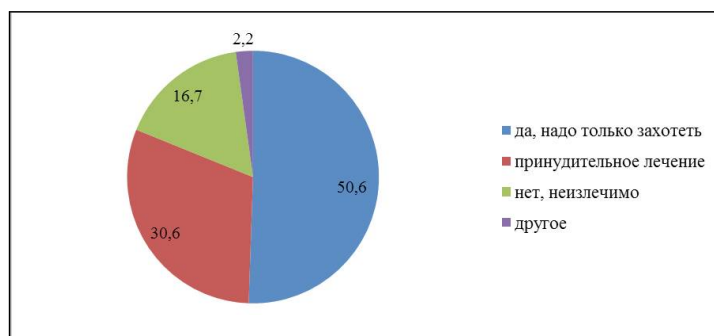

Рис. 2 Ответы респондентов «Можно ли вылечиться от наркомании?» (% ответивших) в ХМАО-Югре

Нами был предпринят также сравнительный анализ ответов респондентов, которые «пробовали» и «не пробовали наркотические вещества», на вопрос о возможности избавиться от наркотической зависимости (рис. 3).

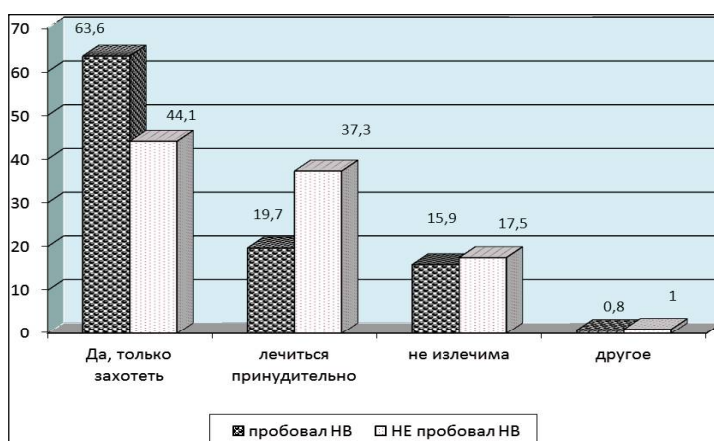

Рис. 3 Сравнительный анализ ответов респондентов, которые пробовали наркотики и которые не пробовали на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли вылечиться от наркомании?» (% ответивших)

Согласно приведенным результатам, респонденты, которые признались в том, что пробовали наркотики, самоуверенно заявляют, что вылечиться от наркомании несложно, стоит только захотеть (63,6% против 44,1% тех, кто не пробовал наркотики).

Настаивают на необходимости принудительного лечения в большей степени те из опрошенных, кто никогда не пробовал наркотики (37,3% против 19,7% тех, кто употребляет наркотики). Уверенных в неизлечимости наркомании в обеих группах невысока: порядка 16-17%.

Это означает, что выявленная иллюзия неуязвимости, непонимание того, что даже разовое употребление может привести к зависимости (по мнению экспертного сообщества медиков и специалистов в области антинаркотической деятельности) является усугубляющим фактором, способствующим распространению наркотиков.

Другой косвенной оценкой невысокой эффективности антинаркотической пропаганды могут служить ответы респондентов на вопрос: «Известна ли Вам законодательная ответственность Российской Федерации за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ?» (рис. 4).

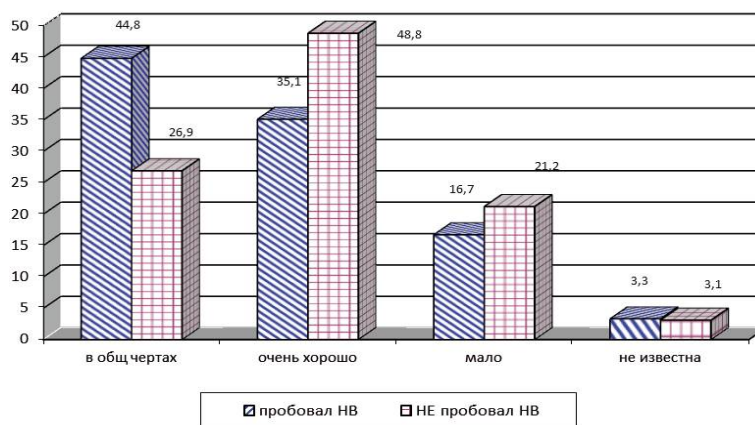

Рис. 4 Сравнительный анализ ответов респондентов, которые пробовали наркотики и которые не пробовали на вопрос: «Известна ли Вам законодательная ответственность Российской Федерации за употребление, хранение и сбыт наркотических веществ?» (% ответивших)

Знание о правовых последствиях наркопотребления практически не влияет на поведение групп риска. Если сложить положительные ответы в каждой группе респондентов, получается, что порядка 80% тех, кто пробовали наркотики, в той или иной степени знают о юридических последствиях своих действий; тогда как доля информированных, в группе не употребляющих наркотики, оказалась даже чуть меньше – порядка 76%.

Таким образом, сравнительный социологический анализ 2-х групп респондентов (потребляющих и не потребляющих наркотики) позволил выявить, во-первых, слабое влияние уровня информированности молодежи о вреде наркотиков на формирование их антинаркотического поведения; во-вторых, преобладание в группе употребляющих наркотики иллюзорной установки на то, что можно легко избавиться от наркозависимости. Подобная картина свидетельствует о слабой эффективности использования традиционных форм профилактической работы, связанных с прямой пропагандой антинаркотического поведения.

Необходимость изменения подходов в проведении профилактических мероприятий требует, на наш взгляд, анализа мотивов и установок той группы респондентов, которые признались в употреблении наркотиков. Ответы исследуемой нами группы на вопрос: «Кто предложил Вам попробовать наркотики?» (табл. 1) означают, что подталкивают к приобретению первого опыта наркопотребления чаще всего – сверстники, «друзья» (порядка 80% ответов респондентов 2015-2018 годов). Самостоятельное решение о принятии наркотиков – скорее исключение из общего правила (около 6% в 2015-2017 годах и 12% в 2018 году).

Таблица 1

Кто впервые предложил Вам попробовать наркотик?
(ответы респондентов, признавших в употреблении наркотиков,
% ответивших)

	2015	2016	2017	2018
Кто-то из знакомых	24,6	30,2	51,1	49,3
Друзья, с которыми я встречаюсь после учебы/работы	59	55,0	37,1	29,3
Коллеги по учебе/ работе	4,9	5,0	6,3	4,9
Сам (а) решил (а) попробовать	6,6	5,8	5,0	12,0
Кто-то из членов семьи	1,6	1,0	0,9	3,0
Кто-то другой	3,3	3,0	0,5	1,5

Тестирование причин, которые привели респондентов к употреблению наркотиков, осуществлялось посредством ответа на вопрос: «Какие причины привели Вас к тому, что Вы употребляете наркотики?» (табл. 2).

Таблица 2

Какие причины привели Вас к тому, что Вы употребляете наркотики?
(ответы респондентов, признавших в употреблении наркотиков,
% ответивших)

<i>Причины</i>	2015	2016	2017	2018
Из интереса, любопытства	47,4	44,8	43,0	35,1
Получение удовольствия	14,6	14,7	14,3	17,5
Для снятия напряжения	3,3	11,9	9,0	17,5
Чтобы уйти от личных проблем	4,9	2,8	5,0	5,3
От нечего делать	4,8	6,6	5,0	3,5
За компанию	22,0	26,2	23,0	19,3
Другое	3,0	7,0	0,7	1,8

Необходимо отметить, что особенностью современного состояния наркопотребления является факт употребления наркотиков респондентами, которых подталкивает не столько сложная жизненная ситуация («стремление уйти от личных проблем» – порядка 5%), сколько простое «любопытство» и желание «быть как все» – «за компанию» (в ответах употребляющих наркотики респондентов 2015-2018 годов эти причины доминируют – более 50%).

Ответы экспертов, полученные в ходе исследования, дополняют картину спектра причин приобщения разных возрастных групп к наркотикам. (1) Для взрослых людей «употребление наркотиков становится способом уйти от повседневных проблем». (2) Для молодежи формированию пагубной привычки способствует «плохое влияние компании, социальное неблагополучие», «отчужденные отношения родителей и детей в семье, когда жестокость и равнодушие к собственным детям подталкивают подрастающее поколение к дурным поступкам», «неустойчивое мировоззрение», «отсутствие интереса молодежи к организованным формам досуга», «слабый контроль со стороны семьи и общества». (3) Подросток стремится получить «социальное одобрение от друзей», отсутствие четких границ и рамок дозволенного приводит к тому, что употребление наркотических веществ рассматривается в его представлении как норма.

Схожую позицию демонстрирует и экспертное сообщество США. Согласно проведенным ранее исследованиям, в качестве основных причин наркопотребления называют: неблагоприятную домашнюю обстановку и же-

стокое обращение, употребление наркотиков родителями, генетику, влияние сверстников, а также плохие академические достижения учащихся. При этом подростки и люди с психическими расстройствами подвергаются большему риску, чем другие группы населения.

Результаты исследования. Полученные нами результаты позволяют выстроить обсуждение по нескольким линиям.

Во-первых, по линии возросших рисков наркопотребления среди молодежи.

В связи с выявленной тенденцией роста возникает необходимость «перестройки» основных направлений профилактической работы:

1) в условиях возрастающей доступности наркотиков профилактика наркозависимости не может быть предметом деятельности только государственных структур – официально признанных субъектов организации профилактики (учреждения здравоохранения, социальной сферы, спорта, образования, культуры, социальной политики, органов внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних).

Современным трендом является активная заинтересованность неправительственных общественных, религиозных организаций и волонтерского движения, проводящего профилактическую антинаркотическую работу;

2) поскольку основная информация о наркотиках и первый опыт наркопотребления происходит в самой молодежной среде, перспективной представляется поддержка *методик «соучастия»*, связанных с привлечением сверстников к предупреждению наркомании.

Обратим внимание на инновационные формы организации профилактической работы с учетом выделенных современных трендов.

Проведенный авторами анализ российских и зарубежных интерактивных практик профилактической работы позволяет обратить внимание на программы, ориентированные **на соучастие** в них ровесников. Выработке у молодежи собственных позитивных установок на неприятие наркомании способствуют не пассивные формы пропаганды (предполагающие лишь *присутствие на мероприятии*), а *активные формы организации профилактики при непосредственной включенности обучающихся* в процесс подготовки и проведении антинаркотических мероприятий. Положительно зарекомендовали себя такие методики, как: «Равный обучает равного»; «Форум – театр»; «Мультитерапия». Чем могут быть интересны данные технологии?

Профилактическая методика «Равный обучает равного» (*peer education* (англ.) – *равное образование*) одной из первых была успешно применена неправительственной организацией PEP/LA из Лос-Анджелеса (США). Ее президент, Венди Арнольд, не раз бывала в России и проводила тренинги по программе «Равный обучает равного» в Москве, Барнауле, Томске, Омске, Ханты-Мансийске и других городах.

Рассматриваемый метод основан на обучении в тренинговой форме добровольцев – из числа различных целевых групп (подростки и молодежь, потребители наркотиков, специалисты, работающие с молодежью), которые становятся волонтерами (*peer-educators*) и работают по принципу «равный обучает равного» в своих учебных заведениях. Методика использует известный эффект, основанный на склонности людей испытывать наибольшее доверие к «своим», т.е. к тем, кто находится с ними на одной возрастной и социальной ступени. Работа идет с опорой на особенности группы и с позиции «на равных», что подразумевает равенство в общении – искренность, открытость; умение быть самим собой и говорить на понятном группе языке; уважение стиля жизни, мнения, чувства других людей. Неформальная обстановка позволяет обсуждать неясные моменты, задавать вопросы, тут же закреплять полученные знания в процессе практических, групповых занятий, формировать навыки поведения. Таким образом, информация, предлагаемая тренерами программ равного образования, принимается и усваивается в максимальном объеме.

Российская практика адаптации методики «равный обучает равного» позволяет выделить специальные формы обучения юных тренеров – волонтеров. «Центр профилактики наркомании» (Санкт-Петербург) организовал диспут-клуб «Кино не для всех», в котором собираются ребята, пробуящие себя в качестве тренеров программы «равный обучает равного».

Техника **«Форум - театр»** впервые была представлена в июне 2000 года Ж.П. Беснарм – руководителем театра Тулузы – и получила широкое распространение во Франции как одно из эффективных средств профилактики наркомании и других зависимостей. В России эта методика впервые была апробирована в Нижнем Новгороде. В качестве наиболее наглядной формы пропаганды выбраны театрализованные представления.

В условиях доминирования цифровой среды в жизни молодого поколения представляется целесообразным использовать методику **«Мультитерапия»**. Мультитерапия – создание подростками социальных роликов, анимационных фильмов, направленных на антинаркогенную пропаганду. Технологично мультитерапия имеет следующий вид: школьники получают задание – выполнить комикс на заданную тему. Рисунки сканируются и переводятся в цифровой формат, позволяющий использовать их в программе Windows Lives (или Pinnacle-studio). Наложение музыки, речевой озвучки (либо титров и субтитров) позволяет создать импровизированные мультипликационные фильмы. Один из вариантов – выполнение мультфильмов из пластилина. Технология мультитерапии помогает через эмоциональное переживание опыта, проигрываемого в мультфильме, осознать значимость социальных проблем и смоделировать позитивный вариант их решения. Сегодня на YouTube можно увидеть несколько таких работ: «Выбор», «Экологический мир – эволюция», «Танец – средство межнационального общения», «Яркий мир» и другие. Самостоятельный подход к выполнению задания, необходимость прорисовывания большого количества деталей, несомненный интерес подростков к современным информационным технологиям и возможность выложить собственное произведение на YouTube способствует высокой мотивации участия в мультитерапии.

Заслуживает внимания такая форма взаимодействия специалистов-медиков, работников социальной сферы и общественности при организации профилактики как «Аутрич-работа». Эти Программы («Аутрич-работа») ориентированы на группы риска, на «уличную молодежь», причем на «их территории». Чаще всего это открытые «наркосцены» – неблагополучные дворы, подъезды. Мобильные группы специалистов с помощью оперативных служб выявляют неформальные подростковые объединения на территории микрорайона и при поддержке учащихся проводят разъяснительную работу по развенчанию так называемых «уличных мифов», облегченных представлений молодежи о якобы «безвредности легких наркотиков». Опыт реализации программ «Аутрич-работы» доказывает, что мифологические установки, трудно поддающиеся коррекции путем официальной беседы со взрослыми, легче меняются, если информация исходит из группы сверстников. Специалисты в данном случае выполняют функцию посредников между детьми и подростками «группы риска», организуя консультирование, распространение информационных материалов о возможности анонимного обследования и лечения (с указанием адресов и телефонов организаций, работающих в таком режиме), средств барьерной контрацепции. Медики, участвующие в программе, также могут направить ребят с признаками наркозависимости к специалистам системы здравоохранения и социальной защиты.

Таким образом, представленные инновационные практики предупреждения антинаркотического поведения позволяют, на наш взгляд, перестроить профилактическую работу с учетом возрастающих рисков наркопотребления в молодежной среде. В ситуации роста доступности синтетических наркотиков, когда их употребление воспринимается молодежью как обыденным фактом, недоверия к официальным источникам антинаркотической про-

паганды и традиционным формам профилактики нуждаются в тщательной проработке и коррекции. Активизация общественного участия в антинаркотической пропаганде, «соучастие» самих школьников и молодых людей в социально значимой деятельности по предотвращению пагубной зависимости способствует формированию устойчивой гражданской позиции подрастающего поколения на неприятие наркотиков.

Литература

1. Горохова Т.С. Видеофильм как средство первичной профилактики наркомании среди подростков и молодежи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (178). С. 42-46.
2. Княгинина Е.В. Социально-психологическое тестирование как один из методов профилактики наркомании в республике Северная Осетия-Алания // Современные технологии в образовании. 2017. № 17. С. 86-90.
3. Конвенция от 20 декабря 1988 года Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=121092;req=doc#012180428963722789> (дата обращения: 15.02.2019).
4. Копылова А.Н. Разработка беседы с родителями по профилактике алкоголизма и наркомании «Все в руках родителей» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 32. С. 298-304.
5. Кудрявцев М.Д., Шеслер В.А., Дорошенко С.А., Турыгина О.В. Роль педагогической деятельности в профилактике наркомании среди студентов и слушателей учебных заведений // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-1. С. 199-202.
6. Малкова Е.Е. Психологическая коррекция внутрисемейных отношений как одна из форм профилактики наркомании у подростков // Наркология. 2017. Т. 16. № 9 (189). С. 98-102.
7. Нахимова Я.Н., Ромашкина Г.Ф. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 4. С. 138-160.
8. Паспорт национального проекта «Демография» (утвержден президентом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения: 24.01.2019).
9. Рубан Л.С. Современное девиантное поведение и отношение молодежи к его проявлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. № 18. Т. 2. С. 318-333.
10. Руденкин Д.В., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Кривошекова М.С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. 2018. № 20. С. 125-146.
11. Степанов Г.И., Степанова А.А. Роль и значение физической культуры и спорта в профилактике наркомании // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 3 (77). С. 96-100.
12. Чевтаева Н.Г., Качанова Е.А., Никитина А.С. «Мягкие» и «жесткие» стратегии социального контроля наркопотребления // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 152-156.
13. Шувакович У.В., Нарбут Н.П., Троцук И.В. Молодежь России и Сербии: уровень социального доверия и основные поколенческие проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. № 16 (4). С. 816-829.
14. Chevtaeva N., Kachanova E., Makhova N. State anti-drug health policy in Russia (on the example of the Khanty-Mansiysk autonomous district of the Russian Federation). CBU international conference on innovations in science and education. March 21-23, 2018, Prague, Czech Republic. Pp. 540-546.
15. Faggiano F., Minozzi S., Versino E., & Buscemi D. Universal school-based prevention for illicit drug use // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2014. Issue 12.

References

1. Gorokhova T.S. Video film as means of primary prevention of drug abuse among adolescents and young people. Tomsk: State Pedagogical University. 2017. № 1 (178), pp. 42-46 (in Russian).
2. Knyaginina E.V. Socio-psychological testing as one of the methods of drug abuse prevention in the Republic of North Ossetia-Alania. *Sovremennye tekhnologii v obrazovanii* [Modern technologies in education], 2017, № 17, pp. 86-90 (in Russian).
3. The Convention of December 20, 1988 of the United Nations against the Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=121092;req=d oc#012180428963722789> (Accessed 15 February 2019).
4. Kopylova A.N. Developing conversations with parents on the prevention of alcoholism and drug addiction "Everything is in the hands of parents". *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Koncept»* [Scientific and methodical electronic journal "Concept"], 2017, N 32, pp. 298-304 (In Russian).
5. Kudryavtsev M.D., Shesler V.A., Doroshenko S.A., Turygina O.V. The role of pedagogical activity in the prevention of drug abuse among students and students of educational institutions. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2018, N 59-1, pp. 199-202 (in Russian).
6. Malkova E.E. Psychological correction of intrafamily relations as one of the forms of prevention of drug addiction in adolescents. *Narkologiya* [Narcology], 2017. T. 16. N 9 (189), pp. 98-102 (in Russian).
7. Nakhimova Ya.N., Romashkina G.F. Social attitudes of young people to drug use and drug prevention. *Obrazovanie i nauka*. [Education and Science], 2017, T. 19. N (4), pp. 138-160 (in Russian).
8. Passport of the national project "Demography" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, protocol N 16 from 12.24.2018). Available at http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (Accessed 24 January 2019) (in Russian).
9. Ruban L.S. Modern deviant behavior and the attitude of young people to its manifestations. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*. [RUDN Bulletin. Series: Sociology], 2018, N 18. T. 2, pp. 318-333 (in Russian).
10. Rudenkin D.V., Vorobieva I.V., Kruzhkova O.V., Krivoshekova M.S. Youth vandalism in the metropolis: the limits of the norm and deviation. *Obrazovanie i nauka* [Education and science]. 2018, N 20, pp. 125-146 (in Russian).
11. Stepanov G.I., Stepanova A.A. The role and importance of physical culture and sports in the prevention of drug abuse. *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, N (3), pp. 96-100 (in Russian).
12. Chevtayeva N.G., Kachanova E.A., Nikitina A.S. «Soft» and «Tough» Strategies of Social Control Drug Use. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Social Studies], 2018, N 11, pp. 152-156 (in Russian).
13. Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of RUDN. Series: Sociology], 2016, № 16 (4), pp. 816-829 (in Russian).
14. Chevtayeva N., Kachanova E., Makhova N. State anti-drug health policy in Russia (on the example of the Khanty-Mansiysk autonomous district of the Russian Federation). *CBU international conference on innovations in science and education*. March 21-23, 2018. Prague, Czech Republic, pp. 540-546.
15. Faggiano F., Minozzi S., Versino E., & Buscemi D. Universal school-based prevention for illicit drug use. *Cochrane Database of Systematic Reviews*. 2014. Issue 12.

Н.В. ШАБРОВА

N.V. SHABROVA

ДОВЕРИЕ И БЮРОКРАТИЯ В ВУЗАХ

TRUST AND BUREAUCRACY IN UNIVERSITIES

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158
 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования»
 The article has been prepared by the Russian Foundation for Basic Research,
 project № 18-011-00158
 «Trust as a fundamental problem of Russian higher education»*

В статье представлены результаты сравнительного анализа мнений преподавателей и студентов о влиянии бюрократизации высшей школы на сохранение и развитие доверительных отношений между представителями образовательных общностей.

Делается вывод о мозаичности, рационализированности, нелинейности оценок преподавателей и студентов влияния бюрократизации на доверие в высшей школе. Некоторые проявления бюрократизации преподаватели и студенты оценивают положительно. Способствуют установлению доверия те проявления бюрократизации, которые позволяют осуществлять межличностное и межобщностное взаимодействие в рамках предсказуемых норм и правил поведения. Отрицательно представителями образовательных общностей оцениваются такие проявления бюрократизации, смысл которых им не понятен. Эти проявления не отражают их реальных потребностей и интересов и, как результат, препятствуют установлению доверительных отношений.

The article presents the results of a comparative analysis of the opinions of university professors and students about the impact of bureaucratization of higher education on the preservation and development of trust between representatives of educational communities.

The conclusion is made about the mosaic, rationalization, nonlinearity of university professors and students assessments of the influence of bureaucratization on trust in higher education. Some manifestations of bureaucratization university professors and students evaluate positively. Those manifestations of bureaucratization, which allow for interpersonal and intercommunity interaction within predictable norms and rules of conduct, contribute to establishing trust. Such manifestations of bureaucratization the meaning of which the representatives of educational communities do not understand they evaluated negatively. These manifestations do not reflect their real needs and interests and, as a result, prevent the establishment from maintaining trust relations.

Ключевые слова: доверие, образовательные общности, общественное доверие, бюрократизация, высшее образование, студенты, преподаватели вузов.

Key words: trust, educational communities, community trust, bureaucratization, higher education, students, university professors

Введение. Доверие – необходимая основа любых общественных отношений [16], актуальный ресурс современного нестабильного, рискогенного общества [14, 15]. Однако многочисленные социологические исследования показывают низкий уровень доверия большинства россиян к некоторым государственным и общественным институтам. В мае 2018 г. многолетний всероссийский социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» показал наименьшие значения доверия к банковским и предпринимательским кругам (10%); партиям и политическим движениям (13%); профсоюзам (15%); полиции, судам, прокуратуре (16%); Государственной Думе (17%); СМИ (18%). Примерно такие же результаты были получены в ходе мониторинга и в предыдущие годы. Наибольшие значения доверия россиян зафиксированы к Президенту РФ (68%) и армии (70%) [11, с. 112].

К сожалению, в настоящее время отсутствуют социологические мониторинги, замеряющие уровень доверия к системе высшего образования. Единственным многолетним исследованием, так или иначе затрагивающим высшее образование, является Европейское социальное исследование (ESS)¹. Россия участвует в нем с 2006 г. Но и в рамках ESS изучается не столько уровень доверия к системе высшего образования, сколько удовлетворенность системой образования в стране в целом. Так, по результатам данного мониторинга, в 2016 г. были замерены пять показателей: удовлетворенность жизнью в целом, состоянием экономики, национальным правительством, работой демократических институтов, системой образования и здравоохранения². Наибольший уровень удовлетворенности россияне выразили в оценке жизни в целом (5,67), работы правительства (4,85) и системы образования (4,57). Наименьшую удовлетворенность у россиян вызывает состояние системы здравоохранения (3,75) и экономики (3,89)³.

Вместе с тем, полагаем, что исследование доверия к высшему образованию требует серьезного теоретического и эмпирического изучения, интерпретации факторов, влияющих на рост/снижение доверия/недоверия к его эффективности как социального института и системы. По мнению многих российских ученых, одним из таких значимых факторов, влияющих на динамику вектора доверия в системе высшего образования, выступает сложившаяся бюрократическая система управления [3-5, 7, 9, 13].

В качестве ключевых причин трансформации институционального доверия в высшей школе С.Б. Токарева и О.В. Голубь видят не только изменения системы ценностей представителей образовательных общностей, но и доминирование принципов бюрократического управления [13].

Ряд исследователей доказывает в своих работах, что увеличение контроля в сфере образования со стороны управляющих органов воспринимается преподавателями и студентами как проявление недоверия к ним. Это недоверие негативно сказывается на мотивации, сплоченности, лояльности представителей образовательных общностей. Оно не позволяет участникам образовательного процесса добиваться четкости и ответственности в профессиональной сфере, существенно ограничивает возможности генерирования базовых ценностей образования (свободы, творчества, партнерства), т.е. значительно снижает качество высшего образования [3-5].

Изучая специфику отношений доверия в социальном пространстве вуза, Л.В. Колпина, Н.Н. Реутов и Л.А. Третьякова пришли к выводу о том, что значительная часть преподавателей испытывает к руководству вуза подозрение, страх, безразличие, считая его отношение к своим работникам неуважительным и потребительским, а действия – непредсказуемыми, не отражающими реальных потребностей и интересов [9].

Г.Е. Зборовский, в рамках разработанной концепции доверия в высшей школе, подчеркивает важность методов формирования доверительных отношений в системе высшего образования. В современных условиях авторитарного режима, отмечает он, управленческие структуры используют, прежде всего, архаичные методы: давление на людей «сверху», манипуляции общественным сознанием, угрозы и бюрократизацию отношений между участниками образовательного процесса [8].

¹ Европейское социальное исследование (ESS) – это академическое научное сравнительное межстрановое исследование, которое проводится методом опроса населения каждые два года в большинстве европейских стран с 2001 г. Россия принимала участие в волнах ESS в 2006, 2008, 2010, 2012, 2016 гг. В 2018 г. (последней на сегодняшний день волне) Россия участия не принимала.

² Респондентам предлагалось определить свою удовлетворенность состоянием системы образования в стране по шкале от 0 (полностью неудовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен).

³ Для анализа нами использован массив данных, размещенный на официальном сайте Европейского социального исследования (www.europeansocialsurvey.org).

Следует отметить, что существующая в настоящее время бюрократическая система управления в системе высшего образования – это не рациональная бюрократия М. Вебера и В. Вильсона, не бюрократия с «человеческим лицом» Д. Вальдо и В. Острома, а сверхбюрократизация. Она проявляется в [2]:

- искусственном усложнении организационных структур и нерациональном увеличении численности управленцев;
- доминировании интересов управленческого аппарата над интересами и потребностями научно-педагогического сообщества (главного «производителя» интеллектуальных и образовательных благ);
- тотальном контроле и формальной регламентации всех видов и всех уровней деятельности;
- использовании авторитарных средств и методов управления, противоречащим внутренним смыслам и целям образовательной и научной деятельности.

П.А. Амбарова подчеркивает, что вследствие сверхбюрократизации снижается доверие между научно-педагогическим, студенческим и управленческим сообществами, ухудшается их социальное самочувствие, возникает страх перед проверками, конкретными людьми, последствиями их действий, появляется ряд неприятных морально-нравственных явлений, не свойственных образовательной среде, – коррупция, угодничество, конкуренция [2, с. 182].

Цель данной статьи – сравнить оценки преподавателей и студентов влияния проявлений бюрократизации в высшей школе на развитие/поддержание доверительных отношений между представителями образовательных общностей.

Материалы и методы исследования. В качестве теоретической рамки исследования выступили направления бюрократизации в высшей школе, выделенные в работе П.А. Амбаров [2]. Она проанализировала четыре группы проявлений сверхбюрократизации в современном российском высшем образовании: 1) жесткая и тотальная система регламентации и контроля практически по всем видам академической деятельности – научной, образовательной, воспитательной, общественной; 2) контроль и регламентация образовательного пространства вуза и перемещения в нем и за его пределами; 3) жесткий контроль и регламентация не только внешних, формальных аспектов вузовской жизни, но и ее содержательной стороны; 4) использование бюрократических процедур для обоснования оптимизации системы высшего образования.

Эмпирической базой исследования стали результаты массового опроса студентов и преподавателей вузов г. Екатеринбурга, проведенного научным коллективом под руководством профессора Г.Е. Зборовского в марте-апреле 2019 г. В ходе исследования была реализована квотная выборка, которая формировалась на основе статистических данных об образовательной общности студентов города (размер квот в выборках преподавателей и студентов идентичен, поскольку расчет штатных единиц профессорско-преподавательского состава соотносится с количеством студентов).

Квотирование осуществлялось по направлениям подготовки (инженерно-техническое, естественно-научное, гуманитарное, социально-экономическое), уровням подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура), типам вузов (вузы национального, макрорегионального, регионального и локального значения) [1, с. 83]. Для расчета использовалась открытая информация, размещенная на сайтах вузов. Объем выборочной совокупности студентов составил 368 чел., преподавателей – 392 чел. Предельная ошибка выборки не превышала 5%.

В соответствии с нашим исследовательским интересом, мы попросили респондентов оценить, насколько существующие в обыденной практике проявления бюрократизации, по их мнению, влияют на уровень доверия к

представителям образовательных общностей. В инструментарии (анкеты студента и преподавателя вуза) были включены 8 вопросов, выступивших в качестве индикаторов проявления бюрократизации в системе высшего образования (по два из каждого блока проявлений бюрократизации). Структура выделенных нами показателей и индикаторов проявления бюрократизации в системе высшего образования представлена в таблице 1.

Таблица 1

**Структура показателей и индикаторов проявления бюрократизации
в системе высшего образования**

<i>Показатель</i>	<i>Индикаторы</i>
Жесткая и тотальная система регламентации и контроля практически по всех видах академической деятельности	Внедрение в образовательный процесс балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов
	Внедрение обязательной проверки текстов в системе «Антиплагиат»
Контроль и регламентация образовательного пространства вуза и перемещения в нем и за его пределами	Отсутствие фактической свободы выбора в образовательной и научной деятельности
	Административная регламентация времени и места проведения занятий
Жесткий контроль и регламентация не только внешних, формальных аспектов вузовской жизни, но и ее содержательной стороны	Постоянные изменения правил, требований (о сроках, пакете документов, шаблонах и т.д.) – у студентов; постоянные изменения образовательных стандартов и учебных планов – у преподавателей
	Увеличение объема предоставляемых обязательных документов (например, при защите курсовых работ) – у студентов; увеличение объема обязательной отчетной документации по учебной и научной работе – у преподавателей
Использование бюрократических процедур для обоснования оптимизации системы высшего образования	Несоответствие рекламных обещаний в рамках приемной кампании реальной ситуации, текущим условиям и качеству обучения – у студентов; сокращение числа вузов – у преподавателей
	Внедрение практики мониторинга эффективности вузов (рейтингования)

Следует оговориться, что инструментарий не позволил нам изучить оценки преподавателей и студентов относительно влияния бюрократизации на доверие к каждой образовательной общности отдельно. Мы замерили мнения респондентов о влиянии бюрократизации в современной высшей школе на доверие ко всей совокупности образовательных общностей, включенных в данную систему отношений. Вслед за Л.Д. Гудковым, который использовал понятие обобщенного доверия применительно к системе институтов [6], применим это понятие в нашем исследовании.

Результаты исследования. В соответствии с данными, представленными в таблице 2, преподаватели и студенты в целом позитивно оценивают влияние на установление доверительных отношений некоторой регламентации и контроля в образовательной деятельности. Оно проявляется в скорее положительной оценке внедрения в образовательный процесс балльно-рейтинговой системы (БРС) оценки знаний студентов (29,5% студентов и 29% преподавателей), обязательной проверки текстов в системе «Антиплагиат» (19,5% студентов и 28,5% преподавателей) и административной регламентации времени и места проведения занятий (33,3% студентов и 15,1% преподавателей).

Таблица 2

**Мнения респондентов о влиянии проявлений бюрократизации
в высшей школе на развитие доверительных отношений
между представителями образовательных общностей
(студентами, преподавателями, вузовскими управленцами)**

	Способствует установлению доверительных отношений		Препятствует установлению доверительных отношений		Никак не влияет		Итого
	Сту- денты	Педагоги	Сту- денты	Педагоги	Сту- денты	Педагоги	
Внедрение в образовательный процесс балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов	29,5	29,0	33,6	23,8	36,9	47,2	100,0
Внедрение обязательной проверки текстов в системе «Антиплагиат»	19,5	28,5	44,8	22,8	35,7	48,7	100,0
Отсутствие фактической свободы выбора в образовательной и научной деятельности	8,8	6,7	70,6	65,3	20,6	28,0	100,0
Административная регламентация времени и места проведения занятий	33,3	15,1	22,3	42,2	44,4	42,7	100,0
Постоянные изменения правил, требований (о сроках, пакете документов, шаблонах и т.д.) / постоянные изменения образовательных стандартов и учебных планов	6,0	4,2	77,5	66,1	16,5	29,7	100,0
Увеличение объема предоставляемых обязательных документов / увеличение объема обязательной отчетной документации по учебной и научной работе	11,3	3,1	56,0	75,6	32,7	21,2	100,0
Несоответствие рекламных обещаний в рамках приемной кампании реальной ситуации, текущим условиям и качеству обучения / сокращение числа вузов	8,2	8,3	72,0	42,5	19,8	49,2	100,0
Внедрение практики мониторинга эффективности вузов (рейтингования)	35,4	10,4	14,2	49,5	40,4	40,1	100,0

Вместе с тем, по двум последним индикаторам есть некоторые расхождения. Так, студенты почти в два раза больше, чем преподаватели, отмечали проверку текстов в системе «Антиплагиат» в качестве барьера для установления доверительных отношений (44,8% у студентов против 22,8% у преподавателей). Педагоги, напротив, в два раза больше, чем студенты, видят помеху формирования доверия в административной регламентации времени и места проведения занятий (22,3% у студентов против 42,2% у преподавателей). В целом же такая ситуация, на наш взгляд, обусловлена об-

щей для студентов и преподавателей заинтересованностью и потребностью (в духе традиционной бюрократии) в установлении норм, правил межличностного и межобщностного взаимодействия. Эти нормы и правила позволяют не только упорядочить, свести деятельность студентов и преподавателей к ожидаемым моделям поведения, но и минимизировать затраты ресурсов (времени, сил и т.д.).

Препятствуют установлению доверительных отношений, по мнению и студентов, и преподавателей, такие проявления бюрократизации в высшей школе, как отсутствие фактической свободы выбора в образовательной и научной деятельности (70,6% студентов и 65,3% преподавателей), постоянные изменения правил, требований, стандартов (77,5% студентов и 66,1% преподавателей) и увеличение объема обязательной отчетной документации (56,0% студентов и 75,6% преподавателей). Наши данные подтверждают результаты многочисленных исследований отечественных авторов, показавших, что в условиях отсутствия свободы выбора траекторий образовательной и научной деятельности, нестабильности и неопределенности «правил игры», необоснованного роста объема «бумажной» работы система высшего образования перестает качественно выполнять свои базовые функции по воспроизводству человеческого капитала, а лишь имитирует данный процесс [3-5, 10, 12].

Наиболее противоречиво воспринимаются представителями образовательных общностей практики использования бюрократических процедур для обоснования оптимизации системы высшего образования. Казалось бы, почти половина студентов (40,4%) и преподавателей (49,5%) считают, что внедрение практики мониторинга эффективности вузов и их рейтингования не способствует развитию доверительных отношений между представителями образовательных общностей. Тем не менее, число студентов, полагающих, что данная практика содействует установлению доверительных отношений, более чем в три раза больше, чем преподавателей (35,4% против 10,4%). Такая ситуация, на наш взгляд, складывается в силу различий знаний, представлений, ожиданий и действий студентов и преподавателей. Если для студентов информация о результатах деятельности вуза выступает своеобразным показателем того, что они учатся в высокорейтинговом, престижном вузе, то для преподавателей, которые в той или иной мере включены в процесс «создания имиджа», понимание сути и значимости такого мониторинга, имитационность данного процесса становится очевидной.

Противоположная ситуация складывается с оценкой влияния на установление доверительных отношений такого индикатора, как «несоответствие рекламных обещаний в рамках приемной кампании реальной ситуации, текущим условиям и качеству обучения», предложенного для оценки студентам, и «сокращение числа вузов» – для преподавателей. Половина преподавателей (49,2%) считает, что сокращение числа вузов никак не влияет на установление доверительных отношений между образовательными общностями. Это связано, на наш взгляд, с субъективными особенностями восприятия преподавателями возможностей профессиональной реализации в мегаполисе. Екатеринбург – город с большим числом вузов, достаточно развитой инфраструктурой, предоставляющий преподавателям возможности для самореализации. Конечно, преподаватели находятся в жестких условиях конкуренции и состоянии риска «не пройти по конкурсу», но этот риск связывается ими не столько с закрытием вуза, сколько с индивидуальными профессиональными, социально-психологическими характеристиками.

По оценкам значительной части студентов (72%) несоответствие рекламных обещаний в рамках приемной кампании реальным условиям и качеству обучения в нем выступает существенным фактором, препятствующим установлению доверительных отношений. Причина такой позиции кроется, на наш взгляд, в расхождении ожиданий студентов с той реальностью, в которую они попадают.

Выводы. Анализ показал, что лишь три из восьми предложенных респондентам индикаторов бюрократизации были оценены ими как однозначно негативно влияющие на установление доверия. К ним были отнесены: 1) отсутствие фактической свободы выбора в образовательной и научной деятельности; 2) постоянные изменения правил, требований, стандартов и 3) увеличение объема обязательной отчетной документации. Это бюрократические практики, смысловая нагрузка и функции которых не понятны представителям образовательных общностей. Они не отражают их реальных потребностей и интересов и, как результат, вызывают отторжение, неприятие.

В оценке пяти из восьми индикаторов у респондентов отсутствует однозначная позиция вектора их влияния на установление доверительных отношений. Так, около трети и студентов, и преподавателей одинаково положительно оценили влияние на установление доверия внедрения в образовательный процесс балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов. Вместе с тем, 34% студентов высказали противоположную позицию: внедрение БРС *препятствует* установлению доверительных отношений.

Различия в оценках респондентов влияния на установление доверия других индикаторов, например, таких как «внедрение практики мониторинга эффективности вузов и их рейтингования», «административная регламентация времени и места проведения занятий», еще существенней.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ оценок преподавателей и студентов влияния бюрократизации в высшей школе на развитие/поддержание доверительных отношений между представителями образовательных общностей показал их сложность и противоречивость. Полагаем, что для объяснения этих противоречий необходим более глубокий анализ. Во-первых, посредством использования качественных методов сбора информации (интервью, фокус-групп). Во-вторых, за счет изучения влияния бюрократизации на установление доверительных отношений в разрезе детализации объекта доверительных отношений, т.е. того, как бюрократические практики влияют на развитие/поддержание доверия между *конкретными* образовательными общностями.

Литература

1. Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе: монография / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, В.С. Каташинских, А.К. Ключев, А.А. Кузьминчук, С.В. Кульпин, М.В. Певная, Н.В. Шаброва, Е.А. Шуклина; под ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. 400 с.
2. Амбарова П.А. Сверхбюрократизация как аномалия развития высшего образования в России // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 24 (1). С. 173-183.
3. Ардашкин И.Б. Ценности современного образования как фактор развития: мировые тенденции и перспективы России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 60-67.
4. Вольчик В.В. Проблема доверия и институциональные инновации // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая. 2012. Вып. 41. С. 89-96.
5. Горина Т.С. Теоретические установки изучения доверия в образовательной среде // Фундаментальные исследования. 2014. № 11. С. 1845-1851.
6. Гудков Л. Рационализация повседневности и слепые зоны. Частная жизнь и общественный уклад [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inliberty.ru/article/modern-treisman/> (дата обращения: 19.07.2019).
7. Зборовский Г.Е. Ключевые проблемы доверия в высшем образовании: изучение и интерпретация // Вестник Сургутского педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 17-25.
8. Зборовский Г.Е. Концептуализация доверия как проблема высшего образования // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 2 (186). С. 162-173.

9. Колпина Л.В., Реутов Н.Н., Третьякова Л.А. Социальное доверие в системе высшего образования Белгородской области: эмпирический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 6 (429). С. 25-32.
10. Красинская Л.Ф. Модернизация, оптимизация, бюрократизация... что ожидает высшую школу завтра? // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 73-82.
11. Левашов В.К. Новые социально-политические противоречия на пути достижения устойчивого развития // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 107-119.
12. Рак Е.А. Социологический анализ проблем взаимодействия преподавателя и обучаемого в среде дистанционного обучения: позиция экспертов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 7 (20). С. 89-96.
13. Токарева С.Б., Голубь О.В. Трансформация институционального доверия в современном образовательном пространстве: причины и проявления // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2015. № 4 (30). С. 134-138.
14. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Cambridge: Polity Press, 1994.
15. Luhman N. Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. Stuttgart: Enke, 1968.
16. Seligman A. The problem of Trust. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997.

References

1. *Aktual'nye problemy transformacii vysshego obrazovaniya v makroregione: monografiya* [Actual problems of higher education transformation in macroregion: monograph] / G.E. Zborovskij, P.A. Ambarova, V.S. Katashinskih, A.K. Kljuev, A.A. Kuz'minchuk, S.V. Kul'pin, M.V. Pevnaja, N.V. Shabrova, E.A. Shuklina; pod red. G.E. Zborovskogo. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet, 2017. 400 p.
2. Ambarova P.A. Over-bureaucratization as an anomaly in the development of higher education in Russia *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture], 2018, № 24 (1), pp. 173-183 (in Russian).
3. Ardashkin I.B. Values of modern education as a factor of development: world trends and prospects of Russia *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University], 2014, № 384, pp. 60-67 (in Russian).
4. Vol'chik V.V. The problem of trust and institutional innovation *Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: jekonomicheskaja* [Scientific works of DonNTU. Series: Economic], 2012, Issue 41, pp. 89-96 (in Russian).
5. Gorina T.S. Theoretical attitudes to the study of trust in the educational environment *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, № 11, pp. 1845-1851 (in Russian).
6. Gudkov L. Rationalization of everyday life and blind spots. Private life and social order Available at: <https://www.inliberty.ru/article/modern-treisman/> (Accessed 19.07.2019) (in Russian).
7. Zborovskij G.E. Key trust issues in higher education: study and interpretation *Vestnik Surgut'skogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut pedagogical University], 2018, № 5 (56), pp. 17-25 (in Russian).
8. Zborovskij G.E. Conceptualization of trust as a problem of higher education *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture], 2019. T. 25. № 2 (186), pp. 162-173 (in Russian).
9. Kolpina L.V., Reutov N.N., Tret'yakova L.A. Social trust in the higher education system of Belgorod region: empirical analysis *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* [Regional Economics: theory and practice], 2016, № 6 (429), pp. 25-32 (in Russian).
10. Krasinskaja L.F. Modernization, optimization, bureaucratization... he expects the high school tomorrow? *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2016, № 3, pp. 73-82 (in Russian).

11. Levashov V.K. New socio-political contradictions on the way to achieving sustainable development *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2018, № 12, pp. 107-119 (in Russian).
12. Rak E.A. Sociological analysis of the problems of interaction between the teacher and the student in the environment of distance learning: position of experts *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Social Sciences series], 2010, № 7 (20), pp. 89-96 (in Russian).
13. Tokareva S.B., Golub' O.V. Transformation of institutional trust in modern educational space: causes and manifestations *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7, Filosofija*. [Bulletin of Volgograd state University. Ser. 7, Philosophy], 2015, № 4 (30), pp. 134-138 (in Russian).
14. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization*. Cambridge: Polity Press, 1994.
15. Luhman N. *Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexitat*. Stuttgart: Enke, 1968.
16. Seligman A. *The problem of Trust*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997.

DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.022

УДК 316.613.5

ББК 60.548

**Р.Б. ШАЙХИСЛАМОВ,
Г.Р. АСАДУЛЛИНА,
Н.В. КОРОВКИНА,
Э.В. САДРЕТДИНОВА**

**R.B. SHAIKHISLAMOV,
G.R. ASADULLINA,
N.V. KOROVKINA,
E.V. SADRETDINOVA**

СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL CHARACTER: ISSUES OF METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS

*Исследование выполнено в рамках выполнения проектов № 15-13-02021
«Особенности формирования гражданской идентичности россиян
в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан),
поддержанному РФФИ и Правительством Республики Башкортостан
в рамках регионального конкурса «Урал: история, экономика, культура»,
и № 19-411-020007\19 "Социальное конструирование родного языка
и проблем его сохранения в молодежной среде Башкортостана",
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований
и Республики Башкортостан в рамках регионального конкурса
«Урал: история, экономика, культура»*

В данной статье анализируются методы измерения социального характера. Вниманию читателей предложен разработанный одним из авторов статьи (Р. Шайхисламов) тест для измерения степени проявления ориентации на себя, ориентации на традиции и ориентации на других (по типологии Д. Рисмена). Приведены результаты измерения социального характера в ходе интервьюирования жителей Республики Башкортостан в 2015-2016 годы.

Авторы приходят к выводу о необходимости комплексного исследования социального характера. Большой научный интерес представляют следующие проблемы. В чем заключаются эмерджентные свойства социального характера в стабильных и нестабильных социальных ситуациях? Каковы тенденции изменений в социальном характере россиян в постсоветскую эпоху? Насколько значимы различия социального характера различных поколений, этносов, жителей мегаполисов, других городов, сел?

This article analyzes the methods of measuring social character. The article presents developed by one of the authors (R. Shaikhislamov) test to measure the degree of orientation itself, orientation to traditions and attitudes in others (for typology D. Risman). Results of measurement of social character during interviewing of inhabitants of the Republic of Bashkortostan in 2015-2016 are resulted.

The authors come to the conclusion about the need for a comprehensive study of social character. The following problems are of great scientific interest. What are the emergent properties of social character in stable and unstable social situations? What are the trends of changes in the social character of Russians in the post-Soviet era? How significant are the differences in the social character of different generations, ethnic groups, residents of megacities, other cities and villages?

Ключевые слова: социальный характер, социальное поведение, ориентация, методология, методы измерения.

Key words: social character, social behavior, orientation, methodology, measurement methods.

Введение. В наших предыдущих публикациях мы рассматривали «социальный характер» в качестве одного из ключевых социологических понятий [1, 2]. В отличие от психологических наук (в первую очередь, социальной психологии), социологическое изучение социального характера предполагает анализ типичных форм социального поведения различных

социальных групп и общностей людей в различных социальных ситуациях. Социальный характер является интегральной темой психологических и социологических наук, поэтому трудно четко провести демаркацию между разными исследовательскими подходами. Следует отметить, что в социологической науке пока не укоренилось не только понятие «социальный характер», но и категория «социальное поведение». В рамках социологического изучения социального характера несомненный интерес представляют вопросы социально-трудового, потребительского, монетарного поведения, социально-политического, образовательного, нравственного, эстетического поведения различных социальных страт и групп общества. Соответственно, в практику социологических исследований могут войти вопросы социального характера различных социальных групп и слоев в самых разных сферах их жизнедеятельности.

Изучение социального характера является актуальной научной проблемой по следующим причинам. Во-первых, социальная трансформация российского общества, которое охватила жизнь большинства граждан, так или иначе, повлияла на изменения социального поведения индивидов. Каким становится социальный характер современных подростков, молодежи, среднего и пожилого поколений? Становится ли социальный характер россиян, и если да, то в какой степени, плодотворной или непродуктивной (в том числе рецептивной, стяжательской, эксплуататорской, рыночной)? Какая ориентация доминирует в молодежной среде – ориентация на себя, на культуру или на социальные предписания? Во-вторых, (следуя логике «посеешь поступок – пожнешь привычку, пожнешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу») необходимо предвидеть судьбу будущего российского общества, ядро которого в ближайшие два-три десятилетия составит так называемое «поколение Z», характер которого формируется в среде электронных социальных сетей и цифровых технологий.

Понятие социального характера в социологической науке, на наш взгляд, обладает некоторой спецификой. С точки зрения социальной психологии, социальный характер обусловлен социальными и культурными условиями жизнедеятельности индивида, и при этом имеется в виду характер модальной (наиболее часто встречающейся в конкретном социуме) личности. Социология же делает акцент на типичных формах социального поведения различных социальных групп и слоев. Кроме этого, с нашей точки зрения, когда мы говорим о социальном характере, эти типичные формы поведения рассматриваем как имманентно присущие различным социальным группам и слоям. Эти типы поведения складываются исторически, укоренены в субкультурах, передаются от поколения к поколению в виде традиций.

Некоторые социологи и психологи (М. Вебер, В. Зомбарт, Э. Фромм, Д. Рисмен и другие) изучали эволюцию социального характера на примере западноевропейского и североамериканского типов личности. При этом в явном или неявном виде эта эволюция представлялась как последовательная смена различных типов социальных действий (поведения). По логике анализа М. Вебера, эта эволюция есть сменяющие друг друга идеальные типы социального действия, наиболее полно воплощающиеся на различных этапах исторического развития [1, с. 602-629].

По мнению Э. Фромма, современный этап развития западных стран отмечен доминированием такого непродуктивного характера, как рыночный [7, 8, 9]. По Д. Рисмену, ориентация-на-себя, пришедшая на смену ориентации-на-традицию, в XX веке сама начинает вытесняться ориентацией-на-других. В современных обществах эти типы ориентаций сосуществуют, однако их удельный вес зависит от демографических, социальных, экономических, политических и иных факторов [5].

Подобные видения эволюции социального характера не могут быть автоматически калькированы на анализ других цивилизаций, в том числе российской. Ранее мы в своих работах выдвинули предположение о том, что

социальный характер россиян представляет собой некую целостность, внутренне не явно дифференцированную; он существует в виде определенного синтеза ориентации-на-себя и ориентации-на-традицию, которые не исключают, а предполагают друг друга. При этом ориентация-на-других (в том понимании, которое дал Д. Рисмен) в российском социальном характере не играет ведущей роли [10, 11]. Различия в социальном характере обнаруживаются не только между различными историческими и цивилизационными типами общества, но и между различными слоями и группами внутри общества. Маргинальные слои общества (приобретшие новый социальный статус, но не выработавшие свою субкультуру и лишь переживающие процесс вторичной социализации) более всего ориентированы на себя и на других, тогда как «старые» слои больше, чем «новые», привержены культурной традиции.

Материалы исследования. На современном этапе проблематика социального характера относится к числу теоретически и эмпирически не проработанных сфер социологических и социально-психологических исследований. Анализ публикаций, размещенных в портале Российского индекса научного цитирования, выявил лишь единицы статей по данной теме (в отличие, например, от проблематики национального характера). В зарубежной социологической и социально-психологической литературе также трудно найти современные исследования о социальном характере.

«Характер» – это одно из основных психологических понятий, применяемое для описания поведения индивида. Сущность и проявления социального характера изучены сегодня явно недостаточно. Обращение к психологической литературе позволяет констатировать, что определение характера как одного из основных понятий психологической науки на сегодня имеет еще достаточно расплывчатый, обтекаемый вид. При этом сущность характера в различных психологических концепциях определяется по-разному. Основное расхождение между этими концепциями сводится к тому, что одни считают характер описанием поведения личности, другие – чертой самой личности. Бихевиористская трактовка характера прямо сводится к типичным чертам поведения, поскольку считается, что внутренний мир человека является «черным ящиком», познанию доступны лишь поведенческие акты. В неофрейдистской и гуманистической психологических школах под характером понимается внутренние свойства личности, проявляющиеся в ее поведении.

Из множества определений можно выделить два основных родовых признака понятия индивидуального характера – а) это типичные (привычные) формы поведения человека и б) внутренне присущие, устойчивые психические качества человека, проявляемые в его поведении. При этом количество этих качеств, отмечаемых разными авторами, непрерывно увеличивается.

Поскольку предметом нашего обсуждения является социальный, а не индивидуальный, характер, то не будем подробно анализировать все определения характера человека. Что касается социального характера, то изучение этого феномена связано с психоаналитической традицией. Типологии социального характера были даны представителями психоаналитической ориентации Э. Фроммом и Д. Рисменом. Э. Фромм выделял два вида социального характера – плодотворные и неплодотворные ориентации. Плодотворность он определял как реализацию человеком присущих ему возможностей, использование своих способностей. Плодотворная ориентация социального характера отличается созидательной направленностью поведения личности. Э. Фромм выделял такие типы неплодотворной ориентации, как рецептивная (направленность поведения на потребление внешних благ – быть любимым, но не любить, воспринимать какие-то идеи, но не творить их и т.д.), эксплуататорская (в отличие от рецептивной ориентации, поведение направлено на потребление благ, получаемых не в виде дара, а при помощи силы или хитрости), стяжательская (поведение, направленное на то, чтобы как можно больше взять и как можно меньше отдавать), рыночная ориентация, которая развивалась в качестве доминирующей только в современную эпоху [8, 9].

Последний тип социального характера заслуживает более подробного рассмотрения в контексте трансформаций российского общества последних трех десятилетий.

Что представляет собой социальный характер в целом? Э. Фромм понимал под этим понятием *«ядро структуры характера, общее для большинства представителей одной и той же культуры, в противоположность индивидуальному характеру, отличающему друг от друга людей, принадлежащих к одной культуре»*. Социальный характер – понятие не статистическое, т.е. это не просто совокупность черт характера, свойственных большинству представителей данной культуры. ... Члены общества и(или) различные классы или группы, занимающие определенное общественное положение внутри них, должны вести себя таким образом, чтобы быть способными функционировать так, как того требует социальная система. Назначение социального характера – так организовать энергию членов общества, чтобы их поведение определялось не сознательным решением следовать или не следовать социально заданному образцу, а *желанием поступать так, как они должны*, и вместе с тем – удовлетворением от действий, соответствующих требованиям культуры. Другими словами, функция социального характера состоит в том, чтобы *формировать и направлять человеческую энергию в данном обществе, дабы обеспечить его непрерывную деятельность»* [9, с. 40].

Американский социальный психолог Д. Рисмен рассматривал три типа социального характера: *ориентация – на – традицию, ориентация – на – себя и ориентация – на – другого*. Ориентация – на – традицию – это тип поведения, детерминированного главным образом культурой. Второй тип характера, складывающаяся в условиях ослабления влияния традиций, отличается тем, что личность ориентируется в своем поведении на свои принципы, убеждения, мотивы. Третий тип характера, складывающийся с середины прошлого века, обусловлен социальным окружением личности – совокупностью ее связей, модой, функциями, которые приходится ей выполнять в разнообразных социальных организациях [5].

Особым направлением в социальных науках является исследования национального характера, идущие от школы психологии народов В. Вундта. Концепции национального характера М. Мид, Р. Бенедикт, Дж. Горера внесли большой вклад в становление современных антропологических, культурологических, этнографических и психологических теорий. Тема национального характера в настоящее время актуализируется интенсификацией межкультурных коммуникаций, ростом транснациональных корпораций, миграционными процессами.

Однако, как отмечал А. Инкельс, «основная проблема эмпирических исследований национального характера – очевидная и актуальная до сих пор – *отсутствие ясной, устоявшейся аналитической схемы, то есть универсально применимой системы понятий и описательных переменных, которые могли бы дать возможность описывать личностные структуры и сравнивать их*. Даже самые последовательные исследования, которые основаны на широкой теоретической базе, относительно ограничены на уровне описания переменных или категорий. Эта проблема приводит к идиосинкразии: каждый исследователь, занимаясь непосредственным наблюдением, замечает что-то свое и результаты у всех свои, непересекающиеся и несравнимые. Они интересны в качестве базы для разработки стандартизированных методов, но не представляют никакого интереса для научного изучения национального характера, потому что непонятно, что заметил этот исследователь, что пропустил, а что не захотел заметить» [3, 12]. Данное замечание верно для множества публикаций российских авторов, посвященных анализу национального характера. Большей частью научные работы, посвященные проблематике национального характера, представляют собой теоретизирование без эмпирической базы.

Б.Ф. Сикорский считает, что соотношение понятий социального характера и национального характера является наиболее спорным вопросом. Под национальным характером автор понимает совокупность устойчивых психических черт нации, определяющих типичную манеру поведения и типичный образ жизни людей, сформированных под влиянием национальной среды. Содержание социального характера определяется как социально-типические свойства людей определенной эпохи независимо от их национальной принадлежности [6].

Что касается изученности социального характера, то следует признать, что это пока область социальных наук, не проработанная ни теоретически, ни эмпирически. Практически отсутствует в российской социологической и психологической литературе масштабных исследований социального характера как общества в целом, так и отдельных социальных групп и слоев. Как отмечают Т.Н. Иванова и М.А. Абрякова, «основные сложности, связанные с рассмотрением понятия социального характера, – разнородные интерпретации социального характера личности, слабая преемственность теоретических подходов, связанные с принадлежностью понятия к междисциплинарной области знания. Несмотря на многообразие существующих научных работ по данной тематике, большинство лишь частично затрагивают концепцию социального характера личности. В науке до сих пор нет единства в понимании этого понятия и возможностей его применения в современном обществе» [2].

Методы исследования. Прежде всего, необходимо с позиций современной науки определиться, что понимать под социальным характером. На наш взгляд, социальный характер не может сводиться к преобладающему в том или ином социуме типу индивидуального характера. Поскольку любой социум представляет собой не совокупность индивидов, а систему их взаимодействий и взаимосвязей, то и социальный характер – это нечто большее и иное, чем множество индивидуальных характеров. Социальные психологи и социологи достаточно хорошо, например, изучили поведение толпы, поведение человека в массовых общностях. Но поведение индивида меняется не только в стохастических процессах, но и в системе устойчивых, упорядоченных социальных связей. Особенности социального характера ярко могут проявиться в критических социальных ситуациях – во время войн, различных катастроф, социальных потрясений. «Обычный» человек может вести себя в подобных ситуациях весьма необычным образом.

Как отмечал Майкл Маккоби, соавтор Эриха Фромма, последний оставил некоторое недоумение по поводу различия между индивидуальным и социальным характером. «Путаница возникает тогда, когда социальный характер описывается исключительно в терминах индивидуального характера. Крестьянин-фермер и бюрократ могут быть умеренно продуктивными одержимо-накопительными персонажами, но поскольку их социальные контексты различны, их социальные персонажи также значительно отличаются» [13]. М. Маккоби отмечал, что «для большинства людей социальный характер не имеет глубоких корней в их индивидуальном характере. Скорее, это интернализация культурных норм, которые определяют социальные установки и придают смысл социальному поведению. Большинство людей соглашаются с преобладающим консенсусом, и более продуктивные люди любого типа лучше всего способны адаптироваться к меняющейся социальной среде» [13].

Мы попытаемся очертить основные контуры сущности социального характера. Субъектами социального характера являются как индивиды, так и различные социальные общности людей, в том числе общество в целом. На индивидуальном уровне речь идет о неких типических чертах поведения личности, обусловленных ее установками, ориентациями, мотивами взаимодействия с различными социальными группами. Так, мы можем говорить о типических формах поведения личности, проявляемых в отношении мужчин и женщин, поколений, семьи, организации, поселенческого сообщества и т.п.

На групповом (семейном, организационном, поселенческом или ином) уровне социальный характер представляет типичные поведенческие формы социального взаимодействия.

Поскольку социальный характер – это поведение индивида и социальной микро-, мезо- и макрогруппы, то необходимо дать и определение самого понятия «поведение», разграничивая с другими понятиями («социальной действие», «социальная деятельность»). В своих работах мы определяли социальное поведение как систему действий и бездействий личности в пространственно-временном континууме. Оно обуславливается социальными связями личности и направлено на приспособление или приспособливание в отношении социальных систем, культуре, к своей уникальности. В поведении личности следует аналитически различать три аспекта: обусловленное индивидуальностью и ориентированное на себя поведение; обусловленное социальной ролью и ориентированное на социум поведение; обусловленное культурой и ориентированное на систему норм и ценностей поведение [6, 7]. Соответственно, можно различать такие поведенческие проявления свойств личности, как индивидуальный характер, социальный характер, менталитет.

На уровне социальной группы мы имеем дело с более сложными формами поведения (поведение семьи, поведение малой неформальной группы, организационное поведение и т.п.). Индивидуальное поведение в социальной группе или нивелируется, или становится доминантой в отношении других членов группы (поведение лидера, вождя, руководителя организации). Групповое поведение является результатом социального взаимодействия и обладает неаддитивными, эмерджентными свойствами.

Изучение социального характера предполагает не только теоретическое осмысление, но эмпирическое измерение. Для этого необходимо формировать систему показателей социального характера, представляющую не только и не столько то или иное множество показателей, сколько их типологию, классификацию. К сожалению, такая работа ни в психологии, ни в других научных дисциплинах не предпринята.

Другой принципиальный вопрос – это методы измерения социального характера. Если социальный характер – это типичные, обычные формы социального поведения, то наиболее адекватным методом измерения будет метод включенного и невключенного наблюдения. Но если социальный характер представлять не только как обычные формы социального поведения, но и как проявление сущностных, имманентно присущих тому или иному социуму свойств, то метод наблюдения должен дополняться другими методами – тестами, опросами, изучения документов, в которых зафиксированы суждения, размышления представителей определенного социума. Надо признать, что писателям лучше дается описание социального характера, чем ученым, поскольку писатели «вооружены» неформальными, качественными методами художественного познания. Поэтому обращение к таким источникам, как художественные произведения (литература, кино, театр, живопись, музыка), может существенно обогатить наши представления о социальном характере.

Мы предлагаем вниманию читателей один из возможных подходов анализа структуры социального характера (рис. 1), позволяющего определиться с методами измерения исследуемого феномена.

В основе данного подхода находится типология социального характера Д. Рисмена. Каждый тип ориентации может быть описан в контекстах «плодотворности (конструктивности) – неплодотворности (деструктивности)» в понимании Э. Фромма и типов социальной адаптации Р. Мертон (конформизм, инновация, ритуализм, ретретизм, мятеж). Как мы полагаем, измерение социального характера возможно по таким переменным, как «доминирование – подчинение», «плодотворность – неплодотворность», «ответственность – безответственность», «кооперация – изоляция», «доверие – недоверие». Безусловный интерес представило бы эмпирическое исследование социального поведения по типологии Р. Мертона (конформизм, инновация, ритуализм, ретретизм, мятеж) [4].

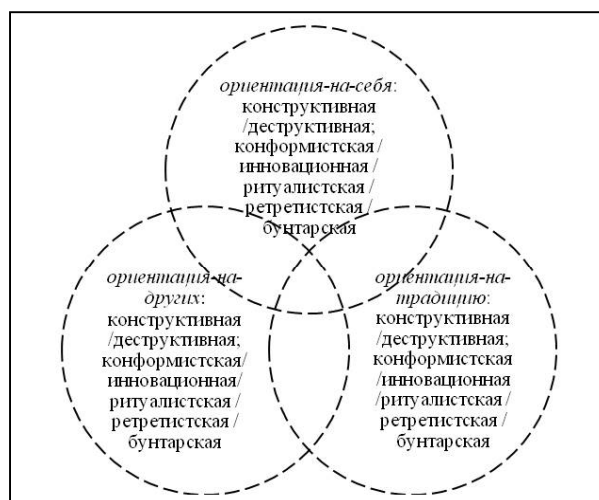

Рис. 1 Структура социального характера

При этом все переменные социального характера необходимо рассматривать не как параллельные, а как взаимно пересекающиеся. Например, ориентацию-на-себя, ориентацию-на-традицию, ориентацию-на-других необходимо анализировать в двух аспектах – плодотворности (созидательности, творчества) и неплототворности (деструктивности). Если теоретически мы имеем дело с «чистыми» типами социального характера, то эмпирически возможно выявить их различные комбинации. На полях взаимного пересечения «чистых» типов в результате эмпирического измерения обнаруживаются интегрированные формы социального характера. Таким образом, измерение социального характера представляется многомерной и многоуровневой исследовательской операцией. Возможны и другие контексты описания структуры социального характера.

В исследовании по проекту «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)», проведенном в 2015-2016 годы, поддержанному РФФИ и Правительством Республики Башкортостан в рамках конкурса «Урал: история, экономика, культура» (№ 15-13-02021), нами была предпринята попытка измерить такой аспект социального характера, как (по терминологии Д. Рисмена) «ориентация-на-традицию», «ориентация-на-себя» и «ориентация-на-других». При этом, в отличие от Д. Рисмена, данные типы ориентаций не рассматривались в позитивном или негативном плане. Всего было опрошено методом интервью 1000 респондентов – жителей Республики Башкортостан старше 18 лет по систематической выборке. Ошибка выборки не превышает 3%. В лист интервью мы включили тест из 21 утверждения, представляющие 3 блока по 7 утверждений, соотношенных с разными типами ориентаций.

Респондентам предлагались следующие шкалы отношения к этим утверждениям: «абсолютно не согласен»; «не согласен»; «скорее не согласен»; «скорее согласен»; «согласен»; «полностью согласен». Такая последовательность шкал объясняется необходимостью избежать ситуации, когда респондент оказывается заложником своих ответов. Ответ «полностью согласен» или «согласен» при условии, что респондент не до конца прочитал утверждение, или не до конца обдумал его, создает помехи для уточнения в дальнейшем его позиции.

При составлении теста мы исключили дихотомию «согласен – не согласен», поскольку полагали, что респонденты не могут быть типичными в плане их ориентаций на себя, на других и на традиции. Как показали результаты

тестирования, подавляющее большинство респондентов согласились с ответами «согласен» и «скорее согласен», «не согласен» и «скорее не согласен».

Каждый блок утверждений обрабатывался отдельно путем присвоения общего балла, который определялся как разница между суммой положительных (полностью согласен, согласен, скорее согласен) и отрицательных (абсолютно не согласен, не согласен, скорее не согласен). Максимальный балл составил +3 (полностью согласен) и -3 (абсолютно не согласен); минимальный балл присваивался ответам «скорее согласен» (+1) и «скорее не согласен» (-1). Степень выраженности социального характера определялся в общих по блоку баллах: от +15 до +21 как сильное проявление; от +8 до +14 как среднее проявление; от +1 до +8 как слабое проявление; от -1 до -7 как слабое неприятие, от -8 до -14 как среднее неприятие; от -15 до -21 как сильное неприятие.

Таблица 1

Тест ориентаций личности
«Насколько Вы согласны или не согласны с приведенными утверждениями?»

№	Утверждение
1	Что правильно или неправильно – это решаю только я сам, и никто другой
2	Наше поведение не должно сильно расходиться с тем, что ожидает от нас руководство
3	Желательно не отступать от укорененных традиций
4	Я придерживаюсь того мнения, в чем я лично убежден
5	Мое поведение должно полностью соответствовать моему месту в обществе
6	С кем бы ни общались, надо вести себя так, как принято, заведено
7	Какой я, об этом лучше всего судить другим
8	Я полагаюсь по большому счету только на самого себя
9	Если вокруг все нечестно, нельзя вести себя честно
10	Я верю, что существует высшая справедливость
11	Я не могу поступиться со своими принципами, как бы ни менялись обстоятельства
12	Я хочу, чтобы в моем окружении были люди одних со мной взглядов
13	Если я начальник, то и должен вести себя как начальник, а не как обычный человек
14	Моя точка зрения для меня всегда важнее, чем мнения других
15	Я всегда стараюсь следовать хорошим манерам, показывать свою воспитанность
16	В нашей жизни нужно вести себя так, как ожидают от тебя другие
17	В человеке я ценю больше всего воспитанность, хорошие манеры
18	Я чаще поступаю в соответствии с моими внутренними побуждениями, чем внешними обстоятельствами и правилами
19	В традициях наша сила и уверенность в будущем
20	В жизни все люди актеры: только одни хорошие, другие – не очень
21	Самым большим авторитетом для себя являюсь я сам

Результаты исследования. В данной статье, которая посвящена вопросам методологии и методов исследования социального характера, мы представляем результаты тестирования 1000 респондентов в общем виде, без дифференциации по полу, возрасту, национальности, месту жительства. Более детализированная характеристика полученных результатов будет дана в наших дальнейших публикациях. На основе расчета индексов мы получили следующие результаты.

Абсолютное большинство респондентов не являются однозначными представителями того или типа социального характера. Более того, больше всего среди респондентов тех, у кого *слабо* выражены и ориентация-

на-себя, и ориентация-на-традицию, и ориентация-на-других (от 36 до 42%). Также значительна доля респондентов со средне выраженным типом социального характера. По диаграмме видно, что преобладает среди респондентов два типа социального характера – ориентация-на-традицию и ориентация-на-себя. Что касается ориентации-на-других, то такой тип социального характера не является доминирующим (у 8% он выражен в средней степени, у 36% – в низкой степени).

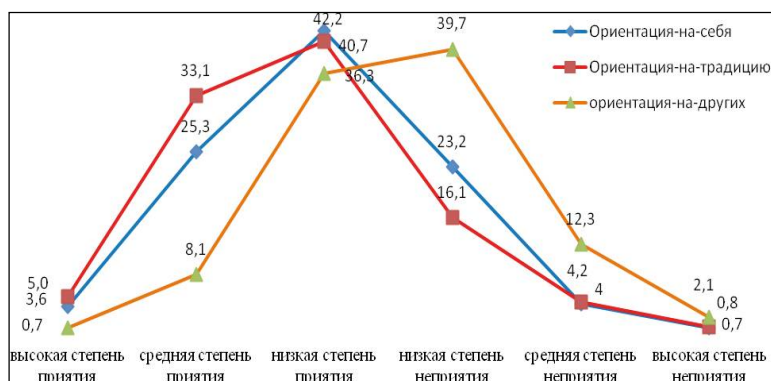

Рис. 2 Степени принятия и неприятия типов ориентаций

Для нас важно было измерение как степени принятия, нас неприятия респондентами типов ориентаций (ответы «абсолютно не согласен», «не согласен», скорее не согласен»). Прежде всего следует отметить, что категорическое неприятие того или иного типа ориентации характерен только для единичных респондентов. Также крайне мала доля респондентов со средним уровнем неприятия, особенно ориентации-на-себя и ориентации-на-традицию. Особо выделяется лишь ориентация-на-других – 40% респондентов определяют для себя такую ориентацию, хотя и с оговорками («скорее не согласен»), неприемлемой. Меньше неприятия ориентации-на-традицию (лишь каждый пятый респондент в той или иной степени считает для себя такую ориентацию неприемлемой). Низкая степень неприятия прежде всего относится к ориентации-на-других – 40% респондентов отметили, что они «скорее не согласны» с соответствующими утверждениями, соотнесенными с данным типом ориентации. Следует отметить, что, в отличие от ориентации-на-себя и ориентации-на-традицию, доля исключаящих для себя ориентацию-на-других респондентов превышает долю респондентов, в той или иной степени приемлющих для себя этот тип ориентации.

Для значительной части респондентов – 24% – свойственно разнородное сочетание всех типов ориентации (средние и низкие степени их проявления). 8,6% респондентов характеризует отсутствие позитивного отношения ко всем типам ориентации.

Хотя и незначительно по сравнению с ориентацией на себя, респонденты характеризуют себя как ориентированных преимущественно на традицию. Однако «чистых традиционалистов» немного, большая часть – это то или иное сочетание с ориентацией на себя (10% – средние степени ориентации на традиции и ориентации на себя; 13% – средняя степень ориентации на традицию и низкая степень ориентации на себя; 8% – низкие степени ориентации на традицию и ориентации на себя).

На втором месте – доля респондентов с преимущественной ориентацией на себя (10% – средние степени ориентации на себя и ориентации на традиции; 7% – средняя степень ориентации на себя и низкая степень ориентации на традиции).

Что касается ориентации на других, то ее сочетание с другими типами характеризует незначительную часть респондентов (7,6% – низкие степени всех типов ориентаций, остальные сочетания не превышают 1,7%).

Обсуждение. Результаты измерения рассматриваемого аспекта социального характера говорят о том, что почти половине респондентов присущ синтез слабо выраженных типов ориентаций. Если рассмотрим высокую и среднюю степени проявления ориентаций, то следует выделить среди других ориентацию-на-себя. Следовательно, этот тип социального характера больше, чем остальные, дифференцирован. Можно предположить, что это является отпечатком трансформаций российского общества за последние три десятилетия. В то же время традиционализм в обществе никуда не исчез: такой характер присущ примерно трети респондентов. Что касается ориентации-на-других, то она не является ведущим трендом в изменениях социального характера.

То, что большая часть респондентов одновременно соглашались с утверждениями, соотнесенными с разными типами ориентаций, свидетельствует не только о слабой дифференциации социального характера личности. Скорее всего, мы имеем дело с неким симбиозом ориентаций. Большинство респондентов типы ориентаций представляют не взаимоисключающими, а, по крайней мере, сосуществующими. При этом в этом симбиозе, в зависимости от социальной ситуации, могут актуализироваться то одни, то другие ориентации.

В целом, социальный характер респондентов (они репрезентируют жителей Республики Башкортостан старше 18 лет второго десятилетия нашего века) можно определить как проявляемые в их социальном поведении черты традиционализма и интернальности. В отличие от ориентации на других, традиционализм, судя по результатам нашего исследования, нельзя однозначно отнести к экстернальному локусу контроля. Следование традициям не исключает ответственности за свои и чужие поступки (точно также как ориентация на себя не всегда полностью совпадает с интернальным локусом контроля). Полученные нами результаты не могут быть рассмотрены лишь как локальный пример социального характера. По социальной структуре, уровню социально-экономического и социокультурного развития Башкортостан принципиально не отличается от большинства российских регионов. Разумеется, для изучения социального характера россиян требуется сравнительное межрегиональное социологическое и социально-психологическое исследование. Социальный характер может определяться особенностями социально-экономического и социально-политического развития страны, менталитетом населения.

Выводы. Проблематика социального характера общества и различных социальных групп требует глубокой теоретико-методологической проработки. К настоящему времени эта проблематика в социологической науке практически не изучается. Выдвинутая в настоящей статье постановка вопроса о сущности социального характера преследует цель активизировать теоретико-методологические проработки проблемы социального характера с позиций социологической науки. Среди теоретико-методологических вопросов, требующих внимания социологов, мы бы выделили следующие. Во-первых, это выявление механизмов возникновения эмерджентных свойств социального характера в различных социальных системах. Во-вторых, определение степени зависимости социального характера от социальной ситуации. Социальный характер обладает достаточной ригидностью, однако все же может быть подвержен изменениям в критической ситуации. В-третьих, изучение эволюции социального характера, что требует лонгитюдных и историко-сравнительных исследований.

Не менее сложной задачей является разработка методов измерения социального характера. В настоящей статье мы впервые в социологической литературе представили возможность измерения социального характера по

типологии Д. Рисмена. Однако это всего лишь один из подходов эмпирического изучения; необходимо разработать систему показателей социального характера. Представленная нами выше схема показателей социального характера является неполной, система показателей может быть построена и на иных основаниях и критериях. Но системный подход позволит избежать такой ловушки, как бесконечное увеличение количества показателей (как это наблюдается при изучении индивидуального характера в психологической науке).

Трудным вопросом при исследовании социального характера является выяснение того, что же мы изучаем при этом – социальное поведение или определенные качества личности и социума, проявляемые в этом поведении? Если первое, то это предполагает использование метода наблюдения, если второе, то речь может идти о таких методах, как тестирование, опрос, нарративный анализ и т.п. Использование опросных методов и метода наблюдения при этом столкнется с такой методологической и методической трудностью, как парадокс Р. Лапьера (несоответствие реального поведения человека его декларируемым установкам и ценностным ориентациям). В психологической литературе нет отчетливого объяснения, какие именно сущностные черты человека, проявляемые в его поведении, называются характером. Черты характера личности («ответственность», «активность», «отходчивый», «добрый», «отзывчивый» и т.д.) должны быть соотнесены с базовыми качествами – мотивами, ценностными ориентациями, установками. Это даст возможность изучить как индивидуальный, так и социальный характер при помощи различных социально-психологических и социологических методик.

Итак, можно констатировать, что мы находимся в самом начале социологического и социально-психологического изучения феномена социального характера.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Иванова Т.Н., Абрякова М.А. Социальный характер личности в условиях современности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 38. С. 75-79. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56877.htm>.
3. Инкельс А. Национальный характер. URL: http://national-mentalities.ru/history/istoriya/inkels_a_nacionalnyj_harakter3/.
4. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 89-105; № 4. С. 91-96.
5. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 121-129; № 5. С. 144-151.
6. Сикорский Б.Ф. Национальный и социальный характер в жизни общества и человека: Ст. разных лет / Междунар. акад. информатизации. Отд-ние "Философия информ. цивилизации". М., 2002. 83 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя: [пер. с англ.]. М.: АСТ, 2004. 571 с.
8. Фромм Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или быть? / пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 1998. 400 с.
9. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, Астрель, 2011. 446 с.
10. Шайхисламов Р.Б. Социокультурная система и личность (теоретико-методологический анализ). М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 176 с.
11. Шайхисламов Р.Б. Социология: учеб. пособие. Уфа, 2005. 310 с.
12. Inkeles A. Measuring Social Capital and Its Consequences // Policy Science. 2000. Vol. 33. No. 3/4. P. 245-268.
13. Maccoby M. Toward a Science of Social Character // *International Forum of Psychoanalysis* 11: (33-44), 2002.

References

1. Weber M. Isbrannye proisvedenia [Selected works]. M.: Progress [Progress], 2005. 808 p.
2. Ivanova T.N., Abrukova M.A. Social'nyj harakter lichnosti v uslovijah sovremennogo [Social nature of personality in modern conditions]. *Scientific-methodical electronic journal "Concept"*. 2016, Vol. 38, p. 75-79. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56877.htm>.
3. Inkeles A. National character. http://national-mentalities.ru/history/istoriya/inkels_a_nacionalnyj_harakter3.
4. Merton R.K. Social'naja struktura i anomija [Social structure and anomie]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], 1992, № 3, p.89-105; № 4, p. 91-96 [in Russian].
5. Risman D. Nekotorye tipy haraktera i obshhestvo [Some types of character and society]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 1993, № 3, p. 121-129; № 5, p. 144-151 [in Russian].
6. Sikorsky B.F. Nacional'nyj i social'nyj harakter v zhizni obshhestva i cheloveka [National and social character in the life of society and man]. M., 2002. 83 p.
7. Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlja sebja [Escape from freedom. Man for himself]. M.: AST, 2004. 571 p.
8. Fromm E. Psihoanaliz i religija; Iskusstvo ljubiti; Imet' ili byt'? [Psychoanalysis and religion; the Art of loving; to Have or to be?]. Kyiv: Nika-Center, 1998.
9. Fromm E. Zdorovoe obshhestvo [Healthy society]. M.: AST, Astrel, 2011. 571 p.
10. Shaikhislamov R.B. Sociokul'turnaja sistema i lichnost' (teoretiko-metodologicheskij analiz) [Socio-Cultural system and personality (theoretical and methodological analysis)]. M.: Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge], 2005. 176 p. [in Russian].
11. Shaikhislamov R.B. Sociologija [Sociology]. Ufa, 2005. 310 p. [in Russian].
12. Inkeles A. Measuring Social Capital and Its Consequences // *Science Policy*. 2000, Vol. 33, N. 3/4, p. 245-268.
13. Maccoby M. Toward a Science of Social Character // *International Forum of Psychoanalysis* 11: (33-44), 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

Аксютинa Зульфия Абдулловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы, Омский государственный педагогический университет

Aksyutina Zulfiya Abdullovna – Ph.D., Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Pedagogy and Social Work, Omsk State Pedagogical University

E-mail: aksutina_zulfia@mail.ru

Антипина Наталья Львовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Маркетинг и муниципальное управление», Институт сервиса и отраслевого управления, Тюменский индустриальный университет

Antipina Natalya Lvovna – Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Department of Marketing and municipal Management, Institute of service management and industry, Industrial University of Tyumen

E-mail: fredy57@mail.ru

Апахова Валентина Максимовна – аспирант кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Apakhova Valentina Maximovna – post graduate student of the Department of theory and sociology of management, Ural institute of management branch of The Russian presidential academy of national economy and public administration

E-mail: apakhova.valentina@gmail.com

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирский государственный университет

Asadullina Guzelia Raufovna – Ph.D. of philosophy, associate professor, department of sociology and youth work, Bashkir state University

E-mail: asadullina-guzeliya@yandex.ru

Берзин Андрей Борисович – аспирант, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Berzin Andrey Borisovich – Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

E-mail: berzinandrey@gmail.com

Березина Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и правоведения Филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный педагогический университет» (филиал, г. Тара)

Berezina Tatyana Yurievna – Ph.D. in philology, docent, head of the Humanities Department and the law branch of Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Omsk State Pedagogical University» in Tara

E-mail: berezina474@mail.ru

Ваторопин Александр Сергеевич – доктор социологических наук, заведующий кафедрой теории и социологии управления, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Vatoropin Alexander Sergeevich – Doctor of Sciences (sociology), head of the Department of theory and sociology of management, Ural institute of management branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration

E-mail: asvatoropin@gmail.com

Власова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, декан факультета управления, Сургутский государственный педагогический университет

Vlasova Olga Vladimirovna – Ph.D., Sociology, Associate Professor of the Department of Socio-Economic Education and Philosophy, Dean of the Faculty of Management, Surgut State Pedagogical University

E-mail: f_manager@surgpu.ru

Гаврилов Виктор Викторович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет

Gavrilov Victor Victorovich – Ph.D., Education, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the Philological Education and Journalism, Surgut State Pedagogical University

E-mail: victorg12@mail.ru

Гараева Эльнара Ильфатовна – аспирантка 2 года обучения кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала ФГБОУВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

Garayeva Elnara Ilfatovna – 2-year post-graduate student of the Department of theory and sociology of management Ural Institute of Management-branch of the Federal State Budgetary Institution of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

E-mail: elnara.garaeva@ui.ranepa.ru

Горохов Алексей Сергеевич – старший преподаватель кафедры теории и методика физического и военного воспитания, Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, аспирант факультета психологии и педагогики, кафедры педагогического и специального образования, Сургутский государственный педагогический университет

Gorokhov Alexey Sergeevich – Senior Lecturer, Department of Theory and Methods of Physical and Military Education, North-Kazakhstan University named after M. Kozybaeva, graduate student of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Department of Pedagogical and Special Education, Surgut State Pedagogical University

E-mail: Gorohovaleksey@mail.ru

Жуковский Владимир Петрович – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-инновационной деятельности, Саратовский областной институт развития образования

Zhukovsky Vladimir Petrovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector in Scientific Work, Saratov Regional Institute of Education Development

E-mail: niosaripk@mail.ru

Зайцева Наталья Валерьевна – учитель истории и обществознания, школа № 402 им. Алии Молдагуловой, г. Москва

Zaitseva Natalya Valerievna – teacher of history and social studies, school number 402 named after Aliya Moldagulova, Moscow

E-mail: zajtseva2019@mail.ru

Засыпкин Владислав Павлович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономического образования и философии, ректор, Сургутский государственный педагогический университет

Zasypkin Vladislav Pavlovich – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Socio-Economic Education and Philosophy, Rector of Surgut State Pedagogical University

E-mail: office@surgpu.ru

Зиямбетов Вадим Юсупович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Оренбургский государственный университет

Ziabetov Vadim Yusupovich – Ph.D., Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Orenburg State University

E-mail: ziabetov@mail.ru

Казакова Екатерина Федоровна – магистр направления подготовки Социология, Сургутский государственный педагогический университет

Kazakova Ekaterina Fedorovna – master of the educational program Sociology, Surgut State Pedagogical University

E-mail: kkazakova19@gmail.com

Каташинских Варвара Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Katashinskyh Varvara Sergeevna – Ph.D. of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Technology of State and Municipal Administration of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: varvarass@bk.ru

Коповая Оксана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, Балашовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

Kopovaya Oksana Vladimirovna – Ph.D., Pedagogical Sciences, assistant professor, Associate professor of the department of pedagogy, Balashov Institute of Saratov State University

E-mail: mkrass@yandex.ru

Коровкина Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Башкирский государственный университет

Korovkina Natalia Vladimirovna – senior lecturer, Department of sociology and youth work, Bashkir state University

E-mail: korovkina-natalya@list.ru

Костина Наталия Борисовна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и социологии, Уральского института управления – филиала ФГБОУВО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Kostina Natalia Borisovna – doctor of sociology, professor, professor of the Department of theory and sociology, Ural Institute of Management-branch of the Federal State Budgetary Institution of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

E-mail: natalya.kostyna@ui.ranepa.ru

Кретова Анастасия Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Институт сервиса и отраслевого управления, Тюменский индустриальный университет

Kretova Anastasiia Yurievna – Ph.D., economics, Associate Professor, Department of marketing and municipal management, Institute of service and industry management, Tyumen industrial University

E-mail: kretovaaj@mail.ru

Кульминская Алина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина

Kulminskaya Alina Vladimirovna – Ph.D., sociological Sciences, associate Professor of the Department of sociology and public administration technologies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: a.v.kulminskaia@urfu.ru

Кутузов Михаил Михайлович – старший преподаватель кафедры филологического образования, Саратовский областной институт развития образования

Kutusov Michail Mihailovich – senior Lecturer Department of Philological Education, Saratov Regional Institute of Education Development

E-mail: michail-kutusow@mail.ru

Лесина Людмила Александровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Lesina Lyudmila Aleksandrovna – Ph.D. of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor of Department of Sociology and technology of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: llesina@yandex.ru

Лисицына Анжела Олеговна – магистр направления подготовки Социология, Сургутский государственный педагогический университет

Lisitsyna Angela Olegovna – master of the educational program Sociology, Surgut State Pedagogical University

E-mail: anzhelaoboldina@mail.ru

Малышева Алла Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры профессионального образования, Саратовский областной институт развития образования

Malysheva Alla Vladimirovna – Ph.D., Pedagogical Sciences, assistant professor, Associate professor of the department of Professional Education, Saratov Regional Institute of Education Development

E-mail: av369@bk.ru

Немировский Матвей Владимирович – преподаватель МАОУ СОШ № 184, магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Nemirovsky Matvey Vladimirovich – teacher MAOU secondary school № 184, undergraduate of Department of Sociology and technology of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

E-mail: dattel66@gmail.com

Никитина Алена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, филиал, г. Екатеринбург

Nikitina Alena Sergeevna – Ph.D. of science (Sociology), Associate professor, Ural Institute of Management, Ekaterinburg

E-mail: alena.nikitina@ui.ranepa.ru

Озерова Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, Омский государственный педагогический университет

Ozerova Olga Alekseevna – Ph.D., History, Associate Professor of the Department of General History, Sociology and Political Science, Omsk State Pedagogical University

E-mail: ozerovaolga@bk.ru

Павлюкевич Руслан Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет

Pavlukevich Ruaslan Vitalievich – Ph.D., Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agrarian

E-mail: autocrator@yandex.ru

Пузеп Любовь Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и специального (дефектологического) образования Филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный педагогический университет» в г. Таре (Филиал ОмГПУ в г. Таре)

Pusep Lyubov Gennadiyevna – Ph.D. in psychology, docent, head of the Department of Psychology and Special (Defectological) Education of the Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Pedagogical University" in Tara (Branch of Omspu in Tara)

E-mail: puzep@mail.ru

Садретдинова Эвеллина Винеровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет

Sadretdinova Evellina Vinerovna – Ph.D. of sociological Sciences, associate professor, department of sociology and youth work, Bashkir state University

E-mail: golichev@mail.ru

Севостьянова Дарья Владимировна – аспирантка кафедры истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет

Sevostyanova Daria Vladimirovna – graduate student of the Department of History and Political Science of the Krasnoyarsk State Agrarian University

E-mail: dane4ka.1990@mail.ru

Скаво Кармайн – профессор Мичиганского университета, директор программы MPA, Университет Восточной Каролины, США

Scavo Carmine – Ph.D., University of Michigan Professor, Director, Director MPA Program, East Carolina University, Greenville

E-mail: SCAVOC@ecu.edu

Соловьев Евгений Викторович – кандидат социологических наук

Solovjev Evgeny Viktorovich – Ph.D. of Sociological sciences

E-mail: eugeny888@mail.ru

Сорока Сергей Николаевич – соискатель кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет

Soroka Sergey Nikolaevich – applicant for the Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University

E-mail: ssorokas@yandex.ru

Спиридонов Виталий Олегович – магистр направления подготовки Социология, Сургутский государственный педагогический университет

Spiridonov Vitaliy Olegovich – master of the educational program Sociology Surgut State Pedagogical University

E-mail: m_7251@mail.ru

Усова Ольга Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, г. Екатеринбург

Usova Olga Valerievna – Ph.D. of science (Psychology), Associate professor, Ural Institute of Management, Ekaterinburg

E-mail: Ola_U@mail.ru

Чевтаева Наталия Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, филиал (УИУ РАНХиГС) г. Екатеринбург

Chevtayeva Natalya Gennadiyevna – Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Human Resources Ural Institute of Management, Ekaterinburg

E-mail: che13641@gmail.com

Черноухов Дмитрий Эдуардович – аспирант Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Chernouhov Dmitry Eduardovich – post-graduate student of Ural federal university, Ekaterinburg

E-mail: d.e.chernouhov@gmail.com

Шаброва Нина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Е. Ельцина», г. Екатеринбург

Shabrova Nina Vasiljevna – Ph.D. (Sociology), Associate Professor of Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg

E-mail: n.v.shabrova@urfu.ru

Шабыхов Виталий Иванович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Марийский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ), г. Йошкар-Ола

Shabykov Vitaly Ivanovich – Ph.D. of Philosophical sciences, Mari research Institute of language, literature and history named after V.M. Vasiljev (MarNIIJLI), Yoshkar-Ola

E-mail: sebs9-kud@yandex.ru

Шаймарданов Рафис Хасанович – главный научный сотрудник, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогического и специального образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Shaimardanov Rafis Khasanovich – Chief Researcher, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogical and Special Education, BU «Surgut State Pedagogical University»

E-mail: rafis55@mail.ru

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет

Shaikhislamov Rafael Badretdinovich – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, head of department of sociology and youth work, Bashkir state University

E-mail: shairb@rambler.ru

Шанин Сергей Викторович – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой профессионального образования, Саратовский областной институт развития образования

Shanin Sergey Viktorovich – Ph.D., Pedagogical Sciences, assistant professor, Head of the Department of Professional Education, Saratov Regional Institute of Education Development

E-mail: doios@yandex.ru

Шрамкова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры профессионального образования, Саратовский областной институт развития образования

Shramkova Oksana Vladimirovna – Ph.D., Historical Sciences, assistant professor of the department of vocational education, Saratov Regional Institute of Education Development

E-mail: shramkovaov@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, **не опубликованные ранее** в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).

1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:

- **в области педагогических наук:** теория и методика профессионального образования;
- **в области исторических наук:** отечественная история;
- **в области социологических наук:** социальная структура, социальные институты и процессы.

1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.

1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.

1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).

2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:

- выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
- оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.

2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.

2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

2.5 В журнале принято **ограничение** на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала – до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.

3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа публиковать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.

3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.

3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т. п.) **отдельными файлами** направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: **vestnik@surgpu.ru**. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».

4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
- учёное звание;
- должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
- адрес с почтовым индексом;
- контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, проректор по научной работе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

Gololobov Evgeny Ilyich – Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University

E-mail: pr_science@surgpu.ru

Правила оформления рукописи статьи

Электронная копия

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *doc*. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (*например: Иванов_doc.*).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер – 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 1 см. Междустрочный интервал – полуторный. Выравнивание по ширине. Все поля – 2 см. *Без уплотнения и ручных переносов.*

Оформление статьи

Структура текста:

- индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
- информация об авторе/авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
- название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
- аннотация статьи (объем – от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
- ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
- основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: *Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы.* В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объем статьи – 15-40 тыс. знаков;
- литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т. д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде постраничных сносок.

Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных), аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т. д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, *например*: ...о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, *например*: [3, с. 29–28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, *например*: «...однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой – номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора – не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования, если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Литература оформляется по образцу

1. Арясова А.Ю., Каргаполова Е.В. Динамика системы ценностных ориентаций населения (на примере Астраханской области Российской Федерации) // Социальное знание и проблемы современного развития белорусского общества в условиях глобализации: материалы международной научно-практической конференции, г. Минск 16-17 ноября 2017 г. / редколл.: И.В. Котляров (гл. ред.) и др. Минск: Ковчег, 2017. С. 189-193.

2. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. 299 с.

3. Зубков А.И. Основные направления перспективного развития тяжёлой промышленности Красноярского края // Красноярский рабочий. 1958. 14 авг.

4. Корепанов Г.С. Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2010. 56 с.

5. Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалёв Н.А. История Уральского Севера в исторических документах // Уральский исторический вестник. 2005. № 12. С. 95-107.

6. О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 30.09.1992 г. № 1148 // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 1992, № 14, ст. 1090.

7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 11.

8. Сухомлинский В.А. Избранные педагогические сочинения: в 3 т. Т. 3 / сост. О.С. Богданова, В.З. Смаль, А.И. Сухомлинская. М.: Педагогика, 1981. 640 с.

9. Чуркин М.К. Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. 26 с.

10. Шалкус Г.А. Горнопромышленные экспедиции на Северном Сахалине в 1906-1914 гг. Режим доступа: <http://komane.ru/nuda/gornopromishlennnie-ekspedicii-na-severnom-sahaline-v-1906-1914/main.html> (дата обращения: 11.06.2018).

11. Bstieler L., Hemmert M., Barczak G. The changing bases of mutual trust formation in inter-organizational relationships: A dyadic study of university-industry research collaborations // *Journal of business research*. 2017. Vol. 74. Pp. 47-54.

References

1. Aryasova A.Yu., Kargapolova E.V. Dynamics of the value orientations system of the population (on the example of Astrakhan region of the Russian Federation) *Sotsial'noe znanie i problemy sovremennogo razvitiya belorusskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Minsk 16-17 noyabrya 2017 g.* [Social knowledge and problems of modern development of the Belarusian society in the context of globalization: materials of the international scientific and practical conference, Minsk, November 16-17, 2017] ed.: Kotlyarov [et al]. Minsk: The Ark, 2017, pp. 189-193 (in Russian).

2. Bakhrushin S.V. Scientific works. Moscow, Publishing house of USSR Academy of Sciences, 1955. Vol. 3. Part 1. 299 p.

3. Zubkov A.I. Osnovnye napravleniya perspektivnogo razvitiya tyazhelej promyshlennosti Krasnoyarskogo kraya [The main directions of long-term development of heavy industry of the Krasnoyarsk Territory] *Krasnoyarskiy rabochiy* [Krasnoyarsk worker]. 1958. 14 August (in Russian).

4. Korepanov G.S. *Sotsial'noe vosproizvodstvo regiona: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Social reproduction of the region: economic and sociological analysis]: Doctor's (Sociology Science) Thesis. Tyumen, 2010. 56 p. (in Russian).

5. Kornilov G.G., Kornilov G.E., Mihalev N.A. History of the Ural North in historical documents. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal], 2005, N 12, pp. 95-107 (in Russian).

6. *O strukture central'nykh organov federal'noj ispolnitel'noj vlasti*, Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30.09.1992 g. № 1148, Sbranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii [On the structure of central federal executive bodies, Decree of the President of the Russian Federation of September 30, 1992, N 1148, Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation], 1992, N 14, st. 1090 (in Russian).

7. Rossiyskiy Gosudarstvenniy Arkhiv Dalnego Vostoka [Far Eastern Russian State Historical Archive] (FERSHA). Fond R-737. Inv. 1. Case 11.

8. Sukhomlinsky V.A. Izbrannye Trudy [Selected pedagogical works]: in 3 vol. Vol. 3 / comp. O.S. Bogdanov, V.Z. Smal, A.I. Sukhomlinska. M.: Pedagogy, 1981. 640 p.

9. Churkin M.K. The relationship between immigrants and old-timers of Western Siberia in the late XIX – early XX centuries. in the natural-geographical, socio-psychological, ethno-psychological aspects. *Abstract of dissertation Ph.D. the story sciences*. Omsk, 2000. 26 p. (in Russian).

10. Shalkus G.A. Mining expedition to Northern Sakhalin in 1906-1914 [Electronic resource]. Available at: <http://komane.ru/nuda/gornopromishlennnie-ekspedicii-na-severnom-sahaline-v-1906-1914/main.html> (date accessed: 11.06.2018).

11. Bstieler L., Hemmert M., Barczak G. The changing bases of mutual trust formation in inter-organizational relationships: A dyadic study of university-industry research collaborations, *Journal of business research*. 2017, Vol. 74, pp. 47-54.

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько. В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, *например*: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликовано статей

5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.

5.3 Публикация осуществляется бесплатно.

5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:

КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, доцент

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, доцент,
Заслуженный деятель науки ХМАО – Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор,
академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, доцент

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:

KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:

GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:

ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Ph.D., Sociology, Associate Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor

ZBOROVSKIY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic)

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKIY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor